ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

36226

КНИГА ШЕСТАЯ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

НОВОСИБИРСК
1928

г. Новосибирск,
тип. СКС, Советская ул.,
№ 6. Наряд № 212
Тираж 2.000.

Сибкрайлит № 3366 от 1 ноября 1928 г.

ИС. ГОЛЬДБЕРГ

Ли-Тян уходит

1.

Сюй-Мао-Ю ел медленно и важно. Его морщинистое лицо лоснилось от пота, с бритой головы катились крупные капли и застревали на жиденьких бровях. Бурая деревянная чашка, откуда Сю-Мао-Ю ловко выгребал двумя костяными палочками лапшу, слегка дрожала в его руках.

Сюй-Мао-Ю был очень голоден, но только эта легкая дрожь в руках выдавала его жадность к пище. Он с детства знал, что торопиться во время еды стыдно и нехорошо, что за едой человек должен быть степенен и благопристоен. Как бы голод ни с'едал его внутренности и как бы он ни кружил голову.

Двадцать две версты, которые ему пришлось сегодня отмахать от деревни досюда, ноющей болью отдавались в его ногах. Двадцать две версты по солнцепеку, в томящий июль, для старых ног и старой головы были непереносимы. Но делать было нечего: в деревне побывать вчера надо было во что бы то ни стало. И кто другой, кроме самого Сюй-Мао-Ю, мог туда пойти? Никто. Кто мог бы хитро и осторожно сделать то, что сделали Сюй-Мао-Ю? Разве эти остальные, эти четыре, молча жующие молодыми, крепкими зубами пищу, в состоянии побывать в деревне и не разболтаться или как-нибудь не навести на след чужих, ненужных людей!

У этих четырех слабые головы. О чем они думали, когда брали сюда молодую русскую женщину? Зачем нужен здесь чужой глаз, да еще такой зоркий и острый? Вот смотрит она так нехорошо то на одного, то на другого и смеется. Зачем она смеется?

И Сюй-Мао-Ю слышит:

— Ну, вот опять, как на панафиде сидите!.. Азияты вы этакие! С вами и за столом-то муторно сидеть! Каменные!.. Пра, каменные!..

Сюй-Мао-Ю неодобрительно качает головой, но молчит. Ему нечего связываться с русской женщиной. Он старается всегда держаться от нее подальше, не так, как другие. Те все норовят позубоскалить с нею, посмеяться. Тянет их на чужой, на бабий запах. Дурные! Глупые!

Вот и теперь отозвался Пао, которого русские зовут Захаркой:

— Никакая каменая! Люди живой... Люди кушия молчи. Твоя надо, как собака: гав, гав... А наша кушия тихо. Холошо!..

Пао говорит правильно. Сюй сам не мог бы сказать лучше. Но старик недоволен: не надо с бабой разговаривать! Теперь она начнет трещать да смеяться, да сверкать зубами. Беспокойно. Не надо!

Действительно, женщина ухватывается за слова Пао:

— Молчал бы лучше! Тоже рассуждает: собака!.. Нешто это по-людски этак-то за пищей, за хлеб-солью сидеть!.. Вот у нас...

Сюй старается не слушать. Он доскребывает последние лапшинки, облизывает палочки и прячет их в карман. Палочки—это то, что осталось от прошлого у Сюй-Мао-Ю. Остальные четверо не признают палочек. Они едят так же, как русские, как эта женщина. Они даже втихомолку смеются над ним и утверждают, что русскими ложками легче наесться сытнее. И, засовывая палочки в карман, Сюй ловит насмешливый взгляд женщины. Он знает: стоит ему только забыть их где-нибудь, как она подберет и забросит в речку.

Сюй-Мао-Ю вылезает из-за стола. Он предпочел бы обедать на циновке, на полу, так, как ел раньше он сам и его предки и предки предков ели в Чифу. Но здесь нужно сидеть за столом и нельзя поджать под себя ноги. И четверо товарищей Сюй-Мао-Ю приняли прочно чужие обычаи, так же прочно и просто, как приняли они к себе чужую женщину с громким голосом и непрерывным смехом.

Вслед за стариком выходят из-за стола остальные. Женщина забирает посуду и идет из зимовья. Мужчины развязывают кисеты и набивают табаком маленькие трубочки с длинными чубуками.

Синий дым робко вьется над каждым тоненькими струйками и потом разбухает в бесформенные клубы и ползет вверх, к низкому потолку. Синий дым сладко ест глаза и щекочет в ноздрях.

Сюй-Мао-Ю после еды, после трех затяжек добреет. Он смотрит сквозь щелки глаз на четырех своих товарищей и, кивая на дверь, куда ушла женщина, говорит:

— В деревне спрашивали. В деревне сказали: что у вас делает наша женщина? Я сказал: стряпает обед и в чистоте белье наше держит. Но в деревне засмеялись и сказали: как она с вами, с пятью чужими мужчинами, живет? Как вы с нею спите?.. Я сказал: нам она для этого не нужна, мы работаем, а кто работает, тому в голову женщина не идет... В деревне засмеялись, очень громко и очень нехорошо засмеялись и говорили про меня и про вас всех плохие слова. Русские плохие слова говорили!..

Четверо, улыбаясь, слушают Сюя. Они глядят на дверь, через которую ушла женщина, и пыхтят трубками.

Сюй-Мао-Ю недоволен их молчанием.

— В деревне говорили плохие слова!—внушительно повторяет он.— Спрашивали: почему вы не делаете «починяй нада», почему не торгуете в лавочке, а ушли в лес с нашей женщиной? Ваши люди не уходят в наш лес... Потом молодые мужики обступили меня и дразнили, и кричали: хунхуза!.. хунхуза!.. И я рассердился.

Старик снова умолкает. И снова недоволен он, встречая молчание четырех своих товарищей. Он собирается рассердиться. Его темно-желтое, морщинистое лицо багровеет, рука, держащая на-отлете дымящуюся трубку, делает угрожающий взмах. Тогда, и ни на мгновенье раньше, Пао, которого зовут Захаркой, и который при встречах с русскими охотнее откликается на это имя, чем на настоящее и правильное, прерывает молчание.

— Молодые мужики всегда дразнят нас... Они глупые и злые. Пусть Сюй-Мао-Ю не огорчается!

Пао ласково улыбается. Вместе с ним улыбаются остальные.

Но табак в трубках хрипит, табак в трубках выкурен до последней былинки. И все подымаются на ноги. Все выходят из зимовья.

Выжженная, загрязненная жильем и затоптанная людьми поляна сбегает к речке. Две сосны, желтея стволами, стоят, как зоркие и молчаливые стражи, у тропинки, которая пролегла к воде.

У воды, высоко подоткнув юбку, плещется, возится с посудою женщина.

Вышедшие из зимовья безмолвно глядят на речку, на женщину.

Сюй-Мао-Ю отделяется от других, сердито встряхивает головой и идет в сторону от тропинки.

2.

Зимовье пустовало много лет. Прошлой зимою в Спасское, к Ивану Никанорычу, пришли два китайца и договорились:

— Наша мало-мало плати. Наша будет живи изба. Мало-мало работай, землю пахай, огуреца, хлеба, капуста себе сади...

Иван Никанорыч сдал зимовье китайцам и весело положил в карман задаток.

— Вот нечаянное дело!—обрадовался он.—Какая корысть из его, из зимовья-то? А тут денежная польза!

Еще по холодам, ранней весною в зимовье завелись жильцы. Они починили крышу, склали новую печь, уставили низкое жилье скарбом и стали расчищать недалеко от него полоску земли.

Их окружали безмолвие и покой тайги. Зимовье стояло в стороне от дорог и жилищ. Ближайшая деревня пролегала в двадцати двух верстах от зимовья. В ближайшей деревне, в Спасском, где Иван Никанорыч, где лавка кооператива и сельсовет, посмеялись над китайцами, которые вздумали крестьянствовать в неизвестном месте, в глуши, в тайге. И еще больше посмеялись, когда узнали, что китайцы завели себе стряпуху, русскую девку, пришедшую к ним откуда-то издалека.

— Не могут китаезы без русской бабы!—толковали, посмеиваясь, мужики.—Тянет их на этаких-то!..

Женщины же обидчиво и брезгливо поджимали губы и возмущались:

— На что и позарилась, прости господи!.. Грязные, страшные, чисто черти!.. И откуль она взялась, потаскуха разнесчастная?! Не иначе, как из каких шляющих!..

А китайцы устроились на своей заимке, засели на земле и стали орудовать там. О них ничего не слышно было по многу времени, и деревня подчас совсем и забывала об их существовании. Только когда старый Сюй-Мао-Ю изредка приходил в лавку за очередными несложными покупками, его окружали, расспрашивали, смеялись. И смеялись беззлобно и легко.

Но старика раздражали всякие расспросы. Старику неприятен был даже этот беззлобный и легкий смех. Он сжимался, отмалчивался. Его сморщенное лицо больше морщинилось и узкие глаза смотрели настороженно и недобро. И крестьяне, улавливая злой огонек в прячущихся глазах Сюй-Мао-Ю, с большим азартом и озорством набрасывались на старика, шутили грубее и неотвязней.

— Хитручий старик!—подмечали они.—Злой. Вишь, рожа какая: ни усмехнется по-людски, ни слова мягкого не скажет!.. Хитручий!..

Старик приходил в деревню редко. И о нем, и об его товарищах, забравшихся в непривычную тайгу, и о девке, осмелившейся пойти в этакую артель, скоро забывали и вспоминали только с новым приходом Сюй-Мао-Ю.

И текли дни. Проходили месяцы. Отшумела скупая таежная весна. Пришли погожие дни. Июль вспыхнул солнечными пожарами и растопил свер-

кающие снега на Белогорьи. И три единорожденные реки—Иркут, Китой и Белая—вскипели и вспухли водами. И речка, на берегу которой завели свою жизнь пятеро китайцев и русская женщина, тоже закипела, замутилась, закачала прибрежные тальники, подрыла рыхлый берег и зашумела тихими ночами беспрерывным ровным шумом.

Китайцы ранним утром, напившись чаю, который кипятила им женщина в большом медном чайнике, уходили на работу. Женщина оставалась в зимовье одна. Она прибиралась в горнице, выметала свежим пахучим веником сор, выносила проветривать постель. Она раскладывала под таганом на площадке возле жилья огонь и начинала ладить обед.

Вокруг нее стояла лесная тишина. Огонь в костре слабо потрескивал, дым уходил вверх клубящимся столбом. Комары, которые плодились с каждым днем все больше и больше и становились все злее, вились столбом вокруг женщины, жалили ее. Она лениво отмахивалась от них и изредка пела песни.

Ее песни были крикливы и беспокойны. Откуда-то из городов, через третьи руки долетели до нее отрывки напевов и чужие слова. И чужими напевами и непривычными словами пугала она одиночество возле летнего костра, возле мутной речки в насыщенные зноем июльские дни.

До раннего, по деревенскому обычаю, обеда возилась она с варевом. И когда обед в третий раз закипал в котле, и на темном сосновом столе в зимовье были разложены ею деревянные ложки и ломти хлеба грудились посредине, она выходила на тропинку, оборачивалась в ту сторону, куда поутру ушли китайцы, и, приложив ладони ко рту, острым режущим голосом кричала:

— Э-ой!.. мужики-и! обе-едать!.. Обе-ед гото-о-ов!

Глухое эхо отрывало клочок ее призыва и ударялось где-то в хребет:

— ...ото-о-ов!..

На призыв издали откликались. Споря с эхом, несся ответный крик. И вслед за тем на свороте тропинки показывались китайцы. Они шли гуськом, один за другим. И позже всех, тяжело передвигая ноги, шел на крик женщины Сюй-Маю-Ю.

Пообедав, китайцы после небольшого отдыха возле зимовья, в короткой густой тени, уходили опять на работу. А поздним вечером, когда освежающая стынь тянулась из ближнего распадка и от речки, они возвращались к зимовью, ужинали, потом долго курили. Медленно и скупо, только изредка вспыхивая во внезапном споре, разговаривали. И непонятные слова, которыми они перебрасывались, как звонкими медными шарами, оставались чужими и недоступными для женщины.

Она наскоро прибирала со стола и уходила на речку. Там, скрытая полутьмою и тальниками, она купалась.

Плеск воды в вечернем покое звучал четко и возбуждающе. Китайцы замолкали и, бережно затягиваясь из трубок, слушали. Молча, настороженно.

Паю иногда в такие минуты привставал, делал движение в сторону речки, в сторону беспокойного плеска, но, останавливаемый острой и готовной настороженностью остальных, прирастал к месту и, тяжело переводя дух, кричал:

— Глафена!.. Твоя холодно? Твоя не утони!

Женщина отмалчивалась. И если Паю бывал настойчив и неотступно и надоедливо кричал свое, она коротко кидала:

— Отстань! лешай!.. Не маленькая!

И острый крик ее беспокойно прорезал вечернее затишье.

Искупавшись, женщина медленно возвращалась к зимовью. На ходу выжимая воду из мокрых волос, освеженная купаньем и умиротворенная вечернею прохладою и лаской речки, она проходила мимо китайцев с короткой грубоватой шуткою. И в ответ на ее задорный смех или веселый возглас сильнее вспыхивали золотые огоньки и резче хрипели трубки.

В зимовье дощатой перегородкой была отделена тесная куть. Там стояла на-спех сколоченная койка Аграфены, там она спала, там помещался ее сундучок, с имуществом. Узенькая дверь, прорезанная в перегородке, защищала женщину, ее сон, ее покой. Железный крючок туго захлопывался ночью и отгораживал куть от остальной части зимовья. Железный крючок отщелкивался только рано утром, когда вставало солнце и когда заспанная женщина выходила начинать день: разводить первый огонь, кипятить воду, готовить чай.

3.

Пао ходил по русским городам и гортанно-звонким криком будил тихие улицы. Он побрякивал деревянными сапожными колодками, тащил за спиною ящичек с инструментом и вопил:

— Починя-ай нада-а!?..

Собаки выкатывались из-под подворотен и яростно лаяли на его крик. Ребятишки собирались вокруг него в озорные толпы, дразнили Пао, подхватывали его призыв и мешали ему работать.

В знойные летние дни долгими часами бродил он со своим криком, и к вечеру возвращался домой усталый, с горстью медяков в кармане. И к этому же времени возвращались туда и другие китайцы-жильцы, которыми сверху донизу был набит грязный домишка на окраинной улице. Они приходили из города с такими же сапожными ящиками, как и Пао, или с лотками и корзинами, в которых разносили и продавали сласти, орехи, папиросы или овощи. Дом оживал, начинал звенеть криками и шумами. Густой тяжелый чад расползался из открытых окон по двору. Запах пригорелого бобового масла и жареной рыбы или овощей смешивался с запахами пота и испарений. Китайцы сбрасывали с себя рубашки, и обнаженные торсы их смугло и тепло желтели в красноватом свете редких лампочек.

Пао тоже сбрасывал с себя рубашку и ладил на сковородке ужин. Он перекидывался короткими речами с соседями, смеялся, показывая крепкие желтоватые зубы. Иногда он подтягивал песне, которую заводили другие жильцы. Песня остро взметалась ввысь режущей тонкой спиралью, она порою звучала дико и нестройно. Соседи-русские смеялись над таким пением, но сами певцы упивались песнею: закрыв глаза и раскачиваясь, они уходили целиком в странный, острый и визгливый напев, возбуждались, привскакивали, замирали. Они кончали песню усталые, но эта усталость была им приятна и сладка.

Пао бился со своим ремеслом, которое еле давало ему на пропитание, и все мечтал накопить немного денег и раскинуть на базаре лоток и торговать квасом, семечками и папиросами. Он завидовал некоторым своим сожителям, которые к вечеру привозили на ручных тележках свой товар и после ужина в обогретом уголке подсчитывали, позванивая и шелестя деньгами, выручку. Пао казалось, что этим людям, торгующим на перекрестках улиц тихо и безмятежно, живется лучше, чем ему. И он все соображал: сколько же надо иметь этих русских червонцев для того, чтобы завести маленькую торговлю?

Он хитро и осторожно расспрашивал об этом. Но хитры и осторожны были его сожители, умевшие торговать: они отвечали скупо, они обманывали:

— Торговать очень плохо!—говорили они.—Товар трудно достать. Фин очень сердитый. Покупатели ворчат... Плохо торговать! Обувь, сапоги починять легче. Починил—и чистый доход!

Пао знал, какой это чистый доход от починки обуви. Пусть бы лучше эти торгующие сами взялись за шило и дратву, а он охотно пойдет зазывать покупателей!

Он продолжал расспрашивать, допытываться, подглядывать, разузнавать.

Среди других жильцов, занимавшихся мелкой торговлею, был Ван-Чжен.

Ван-Чжен долго как-то слушал сетования Пао и, наконец, сердито сказал:

— Я бы, если пришлось, занялся бы чем-нибудь другим! Я бы даже чужую обувь научился починять, а лавочку свою бросил бы!.. Ты не веришь, а вот, если хочешь, давай считать!

И, загибая пальцы, он высчитал все, что относилось к его торговле, все, что стоил его товар, все, что ему приходилось платить, и все, что он получал. И Пао, горько недоумевал, видел, что Ван-Чжену остается совсем мало,—может быть, совсем немногим больше, чем ему самому от его починок.

Пао качал головой. Нет, он не верил. Он не мог поверить. И сколько Ван-Чжен ни считал, сколько он ни сердился и ни наскакивал на него, Пао не верил.

Однажды в доме появился новый жилец. Он занял самую скверную койку в самом темном углу. Его плоский засаленный тюфячок был едва потолще полотенца. У него не было сундучка и все его имущество пряталось в маленьком холщевом мешке. Он не имел торговли, не ходил по улицам с криком: «Починяй надо!». Он даже не завел себе гибкого шеста и двух плоских корзин, в которых так удобно разносить по улицам зелень—помидоры, редиску, огурцы. Неизвестно было, чем он занимается, откуда ест хлеб, что его кормит. Но кому какое дело до чужих забот и чужой жизни? Его ни о чем не расспрашивали. Плата за угол и койку за полмесяца вперед была им внесена, он имел право на ночлег и на часть почерневшей плиты. И его не трогали.

Первые дни он был молчалив. Слушал и молчал. И это было тоже в порядке вещей. Разве следует распускать язык и трещать, как болтливая женщина, в новом месте, среди новых людей? На третий или четвертый день он стал разговаривать. Его выбор пал почему-то на Пао. Сапожник привлек его внимание и к нему первому здесь он обратился с первыми речами своими.

Пао был упрям. В этот день его звонкий призывный крик был безуспешен, и он пришел домой без почина. Упрямый человек плохо слушает. Он вслушивается целиком в свою неудачу, в свои хмурые мысли, и чужие речи туго доходят до него.

Пао, насупившись, слушал нового сожителя. Слушал и думал о своем. И так, быть может, и пропустил бы он в этот вечер мимо ушей все речи новоприбывшего, если б не зацепилось за его рассеянное внимание одно слово:

— Плохо...

Плохо? Но ведь это как раз то, что он сам сейчас чувствует! И Пао стал вслушиваться, стал слушать.

— Жить плохо. В городе трудно. Надо лучше жить... Зачем жить плохо, когда можно хорошо? Зачем бегать целыми днями по чужим улицам, от-

биваться от чужих злых собак, слушать злые насмешки? Зачем все это, когда можно сделать совсем по-другому?

— Как?—У Пао сразу насторожились уши. Сразу почувствовал он нарастающее доверие к новому человеку, к новому человеку, который умеет говорить такие умные слова. Пао воззрился на говорящего. И, жадно слушая, начал его разглядывать. Он увидел густую сеть морщин на темно-желтом лице, увидел запрятанные в щелках век глаза; увидел костлявые, слегка дрожащие руки. Старый, измятый годами, человек сидел против него. Старый—значит, голова его осенена мудростью и опытом жизни. Ибо от мудрости и от опыта прожитых лет эти морщины, эти иссохшие и трясущиеся руки.

— Как же можно переменить эту тяжелую жизнь на легкую и хорошую? Как это можно сделать, досточтимый и неизвестный мне по имени покровитель мой?—спросил он и голос его зазвучал вкрадчиво и голова слегка наклонилась.

Старик взглянул на него долгим взглядом.

— Мое имя Сюй-Мао-Ю.—ответил он, перебирая в пальцах чубук своей маленькой медной трубки.—А сделать нужно так... В этой стране без счету земли. В этой стране земля лежит впустую и ее никто не обрабатывает. Зачем земле пустовать? Ведь есть сильные руки и этими руками можно ее взрыть, обработать, заставить давать плоды...

Пао слушал. Пао кивал головой. Пао впитывал в себя все, что говорил ему Сюй-Мао-Ю.

4.

С кирпичных сараев, где он мял глину, пришел Хун-Си-Сан. Работа в сараях для него окончилась. Почему-то всем там нашлось что делать, а для него нехватило работы. Ему выдали расчет и сказали:

— Больше твоя не надо! Не приходи!..

Хун-Си-Сан, придя домой, тупо уселся на койку, подобрал под себя ноги и молча уставился в стенку.

Молчаливого, словно впавшего в тяжелый сон, нашел его Пао и разбудил одним словом:

— Работа!

Хун-Си-Сан очнулся, сбросил ноги с койки, протянул сильные мускулистые, как бы из звонкой меди отлитые руки. Хун-Си-Сан быстро спросил:

— Где?..

Пао подсел к нему и стал рассказывать. Стал повторять то, что еще совсем недавно сам услыхал от старика, от Сюй-Мао-Ю. И чем больше он рассказывал, тем больше оживлялся Хун-Си-Сан, тем ярче вспыхивали искорки в его недавно тусклых и сонных глазах.

Позже Пао подвел к нему старика, и они продолжали беседовать втроем.

Эти беседы повелись каждый вечер.

Каждый вечер, как только зажигались огни, к койке Сюй-Мао-Ю или Пао подходили эти трое и, усевшись рядом, начинали вполголоса разговаривать. Беседу вел старик. Его горячо поддерживал Пао. И Хун-Си-Сан, на лице которого горела надежда, молчаливо, но внимательно слушал их, одобрительно кивая головой.

Сюй-Мао-Ю словно набирался жизни и крепкой силы в этих вечерних разговорах. Его движения становились суетливыми, его повадки делались уверенней, весь он подбирался, оживал. Его слушали почтительно, ему задавали вопросы, и он отвечал. И его ответы были быстры и точны. От его ответов разливалось умиротворенное и радостное сияние на лицах Пао и Хун-

Си-Сана. И Пао и Хун-Си-Сан качали головами, причмокивали губами, потрясали руками:

— О!.. хорошо!.. Верно!.. Очень верно!..

Через несколько дней к трем собеседникам присоединился четвертый. Ли-Тян.

Ли-Тян каждое утро, едва лишь вставало солнце, уходил на работу с тем, чтобы вернуться поздно вечером. Он приносил с собою запах простого, грубого мыла, выдохшегося пара и грязных испарений. Его, из'еденные водою и щелочами, руки непривычно белелись среди темных и смуглых рук других жильцов. Усталость придавливала его сильные сутулые плечи. Он не готовил себе ужина на плите, а наскоро с'едал колач с зеленым луком, запивал холодным чаем и заваливался спать. И когда он засыпал, мощный храп его покрывал все остальные звуки, грудившиеся под закопченным потолком. Сон его был крепок и тяжел. Во сне он бормотал что-то непонятное, скрежетал зубами и, сжимая и разжимая пальцы, крутил, теребил и выжимал что-то невидимое. Во сне, как и на яву, он жил в душной, грязной прачечной.

В тот вечер, когда его судьба скрестилась с судьбой Сюй-Мао-Ю, Пао и Хун-Си-Сана, он был чрезвычайно обессилен дневной работой и даже не дотронулся к пище, хранившейся в котомке. Шатаясь от усталости, добрел он до своей постели и тяжело рухнул на нее.

Сюй-Мао-Ю, издали наблюдавший за ним, подошел к Ли-Тяну.

— С'едает тебя работа!—с каким-то удовлетворенным чувством сказал он.—Тяжело тебе... Разве ты не хочешь, чтобы тебе было лучше?

Ли-Тян вяло взглянул на старика:

— Все хотят, чтобы было лучше... Я не хуже других. Я тоже хочу.

— Ну, вот и попробуй!

Не стряхивая с себя усталой вялости, не разрывая липких тенет сна, крепко опутавших его, Ли-Тян неохотно качнул головою:

— Я не умею... Я пробовал... Вот у меня кончилась работа...

— А я тебе скажу, как надо взяться. Я тебя научу. Ты меня послушай. Моей старости послушайся! Будет работа!..

Ли-Тян был втянут в разговор. Ли-Тян слегка оживился. Он освободился окончательно от сна и усталости, когда к Сюй-Мао-Ю присоединился Пао, когда подошел Хун-Си-Сан...

Вчетвером им было уже совсем не трудно уговорить Ван-Чжена.

Ван-Чжен послушал старика, пригляделся, словно приценился к остальным, достал узкий лоскут бумаги и долго, напряженно и с трудом выводил хитроплетенные иероглифы. Ли-Тян почтительно глядел на непонятные узоры. Пао и Хун-Си-Сан посматривали на Сюй-Мао-Ю. А старик сосредоточенно и солидно оглядывал всех вместе и каждого в отдельности и молчал. Он молча следил за вычислениями грамотного и искушенного в знаках и числах Ван-Чжена. Следил и ждал.

И он дождался.

Ван-Чжен разгладил исписанный листок, сжал губы, опустил глаза и вздохнул.

— Попробуем!—медленно сказал он наконец.—Попробуем!..

Вот после этого-то все они пятеро соединились, оставив каждый свою работу и свое безделье, и занялись сообща единым делом. Вот тогда-то, после долгих совместных обсуждений и выкладок, они снарядили Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжена и те отправились из города в поля, в привольные и широкие просторы, к деревенским людям. Отправились на поиски земли.

И когда подыскана была подходящая земля, когда в Спасском было договорено с крестьянином Иваном Никанорычем о зимовье и нужно было

отправляться в тихое и уединенное место, Пао, Хун-Си-Сан и отчасти Ван-Чжен заявили, что ко всему благополучию, которое ожидает их на новом пристанище, на земле, нехватает женщины, которая следила бы за очагом, вела немудрящее хозяйство, готовила пищу. Старик сначала крепко воспротивился.

— От русской женщины добра не будет!

— Русские женщины живут хорошо с нашими людьми!—вскинулся Пао и стал приводить известные ему случаи и примеры, когда китайцы женились на русских женщинах, заводили детей и были очень довольны.

— А нам она не в жены нужна!—заметили остальные.—Нам она только хозяйкой будет!

— От чужой женщины добра не будет!—твердил упрямо и сумрачно Сюй-Мао-Ю.

Ван-Чжен, помалкивавший и сначала относившийся безучастно к пререканиям, неожиданно встал на сторону Пао и других.

— Без женщины нельзя!—веско заявил он.—Никак нельзя. Пусть будет женщина и будет порядок и пища настоящая!

— Конечно! Пусть будет!..—настояли Пао и остальные.

Сюй-Мао-Ю нахмурился и замолчал. Он перестал спорить. Он посмотрел на четырех компаньонов своих, уверился в их твердом, упрямом желании добыть женщину, хозяйку, и смирился.

Сюй-Мао-Ю молча смирился, а его товарищи принялись искать подходящую женщину.

Здесь, на первых порах, ждала их неудача.

Русские женщины смеялись над предложением ехать куда-то в глушь, в сторону от людей и уединиться с пятью китайцами.

— Да вы сдурели!—смеялись те, что поострее на язык.—Вы этакие азияты впятером в гроб как-есть загоните!..

— Ловкачи!.. Где это вы такую дуру отыщите?! Кабы один, или хоть бы, скажем, двое, а то целых пять бугаев!.. Ни за что не поеду!..

Порою китайцам казалось, что им, в конце-концов, придется отправляться в глушь, в зимовье Ивана Никанорыча, без женщины. Без женщины придется хозяйствовать, самим заботиться об обеде, обо всем мелком, но нужном, без чего не обходится обжитое, согретое людьми жилище.

5.

Но без женщины не ушли они в лесную глушь.

Женщину нашел Ван-Чжен.

Не даром Ван-Чжен умел торговать, знал, как зазывать покупателей, как обходиться с ними и как сбывать им убогий и дешевый товар, который когда-то умещался у него в двух ящиках и в двух мешках. Не даром он умел крепко ругаться по-русски и откалывать острые шуточки. Он вспомнил, что когда-то его приятель, тоже торговавший на углу всякою мелочью, нашел себе жену в соседнем доме, где она жила в прислугах. Он разыскал этого приятеля, нашел его уже отцом черноглазой желтенькой девчонки. Разыскал его и рассказал о своей незадаче, о том, что вот никак не может он с компаньонами подыскать себе хозяйку. Приятель живо заинтересовался заботой Ван-Чжена. Он позвал на совет жену.

— Мпса!—сказал он ей.—Твоя нет прислуга, баба, которая ходи живи с китайскими людьми?

Маша задумалась. Посоображала, перебрала в памяти всех знакомых подходящих женщин и надумала:

— Аграфена пойдет!.. Коли хорошее жалованье положите, пойдет она. Ей все одно. Не испугается: хоть пять, хоть десять будь, ее не ущипнешь!..

Позже разыскали Аграфену. Ван-Чжен долго рядился с нею, спорил, доказывал. Аграфена запрашивала, по его мнению, дорого и ему было обидно и жалко давать ей много денег. Но женщина стояла на своем. Она не сдавалась и, поглядывая на жену лавочника, думала:

— Вот Машка шелковые чулки носит, жрет хорошо и дите у нее такое обрядное, кофточка розовая вязаная... Неужто я хуже?..

Она думала так и не сбавляла цены. Ван-Чжен умаялся, споря и рядясь с нею. Ван-Чжен несколько раз вставал и уходил. Но как он ни рядился, пришлось сдаться. Женщина настояла на своем и с разгоревшимися щеками, с глазами, в которых поблескивало жадное удовлетворение, получила от него задаток.

— Я не обману!—обидчиво тряхнула она головой, когда Ван-Чжен со вздохом недоверия поглядел на нее, на деньги, которые она прятала в нижнюю юбку, и обиняком, но прозрачно намекнул на то, что как бы, мол, задаток не пропал.

Она не обманула и в назначенное время явилась с узлом, готовая следовать за пятью хозяевами, за пятью примолкнувшими и остро оглядывающими ее китайцами.

Она водворилась с ними раннею весною в зимовье, которое было кое-как облажено для постоянного житья. Вместе с котлами, ложками и ведрами, вместе с несложным кухонным бабьим набором, наспех купленным китайцами, она принесла с собою в пустовавшее многие годы зимовье запах прочного человеческого жилья.

По весне, едва устроившись в зимовье, китайцы принялись расчищать, разделывать полянку, удобно легшую за узеньким перелеском возле зимовья по берегу реки. У них не было лошади и крестьянских орудий. Их работа не походила на упорную и надолго налаживаемую работу землеробов. Мотыги и лопаты, с которыми они пришли сюда, сделали бы их посмешищем крестьян, если б Иван Никанорыч или кто-нибудь другой из Спасского поглядел бы за ними. Над ними весело и охотно посмеялись бы. Но их никто не видел, за ними никто не подглядывал. И, упорные и настойчивые во всякой работе, они ловко справлялись с землею, обхаживая ее своими несложными и неподходящими орудиями.

Полянка, заросшая пыреем и всякой иной бесполезной травою, вскоре была расчесана, разглажена. Темнея рыхлою бархатистою землею, впервые обласканною человеческими руками, она стала гладким и пушистым полем, которое жаждало сеятеля, которое ждало, когда золотые зерна падут на нее, и она зачнет.

Молодое солнце выкатывалось над нею и разбрызгивало по зернистой глади земли острые животворящие лучи. От речки шел легкий, чуть заметный пар и по утрам и по вечерам увлажнял готовую к творчеству полоску. Весенние ветры, вея из таежных недр, шевелили песчинки, пылинки, крупицы праха и вместе с солнцем давали земле новую силу.

Сюй-Мао-Ю ходил по возделанной полоске и что-то мудровал. Сюй-Мао-Ю, как только они все перебрались сюда и стали возделывать землю, сделался на работе главным, распорядителем, которого остальные беспрекословно слушались. Он, видимо, знал свое дело, потому что во всех затруднительных случаях находил способ уладить и настроить все по-хорошему. И четверо, в остальное время не проявлявшие большого уважения к старику, здесь, у земли, когда она постепенно обнажалась из-под густых травяных зарослей и показывала свое плодородное чрево, вспоминали и чувствовали,

что он старший, что с ним какая-то, неизвестная им мудрость, что он имеет право указывать и приказывать. Вспоминали об этом—и точно следовали его указаниям, безропотно переносили его сердитые окрики, его угрюмую воркотню, его гневное брюзжание.

Весна окрепла. Утра стали солнечными и ранними. Светлая зелень запушила деревья и поползла по ложбинкам. Дни пошли крепкие и устойчивые: переполненные солнцем и возрастающим теплом.

Речка, взмутненная остатками зимы, с каждым днем понесла свои воды все светлее и чище. Кой-где земля выбросила вместе с острыми нежными травами первые цветы.

Аграфена, устроившись с мужиками, стала ждать баловства с их стороны. Она знала мужскую повадку и приготовилась дать им резкий отпор. И хотя о недопустимости баловства и было оговорено, когда рядилась она с Ван-Чженом и потом, при первой встрече с остальными, но была Аграфена настороже.

— Ладно! Хоть и заявляете вы, что рукам воли не будет дадено,—сказала она в первый день устройства на новом месте, в зимовье,—но крючок-то покрепче я к двери налажу. Все спокойней и надежней!..

Крючок к двери, ведшей в ее куть, был прилажен крепкий и надежный. И сон ее был пока-что ровен и спокоен.

Пока что, видимо, были напрасны ее опасения, ее предосторожности.

Мужики, наработавшись и натрудивши руки и спины за день, и не помышляли ни о чем ином, как об отдыхе и сне. И вечер, дававший им освобождение от работы, застигал их полусонными, жаждущими поскорее забраться в постель и бездумно и непробудно уснуть.

Они после ужина засыпали быстро. Как только головы касались плоских и неряшливых подушек, так мгновенно обрушивался на них сон и давил их своей мягкой, но неотступной тяжестью.

И Аграфена, до которой через дощатую тонкую перегородку долетал из мужской половины малейший шорох, малейший звук, долго слушала поздними вечерами дружный храп спящих китайцев.

Аграфена засыпала не скоро. Китайцы уже давно крепко спали, а она все еще лежала в темноте с открытыми глазами. Сон не приходил к ней. Борясь с бодрствованием, с ненужной бессонницей, она думала.

Думала она о многом.

Сначала прислушивалась она к звукам, плывшим из-за перегородки, и все с опасением ждала: вот-вот кто-нибудь из спящих проснется, подымется и подойдет пробовать, крепко ли закрыта ее дверь. И соображала, как она будет громко ругаться через стенку, криком разбудит других китайцев и всласть поглумится над тем, кто, забыв уговор, попытается полезть к ней.

Потом, когда убедилась она, что мужики держат слово и крепко следуют уговору, она стала думать о своем заработке, о сбережениях, которые надеялась она сделать к зиме. О будущем и о своей доле.

Иногда в эти бессонные часы в памяти ее мелькали обрывки, клочки воспоминаний. Приходило смутным отголоском, разбуженным и обостренным тьмою и тишиною, прошлое. Но Аграфена встряхивала с себя воспоминания о былом. Ее двадцать восемь лет еще не давили непереносимою тяжестью прожитого. Еще много безмятежного и тихого, как заводь, таилось в ее летах. И разве стоило вспоминать об унавоженном дворе в дальней деревне, где босые ноги бесстрашно вязли в липкой и холодной жиже, или о долгих страдовых днях на покосе, когда гнус вьется над головою и жалит и изводит? Разве стоило вспоминать о зимних посиделках и вечорках, где проголосные песни сменялись веселыми тараторочками, где всхлипывала гармонь и откуда па-

рами уходили в зимнюю ночь?.. Ведь с такой-то вечорки в голубую ночь увел нашептывавший обманные, усыпляющие слова тот, первый, и потом ушел. И после был деревенский позор и нелюбимый ребенок, стопудовым бременем легший на девичьи плечи и, по счастью, захиревший и умерший, не дотянув до года.

Об этом если и вспоминала Аграфена, то мимолетно, и с досадою отгоняла от себя тоскливые воспоминания.

И еще порою соображала она в свои бессонные часы о китайцах и об их работе.

Ее изумляло и приводило в недоуменье поведение ее хозяев. Было странно и непонятно—для чего возделывают они так тщательно землю, когда у них не припасены семена и ничто не говорит о том, что они будут сеять хлеб или садить овощи.

Крестьянствовали китайцы, на Аграфенин взгляд, чудно и необычно. Не так, как видывала и знавала Аграфена. Как-то по-своему. Без лошаденки, без скота, словно непутевым делом занимались.

Только уж после того, как она однажды высказала им свое недоуменье, они с непривычной горячностью и убедительностью уверили ее:

— Наша все сади!.. Наша мало-мало лука, репы... все сади...

Но все-таки и после этого странна и малопонятна была Аграфене их упорная и томительная борьба с землею.

6.

Сюй-Мао-Ю сразу же не взлюбил Аграфену. Он не мог ей простить того, в чем она совсем не была виновата: самого пребывания ее в их кампании в зимовье. Ему не удалось своевременно уговорить остальных не брать с собою женщины; его не послушали—и Аграфена стала жертвой тихой и острой неприязни старика.

Неприязнь эта не проявлялась как-нибудь открыто. Сюй-Мао-Ю не ворчал на Аграфену, не придирался к ней. Он только избегал ее, делал вид, что ее не существует, что она никому не нужна. Пищу, которую Аграфена приготовляла, он принимал с какою-то подозрительностью, как будто ждал от женщины злой каверзы. Когда она проходила близко мимо него, он подбирался, сторонился ее, боясь ее прикосновения, ее близости. И проделывал он это так подчеркнуто, так явно, что Аграфена очень скоро заметила все его уловки, и была изумлена.

— Пошто это старик словно гнушается меня?—спросила она однажды у Пао.—Он что, язви его, сдурел, что ли?!

— Сдулел, сдулел!—посмеялся Пао, щуря глаза.—Сталика шибко старая, сталика не любит молодой!.. Твоя не селедись, не смотли на сталика.

— Да мне он на кой и сдался!—пренебрежительно пожала Аграфена плечами.—Видывала я этаких!..

Но в глубине души она затаила обиду на старого китайца. И эта обида порою жгла ее и томила желаньем как-нибудь и чем-нибудь досадить Сюй-Мао-Ю.

— Оттрепала бы я старого гада хорошенько! Ух, оттрепала бы!—думала она иногда, исподлобья поглядывая на старика.

Остальные китайцы, кроме Пао, казалось, не замечали скрытой и упорной борьбы, которая завязалась между женщиной и Сюй-Мао-Ю. Они только молча оглядывали и старика и женщину, когда Сюй-Мао-Ю почему-либо вспоминал об Аграфене и заговаривал о том, что, мол, вот люди русские смеются и сердятся—зачем, мол, русская женщина с пятью китайскими мужиками живет—ни жена, ни прислуга, а в роде общей полюбовницы.

И еще—лукаво и насмешливо щурили они глаза, подмечая, как старик старательно прятал свои обеденные палочки.

Но работа, горячая и неотложная работа завладевала всем их временем, и им не до того было, чтобы следить за стариковыми прихотями и причудами. Да и сам Сюй-Мао-Ю уходил почти целиком в эту работу и жил и волновался ею.

Разделанная разглаженная полоска земли, прогретая солнцем и разбуженная к жизни полуденным теплом, ждала посева. Сюй-Мао-Ю ходил и поглядывал на речку, на окаймлявшие ее тальники, на зелененькие, клейкие листочки на деревьях. Он поглядывал и соображал. Он высчитывал время, отмеченное ростом трав и первых цветов, током воды в речке, солнцестоянием, ясными утрами и теплыми вечерами.

Однажды вечером за ужином он, наконец, об'явил:

— Будем утром сеять!

— Хорошо. Будем!—ответили Ли-Тян и Хун-Си-Сан.

Пао весело осклабился и усердно налег на еду. Степенный и неторопливый Ван-Чжен отложил ложку, вытер губы и только потом озабоченно спросил:

— А не рано? Не рано ты надумал, Сюй-Мао-Ю?

— Я знаю...—с легкой досадой в голосе ответил старик.—Я знаю, когда начинать. Не рано. Земля прогрелась, солнце крепко. Самое верное, самое настоящее время.

— Ну, что ж! Ты больше меня знаешь. Мы тебя слушаем... Начнем, по-твоему, завтра!

На утро Сюй-Мао-Ю был необычайно молчалив и торжественен. Он поднялся раньше всех. Еще до чаю, с приготовлением которого возилась заспанная Аграфена, сходил он на пашню, побыл там некоторое время в одиночестве. Возвратившись оттуда и напившись наскоро чаю, он неожиданно обратился к Аграфене.

— Ты с нами не ходи!

— Да я когда разве хаживала с вами?—удивилась женщина.—Ты что вз'елся?

Действительно, Аграфена никогда не ходила с китайцами на пашню. Однажды она посмотрела, поинтересовалась тем, что они там делают, и преисполнилась презрения и насмешки к их работе. И приказание старика было неожиданно и ненужно.

— Боишься, видно, чтоб не изурочила я ваш огород!?—презрительно рассмеялась она.—Не бойсь! И глядеть-то не стану!

— Ты не ходи!—повторил Сюй-Мао-Ю.—Твоя не надо ходи!

— Ладно, ладно!.. Проваливай!—огрызнулась Аграфена.

Китайцы ушли. Аграфена осталась хозяйничать в зимовье.

Утро расцветилось ярко и весело. День приходил сверкающий, солнечный, радостный.

Аграфена вымела в зимовье, собрала посуду и вынесла ее к речке. На речке, заглядевшись на воду, она забыла о работе, о хозяйстве. Присела на чистый берег, обхватила колени руками и замерла в задумчивости.

Солнце обливало воду ярким сверканьем. Расплавленный свет, расплавленное сияние текло по воде, вместе с водою. Речка искрилась и горела на солнце. Речка журчала и пела. И тихое пение воды мешалось с нежным шелестом тальников и свистом и чириканьем птиц.

Аграфена полудремотно слушала воду, слушала шелест тальников и птичий отрадный пересвист. Она подставила склоненную голову под мягкую

теплую ласку солнца. Безумно, безмятежно, в тишине, в одиночестве застыла Аграфена, забылась.

Так могла бы она просидеть здесь долго. Но когда солнце стало припекать сильнее и ласка его сделалась тяжелой и жгучей, Аграфена, вздохнув, пришла в себя, потянулась и вскочила на ноги. Она вспомнила, что ей предстоит развести огонь, греть воду, налаживаться варить обед. Она вспомнила, что к полудню все у нее должно быть готово и она должна тогда громким криком звать проголодавшихся и усталых работников обедать.

Но ей не хотелось покидать тихое пристанище у речки. Она медлила. И прежде чем уйти отсюда к жилищу, к зимовью, она проворно сбросила с себя одежду и, радостно поеживаясь, вошла в воду.

Разбрызгивая сверкающие на солнце капли, она плескалась и окуналась в неглубокой речке. От удовольствия, от сознания, что она одна, что может делать все, что хочет, от жгучих ожогов холодной воды она вскрикивала и негромко стонала. Ее обнаженное смуглое тело желтелось в воде. По влажной коже поблескивали отсветы. По влажной коже ползли блестящие струйки воды. Солнце обнимало ее всю. Она купалась сразу, одновременно в студеной, бодрящей воде и в теплых лучах выкатившегося высоко над ее головою солнца.

Покой и безлюдье простирались вокруг нее. Таежный мудрый покой дремал вокруг Аграфены.

Выйдя из воды, Аграфена не торопилась одеваться. Она постояла некоторое время обнаженная на берегу, подставляя тело под теплый ветер. И только потом наклонилась за одеждой и стала одеваться.

Когда она была почти совсем одета, густая заросль тальников сбоку нее внезапно колыхнулась. Без видимой причины вдруг вздрогнули тонкие стебли и задрожали. Аграфена насторожилась. Застыла с ненадетой кофтой в руках. Устремила напряженный и полуиспуганный взгляд в тальники. Прислушалась.

Покой простирался вокруг нее, попрежнему ясный и ненарушимый.

— Попритчилось!—сообразила Аграфена и, накинув на себя кофту, быстро пошла к зимовью.

7.

Засеянная полоска не требовала теперь стольких усилий и внимания, как прежде. Китайцы стали дольше оставаться у зимовья и начали возиться возле него с какими-нибудь мелкими работами по немудрящему, несложному хозяйству.

Аграфене теперь приходилось быть с ними вместе почти целый день. И только теперь она по-настоящему начинала приглядываться к ним, к каждому в отдельности. Раньше, до этих дней, она выделяла из всех пятерых одного старика, одного Сюй-Мао-Ю. Выделяла за его глухую и непонятную неприязнь к ней. А остальные были для нее все одинаковы, все на одно лицо. Но с тех пор, как они стали целые дни проводить вместе с нею, она начала отличать их друг от друга.

Она разглядела, что Ван-Чжен любит холить свои руки, что у него кожа немного светлее, чем у Пао или у Ли-Тяна. Она подметила, что Хун-Си-Сан глядит исподлобья и избегает прямых взглядов, а у Ли-Тяна глаза добродушные, почти детские. Она стала различать их голоса и отметила, что у некоторых они хриплые, а вот у Пао звонкий и высокий голос и он поет порою по-своему не без приятности. До нее дошло и различие в обхождении с нею со стороны китайцев. Пао все норовил говорить с нею шуточками, смешком и ласково, а Ван-Чжен, стараясь обгладить плохо дающуюся ему русскую

речь. Хун-Си-Сан глядел ей всегда вслед и она, обернувшись внезапно, часто ловила на себе его воровской косой взгляд. Зато Ли-Тян смотрел ей прямо в глаза, застенчиво и просительно улыбаясь.

Она начала разглядывать их всех, стала отличать одного от другого.

Но, видимо, и они, проводя около нее теперь почти все время, тоже стали присматриваться к ней. И если прежде они сталкивались с нею только за столом, за едой, то теперь в течение дня кто-нибудь из них, а порою и все вместе, по многу раз заговаривали, шутили, посмеивались. И в этих разговорах и шутках, в этом смехе Аграфена почувствовала очень скоро то, от чего она так тщательно закрывалась в своей каморке на крючок.

Аграфена почувствовала, что китайцы, что мужчины разглядели в ней женщину. И, быть может, она почувствовала это гораздо раньше их самих. Потому что все поведение мужиков, все их подходы и обращение с нею были попрежнему ровны и безгрешны. И если кто-нибудь из китайцев и отпускал порою какую-нибудь крепкую шуточку в ее сторону, то разве такие же шуточки она не слыхала раньше всюду и везде! Правда, теперь, когда китайцы почти весь день возились в зимовье или подле него, ей приходилось осматриваться и настораживаться, идя на речку купаться. Потому что иногда в самый последний миг, когда она собиралась входить в воду, где-нибудь поблизости оказывался один из них, чаще всего Ван-Чжен или Хун-Си-Сан. Но стоило ей тогда только прикрикнуть и они быстро и безропотно уходили, давая ей возможность всласть и вдоволь поплескаться в освежающей студеной воде. И никогда в этих случаях нельзя было установить, что мужики подходили к речке нарочно, затем, чтобы озорно полюбоваться на голую женщину. Всегда потом оказывалось, что и Ван-Чжену, и Хун-Си-Сану, и другим, кто вертелся у воды, нужно было, до зарезу нужно было побывать там как раз в это время.

Понемногу тяга к Аграфене со стороны китайцев становилась все более явной и неприкрытой.

Первым обнаружил себя Ван-Чжен. Бывший торговец, с холеными руками, с вкрадчивым, ласковым голосом и обдуманными речами повел дело солидно, прямо и начистоту. Он подкараулил Аграфену после обеда, когда остальные разбрелись от зимовья, и заговорил пространно и вразумительно, сладко закатывая глаза и причмокивая губами. Он придвинулся к Аграфене очень близко, почти вплотную и, брызгая слюною, говорил:

— Моя надоела живи один. Моя плохо спи... Моя нужна мадама, хороший мадама!.. Моя работать здеся, потом город ходи, лавка хороший, шибко хороший открывай... Будешь живи хорошо, карасиво. Давай ходи моя мадама!.. Очень моя нравися Графена! Шибко нравися!.. А? ходи моя жить?..

Аграфена отодвинулась от Ван-Чжена и рассмеялась:

— Ты, Ваня, брось! Вот я скажу товарищам твоим, что ты меня сманиваешь, как они тебя поблагодарят!?.. Брось лучше, не страмись!

Ван-Чжен немного смутился, но быстро оправился. Улыбаясь еще слаще и ласковей, он покрутил головой:

— Ты не сердися! Почему сердися?... Моя хорошо говори, моя пылоха не говори: давай ходи моя мадама! Будешь хорошо живи, хорошо кушия, шерковые чулки моя купит... Вот как моя тебе хорошо говори! Вот!

Но Аграфена снова рассмеялась и отошла от Ван-Чжена, оставив его немного обескураженным, но с виду спокойным и невозмутимым.

Вслед за Ван-Чженом сделал попытку заговорить с Аграфеной о том же и Пао.

Он поймал ее на речке, где она полоскала белье, и, опустившись рядом с нею на корточки, стал смотреть заблестевшими от возбуждения глазами на ее обнаженные руки и голые ноги.

— Уйди, чорт!—замахнулась на него Аграфена мокрым бельем.—Чего ты уставился, бесстыдник?

— Класиво!..—широко осклабился Пао.—Шибко класиво!.. Наша любит такая. Веселый и смеясся!.. Шибко холошо!

— Я тебе покажу «класиво»!—безуспешно пытаясь принять грозный вид, крикнула Аграфена и обладила на себе высоко подобранный подол юбки.—Ишь, тоже разгорелся!.. кобель!.. Смотри у меня!

Но Пао не испугался ее грозного вида. Его не испугали ее сердитые слова. Он видел искорки смеха в глазах женщины и сам смеялся, сверкая зубами и сияя лоснящимся гладким лицом:

— У-у! голячий какой!.. голячи!.. Ш-ш-ж!..

— Вот ожгу я тебя!—пригрозила Аграфена.—Ты и отведаешь, какая я горячая!

Пао еще шире усмехнулся, еще блистательней засверкал зубами и сощурил глаза:

— У-у!.. Сыкусная!.. Пастила!

— Подавишься!

— Не-ет!—замотал китаец головою.—Шибко сыкусная... Моя не подавися!

Перебрасываясь с ним шутками и смешком, Аграфена следила за разгоревшимися огоньками в глазах китайца, за живым трепетом его ноздрей, за нервной игрой костлявых пальцев. Пао перебирал ими, словно играл какими-то невидимыми гладкими и скользкими шариками. Руки эти, шевелящиеся пальцы внезапно влили в Аграфену беспричинную, непонятную тревогу. Она быстро собрала белье и, не окончив стирку, поспешно вышла из воды.

— Чего ты сохнешь тут?—злым голосом, который изумил Пао, крикнула она.—Ишь, расселся!.. Видал какой ловкий!.. Ступай ступай!..

— Да ты посему кличи?—отстраняясь от нее, примирительно забормотал китаец.—Моя без кличи ходи домой. Ты посему кличи?

Он попятился от нее и проворно пошел прочь. Аграфена несколько раз оглянулась в его сторону прежде, чем вновь спустилась к воде и занялась прерванной стиркой.

С этого времени она начала держаться настороже даже днем. Она подмечала и предупреждала все попытки Ван-Чжена, Пао и других завести с ней беседу о сожительстве, и стала подумывать о том, что с мужиками скоро придется говорить начистоту. Говорить со всеми вместе, так, чтобы им стало стыдно друг друга, чтоб они последили один за другим и чтобы они вспомнили об уговоре, который заключили с нею при найме.

8.

Однажды, накормив китайцев обедом, Аграфена пошла к речке, а потом передумала и направилась в сторону пашни.

Китайцы прилегли после сытой еды вздремнуть в тени; вокруг зимовья стояла сонная тишина, над речкой зыблилось еле заметное марево. Знойный день застыл, как тугое стекло: замерли тальники, изнемогая от жары, слегка пожухли травы. Редкие звуки—полет стрекозы, писк птицы и стук сорвавшейся с ели шишки—вдрагивали в воздухе смутно и неясно.

Хорошо протоптанная тропинка, по которой тихо и бесцельно шла Аграфена, скоро вывела ее на поляну. Она остановилась и увидела густое зеленое поле, недвижно покоившееся под жарким солнцем. Свежая светлая зе-

лень, ровной пеленой пролегшая на поляне, обрадовала Аграфену, обласкала ее взор. Женщина подошла поближе, наклонилась и сорвала стебелек. Она стала рассматривать его и удивилась.

— Что это они посеяли?—заинтересованно подумала она.

Повертев стебелек в руках, потеребив его пальцами, она бросила, наклонилась за другим, сорвала другой, внимательно оглядела этот и тоже бросила. Изумление ее все возрастало.

— К чему бы им эстолько?—промелькнуло в ней недоуменно.—Едят они его много, что ли?..

Удивленная, она долго простояла у засеянной полоски, вглядываясь в ровную, неподвижную зелень. Вдруг она вспомнила, что старик во время сева не пустил ее сюда, что вся работа китайцев на поле прошла для нее незаметной, что она никогда раньше не задумывалась над тем, зачем китайцы забрались сюда в глушь, так далеко от людей.

— Мудруют они, косоглазые!—покачала она головой.—Затеяли свое что-то... Может, неладное... Зря старичонко тогда не опасался бы!

Аграфена обошла поляну, оглядела ее со всех сторон. Она несколько раз срывала зеленые стебли и, повертев их в руках, бросала. Задумчиво постояв у края полоски, она, наконец, вернулась на тропинку и пошла обратно домой, к зимовью, к китайцам.

Впервые за все время, как она жила с китайцами, задумалась она по-настоящему над тем, чем они занимались, почему пришли в пустынное место, подальше от людей. Прежде ей казалось все ясно и не нужно было размышлять над окружающим. Прежде знала она, что китайцы ушли на землю, порешив заняться крестьянствованием. И то, что не по-привычному, не так, как все, занялись они землею, и то, что не было у них скота и всего полного обзаведения крестьянского, не удивляло ее, не будило ее любопытства. Казалось ей, что это в обычае у китайцев вот так крестьянствовать, как крестьянствовали ее хозяева.

— Видно, этак-то у них на их стороне с землей орудуют!—сообразила она тогда и успокоилась. И больше не задумывалась над этим.

Но необычное поле, где вместо пшеницы или ржи, или другого какого злака, было посеяно иное, чего не сеют крестьяне в таком изобилии, тревожно изумило ее.

Она шла медленно по тропинке и соображала. Она несла в себе это изумление, и лицо ее было озабоченно и хмуро.

С озабоченным хмурым лицом пришла она к зимовью и встретилась с Сюй-Мао-Ю.

Старик проснулся раньше других и, завидев идущую по тропинке Аграфену, настороженно посмотрел на нее. Аграфена увидела неприязнь и тревогу в его взгляде.

— Подглядываешь!—вызывающе крикнула она.—Испугался, что я на вашу чортову пашню ходила?!.. А вот я и побывала там! Побывала!.. То-же пахари, хлеборобы! Куда это вы эстолько маку понасеяли?!..

Старик исподлобья уставился на женщину и сжал тонкие, бледные губы. Глаза его блеснули. Он потемнел. Он хотел ответить Аграфене, но только невнятно забормотал что-то и отвернулся. И выходившему в это мгновенье Ван-Чжену он визгливо прокричал по-китайски непонятное Аграфене, предостерегающее, злобное.

Ван-Чжен махнул рукою и направился к женщине. Ван-Чжен улыбался. Ласково тонко; улыбался всем лицом и как-то раскачивался на-ходу на ногах.

— Гуляла? Шибко хорошо!.. Смотри ходила? Ну, ладно! Твоя смотри, наша ничего не скажи!.. Наша лекарсва делай. Мало-мало мака сеяй, лекарсва вари!... Хорошая лекарсва! хорошо лечи!.. Твоя хворайла будет—твоя лечи станем!.. Ладно!

— Лекарство?—переспросила Аграфена, всматриваясь в безмятежно улыбающееся лицо Ван-Чжена.—Куда ж его столько много?

— Продавай. Люди много купи будут. Хорошо!

Сюй-Мао-Ю стоял в стороне и вслушивался в веселые об'яснения Ван-Чжена. Лицо старика было попрежнему хмуро и глаза холодно поблескивали. Прослушав разговор Ван-Чжена с женщиной, он снова прокричал что-то и тряхнул сердито головой. Ван-Чжен миролюбиво и успокоительно засмеялся:

— Беспокойся старика! Старая старика не люби, если люди ходи смотри!.. Ничего! ходи, ходи! Ладно!

— А мне почему бы и не посмотреть?—насмешливо глядя на Ван-Чжена, спросила Аграфена.—Вы, разве, что зазорное доспели там? Грешите чем-то, разве?

— Ни-и!..—замахал руками Ван-Чжен—Все хорошо! Шибко хорошо!..

Женщина отошла от китайцев, оставив их перебраниваться. Она прошла в зимовье в свою куть.

Вечером китайцы, сидя в ожидании ужина возле зимовья, оживленно беседовали. Сюй-Мао-Ю сердито высказывал свое, прежнее, а остальные спорили с ним. Сюй-Мао-Ю стучал сухим сморщенным кулаком по колену и прорицал:

— Худо бывает от женщины! Я знаю. Я прежде говорил: зачем взяли чужую, зачем взяли женщину с болтливым языком и острыми глазами?.. Вот лезет она везде, все высматривает, обо всем узнает. Разве затем мы сюда пришли, возделали землю, засеяли ее и ждем теперь урожая, чтобы чужие узнали и отняли у нас все? Разве затем трудились и трудимся мы все здесь?..

— Она не скажет!—уверенно заметил Пао—Она ничего не знает.

— Я сказал ей, что мы засеяли для лекарства. Она поверила. Она будет верить!

— Она не скажет... Кому скажет! сюда никто не придет а она сама никуда не ходит. Сюй понапрасну боится. Сюй понапрасну злой!

— Конечно! Совсем зря!..

Пао и Ван-Чжен закидали старика возражениями, а он отгрызался и сердито посматривал на них. Остальные,—Ли-Тян и Хун-Си-Сан,—молчали.

До самого ужина проспорили китайцы. До самого ужина перебранивались Пао и Ван-Чжен со стариком. А за ужином замолчали и в молчании поели Аграфенино варево.

Вместе с остальными в молчании поужинала и Аграфена. Она несколько раз порывалась что-то сказать, но сдерживалась и, пряча в глазах лукавые огоньки, украдкой поглядывала на мужиков.

И когда густой вечер приник к земле и сплошными черными тенями укрыл тальники, тропинку и зачернил холодное серебро воды, Аграфена ушла в свою куть и накрепко закрыла тонкую дверь.

9.

Мак цвел... Солнце напоило пурпурные, розовые, лазурные, алые чашечки острым и туманящим зноем своим, и они источали неуловимый горький запах.

Вся полоска, тщательно возделанная китайцами, покрылась зыблющимся пестрым цветным покровом. Как блуждающие огни вспыхивали среди других цветков ярко алые. Как нежные бабочки вспархивали под ветром тонкие

лепестки. Осы и шмели жадно кружились над ними, приникали к чашечкам цветков, пили нектар и, отяжелев, с протяжным жужжанием улетали с цветка на цветок.

Томящий июль прогревал землю и сушил растения. В синей выси неподвижно висели громадные неподвижные ослепительно-белые хлопья облаков. Цветы изнемогали от зноя, от жажды. Цветы острее гнали свой аромат.

Сюй-Мао-Ю поглядывал на небо и вздыхал. Урожай такой хороший, такой благодатный, а тут сушь стоит, засуха все может погубить. Хоть бы немного дождя!

Сюй-Мао-Ю всматривался в белые облака, в далекую высь бесплодного неба и про себя уговаривал богов смилостивиться и выжать с неприступных высот хоть немного влаги, хоть немного дождя. Хоть бы один дождливый день!

Он часто уходил в маковое поле, словно своим присутствием надеялся нагнать дождевые тучи. Выстаивая долго неподвижно на краю поля, он вглядывался вдаль, любовался мимоходом радужной игрою макового цветения, вздыхал, подымал лицо к небу и жмурил глаза. Он ждал, он терпеливо и настойчиво ждал появления тучи, с которой пришли бы, наконец, прохлада, влага, освобождение от зноя.

Но томящий июль безжалостно и жестоко ранил землю огненными поцелуями. Трава, опаленная солнцем, желтела, словно ступила по ней осень. Листья на деревьях пожухли и, пыльные и жалкие, застыли в горячем воздухе без трепета, неподвижно.

На далеком, в ясные дни только едва белеющем в зыблющейся дали, Белогорьи снега, с'еденные жарким, жадным солнцем, растаяли и ринулись потоками в ручьи и речки. И среди засухи и зноя речка у зимовья вдруг вспухла, напоилась обильными водами и забурлила у берегов. По речке пошла муть, и Аграфена, несмотря на изнурительную жару, стала реже купаться.

Сюй-Мао-Ю ходил сумрачно вокруг поля, а остальные китайцы—вокруг Сюй-Мао-Ю. Тревога вползла в них. Тревога сушила их не меньше, чем засуха—землю.

Ван-Чжен беспрестанно вздыхал и горестно чмокал:

— Ай-яй! Пропадают деньги, пропадет работа!.. Не будет дождя—не будет урожая. Плохо дело! Очень плохо!..

Пао бодрился. Он делал вид, что не унывает и твердил:

— Вот подождите! пойдет дождь!.. Скоро, скоро!

Другие опасливо и нерешительно молчали и лениво коротали томительные палящие дни.

А к злому и беспощадному зною прибавилась еще одна беда. Появились в неимоверном количестве сердитые комары, налетела откуда-то огромная туча мошки. Они жалили, кусали, мучили. От них не спасали неугасимые дымокуры. Они раз'едали лицо и руки в кровь. У Хун-Си-Сана от укусов мошки лицо вспухло, стало страшным и смешным. У Аграфены, кроме лица и рук, комары и мошка искусали ноги и она исступленно, до изнеможения царапала их, ранила ногтями, спасаясь от боли, от зуда.

Дни стали тягостными и одуряюще-томительными. Легкая передышка приходила только ночами. Ночью, когда жар спадал и унимался гнус, было легче дышать. Тогда все долго сидели у входа в зимовье возле костра. Сидели молча, не завязывая бесед, без песен, без смеха. Огонь дымокура слабо освещал застывшие в неподвижности, в молчании фигуры. Как причудливые изваяния, смутно намечались они в полусвете костра. Как завороженные, зачарованные изваяния.

Раньше всех поднималась и уходила в зимовье Аграфена. Ей становилось тягостно среди безмолвия ночи, возле угрюмо насупившихся и застывших в полусне китайцев. Порою, уходя, она кидала им какую-нибудь злую шутку. Они оборачивались в ее сторону и продолжали свое молчание.

Позже уходили Хун-Си-Сан и Ли-Тян. Затем Ван-Чжен и Пао. И самым последним Сюй-Мао-Ю. Но и в зимовье они не скоро засыпали. И долго еще Аграфена, лежа в своей каморке, слышала скрип половицы и тонкий писк двери и знала, что это ходит старик, которому не спится и который выползает из зимовья и прислушивается к тишине ночи и присматривается, нет ли каких признаков дождя.

Так до поздней ночи, до первых проблесков рассвета ходил Сюй-Мао-Ю и ждал. Ждал конца засушливой поры, несущей им разорение и гибель всех их трудов.

Наконец, в один особенно знойный и душный полдень, когда раскаленный воздух сжигал траву и испепелял обнаженную землю, старик, вглядевшись в мутноватую, зыблющуюся лазурь неба, заметил темное облачко. Он долго наблюдал за ним, ничего никому не говоря. Долго всматривался, обжигаемый одновременно сомнениями и надеждой. Привлеченные его взволнованным видом, подошли и другие и тоже уставились в небо.

Аграфена посмотрела вместе с китайцами на облачко и обрадованно и уверенно сказала:

— Ну, мужики, ждите дождичка!

Старик быстро оглянулся на нее и пробормотал злобное ругательство.

— Морчи!.. твоя морчи!..—неожиданно поддержал старика Ван-Чжен—Не хорошо!

Усмехнувшись, Аграфена замолчала. Она сообразила, что китайцы боятся, как бы она своим восклицанием не спугнула дождь, и в душе согласилась с ними.

Молчаливо, в тревожном ожидании стояли они все, задрав головы вверх и следя за маленькой черной тучкой.

А тучка начала понемногу расти и шириться. Она стала темнеть, надвигаясь все ближе и ближе. И с ее приближением все кругом стало неуловимо и быстро меняться: вода в речке потемнела, листья вздрогнули, шелохнулись, откуда-то дохнуло слабой трепетной свежестью; вспорхнула птица, за ней другая; раскаленный воздух, упругий и тяжелый, словно растаял и сделался свежее и легче. Потом внезапный порыв ветра потряс тальники и взбороздил воду. Туча стала быстро стремительно расти. Она уже заняла полнеба; она заслонила солнце; она надвинулась внезапно и неудержимо. И ее стремительность не дала опомниться китайцам: первые тяжелые, хлещущие капли дождя упали на них, поразив их радостным изумлением.

— Хао!.. хао!..—тонко и визгливо закричал Ван-Чжен и подставил руки под острые уколы дождя.

— У-у! холошо!.. Шибко холошо!..—захохотал Пао и повернул мокрое лицо к Аграфене—У-у!..

Дождь пролился бурно, с шумом, быстро покрыв землю мутными потоками воды. Китайцы с веселым криком побежали к зимовью. Под дождем остался один только старик. Потирая ладонями бритую голову, он поворачивался во все стороны, жмурился, приседал и вода ручьями стекала с его головы, с его плеч, с его рук. Рубашка, намокнув, прилипла к его телу, и он казался под дождем совершенно нагим. Лицо его сияло от влаги и от наслаждения. Отрывистые, радостные вопли вырывались из его горла.

Словно славя какого-то, одному ему ведомого духа дождя, прыгал он в быстро образовавшейся вокруг него, под ним луже, плясал дикую пляску и неистовствовал.

Почти с испугом смотрела на него издали Аграфена. Она не узнавала сдержанного, обычно хмурого старика.

— Рехнулся!—кивнув на него головою, сказала она китайцам—Сумасшедший!?..

Китайцы смущенно засмеялись.

10.

Ливень освежил воздух, напоил деревья и травы новыми силами, убрал поля и лес освеженною зеленью и смыл с берегов лесной и человеческий сор. Вокруг зимовья стало чище и приглядней.

Ливень оживил мак.

Алые, пурпурные, красные и иных оттенков и цветов чашечки раскрылись шире и засияли своими красками сочно и ярко. Маковое поле заискрилось цветными огнями, заволновалось многокрасочною жизнью. Маковое поле заулыбалось навстречу омытому сияющему небу.

Ожили и заулыбались и китайцы. Даже Сюй-Мао-Ю просветлел. Шлепая босыми ногами по мокрой траве, он бродил вокруг поля, наклонялся к цветам, трогал стебли, и на лице его играли веселые отсветы сверкающих, освеженных цветов.

— Хао!—жмуря глаза, отвечал он на веселые вопросы Ван-Чжена—Очень хорошо все теперь пойдет!

— Хорошо!—твердили остальные.

— Хао!.. Хао!..

Аграфена ходила тоже освеженная, помолодевшая и подобревшая. Ясная синь неба, молодые краски зелени и цветов, довольные лица китайцев—все это наполняло ее тихою радостью. Она стала чаще смеяться, шутить. Она даже запела однажды, плескаясь у речки.

Ее песни услыхали китайцы и насторожились. И пока она пела проголосную, грустную песнь, они, притихнув, перестали болтать и шуметь. Песня им понравилась. Песня сделала их задумчивыми и грустными. Но была эта грусть, повидимому, так сладка, так приятна! Потому что, когда Аграфена умолкла, они шумно заговорили. Они весело засмеялись, беспечные, как дети, как дети, легко стряхнув с себя задумчивость и тоску.

— Твоя шибко хорошо поет!—похвалил Аграфену Ван-Чжен.

— Твоя пой, а сердце, как ветер качай: туда-сюда!..—сияя ребячьей улыбкой, внезапно вставил обычно молчаливый Ли-Тян.

Пао шлепнул в ладоши и попробовал запеть так, как пела Аграфена, но не сумел и визгливо рассмеялся:

— Наша песиня длугой!.. Наша песиня так...

И он сморщил лицо, закрыл глаза и, подняв голову к небу, пустил острую, тонкую трель. Аграфена шутливо зажала уши пальцами.

— Ишь, оглушил, чорт!—расхохоталась она игриво.

Возле зимовья заволновалась радость.

И в радостном настроении Сюй-Мао-Ю однажды утром, долго перетолковав о чем-то с остальными, направился в путь. Он пошел в ближайшее село за необходимыми покупками и еще по каким-то делам.

Перед уходом он наказал Ван-Чжену в присутствии Аграфены, по-русски, что бы и она могла понять:

— Тири дня ходить буду... Мало-мало муку неси буду, чай, курупа... Три дня смотри мака... Хорошо расти. Плохо не надо!..

— Ладно, ладно!—пообещал Ван-Чжен.

Старик ушел. У речки, в зимовье остались пятеро. И так как дни, очищенные недавним ливнем, стояли теплые, ясные и благоуханные, и так как работы у китайцев было совсем мало, то в сладкой и спокойной праздности и китайцы и Аграфена стали проводить почти все время вместе.

И снова Аграфена почувствовала, что мужчины тянутся к ней, что они сторожат ее, стараются перехитрить друг друга и упорно и настойчиво охотятся на нее. И снова она перед сном в своей кути долго прислушивалась к звукам и трескам, тянувшимся с мужской половины.

Порою, лежа в темноте с открытыми глазами, она слышала осторожные крадущиеся шаги, мягкое шлепанье босых ног и тихий шорох за дверью. Она сдерживала дыхание, вся замирала и слушала. Замирала вовсе не от страха,—она знала, что стоит ей крикнуть и она будет в безопасности. Но ей было забавно прислушиваться к бесполезным попыткам того, неизвестного, томящегося, неузнанного. Иногда она старалась по смутным и неуловимым шагам и шорохам догадаться, кто это подходит осторожно к ее двери? Но узнать она и догадаться не могла. То ей казалось, что это легко крадется Ван-Чжен, то ей чудились танцующие шаги Пао, то, наконец, она узнавала, но сейчас же отказывалась от своей догадки, тяжелую поступь Хун-Си-Сана.

Утром она лукаво вглядывалась в каждого из них, стараясь подметить в ком-нибудь хоть тень смущения, хоть какой-либо признак ночных попыток. Но китайцы были невозмутимы и спокойны. И нельзя было догадаться, что кто-то из них ночью, замирая от волнения и сгорая от желания, подкрадывался к двери, отделяющей от женщины, и жарко дышал возле дощатой, но прочной перегородки.

С утра, тихо и ясно начинался ленивый день. С далеких хребтов, укутанных мохнатым кедровником, теплый ветер приносил смолистые ароматы. С макового поля, на котором разбегались цветные пестрые волны, тянулись смутные запахи. От реки шла робкая свежесть. И над всем—над зимовьем, над деревьями и кустами, над травами и тропами, над водою—над всем колыхались зыбкие столбы мошки, которая опять набиралась мощи, наглела и становилась беспощадно злою.

С утра начиналась медленная, однообразная жизнь. И каждое прожитое утро было похоже на следующее, и каждый прошедший день был подобен новому, приходящему ему на смену.

Аграфена споро справлялась со своей работой в зимовье и у очага и целый день была свободной. Она ходила на поле, бесцельно и праздно глядела на цветение мака. Она просиживала часами у речки. Она томилась и скучала. От скуки она заводила споры с китайцами, которые миролюбиво отвечали ей и не противоречили. Ее злила их податливость. И оттого, что она не встречала противоречий, не встречала отпора, ей становилось еще тоскливей, еще скучнее.

Иногда она уходила подальше от зимовья. За полем тянулся сосновый лес. В сосняке всегда чисто и тихо. И Аграфена полюбила уходить сюда и бродить, чувствуя под ногами упругий и мягкий слой хвои. Ей полюбилась спокойная тишина, которая стояла здесь, тишина, в которой думалось вольно и легко и мысли в голову шли все такие ясные и нетревожные. Она оставалась бы здесь долго, если б не комары и мошка, которые начинали беспокоить ее и которые напоминали о жилье, гнали к дыму, под кровлю.

В сосняке, который тянулся на много верст, она встретила чужого человека.

Присев отдохнуть на бугорке у старой сосны, она в тишине вдруг различила мягкие мерные звуки. Встревоженно прислушалась она и насторожилась. Звуки были глухие, неясные. Они шли издали, из глубины леса. Она сразу узнала в этих звуках чьи-то спокойные, неторопливые шаги.

У Аграфены в первое мгновение мелькнула мысль уйти, спрятаться. Она оглянулась и поняла, что спрятаться некуда. Тогда она вскочила на ноги и стала ждать. Сердце у нее заколотилось тревожно. Легкий страх охватил ее.

В пестрой от желтых чистых сосен дали замелькала тень. Шаги стали отчетливей. Тень быстро превратилась в человека.

— Баба!?—изумленно и недоверчиво прозвучал громкий вскрик.—Никак, баба?..

— А тебе что?—набираясь храбрости и оглядываясь в сторону невидного отсюда зимовья, спросила Аграфена.—Ну, баба...

— Ты откуда?...—Мужчина подошел к ней поближе и подозрительно уставился на нее.

Аграфена разглядела его. Она сразу ухватила быстрым взглядом заросшее черной курчавой бородою лицо, маленькие, блестящие, пронизывающие глаза, выцветшую шляпу, надвинутую по самые брови, черную дымку сетки от мошки, закинутую на шляпу, ремни патронташа, перекрестившие грудь, темный блеск ружейного дула.

— Ты откуда взялась такая?—повторил свой вопрос мужчина.—Ты одна здесь, что ли?

— Я с мужиками!—предостерегающе пояснила Аграфена.—Ты шел бы, паря, куда идешь, своей дорогою!..

— Моя дорога дальняя!—усмехнулся мужчина.—Мне торопиться, бабочка, не приходится!.. Здесь, рази, жилье где поблизости имеется, или с работой какой ты с мужиками тут?

— Работаем!..—коротко подтвердила Аграфена, медленно отодвигаясь от незнакомца. Тот заметил это и сощурил глаза:

— Боишься?

— А кто тебя знает, кто ты такой?—утрюмо сказала Аграфена.—Да мне бояться-то нечего: я, чуть что, скличу мужиков.

— Ты не бойсь! Я тебя забижать не собираюсь... Я тут мимопутьем, в одно место пробираюсь, да, видно, не туды поворотил. Мне на Гремячую надобно выйти, повыше Спасского...

— На Гремячую ты тута-ка не попадешь. Ты лишку верст десять отмахал. Тебе бы вон теми сопками, кажись, обойти надо... А теперь ворочаться обратно придется.

— Хм... Незадача какая!...—Незнакомец покрутил головою и огорченно сплюнул. Но в черных пронизывающих глазах сверкнуло что-то лукавое, острое, незамеченное Аграфеною:

— Вот досада-то! Это, стало-быть, опять мне ноги мозолить, переться обратно!? Тьфу, дьявольщина какая!..

Предаваясь сетованиям и огорчению, прохожий полез в карман за кисетом и за трубкою.

— Что ж!—закурив, немного успокоился он.—Ничего не поделаешь... Как звать-то?—будто мимоходом спросил он.

— Меня-то? Аграфеной. А тебе на что?

— Аграфеной... Груней, значит!—не обращая внимания на ее хмурый вопрос, одобрил незнакомец.—Так... Хорошо... А нельзя ли, Груняша, мне к твоим мужикам пройти, к жилью? Отдохнуть...

— Иди...—ответила Аграфена и спохватилась: а ладно ли это так? Не заругаются ли китайцы, если она приведет к зимовью чужого?

— Ты скажи, чем они у тебя занимаются тут: корье дерут, или смолу курят?.. А, может, и самогонку гонят?

Незнакомец усмехался и испытующе вглядывался в Аграфену.

— Вот что!—озлилась та.—Ты ступай своей дорогой! Нет тебе здесь постоялых. Нечего разводить: самого-онку гонят!.. Иди, куда шел!..

Она резко отвернулась от него и быстро пошла к зимовью. Но до зимовья, до людей было еще далеко, и у Аграфены замирало сердце в ожиданьи, что встретившийся чужой человек кинется за нею следом, догонит, остановит. Она, волнуясь, прошла несколько шагов, не вытерпела и оглянулась. Тот, чужой, стоял неподвижно на своем месте и зло смеялся:

— Не бойсь! не бойсь!.. Отваливай!..—кричал он ей.—На чорта ты мне сдалась!..

11.

Ни в тот день, ни позже Аграфена не рассказала китайцам о своей встрече в лесу с незнакомцем.

В первый момент, когда она с сильно бьющимся сердцем добралась до заимки, у нее было намерение сообщить мужикам о чужом человеке. Но она почему-то сдержалась. Она сама не знала почему, но как только она увидела Ван-Чжена и других, слова замерли на ее устах, и она промолчала. Потом, позже сказать уже показалось как-будто неловко. И так вышло, что китайцы ни о чем не узнали.

Три дня, положенные Сюй-Мао-Ю на отлучку, между тем прошли. И на четвертый к вечеру старик вернулся. Пришел он усталый и измученный, нагруженный мелкими покупками, оставив главные и громоздкие где-то по-близости. Туда ему их привез на лошади спасский крестьянин и оттуда позже они были доставлены в зимовье на крепких спинах Хун-Си-Сана и Ли-Тяна.

Сюй-Мао-Ю, отдохнув и выкурив трубку, рассказал компаньонам о делах. Он пожаловался на дороговизну всего необходимого, поругал крестьян, с которыми ему довелось встретиться и иметь дело, поохал на свои больные ноги и улегся отдыхать.

Но, видно, не все он рассказал до сна, так как, выспавшись и освежившись, он снова принялся толковать о деле.

— Надо в город ехать!—заявил он.—Кому-нибудь, у кого голова крепкая, кто счет умеет вести и кого не собьет ничей острый и болтливый язык, надо ехать в город! Есть там верные люди, с ними нужно договориться, перетолковать... Мак начнет скоро зреть, товар станет выходить. Товар не любит, когда нет на него готового купца... В городе есть купец, здесь есть товар,—вот и надо, что бы все было в порядке!

Все, выслушав старика, согласились, что, действительно, нужен во всем порядок, нужно кому-нибудь поехать в город. Пао, скорый на решения, сразу предложил:

— Пусть едет Сюй-Мао-Ю!

С Пао уже молча соглашались Ли-Тян и Хун-Си-Сан. Но Ван-Чжен скорбно улыбнулся и вздохнул:

— Нельзя натружать старые кости! Нельзя гонять старого Сюй-Мао-Ю всюду—и в деревню, и в город!.. Нет, это не годится!

Старик взглянул на Ван-Чжена и прикрыл глаза сморщенными темными веками.

— Конечно!—мотнул он головой.—Мне тяжело. Ой, как тяжело!.. Но я не отказываюсь. Я могу... Хотя, если Ван-Чжен согласится, то можно нам двум разделить между собою эту работу. Ван-Чжен учен и ловок в счете, а

я крепок против краснобаев. Хорошо может, пожалуй, выйти, если мы отправимся в город оба, я и Ван-Чжен.

Теперь пытливо и внимательно посмотрел на старика Ван-Чжен и тоже полузакрыл глаза:

— Это, действительно, хорошо!—согласился он. Вслед за ним согласились с предложением Сюй-Мао-Ю и остальные.

Аграфена следила за разговором китайцев, ничего не понимая. Ее встревожила горячая беседа их, и она разозлилась:

— О чем вы это лопочите? Каку опять кумуху придумываете?.. Говорили бы по-людски, а то «фаны-ланы», «фаны-ланы»!.. Ничего не поймешь!..

— Фаны-ланы!..—засмеялся Ван-Чжен.—Это такая у нас нету! У нас слова свой. У тебя свой слова, у наши люди свой... Наша в город ходи: моя и старика. Дело мало-мало ходи!.. Наша городе купи мало-мало. Тебе купи гостинца: Палатока!

Упоминание о гостинце немного успокоило Аграфену. Она присмирела и перестала соваться в дела китайцев.

Но в то утро, когда оба, Ван-Чжен и Сюй-Мао-Ю, снаряженные в дорогу уходили из зимовья, она снова вскипела. Какая-то тревога закралась ей в сердце и она, скрывая ее и пряча в себе, сердито раскричалась:

— Вот уходите, а тут хоть бы собаку каку-ни-на-есть оставили!.. Эти-то, она ткнула кулаком в сторону оставшихся китайцев,—дрыхнуть будут! Ничего не услышат!.. Черти желторожие, не могли собаку завести!..

Китайцам было непонятно раздражение Аграфены. Недоуменно переглянувшись и кинув несколько успокаивающих слов, они перестали обращать внимание на женщину.

Ван-Чжен и Сюй-Мао-Ю ушли.

В зимовье и вокруг него стало тише. Жизнь покатилась медленней и невозмутимей. И можно было бы в эти тихие, наполненные солнцем и животворящим теплом дни ясно и спокойно отдыхать, попрежнему в знойные часы плескаясь в речке, или бродя в сосняке. Но Аграфена перестала уходить далеко от жилья, перестала бродить в сосновом лесу. Она утратила спокойствие. Ей стали чудиться чужие, подозрительные звуки крутом. В каждом треске и шорохе ей мерещилась какая-то опасность. И, убегая от этой неведомой опасности, она старалась быть все время вместе с китайцами, черпая в их присутствии мужество и уверенность. Китайцам, особенно Пао, нравилось, что Аграфена стала бывать возле них почти целый день. Они сделались смелее и бесцеремонней с нею. Они начали поглядывать на нее многозначительней и ласковей. Иногда кто-нибудь из них пытался похлопать ее по спине, по бедрам. Порою они хватали ее за плечи и шутя тянули бороться. Даже молчаливый, с неверными, прячущимися глазами Хун-Си-Сан и тот осмелел и однажды обхватил Аграфену своими железными руками и сильно прижал ее к себе. Аграфена вырвалась и, краснея от злости и напряжения, набросилась на китайца с громкой и свирепой бранью. Но он нагло сверкнул зубами и остро усмехнулся.

И с этого дня Аграфена стала бояться Хун-Си-Сана.

Так случилось, что и среди своих, возле зимовья, среди китайцев, она тоже начала утрачивать спокойствие и стала побаиваться чего-то не только по ночам, но и днем. И она с возрастающей тоскою стала дожидаться возвращения Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжена.

Теперь по ночам она часто слышала, как кто-то трогал скобку ее двери и старался тихо открыть ее. Она впивалась глазами в ночную тьму, приподымалась на локтях и слушала. А потом, когда за дверью замолкало и де-

лалось совсем тихо, она прижималась головою к горячей подушке и злобно стискивала зубы:

— О, проклятущие!..

Однажды глухою ночью за стеной, у самой двери своей каморки она услыхала тихий шопот, сдержанный спор двух голосов. Она дернулась, вся подалась в сторону этого спора и, вслушавшись, узнала голоса Хун-Си-Сана и Пао.

В первое мгновенье ей показалось, что за дверью идет спор между двумя, из которых один пытался проникнуть к ней, а другой воспротивился этому, и она обрадовалась и даже улыбнулась в темноте. Но прислушавшись внимательней, она, не понимая слов, по бесстрастному, почти деловому тону тихого, сдержанного, опасливого разговора сообразила, что ошиблась. Она поняла, что там, по ту сторону тонкой дощатой перегородки сошлись и толкуют о чем-то не противники, не враги, а союзники и соумышленники. И наполняясь злобой и страхом, она не выдержала, она вскочила, в темноте протянула сжатые кулаки и закричала:

— Ли-Тян! Эй, спишь?!.

За перегородкой прошлепали торопливые шаги, продержалось мгновенное молчание. Потом сонный, но встревоженный голос Ли-Тяна отозвался:

— Ты что киричи?

— Ничего...—сразу приходя в себя и успокаиваясь, ответила Аграфена.—Я так... Померещилось мне... Ничего, Ли-Тян!..

12.

Ван-Чжен и Сюй-Мао-Ю, пробыв недолго в деревне, отправились на станцию и влезли в вагон. Поезд шел из Москвы, вагоны были переполнены пассажирами. Ван-Чжен и старик устроились на боковых местах и, притихнув, стали разглядывать своих спутников. Русские, чужие люди ехали по своим делам и громко разговаривали и весело смеялись. Русские, чужие люди недовольно поглядели на китайцев, устроившихся на своих местах, и затем перестали их замечать. И Ван-Чжен, и Сюй-Мао-Ю сжались, притихли и насупились.

Старик вздохнул и тихо сказал Ван-Чжену:

— Плохие люди. Плохо смотрят на китайцев... Злые люди.

Ван-Чжен наклонил голову и прищурил глаза:

— Да! Очень плохие!.. Они все, все такие. Мы для них, как собаки... Плевал бы я на них! Целый час... больше часу плевал бы я им в лицо!..

Поезд, покачиваясь и звеня, шел своей точно намеченной дорогой. В вагонах плелась обыдень вагонной, поездной жизни. Ван-Чжен украдкою смотрел на спутников, на пассажиров, слушал их говор и злился.

Но вот Ван-Чжен навострил уши. Он услыхал звуки родной речи. В соседнем отделении молодой голос произнес родные, китайские слова.

— Сюй!—встрепенулся Ван-Чжен.—Ты слышишь: наши!

Сюй-Мао-Ю вытянул шею в ту сторону, где слышались родные слова, и стал прислушиваться. Не было никакого сомнения—по-соседству помещались свои. Ван-Чжен и старик без всякого сговору торопливо юркнули в соседнее отделение вагона и увидели трех молодых китайцев, весело беседовавших о чем-то занимательном и важном. Гладко стриженные круглые головы склонились одна к другой и слегка покачивались от вагонной качки, от веселой беседы. Молодой смех изредка покрывал и сопровождал веселые слова.

Сюй-Мао-Ю прошел вперед Ван-Чжена и поклонился этим трем:

— Здравствуйте, юноши, так весело едущие своей счастливой дорогою'

— Здравствуйте, счастливцы!—повторил за ним Ван-Чжен.

Три головы поднялись, три лица враз повернулись в их сторону.

— Здравствуйте, товарищи!

Три голоса согласно и четко сказали: «товарищи».

Сюй-Мао-Ю зорко вгляделся в родичей. Молодые лица их с задорными усмешками и это «товарищи» смутили его и обеспокоили.

— Вы откуда?—осведомился он, пренебрегая обычаем. Один из трех в больших круглых роговых очках выпрямился и, тонко улыбаясь, с какою-то гордостью ответил:

— Мы из Москвы!.. Мы из самого главного города!

— Мы из самого лучшего, самого счастливого города!—подхватили остальные.

Сюй-Мао-Ю придвинулся к ним и сел на краешек скамьи.

— Вы куда?—заинтересовался он дальше, разглядывая юношей, их одежду, их багаж.

— Мы едем домой!.. В Китай!

— Домой?!—Сюй-Мао-Ю неодобрительно покрутил головою.—Дома вас ждет благополучие и радость... Но там, сказывают, льется кровь и жизнь стала беспокойной и опасной...

— Дома,—прибавил Ван-Чжен, протискиваясь на другую скамейку рядом с юношами,—ух, дома большая кутерьма идет!.. Воюют, режут друг друга! Не хорошо!..

— Там—революция!—спокойно об'яснил юноша в очках, внимательно поглядывая на Ван-Чжена и старика.—Народ там добывает себе лучшую жизнь... Вы, видать, рабочие, вы должны понимать, что там происходит, дома!

— Мы, действительно, рабочие!—подхватил Сюй-Мао-Ю и протянул свои руки ладонями вверх.—Вот, посмотрите, вот руки, которые не устают работать... Всю жизнь, всю жизнь!.. Мы, действительно, рабочие, но мы не можем взять в толк, отчего на родине брат пошел на брата, сын на отца? Почему?..

— Если вы в самом деле рабочие, вы должны понимать, что к чему!—упрямо повторил юноша и его товарищи дружно закивали головами.—Вы должны понять!

— Я не понимаю!—лицемерно вздохнул Сюй-Мао-Ю.—Может, ты понимаешь, Ван?—повернулся он к Ван-Чжену.

— Да простят мне мои молодые друзья, я тоже не понимаю!—ответил тот.—Вот молодые друзья наши, видно, учены, они наверное все хорошо знают... Пусть они нам расскажут.

Юноши переглянулись и рассмеялись.

— Об этом долго рассказывать! Всей дороги не хватит, а вы, видать, едете недалеко?

— Мы едем недалеко!—подтвердил Сюй-Мао-Ю.—Мы работаем... Мы услыхали родной язык среди этого варварского, разбойничьего говора и нас потянуло к вам...

— Это вовсе не разбойничий язык!—почти обиженно запротестовал один из юношей.

— На этом языке написаны великие истины!

— Живая мудрость изложена этим языком, который ты, старик, называешь напрасно варварским!

— Не знаю!—упрямо стоял на своем Сюй-Мао-Ю.—Я не учен. Я с молоком матери впитал в себя родные слова. А это—чужое!..

Ван-Чжен наморщил лоб и вздохнул:

— Да...—протяжно вставил он.—Мы не учены, я и мой почтенный престарелый спутник Сюй-Мао-Ю.

— Не надо быть ученым для того, чтобы без злобы слушать чужой язык!—наставительно заметил юноша в круглых очках.—Рабочие люди, у которых мозоли на руках и которых угнетают богатые, разговаривают на разных наречиях, но они хорошо понимают друг друга...

— Я долго не мог научиться понимать этих свиней!—угрюмо и раздраженно запротестовал Сюй-Мао-Ю.—Мне стоило много трудов, много насмешек я перенес, пока уразумел их проклятые собачьи слова!

— О, какой ты сердитый старик!.. Какой злой!

Юноши снова переглянулись и оборвали разговор. Сюй-Мао-Ю вздохнул. Посмотрел на Ван-Чжена, опять вздохнул и сказал:

— Я не хотел обидеть вас... Но мне непонятно, почему вы заступаетесь за них, за чужих, за их чужой язык?

— Да, почему?—подхватил Ван-Чжен.

Трое помолчали, поглядывая внимательно и изучающе на Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжена. Казалось, они раздумывали: стоит ли отвечать. Наконец, тот, который носил очки и который до сего времени, главным образом, вел беседу, достал с верхней полки чемоданчик и, порывшись в нем, вытащил тоненькую книжку.

— Вот!—протянул он ее Сюй-Мао-Ю.—Если бы вы умели читать, в этой книге вы нашли бы настоящий ответ на все свои вопросы!

Старик уставился на книжку и кивнул головой в сторону Ван-Чжена.

— Я не умею. Меня не учили. Ван-Чжен, он немного разбирает.. Ты ведь разбираешь немного, Ван-Чжен?

— Да, кое-что я знаю. Попробую...

Ван-Чжен взял книжку и стал перелистывать шуршащие страницы. Юноши следили за ним. Старик поглядывал на него и ждал:

— Разбираешь?

— Немного...—смущенно ответил Ван-Чжен.

— Возьмите себе эту книгу!—сказал юноша.—Дома, в тишине, после работы вы хорошенько разберете ее, поймете, и тогда обо всем узнаете!

Оба поблагодарили юношей. Ван-Чжен скрутил книжку в трубочку и сунул в карман.

Сюй-Мао-Ю встал и выглянул в окно вагона.

— Сколько, Ван, нам еще ехать? Ты не знаешь?

— Немного!—ответил Ван-Чжен, тоже выглянув в окно.

Они потоптались возле юношей, помолчали, затем попрощались с ними и ушли на свои места.

— Разберите хорошенько!—сказали им на прощание юноши.

— Да, да!—пообещали они враз.

Когда поезд подходил к городу, они суетливо собрали свои вещи, и, едва только под вагонами заскрипели тормоза и плывущие за окнами стены и постройки остановились, озабоченно и полуиспуганно протолкались к выходу.

13.

Ван-Чжен и старик вернулись в зимовье в тот день, когда там произошла первая крупная ссора между Пао и Аграфеной.

Пао подкараулил женщину у речки и, воспользовавшись тем, что поблизости не было ни Ли-Тяна, ни Хун-Си-Сана, сунулся обнимать ее. Аграфена вывернулась из его об'ятий и с размаху крепко ударила его по лицу. Пао схватился за ушибленное место обеими руками и закричал:

— Ты зачем делись? Твоя сволоча!... Твоя смотли!..

Он кричал злобно, и визгливый крик его разбудил ясное спокойствие окружающего. Аграфена, вся напружинившись от негодования и обиды, на крик Пао ответила криком же:

— Сам ты сволочь! косоглазая тварь!.. Я те пообнимаюсь, гнус ты этакий!.. я те полезу, азият разнесчастный!..

Громкая и небывалая перебранка привлекла остальных. Сначала подошел Ли-Тян. Он сумрачно поглядел на Пао и что-то сказал ему отрывисто по-китайски. Аграфена обернулась к нему и неожиданно дрогнувшим голосом пожаловалась:

— Вот погляди, лезет он ко мне! Рукам волю дает, ругается!

Ли-Тян быстро сказал еще что-то, Пао оскалил зубы и крикнул ему в ответ несколько злых слов. В это время подошел Хун-Си-Сан и, криво усмехаясь, бросил одно какое-то слово. Аграфена уловила в этом непонятном слове угрозу, взглянула на Хун-Си-Сана, на других, увидала, как сжались кулаки у Ли-Тяна, и протиснулась вперед, разделяя их одного от другого.

— Вы не смейте драться!—оправившись, предупредила она—Вы, черти, образумьтесь!... Будете штыриться да ко мне приставать, ей богу, уйду отсюда!.... Так и знайте, что уйду!..

В этот день возле зимовья было тихо. Все четверо бродили молчаливые, хмурые. Аграфена держалась от мужиков в стороне. Ли-Тян не разговаривал с остальными. Пао не пел своих песенок.

В этот день вернулись из города Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжен.

Аграфена неожиданно для самой встретила прибывших очень радостно.

— Ну, вернулись, ходоки?—расцветая улыбкою, приветствовала она их.—Нагулялись в городе-то?

Ван-Чжен поблескивал глазами, потирал руки, озирался, поглядывал на Аграфену и кивал головой:

— Вернулась, вернулась!.. Моя не гуляй! моя дело ходи!

Старик сразу же прошел на поле и, обойдя его, вернулся к зимовью довольный и успокоенный.

Мак цвел последними красками. Он уже начинал зреть. Скоро, очень скоро лепестки потеряют свою свежесть, померкнут и станут облетать.

Старик скупо улыбнулся и, пряча свою радость, об'явил:

— Хороший урожай... Если никакая беда не налетит, вознаградит он нас за наши труды. Хорошо вознаградит!..

За ужином, в то время, как все весело и охотно уплетали Аграфенино варево, женщина отложила в сторону свою ложку.

— Вот вы опять теперь все собрались... Вы, мужики, не дозволяйте охальничать Захарке, да вот этому!..—она ткнула пальцем в сторону Хун-Си-Сана.—Озверели они!.. Ежли станут еще приставать, уйду я! Сказала, что уйду,—не останусь!..

Сюй-Мао-Ю остро взглянул на Аграфену, а затем обернулся к Пао и Хун-Си-Сану. Пао широко улыбнулся и защелкал языком:

— Ой, ой!—запел он укоризненно.—Ой, Глафена, какой плохой!.. Моя мало-мало шути, а ты жалися! Моя не обижала, а ты что говоли?.. и Хун шути мало-мало... Ой, пылохо твоя говоли!..

— Ты!..—вскипела Аграфена—Ты не представляйся казанской сиротой! Я, рази, стану врать?!. Лез ты ко мне, охальник! Чего отпираешься? Ай забыл, как я тебе засветила? Вот мужик-то, Ли-Тян, свидетель был. Кабы не он, вы оба не отступились бы от меня... Ты меня во вруши-то не засчитывай! Не обучена я врать!

Ли-Тян встрепенулся. Услыхав свое имя, он насторожился, уперся взглядом в Пао, перестал есть. Потом мотнул головою и быстро и горячо заговорил по-китайски.

Ван-Чжен и Сюй-Мао-Ю нахмурились. То, что гневно и возбужденно сказал Ли-Тян, видимо задело их и обеспокоило. Старик сердито зашипел и кинул Пао какое-то ругательство. Ван-Чжен сморщил губы и, безуспешно стараясь сложить их в улыбку, попытался успокоить Аграфену:

— Молчи! Больше не будут!.. Дурака был... больше не надо сердитый. Надо веселый быть!.. Прауда, надо веселый быть! Да!..

Ужин закончился невесело. После еды китайцы, оставив Аграфену возиться с посудой, уселись покурить. Они курили молча и сосредоточенно. Они курили и что-то обдумывали и решали. Каждый свое.

Первый прервал молчание Сюй-Мао-Ю:

— От женщины всегда худое выходит. Я говорил. Я первый, еще давно сказал это, но меня не послушали... Пао и Хун задумали нехорошее. Женщину не следует трогать, а они трогали ее, и она сердится... Пусть бы они бегали, как голодные быки, где-нибудь в другом месте и пусть бы какая-нибудь женщина сердилась на них, но не здесь. Не здесь!.. Здесь женщина может, в самом деле, озлиться и уйти. А если она уйдет, то она распустит свой бабий язык... Подумали вы об этом? А?..

— Пао, как индюк: только увидел бабу, сразу распускает хвост и без ума, без памяти лезет!—обозленно вмешался Ван-Чжен.

— А ты?—возмутился Пао—А ты разве не подступал к ней? Ты не обнюхивал ее, как жадная собака?!. Почему во всем виноват один я? Почему—Пао, да Пао? Вот и другие хотели и хотят эту женщину... Почему вы злитесь? Она ничья жена. Она захочет и никто ей не запретит... Я, правда, пробовал сговориться с нею, но разве вы все, кроме Сюй-Мао-Ю, не делали то же самое!?.

— Я не трогал женщину!—запротестовал Ли-Тян и в голосе его прозвучало возмущение—Я не обижал ее... Я видел, как Пао и Хун старались ее обидеть и помешал им... Женщина кричала. Женщина ударила Пао по лицу. За дело ударила!

Хун-Си-Сан молчал. В то время, как остальные возбужденно спорили, он не вмешивался и только быстро переводил взгляд с одного на другого. Хун-Си-Сан прислушивался к спору своих товарищей, но сам не принимал в нем никакого участия. Его молчание вдруг разозлило старика.

— Вонючая собака!—закричал Сюй-Мао-Ю—Ты ведь тоже пакостил, почему ты молчишь, когда все говорят? Почему ты держишь мысли в деревянной башке своей!?.

Хун-Си-Сан выпрямился и угрожающе расправил широкие плечи:

— Я молчу... Мне о чем говорить? Я ничего не делал... Меня Пао попросил помочь ему, я пришел...

— Ох, врет!..—затряс головой, зажмурив глаза, Пао—Ох, как врет.

Китайцы спорили долго. Аграфена вымыла посуду, сходила на речку, вернулась оттуда, а они все еще перебранивались.

Смутный огонь дымокура несколько раз пропадал под густыми клубами дыма, с речки потянуло прохладой, над деревьями выкатились мерцающие звезды. Вечер глухо обнял все вокруг мягкими и непроницаемыми тенями. Тишина подкрадывающейся ночи стала напряжонней. А голоса спорящих все еще раздавались, крикливые и беспокойные.

Наконец, спор оборвался. Сюй-Мао-Ю первый поднялся и пошел в зимовье. За ним медленно и лениво пошли остальные.

В зимовье старик окликнул Аграфену:

— Что тебе?—спросила она, появляясь на пороге своей каморки.

— Спи спокойно. Теперь будет тихо и никакая люди тебя не трогай! Спи спокойно!

— Ладно! Погляжу!—ответила Аграфена и закрыла дверь на крючок.

Ночь сдвинулась вокруг зимовья, вползла черными тенями в жилище, в Аграфенину куть. Ночь пришла мягко и властно со своими звуками, своими запахами, своими томлениями.

14.

Подходила пора, когда нежные лепестки готовились облететь и обнажить налитые соком и семенем головки мака. Подходило время пожать плоды многомесячной работы. Сюй-Мао-Ю снова ходил важный, торжественный и молчаливый. Он знал себе цену. Он понимал, что здесь, среди остальных, только он один сумеет сделать все, как надо. И остальные, зная это, обращались со стариком предупредительно и с некоторым подчеркнутым уважением. Особенно старался Ван-Чжен. Уходя следом за Сюй-Мао-Ю в поле, он не надоедал ему вопросами, а выжидал, пока тот сам не начнет первый беседу. За столом он придвигал старику лучшие куски и следил за тем, чтобы другие не беспокоили и не тревожили его. Однажды он даже слегка посердился на Аграфену, когда та грубо и насмешливо сунула куда-то палочки Сюй-Мао-Ю.

— Зачем старика обижаешь? Старика не надо обижай!.. Смотри!..

Пао подражал Ван-Чжену в угождении старику. Хун-Си-Сан безмолвно и хитро выжидал. И только Ли-Тян немного сторонился и старика и остальных. Ли-Тян после бурной беседы по поводу обиды, нанесенной женщине, держался в стороне от других. Его заступничество за Аграфену не прошло ему даром. Оно заставило китайцев, даже Ван-Чжена и старика, насторожиться, и положило между ним и остальными какую-то незримую, но ощутительную грань.

Как-то в скорости после возвращения Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжена из города, во время вечернего отдыха после ужина, Ли-Тян услыхал неосторожно сорвавшееся с уст Пао замечание:

— От этих защитников чужих баб надо бы подальше!..

Сначала он не понял, к кому относились эти слова. Но Сюй-Мао-Ю, немного помолчав и сухо и злобно рассмеявшись, со своей стороны прибавил:

— Ли-Тян напрасно раздор вносит. Ли-Тян должен слушать людей, которые его поумнее...

— О чем я должен слушать людей умнее меня?—изумленно спросил Ли-Тян—Я работаю, я не лезу к женщине, которая не хочет меня... Я никого не трогаю.

— Ты мешаешься не в свое дело!—об'яснил Ван-Чжен—Ты лезешь в чужие дела.

Ли-Тян недоуменно пожал плечами и досадливо замолчал. Он понял, что им недовольны, что на него сердятся. Его это не удивило. Ибо он знал, что мужчина не прощает, когда кто-нибудь становится между ним и женщиной, когда у мужчины по чьей-либо вине не утолен любовный пыл.

Это не удивило его, но насторожиться все-таки заставило. Он и прежде держался в стороне от других, молчаливо и не ввязываясь в разговор, а теперь и по-давно. И его настороженность выросла в глухую и неотвязную тревогу однажды после обеда.

Однажды после обеда, в тихий и усыпляющий зной конца июля, Ван-Чжен рылся в своей котомке, с которою ездил в город, и нашел измятую книжку.

— А! это от тех, от молодых?—усмехнулся Сюй-Мао-Ю.—Дорогой подарочек от земляков!.. Ну, разбери-ка, Ван, что там написано?

Ван-Чжен разгладил смятые листки и стал медленно читать. Ему с трудом давалась грамота, он не овладел на родине достаточным количеством знаков для того, чтобы разбирать сложные, ученые книги. Но для этой тоненькой книжки запас его знаний был вполне достаточен. Морща лоб и шевеля губами, он разобрал название книжки и засмеялся. Его смех был одновременно торжествующим и презрительным. Он торжествовал от удовлетворенной гордости, что может показать свою ученость перед этими неучами, перед этими темными людьми. И его презрение относилось и к ним и содержанию книжки, которая не понравилась ему с самого ее заглавия.

— Рабочие всех стран, будьте об'единены!.. Вот, о чем тут написано!—фыркнул он, тыча тонким пальцем с длинным ногтем в книжку—Какой глупый мог это придумать? Почему я, Ван-Чжен, должен об'единяться с чужим человеком, у которого свой обычай, свой язык, которого я презираю и который гнушается мною?.. Здесь написана глупость!..

— Да, да! вредная глупость!—согласился с ним Сюй-Мао-Ю—Эту книгу писал не китаец... Чужой!

Ли-Тян сидел невдалеке и слушал. Он внимательно вслушался в то, что прочитал Ван-Чжен, он заинтересовался книгою. Ему не показалось глупостью то, что написано в этой книге. Ему даже понравилось как-раз то, над чем насмехался Ван-Чжен.

Ли-Тян был неграмотен, он никогда не слышал чтения. Но жила в его душе горячая жажда узнать о том, что написано в книгах. Жило в нем почти благоговейное уважение к печатным строкам, к этим непонятным знакам, разглядывая которые, грамотные люди воскрешают чьи-то мудрые мысли. Ли-Тяна потянуло сказать Ван-Чжену, что он не прав, что люди, умеющие писать книги, не пишут вредных глупостей. Он подумал было сказать это, но удержался.

А Ван-Чжен перевернул страничку и, останавливаясь, запинаясь и пересыпая прочитанное злыми, глумливыми, замечаниями, стал читать дальше.

И Ли-Тян услыхал о многом, чего он никогда не знал, о чем никогда не думал. Ли-Тян нагнул голову и прикрыл глаза. Странно! Эти никогда неслышанные слова, эти истины, о которых он никогда не думал, показались ему почему-то такими знакомыми и близкими. Там, в книжке, над которой потешаются Ван-Чжен и Сюй-Мао-Ю, говорилось о мозолистых руках, о людях, которые всю жизнь трудятся и ничего никогда не имеют. Там говорилось о труде. А Ли-Тян сам всю свою жизнь тяжело трудился, Ли-Тян сам всю свою жизнь, всегда носил на руках твердые грубые мозоли; у Ли-Тяна никогда ничего не было—ничего, кроме изношенной одежды, сбитой обуви и плоского, залоснившегося грязного тюфячка.

Он вслушивался в отрывки, которые вычитывал из книги Ван-Чжен, сопровождая их смехом и злыми шутками.

— Так... так!..—соглашался Ли-Тян про себя—Верно!.. Все верно!.. Кто это все написал про труд и про богатых? Наверное, кто-нибудь такой, кто сам хорошо знает нищету и тяжелый труд!..

Ван-Чжен вдруг перестал читать и хмуро уставился в раскрытую книгу.

— Что ты там еще увидел?—насторожился Сюй-Мао-Ю.

— Слушай, что тут наплетено этим неизвестным ученым, написавшим такую дрянную книгу!.. Слушай!..—сердито сказал Ван-Чжен и стал читать—«Везде во всем мире богатые, отбирая плоды трудов рабочих, стараются одурманить их головы и усыпить их волю... Богатые торгуют пьянящим вином, они приучают рабочих курить опиум, от которого человек теряет разум и делается бессильным... Они поддерживают веру в несуществующих богов...». Ты слышишь, Сюй, этот язычник, этот подлый проходимец восстает против всего!..

— Уй, уй-юй!..—медленно покачивая головою, протянул Сюй-Мао-Ю.—Такой подлый! Такой подлый!..

Старик оглянулся на Хун-Си-Сана и на Пао, мельком взглянул на внимательно прислушивающегося Ли-Тяна и вздохнул.

— Перестань читать!—прибавил он неожиданно—Подлый человек, подлая бумага, подлые слова!.. Бросить книжку в огонь!.. Да, сжечь!..

Ли-Тян беспокойно переложил затекшие ноги и кашлянул.

— Здесь много верного написано... Из самой настоящей жизни!—нерешительно вмешался он—Зачем сжигать? Хорошо написано... Можно слушать. Я бы все время слушал!

— Эта книга для дураков!—злобно засмеялся Ван-Чжен—Для дураков, которые распускают уши на всякую брехню!.. Вот!..—и он, смяв книжку, разорвал ее пополам.

Сюй-Мао-Ю остренько хихикнул и подобрал разорванные листки.

— Подлая бумага!—повторил, он комкая собранные остатки.

Ли-Тян растерянно и огорченно посмотрел на разорванную и смятую книгу.

— Нехорошо!—покачал он головою—Очень нехорошо!..

— Эй! вскочил на ноги и угрожающе оскалил зубы Ван-Чжен.—Умник непрошенный!.. Ты брось... Ты не мешайся!.. Ты брось мешаться не в свои дела!.. Слышишь!?.

— Да, да!..—подхватил Пао—Можно тебе отбить охоту совать свою пасть куда не следует и куда не просят!

— Ты...—нахмурился Ли-Тян и осекся: три пары глаз остро и зло уставились на него; три пары глаз, вспыхивая гневом и угрозою, метнули молчаливое, но нескрываемое предостережение.

Только Сюй-Мао-Ю, пряча свой взор, хихикнул и, притворно зевая, посоветовал:

— Ладно! Перестаньте. Лучше отдохните после пищи!.. Такая жара... такая духота. Небо опять шлет свой неутолимый огонь... Ложитесь лучше отдыхать в тень, в прохладу!

Ли-Тян прислушался к лицемерно-ласковым словам старика и украдкой поглядел на остальных. Те переглянулись и потушили готовое уже было разгореться возмущение. Они поднялись один за другим и, следуя совету Сюй-Мао-Ю, разбрелись в разные стороны.

Из зимовья вышла Аграфена с закопченным котлом в руках. Она шла мимо Ли-Тяна, который, припав к выжженной траве, раздувал полузаглохший дымокур, и улыбнулась ему. Ли-Тян поднял голову, заметил улыбку женщины и расцвел:

— Река ходи?.. Жарыко...

— Грызут тебя твои-то?—оглянувшись вокруг, сказала Аграфена—Гляди, как бы они тебя и всамделе не загрызли!..

— Моя плохо понимая!—виновато усмехнулся Ли-Тян—Ты кого говори грызут?

— Ах, чудак!—подошла к нему поближе Аграфена—Ну, вот пойми: сердятся на тебя товарищи, шибко сердятся! Могут тебя обидить!.. Понимаешь?

— Сердитый!?.. Да!—сообразил Ли-Тян—Его шибко сердитый!.. Сюй сердитый, Ван сердитый, Пао сердитый!.. Многа! все!.. Я не бойся! Нет!

Аграфена подтолкнула ногою еловую ветку в огонь и замялась.

— А я,—неожиданно для самой себя приглушенно призналась она,—чего-то все боюсь... Тоска на меня нынче стала нападать...

— Твоя не бойся!—успокоил ее Ли-Тян, обнимая ее всю восхищенным и признательным взглядом—Твоя никто не обижай!.. Ли-Тян скажи, Ли-Тян никого не бойся!

— Ох ты, герой!—засмеялась ласково Аграфена, собираясь уходить. Но не ушла и, понижая голос, спросила:

— Об чем это, скажи, они так сердито толковали, не обо мне ли?

Ли-Тян отрицательно покрутил головой:

— Не!.. Твоя не говорили, твоя не толковали! Разыное говори... Книжка, бумага читай. Хороший бумага, умный!... Ван книжка читай и ругала!...

Ли-Тяну нехватало слов для того, чтобы толково и подробно об'яснить Аграфене, о чем читал Ван-Чжен и почему они спорили и сердились. Аграфена, привыкшая понимать ломанный язык китайцев, внимательно и терпеливо вслушивалась в об'яснения Ли-Тяна и одобрительно улыбалась ему.

И согретый ее улыбкой и подстрекаемый ее вниманием, Ли-Тян, громоздя неуклюжие и тяжелые слова, путая и меняя выражения, которых совсем и не было в книге, отрывки из которой он только что услыхал, рассказал Аграфене о ком-то мудром и всезнающем, кто написал золотые, сверкающие слова.

Ли-Тян полузакрыл глаза и, мечтательно раскачиваясь, по-своему повторил Аграфене о богатых, которые ничего не делают и сладко живут, и о бедных, удел которых—тяжелый беспрерывный труд.

— О!..—зажмурив глаза, словно не в силах был перенести блеск ярких слов, сказал он в заключение—О, слова такие... как день!.. как белая горячая день!..

— Ишь!..—смущенная его порывом и не все поняв, оглядела его Аграфена—Ишь ты какой... Будто дите малое!..

И медленно ушла к речке.

А Ли-Тян остался у дымокура один. Его голова была переполнена непривычными тяжелыми мыслями. Он чувствовал внутри себя тревогу. Тревогу, которая пришла от обращения с ним товарищей, от только что услышанных слов, которые глумливо вычитал Ван-Чжен из привезенной им книжки, от мыслей, переполнивших его голову.

Ли-Тян почувствовал растерянность. Он никогда этого не испытывал: быть в смятении от мыслей.

15.

Сюй-Мао-Ю обходил поле. Серо-зеленые головки мака таили в себе чудодейственный, бесценный сок. Сюй-Мао-Ю наклонялся к ним, трогал сухими вздрагивающими пальцами, вдыхал в себя волнующий запах и был сосредоточенно-безмолвен.

Остальные стояли здесь же, в стороне и молча следили за стариком.

Настала пора первого сбора сока. Пришел долгожданный день. Огни июльских полудней взлелеяли мак и заставили его зреть. Сюй-Мао-Ю

прощупывал сквозь упругую и слегка влажную кожицу головок недозревшие зернышки. Сюй-Мао-Ю знал: сок дошел и его можно, его нужно собирать.

У Сюй-Мао-Ю в руке маленькая чашечка. В другой руке небольшой нож с острым лезвием. Этим ножом Сюй-Мао-Ю ловко проводит вокруг ближайшей головки и соскабливает выступивший из пореза молочно-белый сок. И, проводя быстрым движением ножа по краю чашечки, он оставляет в ней несколько капель этого сока.

Сюй-Мао-Ю молчалив и сосредоточен. Он идет от головки к головке, он наносит растениям молниеносно-быстрые раны, он собирает белую кровь. И капля за каплей наполняется этою кровью фарфоровая чашечка, которая до этого дня хранилась где-то в несложном скарбе старика.

Ван-Чжен стоит ближе всех к старику. Ван-Чжен неотрывно следит за ним. У Ван-Чжена раздуваются ноздри, глаза его вспыхивают искорками. На лбу у Ван-Чжена дрожат крупные капли пота.

Пао и Хун-Си-Сан, притихнув, словно на молитве, неуклюже и робко двигаются за Ван-Чженом, не спуская глаз со старика. Они знают, они чувствуют: вот настал день, когда обнаружится—не напрасно ли они томились здесь в лесу, страдали от зноя, от насекомых, натружали руки и тосковали по людным улицам, по городу.

Зараженный общей молчаливостью и настороженностью, растерянно и осторожно стоит Ли-Тян. Он силится что-то понять, о чем-то вспомнить, и не может. И с легким и смутным испугом смотрит он на старика, на чашечку и нож в его руках.

А в сторонке, подальше отсюда, наблюдая за всем, всех оглядывая, остановилась Аграфена.

Так начинается первый сбор сока. Долгожданный, неповторимый день...

К обеду Сюй-Мао-Ю наполнил свою чашечку до краев быстро густеющим соком. И когда он принес ее в зимовье и поставил на стол, а сам остановился возле, потирая рукою затекшую поясницу, усталое лицо его просветлело веселой усмешкой:

— Хао!.. Много будет добра!.. Лето прошло не даром. Работа не пропадет! Нет!

И его усмешка, его слова отразились светлыми радостными улыбками на лицах столпившихся вокруг него китайцев. Его слова зажгли радость в остальных. Протискиваясь поближе к столу, к чашечке, Пао шлепнул в ладоши:

— И-и!—пронзительно крикнул он.—И-и!.. Много будет добра! Много! Много!

— Тише! Ты!—остановил его Ван-Чжен.

— Тише...—добавил Сюй-Мао-Ю.

Но грозные окрики их не смогли спугнуть ни радости Пао, ни их собственных улыбок. Радость сияла на них и была невытравима.

В этот день старик работал без устали. После обеда ему стал помогать Ван-Чжен, которому он, наконец, доверил часть работы. И теперь уже только трое стояли без дела и упорно следили за работою старика и Ван-Чжена.

Трое, и в том числе Ли-Тян.

Но если Пао и Хун-Си-Сан, наблюдая за всеми движениями работающих, были охвачены молчаливым восторгом, то Ли-Тян чувствовал и переживал иное.

Ли-Тян, чем больше смотрел на Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжена, на Сюй-Мао-Ю и его чашечку с соком, тем больше терялся и мрачнел. Он что-то вспоминал. Воспоминания его были неуловимы. Но с ними приходила тревога,

они беспокоили. Ли-Тян напрягал свою память, ловил отрывки воспоминаний, томился.

Смутно-смутно вставало пред ним прошлое. На мгновение в тумане обманчивой памяти освещался уголок какой-то комнаты, застланной циновками, и на этих циновках неподвижные фигуры спящих людей. И приторный полузабытый запах ударял в его ноздри, запах, подымающийся из маленьких трубочек, колеблющийся над тусклыми крошечными лампочками... На мгновенье вставало пред ним виденное когда-то давно, дома: люди, лица которых стали серовато-желтыми и неживыми, шатаясь встают с циновок, недоуменно оглядываются, безуспешно и мучительно морща лоб, пытаются что-то вспомнить и, заметив трубку и лампочку возле себя, с жадностью тянутся к ним, дрожащими, неверными руками шарят, ищут что-то и не находят. И не найдя того, что искали, пошатываясь идут друг к другу, молят, выпрашивают, унижаются, угрожают, жалко улыбаются, плачут. Взрослые, сильные люди плачут...

Ли-Тян чувствует приторный запах и на мгновенье у него кружится голова.

— «Что это там было написано в книге, которую злобно разорвал Ван-Чжен?»—спрашивает он себя, не зная почему пришла ему в голову мысль о книге. И, снова напрягая свою память, старается он припомнить слова, которые вычитал Ван-Чжен из погибшей книги...—Да, да! Верно: там, в душной каморке, на грязных цинковках он не видел богатых. Люди в изношенной на тяжелой работе одежде, люди с черными от труда руками лежали там и курили из маленьких трубочек пьянящее, дурманящее зелье. Курили и оставляли толстому, хитрому и беспощадному хозяину последние заработанные деньги. Богатых не было там. Нет, не было... В книге было верно написано. Самая настоящая правда. Ведь оттого-то и разорвал ее Ван-Чжен, а Сюй-Мао-Ю сжег остатки, оттого, что в книге была настоящая правда...

Ли-Тян вздохнул и взглянул на Сюй-Мао-Ю, на Ван-Чжена. Взглянул пристально, точно в первый раз видел их по-настоящему.

Такие ли они, какими были в тот день в городе, в переполненном жильцами доме, когда сулили ему верную работу, сытую пищу и хороший заработок на зиму? Как будто такие же. Ничто в них не изменилось. Но Ли-Тяну теперь они кажутся совсем другими. Ли-Тяну неприятен их вид. Ему тяжело оставаться возле них. Он распрямляет плечи, придавленные воспоминаниями и мыслями, и тихо уходит с поля.

Он не идет прямо к зимовью, а долго бродит вокруг него, уходит в сосняк, останавливается под неподвижными соснами, потом снова идет. Потом опять приостанавливается. В раздумьи, в смятении, в тревоге.

Ли-Тян долго ходил по лесу, но, в конце концов, пришел к зимовью. Там его встретила Аграфена. Она была чем-то возбуждена, была нетерпелива и, радостно встретив его, сразу спросила:

— Это что же, оно самое и есть лекарство, в чашечке у старика которое?

— Лекарсва?!—переспросил Ли-Тян.

— Ну, да, вот, с маку которое старик собирает... Сказывали мне как-то, что, мол, для лекарства мак ростили... Оно, значит, и есть самое!?

— Лекарсва!?—негодующе повторил Ли-Тян—Никакая лекарсва!.. Это блохая, шибко плохая!.. От эта люди голова ходи курыгом... люди забывайла... сипи... Эта шибко блохая!..

— Да что ты!—встрепенулась Аграфена—Что ж это такое?

Но Ли-Тян внезапно замолчал. К зимовью подходил Пао. Его осторожные шаги, которые не раслышала Аграфена, были бесшумны и легки. Но

Ли-Тян во-время услыхал их и насупился. И, заметив подстерегающий взгляд Пао и его хитрую улыбку, женщина сообразила, что нужно быть осторожной, и молча ушла к речке.

У речки, лениво ополаскивая котел и протирая его жирным речным илом, Аграфена задумалась. То, что ей успел сказать Ли-Тян, сильно озадачило ее. Она сразу поверила этому китайцу и поняла, что старик когда-то обманул ее. Она не понимала еще толком в чем тут дело, но чуяла неладное. Когда-то в деревне она знала, что от мака люди засыпают. Она вспомнила, что ленивые бабы навязывали в тряпку, в узелочек щепоть маковых зерен, совали в рот кричащим ребятишкам и те, насосавшись, тяжело и крепко засыпали. Но дальше она ничего не знала. И ей стало страшно и вместе с тем томительно—любопытно: куда же китайцам такая уйма снадобья? Кого это они им будут усыплять? для какого дела? для каких целей?

Аграфена думала и ничего не могла додуматься. И она решила разузнать обо всем у Ли-тяна. Она заприметила, что он сам чем-то огорчен и всполошен. Что и ему как будто не нравится это дело.

И кроме того заприметила еще раньше она, что Ли-Тяна его товарищи держат на-отлете. С того дня, когда он помешал Пао и Хун-Си-Сану в их озорстве, против него насторожились все—даже Ван-Чжен. И оттого ее потянуло к Ли-Тяну и она почувствовала, что ему можно верить больше, чем другим.

Он ей расскажет обо всем. Обо всем, что ее заинтересовало. А было ей интересно узнать не только из праздного бабьего любопытства. Ведь и она не от хорошей же жизни ушла сюда в тайгу. Потянуло ее на заработок. На заработок, которого не могла она долго добыть в городе. Зря не пошла бы она сюда. У ней был расчет. Она теперь рассчитывала, что ее работа здесь, на заимке, продлится еще не больше полуторых, двух месяцев. С ней при найме уговаривались, что она проживет тут до ранней осени, до конца жатвы. Время пролетело незаметно—прошлое всегда кажется пролетевшим незаметно!—и оставшиеся недели уже не казались длинными и тягостными. Вот только бы получить у китайцев расчет, покинуть их и вернуться к своим, к привычному. Только бы дотянуть до конца.

И не видно было никаких затруднений, чтобы дожить оставшееся время спокойно и благополучно. Все как будто шло тихо и гладко. Вот разве это странное и малопонятное, о чем с досадою и какою-то злобою говорил Ли-Тян. Странное и малопонятное...

Аграфена вымыла котел, отнесла его в зимовье, сходила на поле. Поглядела на китайцев, постояла неподалеку от них и снова вернулась к зимовью, а потом к речке. Ее томило желание отозвать Ли-Тяна в сторону и поговорить с ним, расспросить его. Она горела этим желанием, но не могла позвать Ли-Тяна при всех, боясь возбудить недоумение и подозрение с их стороны. Она чувствовала и понимала, что с Ли-Тяном переговорить об этом следует без свидетелей, без чужих, подслушивающих ушей.

Только после ужина удалось ей ненадолго остаться с Ли-Тяном с глазу на глаз и она успела шепнуть ему:

— Утречком ты пойди в лес, в сосновый... Там, знаешь, дерево такое обгорелое стоит... Подожди меня там. Хочу потолковать с тобою... Чтоб другие не узнали!.. Ладно?

— Ладно! ладно!—быстро согласился Ли-Тян—Моя приди!..

В эту ночь Аграфена спала беспокойно. Она долго ворочалась на постели, долго не могла уснуть. А когда заснула, то сон ее был тревожен и не крепок, и она несколько раз просыпалась и с тоскливым нетерпением ждала утра.

16.

Утром, едва рассветные лучи прильнули к маленькому оконцу, Ван-Чжен проснулся. С вечера он томился легким недугом и, еле дождавшись рассвета, поднялся с постели. В утреннем полумраке он оглядел зимовье, посмотрел на спящих товарищей, и не досчитал одного. Кто-то вышел. Это удивило Ван-Чжена; он тихо подошел к спящим, наклонился к ним и пересчитал: Сюй-Мао-Ю был на месте, Хун-Си-Сан тоже; на месте же был, сочно похрапывая, Пао. Ван-Чжен сообразил, что в отлучке Ли-Тян, и подумал, что с парнем произошло то же, что и с ним!

— Вчерашняя похлебка давит!—решил он и направился к выходу. Но у двери, ведущей в каморку Аграфены, он приостановился. Его по привычке потянуло сюда. Подкравшись осторожно к перегородке, он прильнул ухом к щелке, прислушался. За перегородкой было тихо. Ни о чем не подозревая, Ван-Чжен осторожно потрогал скобку. Но едва он прикоснулся к ней, как дверь легко поддалась и приоткрылась. Ван-Чжен от неожиданности замер. Он забыл, зачем встал с постели. Сердце у него забилось радостно и недоверчиво: неужели он, наконец, попал к этой женщине? Выждав несколько мгновений, он затаил дыхание и медленно раскрыл дверь шире. И, раскрыв ее настолько, что можно было протиснуть туловище, он тихо, с величайшими предосторожностями проскользнул в каморку.

Теплый запах встретил его. Долгожданный, необходимый, давнонеощущаемый запах женщины. Ван-Чжен рванулся, подстегнутый этим запахом, и в два шага проскочил к койке. Он почти упал на нее. Упал—и обжегся изумлением и обидою.

Рука его коснулась еще теплой, но пустой постели. Женщины не было в каморке.

Ван-Чжен остолбенел, но быстро пришел в себя. Он осторожно выбрался из каморки, прикрыл дверь, прошел по зимовью к спящим и еще раз убедился, что Ли-Тяна нет на месте. Убедившись в этом и сопоставив одновременное отсутствие Аграфены и Ли-Тяна, он вышел из зимовья.

Утро разгоралось. Сладкая прохлада подымалась от земли. Верхушки деревьев, облитые ярким светом встающего солнца, радовали предчувствием веселого сверкающего дня. Но в душе у Ван-Чжена не было радости. Он был охвачен злобою и обидой. Он чувствовал себя обманутым.

Как! Эта женщина, которая никого к себе не подпускала, которая смеялась над ним, Ван-Чженом, когда он предлагал ей стать его мадамой,— эта женщина предпочла Ли-Тяна, выбрала самого некудышного, самого бедного из всех, выбрала голоштанного Ли-Тяна!.. На что же это похоже? Как же это можно перенести спокойно?

Ван-Чжен злился и безмолвно бушевал. Вот здесь, где-то близко, эти двое, эта глупая и непонимающая баба и некудышный, нестоющий гроша ломанного Ли-Тян, милуются и, вероятно, смеются над ним, Ван-Чженом. А он должен это молча сносить. Сцепить зубы и молчать, молчать в то время, когда сбида, ревность и злоба раздирают его грудь.

Ван-Чжен глубоко вздохнул и стал оглядываться кругом. Где же они, эти бесстыдники? Куда же они запрятались? Он, крадучись и озираясь по сторонам, спустился к речке. Не найдя там никаких следов, он вернулся к зимовью и обошел вокруг него. И здесь ничто не указывало на присутствие или хотя бы временное пребывание тут Аграфены и Ли-Тяна. Тогда Ван-Чжен отправился по еле заметной тропинке в сторону озаренного вставшим утренне-молодым и тихим солнцем соснового леса.

И эта тропинка привела его к верной цели. Еще издали заметил он у обожженной молнией сосны их обоих—женщину и Ли-Тяна.

И как только Ван-Чжен заметил их, он пригнулся к траве, весь подобрался, почти пополз. Он решил подкрасться к парочке и, выросши пред нею внезапно, нежданный и торжествующий, обрушиться на бесстыдников. Накрыть их и всласть, утоляя свою злобу, посмеяться.

Его движения стали мягкими и гибкими. Ловкий и бесшумный, как кошка, он подкрался к сосне, возле которой сидели Аграфена и Ли-Тян, и замер. Он осторожно и жадно оглядел их обоих, и удивился: они сидели совсем не так, как сидят мужчина и женщина, которых томит и сжигает любовный жар. Его это поразило. Он даже не поверил своим глазам и протиснулся поближе, впиваясь взглядом в Аграфену и Ли-Тяна. Но глаза не обманывали его: да, действительно, те сидели поодаль друг от друга; сидели и вели, видимо, важную беседу. Говорил Ли-Тян, а Аграфена внимательно слушала, изредка переспрашивая некоторые слова и задавая короткие вопросы.

Ван-Чжен, переведя дух и немного успокоившись, недоумевая, стал вслушиваться в их беседу.

Чувствуя себя в безопасности и не подозревая, что их кто-либо подслушивает, Ли-Тян и Аграфена разговаривали непринужденно и насовесть. Китаец рассказывал женщине о маке, о его снотворном и дурманящем соке, об опиуме. Он рассказывал ей о людях, которые привыкают к этому зелью и до самой смерти не могут отвыкнуть от него. Он рассказывал ей о том, как зелье это иссушает мозг и разрушает человека, и о том, как за это зелье отдают последнее, как борются за него, как жадно тянутся к нему. У Ли-Тяна нехватало русских слов, он заикался, останавливался, подыскивал подходящие, понятные выражения, невольно вставлял китайские слова. У Ли-Тяна горели глаза, и он размахивал руками. А Аграфена сидела притихшая и покачивала головою да изредка задавала вопросы.

Ван-Чжен стиснул зубы и теснее прильнул к шелковой влажной хвое, покрывавшей подножье сосны. Он слушал внимательно, и гнев горел в его груди.

Совсем не то ожидал он увидеть и услышать здесь. Но и то, на что наткнулся, поразило его не меньше, чем если бы у пораженной молнией сосны Аграфена и Ли-Тян жарко обнимались и шептали бесстыдные любовные слова. И если он подкрадывался сюда подхлестываемый мужскою обидою и ревностью, как чуткий и сторожкий зверь, выслеживающий добычу, если из-за мнимого обмана женщины бесшумно и с тысячью предосторожностей добирался он сюда, то теперь, когда он услыхал, о чем рассказывает Ли-Тян Аграфене, ревность и мужская обида погасли в нем и вместо них вспыхнули гневное негодование и острая злоба. Он понял, что беседа, которую он подслушал, таила в себе какую-то опасность для него, Ван-Чжена, для Сюй-Мао-Ю, для остальных. Он понял, что Ли-Тян не зря рассказывает женщине о маке, об опиуме, обо всем, что связано с опиумом,—рассказывает наедине, хоронясь от других. Для него стало ясно, что они, эти двое, что-то замышляют, что-то надумали.

И уши Ван-Чжена ловили каждое слово, каждый звук. Уши его ловили, а память закрепляла, сохраняла услышанное...

— Ну и дела!..—вздохнув, протянула Аграфена, когда Ли-Тян рассказал ей самое главное и замолчал.—Что же это такое?! Дак это же хуже вина!.. Ну и дела!.. Как же ты ранее, Ли-Тян, в этакое дело пошел? Ранее-то ты про все это знал?!..

— «Ага!»—подумал Ван-Чжен, приготовляясь подслушать ответ Ли-Тяна.—«Ну-ка, собачий сын, отвечай!».

Ли-Тян стремительно протянул обе руки к Аграфене и заговорил быстро, сбивчиво и непонятно. Он торопился сказать, мысли его текли быстрее слов и опережали их. Китайские слова проскакивали чаще, русские были изломаны и искажены. Аграфена вслушивалась и отрицательно качала головой. Она плохо понимала Ли-Тяна. Ли-Тян щурил глаза, разводил руками, повторял по несколько раз одно и то же. Но женщина не понимала и останавливала его:

— Да ты попонятней!.. Не пойму я!

Аграфена не понимала. Зато Ван-Чжен понимал все и понимал очень хорошо. И, сдерживая дыханье, он сжимал кулаки и крепче стискивал зубы.

Из путанных, смешанных—своих и чужих—слов Ли-Тяна он понимал:

Ли-Тян по нужде, из-за куска хлеба, из-за пищи пошел в эту компанию. Ли-Тян и раньше догадывался, что это неправильное, нехорошее дело, вот то, что задумал Сюй-Мао-Ю, что задумал Ван-Чжен и другие. Но он хотел есть. У него не было работы, потому что в прачечной, где он работал, предупредили, что больше ему там нечего делать. У него не было работы, и он хотел есть. Тогда пришли Сюй-Мао-Ю и другие, и он пошел сюда и стал работать наравне с другими. И за это ему дали есть... Его желудок был наполнен, но голова опустела. Мысли, хорошие мысли вылетели из его головы. И долго бы в ней не было хороших, настоящих, правильных мыслей, если б не какой-то человек, мудрый и справедливый... Он, Ли-Тян, никогда не видал этого человека, он не знает, кто он такой и где он живет. Он не слыхал его голоса. Но слова этого неведомого, справедливого человека дошли до него. Слова его были записаны в книге и эту книгу откуда-то достал Ван-Чжен и ради потехи читал из нее... И хотя Ван-Чжен не все слова вычитал из книги, и хотя Ван-Чжен и Сюй-Мао-Ю уничтожили книгу, разорвав ее и предав огню, но самое главное успел Ли-Тян услыхать. И самое главное было о несправедливостях, которые богатые чинят над рабочими, над теми, у кого руки, все кости у кого ноют от тяжелой работы. О самых разнообразных несправедливостях и между ними вот и об этом дурмане, который скрывается в соке мака...

— «О!»—чуть не крикнул Ван-Чжен, уязвленный этим признанием Ли-Тяна.—«Проклятая книга!.. Проклятые молодые люди, молодые китайцы, болтающие о богатых и бедных, о трудящихся и тунеядцах и раздающие даром глупые книжонки!»..

А Ли-Тян продолжал:

О книге, в которой остались непрочитанными многие страницы. О справедливых словах, которые написаны были в этой книге. О справедливых словах, услышавши которые, он, Ли-Тян, как бы стал внезапно зрячим... Обо всем этом Ли-Тян говорил Аграфене горячо и сбивчиво.

И было ясно, что его страстный порыв неудержим и что мысли, которые недавно пришли к нему, вошли в его голову, жгут его, как жадное пламя.

Обессиленный непривычной речью, Ли-Тян умолк. Повидимому, он сказал женщине все, что мог. Некоторое время они оба молчали. В тихом сосняке, в ясное утро, стояла такая тишина, что каждый треск ветви и падение шишки были отчетливо слышны. Ван-Чжен сжался, притаился и боялся пошевелиться.

Наконец, Аграфена, вздохнув, сказала:

— А чорт с ними, Ли-Тян! Скоро кончится работа. Вот получу заработанные деньги да уйду. И ты тоже... Что с ними поделаешь? Видно, крепко они свое дело знают, старичонка и Ван...

— Знают, знают!—устало согласился Ли-Тян.—Шибко знают!..

Они опять ненадолго замолкли. И снова молчание прервала Аграфена, которая о чем-то задумалась и вдруг взволновалась. Голос ее вздрагивал от возбуждения, когда она спросила:

— А оно, это самое, из мака которое... дорого стоит?.. Денег за него они много выручат?

— Денига?!.. У-у...—зажмурился и закрутил головою Ли-Тян.—Мынога, мынога! Полна кармана денига!..

— Ну?!.. Ты правду говоришь?—загораясь острым и жадным интересом, переспросила Аграфена.—Правду, Ли-Тян, говоришь?

— Пырауда!..—шибка пырауда!.. Верна!.. эти люди денига люби, за денига все делай!.. Все!..

— Видал ты!?..—Аграфена уставилась неподвижным широким взглядом куда-то вдаль. Пред ее глазами вставали какие-то видения, заслонившие и Ли-Тяна и все то, о чем он недавно рассказывал. Она глотнула воздух, словно душно ей стало, и поднялась на ноги.

Стряхивая с юбки приставшую к ней хвою и поправляя платочек на голове, она внезапно решила:

— Пойти надо домой!.. Как бы не проснулись...

Ли-Тян вскочил на ноги следом за нею и молча поглядел на нее. Взгляд его был робок и полон недоумения. Но Аграфена не заметила этого взгляда, Аграфена не смотрела на Ли-Тяна и быстро пошла к зимовью.

Ван-Чжен, выждав, пока они оба не скрылись за деревьями, осторожно вышел из-за сосны и, пригнувшись к земле, скользнул окольным путем домой.

Ван-Чжен ни утром, ни за обедом не подавал вида, что он что-нибудь знает. Он был ласков с Аграфеной и даже немного пошутил с нею, когда она раскладывала за столом ложки и расставляла посуду. Он был по обычному сдержан с Ли-Тяном, который весь день ходил хмурый и встревоженный. Но после обеда он увлек в сторону старика и, оглянувшись и убедившись, что поблизости никого нет, поведал ему о подслушанном.

Сюй-Мао-Ю позеленел от злости.

— Собака!—визгливо сказал он.—Бешеная собака—вот он кто, этот Ли-Тян!

— Нехорошо болтает он. Очень нехорошо!—согласился Ван-Чжен—Может выйти плохое...

— Поганый язык у него! Нельзя, чтобы из-за такого поганого языка наша вся работа попортилась!.. Нужно всем нам собраться и сказать ему: худо, когда один идет против многих!.. Нужно это сделать! Он перестанет болтать! Перестанет, если у него на плечах голова, а не глиняный горшок!..

— Да, это верно.

Ван-Чжен как-будто успокоился. Но вдруг он спохватился:

— А женщина?.. Она-то, ведь, теперь тоже понимает...

Глаза старика сверкнули негодованием и яростью. Он взглянул на Ван-Чжена с торжествующим злорадством:

— Женщина!?. Теперь спохватился!?. Сюя не слушали, когда он говорил, когда предупреждал! Сюй десять раз, двадцать раз говорил: не надо чужой женщины! А вы побежали на ее поганый запах!.. Женщина! От женщины может придти большое несчастье! Я предсказывал!..

— Как же теперь?—смущенно спросил Ван-Чжен.

— Как же, как же?..—зло передразнил Сюй-Мао-Ю—Плохо теперь будет!.. Бабий язык остер и длинен... Надо думать... Думать надо!

Сюй-Мао-Ю хмуро замолчал и задумался. Ван-Чжен не стал мешать ему и тоже замолчал.

Они думали оба—каждый по-своему—весь этот день. Думали и назавтра. Они приглядывались к Аграфене, к Ли-Тяну, следили за ними. Они как-будто выжидали что-то.

Наконец, на третий день, вечером Сюй-Мао-Ю при всех спросил Ли-Тяна:

— Ты зачем распускаешь язык?

Ли-Тян от неожиданности вздрогнул, но опустил голову и промолчал.

— Зачем ты нехорошие слова про нашу работу говорил женщине?—продолжал старик—Ты от этой работы хлеб ешь и будешь зимою сыт, а зачем ты плетешь разное и накликаешь на нас беду?.. Вот ты теперь молчишь, прикусил свой язык,—почему ты перед женщиной не молчал?.. Вот он теперь молчит!..—обратился Сюй-Мао-Ю к товарищам, которые напряженно вслушивались в допрос и непонимающе и отчужденно поглядывали на Ли-Тяна—Почему он мне и вам всем не скажет того, что говорил чужой женщине?

Ли-Тян продолжал молчать.

— Я за него скажу!—ехидно вызвался Ван-Чжен—Он, может быть, забыл, тогда я скажу за него...

И Ван-Чжен при сосредоточенном молчании всех, в том числе и самого Ли-Тяна, начал рассказывать о подслушанном. Он передавал подробно, многословно. Слова Ли-Тяна приобретали в его устах новый, полный яду и угроз смысл.

Слушая Ван-Чжена, старик обводил всех острым испытующим взглядом. Хун-Си-Сан сжимал кулаки и сидел, нагнув голову, словно готовился прыгнуть на Ли-Тяна. Пао криво усмехался и перебирал в руках сухую ветку, которая под его пальцами жалобно трещала. И так же молча, как и все, сидел с опущенной головою Ли-Тян—виновник возбуждения и негодования своих товарищей.

Ван-Чжен вставлял в слова Ли-Тяна свои выражения, широко размахивал руками и то щурил глаза и втягивал голову в плечи, то округлял их, кидая дикие взгляды и вздергивая вверх подбородок. Ван-Чжен пытался в лицах изобразить беседу Ли-Тяна с женщиною и порою, подражая Аграфене, говорил писклявым, тоненьким голосом. И хотя это было очень смешно, но никто не смеялся.

Никто не смеялся, а, наоборот, все делались сумрачней и суровей.

— И они затем,—закончил Ван-Чжен, оглядывая товарищей сверкающим взглядом,—перестали разговаривать и ушли, унося в своих головах нехорошие мысли... А я, посоветовавшись с почтенным Сюй-Мао-Ю, все вам вот теперь и передал. По правде и справедливости... Вот!

Едва Ван-Чжен умолк, как поднялся нестройный, шумный говор. Все заговорили враз, не слушая друг друга, перебивая один другого. Все накинулись на Ли-Тяна. А тот, все еще помалкивая, озирался, как затравленный зверь, и кривил губы растерянной, блуждающей усмешкой.

— Ты говори!..—кричали на него—Почему ты молчишь?

— Мы тебе покажем, как шептаться с бабой, да рассказывать ей про наши дела!..

— Если тебе не нравится тут, убирайся куда хочешь и делай все, что тебе нравится; а нам не мешай!

— Нам не мешай!.. Слышишь, если не хочешь беды, нам не мешай!..

— Не мешай!!!

Ли-Тян поворачивал голову во все стороны и тяжело дышал. Он раскрыл, наконец, рот и неслышно произнес несколько слов.

— Тише!—остановил расходившихся товарищей Сюй-Мао-Ю—Помолчите! Он хочет что-то сказать!

Стало тихо.

— Я...—глухо, точно с трудом выдавливая из себя слова, произнес Ли-Тян—я говорил ей правду... Только правду...

И, сказав это, он снова замолчал. И снова вокруг него вспыхнул спор, раздались крики. Китайцы повскакали на ноги. Хун-Си-Сан сжал громадный кулак и стал грозить им и потрясать в воздухе. Пао тонким голосом орал бранное слово, повторяя его без конца.

В самый разгар криков и спора к китайцам подошла Аграфена.

— Штыритесь?—громко спросила она, обводя их лукавым взглядом—Пошто парня-то эвот как в уголочек загнали?!.

— Не твоя дела!—крикнул ей Хун-Си-Сан—Уходи!..

— У, тихо!.. Надо тихо!..—остановил его Ван-Чжен—Зачем киричи?

Все притихли и выжидающе уставились на Аграфену. Сюй-Мао-Ю сжал брезгливо губы и по-китайски бросил:

— Что ей надо?.. Послушаем...

— Дела моего, конечно, тут никакого нету!—язвительно ответила Аграфена на грубое замечание Хун-Си-Сана—Все тут дела ваши, а я сторона... Только я и себя-то в обиду не дам! Понимаю я, все понимаю!.. Не глядите, что ваших «фаны-ланы» не кумекаю, а я все разумею!.. Дознались вы, видать, что парень мне глаза на все ваши штуки раскрыл, вот и прижали его!.. А и напрасно! Все едино я дозналась бы! Все едино теперь мне вся ваша лавочка открыта!.. Вся, как есть! Как на ладони! Вот!..

Она стукнула пальцем по открытой, по простертой впереди ладони и показала им, как ей все ясно:

— Ишь, какие ловкие!.. Сами с этого маку какие огромадные деньги будут огребать, а мне за все мое старание, за муку мою с вами в этакой-то дыре, в безлюдьи восемь рублей на месяц отвалили!.. Очень хорошо надумали, лучше некуды! За восемь рублей я, может, и жила бы да работала, но только кабы у вас все, как у людей, а то у вас ишь что выходит!.. Вы экие деньги заробите, а я, что ли, в стороне?.. Моего, что ли, паю тут нет?..

По мере того, как она говорила, Аграфена все повышала голос. Ей любо было говорить, она вошла во вкус, и, чувствуя кругом притихших, остолбеневших китайцев, она стала кричать. Звуки ее голоса опьяняли ее самое, она кричала и не замечала, как тишина вокруг нее стала напряженней и угрожающей. Она не замечала ничего: ни сверкавших острой ненавистью глаз Сюй-Мао-Ю, ни темных лиц Хун-Си-Сана и Ван-Чжена, ни застывшей улыбки Пао—злой и жестоко-лукавой. Она не замечала и испуга, который метнулся из глаз Ли-Тяна.

Аграфена кричала и была довольна, что вот она всласть накричится и выскажет китайцам все, все свои обиды. Но, передохнув и умолкнув внезапно, она почувствовала какую-то оторопь. Глухая тишина, напряженное молчание поразили ее. Она ждала ярого спора, криков, она собиралась схватиться с китайцами, особенно со стариком и Ван-Чженом, накричаться, наспориться.. А те молчали. Упрямо и зловеще молчали.

— Молчите?—растерянно спросила она, и голос у нее упал. Бледная вымученная улыбка изломала ее губы. Глаза раскрылись широко-широко.

— Молчите?.. Пошто вы этак-то молчите?..

— Ходи!..—властно сказал, наконец, Сюй-Мао-Ю, оглядывая предостерегающим взглядом своих товарищей, и указал ей на дверь зимовья.—Туда!..

Аграфена помедлила, постояла, не гася на лице своем растерянной улыбки. Но повернулась и неожиданно для самой себя ушла в зимовье.

•И пока она шла туда, ее сопровождало томящее молчание.

18.

Тревожную ночь провела Аграфена. Безотчетный страх напал на нее после разговора с китайцами, и она вздрагивала от каждого шороха, от каждого треска. Безотчетный страх напал на нее, когда она в своей каморке осталась одна и стала обдумывать все происшедшее. Она сжалась на постели и корила себя за глупую выходку, за глупые слова, которые говорила китайцам. Только теперь сообразила она, что зря погорячилась и не так приступила к делу.

— «Надо бы потихоньку, да с умом»,—горько думала она,—«а я, дура, сплеча, бац! Что теперь будет?..».

Она не могла себе представить, что же будет теперь, и испуганно прислушивалась к каждому шороху, к каждому звуку.

Но ночь прошла благополучно, и утро встало, как всегда, спокойное, ясное, приветливое.

День начался по-обычному. Аграфена напоила мужиков чаем, и они ушли на поле. Там они принялись дружно за работу, невозмутимые и сосредоточенные, как каждый день. И вместе со всеми ушел в работу и Ли-Тян.

Все было, как всегда. Только молчание работающих было упорней и крепче прежнего. И редкие слова, которыми китайцы перекидывались иногда, были быстры и четки, как удар.

Аграфена, притихшая и полная тревожного ожидания, возилась с кухонным, с бабьим своим делом, не показывая виду, что сердце ее ноет от тоски, от тревоги. В обычное время, наладив обед, вышла она на тропинку и звонко крикнула:

— Э-ой!.. Обе-едать!..

И на крик этот, как всегда, скоро и торопливо пришли усталые китайцы.

Но глухое молчание, стывшее за столом во время еды, было необычно. А послеобеденный роздых был короче каждодневного. Китайцы как-будто торопились с работою. И когда кто-то из них замешкался с куревом, Сюй-Мао-Ю нетерпеливо и сердито крикнул:

— Скорее!..

В послеобеденную пору Аграфена, оставшись одна, ушла, по обыкновению, на речку и там тоскливо загляделась на веселую, певучую воду.

Ей было невесело, и она смутно отдавала себе отчет в том, что произошло и что ожидает ее дальше. Ссора с китайцами, которой она совсем не ожидала, смутила ее. Она растерялась. Она уже каялась, что ввязалась с ними в спор.

— «Надо бы»,—думала она,—«по-хорошему припугнуть их да вырвать прибавок! Взять бы с них хорошие деньги за молчание, за спокойство, и чорт с ними!..»

Неужели теперь уже поздно?—обожглась она опасением. И, как бы подтверждая это опасение, она вспоминала вчерашнее упрямое и зловещее молчание.

— «Пожалуй, заупрямятся... Да как бы чего плохого не надумали!..».

Тяжелая тоска навалилась на Аграфену. Она оглянулась: одинокое зимовье, глухая речка, и лес кругом, и хребты за лесом отделили от людей. Откуда ждать помощи, если придет какая-либо беда!?.

Под чьими-то ногами треснула сухая ветка. Аграфена испуганно вскочила.

К речке быстро подходил Ли-Тян.

— Твоя уходи!..—запыхавшись сказал он и оглянулся в сторону поля—Моя не оставайся тут... Моя все бросай и ходи далеко... Твоя тоже ходи!..

— Зачем?—ничего не понимая и холодея от тревоги, спросила Аграфена.

— Твоя уходи!.. Здесь живи не надо!..—твердил Ли-Тян—Люди шибко худой, шибко сердитый!..

— Куды же я?—жалобно и беспомощно растерялась женщина—У меня за имя деньги зажитые... Мне получить надо...

Но Ли-Тян покачал головою:

— Какая деньга?!. Твоя без деньга уходи!..

— Да неужто они мне что сделают?—сообразила Аграфена и внезапно заупрямилась—Тут волость верст двадцать, не дале будет... там начальство, люди...

Ли-Тян безнадежно махнул рукою.

— Я уходи... Твоя как знай!

Он повернулся и пошел к зимовью.

— Постой! погоди!—крикнула Аграфена и кинулась за ним—Ты всамделе уходишь? Не шутишь? не обманываешь?

Не отвечая ей, Ли-Тян вошел в зимовье и скоро вышел оттуда обратно с котомкой за спиною.

— Уходишь?!.

Аграфена посмотрела на него, всплеснула руками и присела. Нежданные, внезапно пришедшие слезы брызнули из ее глаз.

— Уходишь?..—забормотала она—А как же я? Мне уходить неподручно... У меня за имя жалованья. Мне бы сперва получить...

Ли-Тян постоял нерешительно, поколебался, потом встряхнул, обладил на себе котомку и, оставив плачущую, смятенную и беспомощную Аграфену, ушел.

Аграфена сквозь слезы смотрела в ту сторону, где между деревьями еще мелькал удалявшийся китаец. Аграфена боролась между желанием остаться здесь или кинуться следом за ним, уйти вместе с ним. Было мгновенье, когда она рванулась к Ли-Тяну, но что-то удержало ее здесь, на месте. И она осталась, всхлипывая и вытирая концом платочка смоченное слезами лицо.

Она осталась. Застыв, выплакав свои слезы, оцепенела она, задумалась. Ее мысли были беспорядочны, нестройны, несвязны. Она мельком, недолго подумала о том, что вот, мол, Ли-Тян ушел и будет теперь между людьми, где-нибудь в городе, а она осталась здесь, томимая страхами. От Ли-Тяна ее мысли перескочили к другим китайцам. Ей представилось, как они переполошатся, когда обнаружат, что Ли-Тян покинул их. Она вообразила себе перекошенное от ярости темное лицо Сюй-Мао-Ю, сжатые кулаки Хун-Си-Сана. Их гнев, их негодование и ярость показались ей так явственно и отчетливо, что она даже оглянулась: нет ли кого-нибудь из них поблизости. И, представив себе гнев китайцев, она снова вспомнила о себе. Ее охватил страх. Что делать? что делать? Как встретиться с китайцами?.. Что делать?

А что дальше будет, когда Ли-Тян где-нибудь расскажет про засеянное поле, про урожай, который собирают с него китайцы, про зелье? Ведь все тогда пойдет тут прахом. И вместе со всеми пострадает она, Аграфена. Кто уплатит ей жалованье? Даже то, выговоренное небольшое жалованье, прибавку к которому она настойчиво решила требовать?.. Кто?.. У Аграфены все смешалось в голове. Она метнулась к зимовью. Не добежав до него, она

вернулась к речке. От речки она выбежала на тропинку, по которой ушел Ли-Тян. Она металась без цели, без толку. Глаза ее, на которых высохли слезы, беспокойно блуждали по сторонам. Она не отдавала себе отчета, что делает, зачем мечется из стороны в сторону.

Она не отдавала себе отчета, что делает, когда, наконец, кинулась бежать по дорожке, ведущей в поле.

И едва лишь дорожка эта вывела ее туда, где работали китайцы, и едва только она увидела их, как взмахнула руками и, задыхаясь от волнения, от страха, от стыда, закричала:

— Ой, мужики!.. Слышьте, мужики,—ушел... ушел!.. Ли-Тян ушел!..

Стоявший ближе всех Пао обернулся к ней, разглядел испуг и возбуждение на ее лице, разобрал слова и подхватил ее крик. Остальные побросали работу и быстро окружили Аграфену.

Сбиваясь, захлебываясь от неожиданности и глотая подступившие к горлу слезы, женщина рассказала все, как было.

И как только Сюй-Мао-Ю и Ван-Чжен сообразили в чем дело, так Аграфена уже перестала их интересовать. Ее не стали дольше слушать, ее бросили. Короткие восклицания Сюй-Мао-Ю, как удары бича, хлестнули по остальным. Хун-Си-Сан, Пао и Ван-Чжен сорвались с места и кинулись бежать в сторону зимовья. В сторону зимовья и дороги, по которой так недавно ушел Ли-Тян.

Аграфена прижала руку ко груди и обессиленно вздохнула. Она осталась вдвоем с Сюй-Мао-Ю. Но старик, как бы не замечал ее. Он смотрел туда, в ту сторону, где скрылись его товарищи. Смотрел молча, встревоженный и злой.

— Догонят они его!..—неуверенно сказала Аграфена—Недалеко он ушел...

Старик молчал.

— Глупый он... совсем дурак...—продолжала она—Чего ради он ушел? Чего он испугался?.. Ведь вы ему товарищи... Совсем оглупел парень...

Сюй-Мао-Ю резко повернулся и отошел от женщины. Аграфена, покраснев, поджала губы и тихо пошла к зимовью. А у зимовья она опустилась на примятую, выжженную траву и заплакала...

Больше часу прошло с тех пор, как за Ли-Тяном кинулась погоня. Аграфена, наплакавшись, несколько раз уходила по тропинке навстречу убежавшим за беглецом китайцам, навстречу Ли-Тяну. Несколько раз она возвращалась обратно, останавливалась у речки, прислушивалась. Все было кругом покойно и тихо. И можно было бы безмятежно опуститься на берег, возле самой реки и слушать веселый, певучий плеск воды; можно было бы тихо подремать под этот плеск, если б там, где-то в стороне, не уходил человек и за ним не гнались бы другие люди, помыслы и намерения которых неизвестны и темны.

Аграфена беспокойно подходила к речке, возвращалась к зимовью, выходила на тропинку. Тревога, тоска и едкий, еще неосознанный стыд жгли ей грудь.

Она ждала. Она тревожно ждала чего-то, и ясно не знала сама—чего.

Ван-Чжен и другие вернулись только через несколько часов. Они пришли усталые, сумрачные, неразговорчивые.

— Не догнали!—встретила их полуиспуганным вскриком Аграфена.

Китайцы быстро переглянулись. Пао, усмехнувшись, показал крепкие зубы:

— Нет...

Яркая, внезапная, неожиданная радость залила Аграфену.

19.

Четверо спорно и торопливо работали в поле. Сюй-Мао-Ю приходил в зимовье с наполненной соком чашкой и возился у печки, что-то кипятил, цедил, процеживал. Работа целиком завладела стариком и его компаньонами, и они почти все время молчали.

Они не разговаривали с женщиной, не вспоминали о Ли-Тяне. И—чего не могла понять Аграфена—были спокойны, не тревожились, повидимому, ни о чем, ничего не боялись. Это поражало Аграфену и вместе с тем успокаивало. Ей казалось в первую минуту, что с уходом Ли-Тяна у китайцев пойдут страхи, китайцы станут опасаться, как бы Ли-Тян не рассказал в волости или в городе о том, чем они здесь занимаются. Аграфена ждала, что вот-вот к зимовью нагрянут незванные гости из волости, придет милиция, пойдут спросы и допросы. Но все было пока тихо, все было спокойно.

И Аграфена решила, что Ли-Тян побоялся, а, может быть, и пожалел выдавать своих земляков.

Укрепившись в такой уверенности, она почувствовала какую-то обиду. Она не понимала, на кого эта обида росла в ней: на Ли-Тяна ли, который ушел и оставил все здесь по-старому, или на работающих спокойно и бесстрастно китайцев. Все равно, но обида росла.

А дня через два после ухода Ли-Тяна эта обида созрела в ней и прорвалась наружу. Эти два дня прошли как обычно, как-будто ничего не произошло, как-будто вокруг зимовья осталось все так же, как месяц назад Аграфену возмутила вдруг непоколебимая ясность, прочное спокойство китайцев. Она присмотрелась к ним и однажды за обедом не выдержала. Она отодвинула от себя чашку с недоеденной кашею, вытерла губы и, злобно взглянув на Ван-Чжена, спросила:

— Вы что же думаете? Вы мне прибавка к жалованью разве не положите?.. Сколькой раз говорю!

Ван-Чжен изумленно повернулся к ней, прожевал кусок, проглотил его, облизнулся.

— Кушая тихонько!—равнодушно посоветовал он—Кушая!..

— Ты мне зубы-то не заговаривай!—повысила Аграфена голос—Был единыжды об этим разговор, да вы сбили меня тогда... Будет прибавок-то?

Сюй-Мао-Ю остановил готовившегося что-то сказать Ван-Чжена и поглядел на Аграфену:

— Говори надо утром, говори вечером. Зачем говори когда кушая?... Худой язык! Худые слова!.. После будешь говори!..

Сюй-Мао-Ю сказал это бесстрастно, невозмутимо. Но в скрипучем голосе его зазвучало что-то такое, что сразу подкосило весь задор Аграфены.

Аграфена вспыхнула, сжала руки, но промолчала. Внутри нее все в ней бушевало, в голове ее кипели гневные, бранные слова, но они не шли с языка. Что-то угрожающее, что веяло от старика, от его притихших и поглядывающих выжидательно товарищей, сковывало Аграфену, делало ее такой маленькой, такой беспомощной и одинокой.

Она почувствовала себя такой одинокой, что когда в этот же день поздно ночью чья-то рука в темноте зашарила по ее двери и начала расшатывать тонкие доски, она едва нашла в себе силы испуганно и жалобно крикнуть:

— Кто это?.. Зачем?..

И хотя за перегородкой опять, как когда-то, послышалось шлепанье удаляющихся шагов и все ненадолго затихло, спокойствие не пришло на этот раз к Аграфене. Она вспомнила, что нет Ли-Тяна и не услышит она уже больше его ободряющего оклика.

В эту ночь ей не удалось уснуть. Несколько раз ее дверь сотрясалась под чьими-то упрямыми толчками. Кто-то упорно стремился проникнуть к ней в каморку. И Аграфена под конец уже перестала вскрикивать и спрашивать. Она только сползла с постели, прижалась к стене и, сжав крепко зубы, оцепенело слушала.

Но дверь выдержала.

Утром Аграфена пришла в себя, яркий свет дня влил в нее бодрость, и она при всех спросила:

— Срамота-то какая! Цельную ночь ко мне кто-то ломился!.. Вы бы перестали!

Ван-Чжен быстро посмотрел на Пао и Хун-Си-Сана. И тот и другой усмехнулись и отвели глаза в сторону. Сюй-Мао-Ю скривился и покачал головой. И сквозь зубы бросил что-то по-китайски, непонятное Аграфене.

И никто ничего не ответил женщине на ее жалобу.

Аграфена поняла, что среди этих четырех мужчин, которые возобновили охоту на нее, которые вместе с тем заняты своим делом, уведшим их подальше от людей, от чужих глаз, что среди этих китайцев, умеющих молчать и не отвечать на вопросы, она беззащитна, она безоружена, она одинока.

Тогда Аграфена по-настоящему пожалела о том, что не послушалась Ли-Тяна и не ушла отсюда с ним вместе.

И она задумала уйти одна.

20.

Но назавтра в обеденную пору в стороне от зимовья неожиданно залаяла собака. Собачий лай, прозвучавший в лесной тишине, был неожидан, необычаен. Китайцы встревоженно выбежали на тропинку, столпились, взволнованно прислушались. Лай звучал все отчетливей и ближе. Собака приближалась. Она лаяла отрывисто, с небольшими перерывами, словно звала кого-то, останавливаясь и поджидая.

Аграфена, вышедшая на тропинку вместе с остальными, не выдержала и изумленно спросила:

— Кого это там несет?

Но никто ей не ответил. Никто не успел ей ответить, потому что на повороте тропинки показался серый остромордый пес, который залаял громче, остановился и оглянулся назад. И сзади него появились люди. У некоторых из них в руках были ружья. Вооруженный человек, шедший впереди всех, быстро подошел к китайцам. Не здороваясь, без кивка головы, без приветствия он оглядел их и громко спросил:

— Все вы тут?

— Все! все!..—враз ответили Ван-Чжен и Пао—Больше люди нет...

— Все?..—повернулся спрашивающий к Аграфене и строго взглянул на нее.

— Все...—смущенно подтвердила она.

— Только пять душ вас и было?

— Не-ет... еще один был.

— Ага! Был, значит? А где же он теперь?

Ван-Чжен просунулся поближе к пришедшим, которые тесно окружили их всех, и ласково улыбнулся:

— Была, была одна человека!.. Одна человека ходи! Город ходи!..

Среди пришедших оказался и хозяин зимовья, Иван Никанорыч. Он послушал Ван-Чжена и обернулся к своим спутникам:

— Вишь «в город ходи»! Врет-то как!..

— Наша не врет!—запротестовал Ван-Чжен.

Фот. Макаров

ПОХОДНАЯ КУХНЯ

Фот. Макаров

ПЕРЕПРАВА

Фот. Макаров

ШТАБ НАБЛЮДАЕТ

Фот. Макаров

ВСТУПЛЕНИЕ В ГОРОД

Сюй-Мао-Ю пересчитал взглядом пришедших, посмотрел на своих товарищей, обжег мимолетно блеском глаз Аграфену и что-то сказал по-китайски. Китайцы сгрудились поближе друг к другу и враз заулыбались:

— Нет!.. Пырауда!.. Не ври наша!..

— Совсем не ври!..

Вооруженный человек, у которого был решительный вид начальства, сплюнул и раздраженно заявил:

— Всех рестуем!

— Почему?!.—всполошенно вскинулись китайцы—Почему наша рестуй?.. Наша ничего плохо не делай!

— Ну, ну! ладно!.. Опосля видно будет—плохо ли, хорошо ли вы тут делали!

Аграфена, тяжело дыша, испуганно и вместе с тем с острым любопытством приглядывалась к прибывшим. Приглядывалась и прислушивалась к их словам. И, услышав об аресте, не выдержала:

— А я-то как же?

— Ты?..—взглянул на нее старший—Тебя тоже рестуем!

— Меня за что же?—всплеснув руками и закипая слезами, воскликнула Аграфена.

— А за то же, за что и всех...

— Тебя, тетка, за дружбу да за сокрытие!—прозвучал насмешливый голос. И Аграфена сквозь слезы успела заметить как-будто знакомое лицо: курчавую черную бороду, маленькие блестящие, пронизывающие глаза, выцветшую шляпу, надвинутую по самые брови. Она хотела вспомнить, кто это, но было некогда. Другие мысли, другие заботы хлынули на нее и придавили.

— Ничего я не скрывала!—плаксиво заговорила она—Я сама ни сном, ни духом в ихних делах не ведала!.. Вы у Ли-Тяна спросите! Он вам все обсказал, он вам и про меня скажет истину! Вы его спросите!..

— Кого?—удивленно переспросили пришедшие.

— Да вот этого, который ушел отсель, да вам на китайцев да на ихние дела доказал... Его, Ли-Тяна!

— Видал ты!..—недоумевающе поглядев на старшего, на других спутников, протянул Иван Никанорыч—Видал ты, какую дурочку строит!?.

Старший переглянулся с одним из своих товарищей и придвинулся ближе к Аграфене:

— Про какие ты дела толкуешь?

— Про какие больше?—глотая слезы, об'яснила Аграфена!—Про мак, который тут посеян, про зелье... Сами, поди, знаете...

Китайцы встревоженно задвигались и вполголоса заговорили между собою.

— Вы помалкивайте!—крикнул на них старший—Нечего сговариваться!

— Какой сговаривайся!?—угрюмо огрызнулся Ван-Чжен, но все замолчали.

— Где ж тут у них зелье?—допытывался у женщины старший.

— А на поле!

— Покажи. Пойдем!

Пропустив Аграфену вперед и окружив китайцев охраною, все направились в поле.

Шли туда молча. У китайцев молчание было тревожное, испуганное,

злое. Пришедшие неожиданные гости скрывали в своем молчании жадное любопытство.

Когда вышли к засеянной маком полоске, старший и Иван Никанорыч отделились от остальных и подошли вплотную к маку.

— Ишь, сколько набуровили!—удивился Иван Никанорыч—На цельную волость пирогов настряпать можно да и то еще останется!..

— Знать, не для пирогов это у них, а для продажи...

— Тетка!—обернулась старший к Аграфене.—Про какое-такое зелье ты толковала?

Аграфена сжалась и жалобно оглянулась на китайцев.

— Какое?... мне самой невдомек. Курят его, что ли...

— Лекарсева!..—хрипло сказал Ван-Чжен—Наша лекарсева делай... Своя... сытаринна...

Мужики походили вокруг поля, потоптались, поудивлялись. Иван Никанорыч сорвал несколько головок и стал их пристально разглядывать.

— Подрезали они его, ай што?—недоуменно соображал он—Гляди-ко, Федор Михайлыч,—показал он старшему—Все скрозь головки подрезаны!.. К чему бы?..

Старший, Федор Михайлыч, посмотрел и махнул рукою:

— Не в етим дело! Что мы тут прохлаждаться будем? Мудренное какое-то дело у них. Следствие разберет... Наша обязанность представить их и все!...

— Ну, вы!—обратился он к китайцам—Чем вы тут займовались, об етим следователь вполне дознается. Нас оно сейчас не касаемо. Но, между прочим, айда-те к жилью, собирайтесь. Уведем мы вас в волостной совет... Собирайте скорее монатки!

Сюй-Мао-Ю взглянул на поле, и лицо его потемнело. Не отрываясь, оглядывал он еле-еле колышившийся мак. Пальцы, перебиравшие пояс штанов, вздрогнули, напряглись, застыли. Глаза старика вспыхнули, но тотчас же угасли. Он отвернулся от приковывавшего его к себе поля и втянул голову в плечи.

— Все пропало!..—беззвучно и бледно прошептал он стоящему возле него Ван-Чжену—Все!..

У Ван-Чжена глаза затравленно бегали из стороны в сторону. Ван-Чжен всматривался в пришедших, в Ивана Никанорыча, в остальных. Он пытался по их лицам, по их скупым словам что-то отгадать, что-то узнать. Но не мог.

Насупленно примолкнув, стояли Пао и Хун-Си-Сан. Они обреченно ждали. Они еще не знали, что будет, куда их поведут, но застывшие в хмуром равнодушии глаза их не выдавали ни признака волнения или страха.

Страх и волнение больше, чем над кем-нибудь, властвовали над Аграфеною. Она прятала глаза от китайцев и от этих неожиданно нагрянувших людей. Губы ее вздрагивали и трепетали. Жадно и опасливо хватая каждое слово, она прислушивалась ко всему, что вокрут нее говорилось. И снова, едва только она услыхала про арест, вспыхнула и обмерла.

— А меня-то за что-же?..—снова спросила она и слезы засверкали на ее глазах.—Я тут не при чем... Я человек нанятый... Кухарила у них...

Тогда из кучки мужиков вывернулся тот, с курчавой черной бородкой, с пронизывающими глазами и стал против Аграфены.

— Кухарила?—насмешливо спросил он—А зачем же ты, тетка, обкарауливала их, на стреме стояла?.. Забыла? Не помнишь, как ты меня отседа, из лесу выпроваживала?.. Одной она, ребята, шайки с ними!.. Одной!..

21.

Со сборами китайцев торопили.

— Не возитесь, как мертвые! Живо!

— Берите, что полегше! За остальным после на коне приедут, коли надо будет!

Китайцы безмолвно увязывали котомки и совали туда что только под руку попадало. Аграфена собрала сундучок и навязала в узел все свое имущество и горестно застыла над ним.

— Ну, как же ты это потащишь!—укоризненно и с легким сочувствием спросил ее Иван Никанорыч—Ведь не малую дорогу придется итти!

— Не знаю...—беспомощно созналась Аграфена.

— А ты бери пока, что понадобней!.. Тут у тебя ничего не пропадет. Люди у нас тут останутся...

С наскоро собранным кой-каким скарбом вышли китайцы и Аграфена из зимовья. Их окружила охрана, и они тронулись в путь.

Пошли по тропинке, по которой всего три дня тому назад ушел Ли-Тян. И прежде, чем свернуть в сторону, прежде, чем потерять из виду зимовье, каждый из них—китайцы и женщина—оглянулся назад.

Осиротелое, оставалось позади зимовье, и выжженная, загрязненная жильем, затоптанная поляна пред ним, и две сосны, желтеющие стволами и как бы сторожащие дорогу к речке. Все оставалось позади.

Темное морщинистое лицо Сюй-Мао-Ю стало еще темнее. Он оглядел в последний раз оставляемое навсегда зимовье и отвернулся. И, отворачиваясь, встретился он взглядом с Аграфеной. У старика глаза налились ненавистью, он задрожал и, вне себя от злости, плюнул. Женщина отвела глаза и стиснула зубы.

Шли долго. Пора бы уже выйти на проселок, но провожатые упорно и уверенно вели по тропинке.

Ван-Чжен оглядывался, вертел головой и испуганно изумлялся. Наконец, он не выдержал:

— Куда наша веди?.. Какой дорога? Эта дорога не тот!..

— Та... Не бойся! Приведем куда надо... В аккурат!..—оборвал его шедший рядом крестьянин.

Ван-Чжен не успокоился. Его беспокойство передалось и остальным. Оно передалось и Аграфене.

— Всамделе... Куды это вы нас, мужики, ведете?—плаксиво спросила она.

— Молчи!—хмуро посоветовал ей Иван Никанорыч—Скоро придем...

И снова шли по тропинке. Было тихо в молодом ельничке, через который проходили. Было жарко и томительно. Где-то в стороне, совсем недалеко, плескалась речка. Где-то совсем близко была прохлада, была вода.

Старший остановился и свернул с тропинки в сторону скрытой деревьями и кустами речки. За ним направились остальные.

На полянке, на берегу речки стояла впряженная в телегу лошадь. Два человека сидели возле дымокура и поднялись, увидев прибывших.

— Привели?.. Всех?—спросили они и посмотрели на китайцев и на Аграфену.

Старший и Иван Никанорыч прошли прямо к телеге.

— Идите вы все сюды!—приказал старший китайцам.

— Ступайте!.. Ступайте..—заторопили их мужики.

Китайцы нерешительно двинулись на зов. Отставшую от них Аграфену подтолкнул легонько в спину мужик с черной курчавой бородою:

— Иди, не стесняйся!

За телегою, на траве, укрытое свежескошенным сеном, лежало что-то темное, длинное. Мужики подвели к этому длинному китайцев и наказали:

— Раскрывайте!.. Сгребайте сено!..

Китайцы не двинулись с места. Они посмотрели на длинную горку сена и опустили глаза.

— Ну, что, оглохли!? Раскрывайте!..

Хун-Си-Сан нагнулся и медленно сгреб сено с одного конца. Но сейчас же выпрямился и замотал головою:

— Моя не может!..

Аграфена, вглядевшись в кучу сена, в ту часть его, к которой прикоснулся Хун-Си-Сан, всплеснула вдруг руками:

— Ой!.. Батюшки!—визгливо, в отчаянии и испуге закричала она.—Кто это там? Кто это там?!..

Ван-Чжен поднял голову и шумно вздохнул.

— Моя ничего не знай,—тупо сказал он, хотя его никто ни о чем не спрашивал.—Моя совсем ничего не знай..:

И повторяя за ним этот упорный, этот глухой крик, также беспричинно, также неожиданно подхватил Пао:

— Моя тоже!.. Плавда!.. Моя тоже не знай!..

Мужики плотнее обступили китайцев и притиснули их совсем близко к тому, что лежало укрытое сеном. Мужики уже сами отгребли сено, и из-под него выглянуло желтосерое лицо, с открытыми, стеклянными глазами, с оскаленными зубами, обнажилась шея, перетянутая тонкой веревкою.

— Ваш это?—спросили сразу трое.—Ваш товарищ?..

— Ой!..—заголосила Аграфена, отпрянув от трупа.—Да, ведь, это Ли-Тян... Как же это?.. Кто же его?.. Мужики, кто же его это?.. А?..

Сюй-Мао-Ю, вместе с остальными оцепенело и испуганно поглядывавший на труп, при крике женщины вздрогнул. Он устремил на нее глаза, загоревшиеся неисходной ненавистью. Он поиграл вздрагивающими пальцами, словно ловя упругий горячий воздух, и отчетливо произнес:

— Ты... Собака!.. Ты!..

Мужики, китайцы и сама Аграфена непонимающе, с ошеломленным изумлением, с испугом глядели на него. Но он сразу же угас, опустил глаза и отвернулся.

Он замолчал и уже больше ничего не говорил. Ни дорогою, ни в волости, ни позже.

22.

Ли-Тяна подняли с земли и положили на телегу, снова укрыв от жары, от взоров людских, сеном.

Класть его на телегу заставили китайцев. Но никто из них сразу не согласился прикоснуться к трупу. Больше всех противился Пао. Он протянул вперед руки и затряс головою, не решаясь взглянуть на безмолвного, страшного, неживого Ли-Тяна. Вместе с Пао и Ван-Чжен, тяжело дыша, старательно отворачивался от трупа и твердил:

— Наша не бери!.. Наша не надо!..

Но под крики мужиков все они, и Пао, и Ван-Чжен, и Хун-Си-Сан, нагнулись и, неловко волоча труп по сену, подняли на телегу. Вспухшие руки Ли-Тяна при этом высунулись, словно маня кого-то, вперед.

Сюй-Мао-Ю отодвинулся подальше от телеги и не тронулся с места до тех пор, пока Ли-Тяна не укрыли на телеге сеном и не увязали веревкою.

Телега с трупом медленно покатила по неезженной дороге.

За телегою потянулись китайцы, окруженные мужиками. У мужиков за плечами нестрашно и безобидно болтались ружья. У мужиков лица были сосредоточенные, но не злые. Мужики закурили трубки, расправились, ожили.

— За што это вы его?—почти незлобиво спросил один из них Хун-Си-Сана.—За бабу, поди?...

Хун-Си-Сан не ответил.

Тогда мужики всполошились, зашумели, заговорили разом. Заговорили громко и настойчиво:.

— Ясное дело, за бабу!.. Гляди на нее, какая она ловкая!.. Устроилась с пятью мужиками, да и орудовала!..

— Этакая заведется, того и гляди, что и добра не будет!..

— Не поделили, видать, чегой-то!.. Ну, между прочим, и бабенку!

Не доказано, ребята!.. Чего вы все на бабу сваливаете? у них, может, антирес какой денежный был, или в роде!.. Баба, может, в стороне была!..

— Эта-то?!. Ну, это навряд ли!..

Мужики горячо судили и рассуждали о китайцах, об Аграфене, не стесняясь их присутствия, высказывая свои предположения прямо им в глаза. Китайцы тупо и молчаливо шагали по пыльной дороге, на которую, наконец, выехала телега. Китайцы, казалось, не слушали того, что говорилось вокруг них.

Но Аграфена, горя стыдом и глотая слезы, вслушивалась в каждое слово. И каждое слово, которое долетало до нее, ранило ее остро и беспощадно. Аграфена прижимала к себе свой узелок и широко открытыми глазами осматривала спутников. Она спотыкалась, почти падала, но не глядела на дорогу, и слушала, слушала.

И не выдержав, с плачем, с горькою обидою в голосе она закричала:

— Да вы что?.. Мужики, вы что же говорите?.. Нету моей тут вины! нету!.. Не жила я с ними, вот убей меня на месте громом, не жила! .. Не знала я ни об чем! не знала!.. Мужики, что же вы меня порочите?.. Вот хоть их спросите; они врать понапрасну не станут... их спросите: я не виновна ни в чем!..

Аграфена кричала исступленно. Голос у нее срывался. Глаза застилались слезами

Аграфену слушали. Мужики притихли и слушали ее. Но по их лицам нельзя было узнать—верят ли они женщине, верят ли ее словам, ее уверениям...

Аграфена призывала в свидетели китайцев. А те угрюмо и тупо молчали Да и кто же бы им поверил, этим свидетелям?..

Один верный свидетель был у Аграфены. Верный свидетель, который мог бы рассказать настоящую правду.

Но этот свидетель молчал.

Дорожная пыль, мягко падая на сено, проникала к его лицу, садилась на его широко раскрытые глаза. Дорожная пыль просачивалась в его раскрытый в безмолвном последнем крике рот...

НИКОЛАЙ АНОВ

Сайрам-Су

Рассказ

I

Паровоз, украшенный кумачевой лентой с лозунгом:

— *В СССР—помогать строить рабочим социализм!*

—подошел к деревянной платформе.

Комсомольцы запели Интернационал. Из открытых теплушек выглядывали веселые, довольные лица приехавших из Германии коммунаров. Пожилая немка в очках махала пестрым зонтиком. Белокурая девочка держалась за юбку женщины и старалась просунуть голову под локоть старика, похожего на профессора.

— Товарищи, внимание,—закричал председатель горсовета, ответственный распорядитель по устройству торжественной встречи коммуны.

Теплушки отцепили. Поезд постоял двадцать минут и ушел. Коммунары стали высаживаться и выгружать вещи.

Первую приветственную речь произнес председатель уисполкома.

По-русски ему отвечал организатор коммуны Гец. Многие удивились, что Гец прекрасно знает русский язык, но он, улыбаясь, об'яснил:

— Я прожил четыре года в плену в России... У нас в коммуне очень много бывших пленных... Есть коммунары, которые дрались под красными знаменами в Сибири с Колчаком.

— Ура!—закричал кто-то в задних рядах и высоко подбросил вверх фуражку.

И теперь никто уже не удивлялся, что люди, приехавшие за тысячи верст в Среднюю Азию, хорошо знают Интернационал.

Эсфирь выступала от имени комсомола. Она говорила по-немецки. Коммунары, особенно коммунарки, долго кричали по-русски ура, а Гец крепко жал худенькую руку молодой девушки.

Прямо с поезда, пешком, коммунары отправились за двенадцать верст на место, отведенное для построек коммуны. И тут только многие сообразили, что надо было бы подумать о подводах, а не только о знаменах. Для двухсот человек хватило бы шестидесяти подвод.

Эсфирь сказала вслух:

— Это безобразие... Пришли с музыкой, а им пешком итти надо двенадцать верст. Никто не догадался!

Ломовые извозчики на станции содрали втридорога. Коммунары наняли двенадцать подвод, погрузили сундуки, посадили детей, а сами пошли пешком.

Немка в очках, та самая, что из вагона приветственно махала пестрым зонтиком, несла в руках цветочный горшок с едва заметным зеленым ростком. Эсфирь поинтересовалась, что это такое:

— Зеленый горошек... У вас в России такого нет. Я посажу его в огороде.

Эсфирь невольно улыбнулась. Энергичная немка ей очень понравилась. Такие люди сумеют создать коммуну!

Гец шел впереди, широко размахивая руками. За плечами у него висело ружье. В высоких сапогах, в мягкой зеленой шляпе и короткой куртке он походил на охотника.

— Вы, конечно, коммунист?—сказала Эсфирь.—Интересно знать, сколько у вас комсомольцев в коммуне. Большая ячейка?

— Нет, я социал-демократ,—ответил Гец:—Но я рабочий-интернационалист. Я за советы...

После Гец рассказал:

— В коммуне большинство беспартийных, потом идут коммунисты; социал-демократов всего двадцать человек. Комсомольцев около десяти... В Германии страшнейшая безработица. Просвета никакого... И вот у нас возникла мысль создать коммуну и поехать в СССР. Основное ядро коммунаров—бывшие красногвардейцы. Очень много рабочих, занесенных в черные списки за последнюю стачку. У всех коммунаров одно стремление: помочь рабочим СССР строить социализм, а также воспитать своих детей в свободной стране. Сейчас приехал первый эшелон в двести человек. Второй эшелон прибудет через месяц, третий—осенью. Важно своевременно произвести запашку. Надо торопиться, чтобы запасти хлеб на зиму. Иначе коммуне придется туго.

Все это Гец говорил уже не один раз, когда он сталкивался с людьми, интересовавшимися коммуной. Может быть, поэтому у него выработался такой уверенный тон.

Апрельский вечер был сухой и синий. Дорога пылилась после жаркого дня. Коммунары, никогда не бывавшие в СССР, с удивлением смотрели на верблюдов, прокопченные юрты и седых аксакалов в белых чалмах.

Навстречу попалась скрипучая арба. Чернобородый узбек в полосатом синем халате правил лошадью. Рядом с узбеком сидели две женщины, закрытые черной густой паранджей, и смуглолицые детишки. Немки смотрели удивленно на узбечек и сокрушенно кивали головами. Мужчины дружно смеялись и что-то говорили по-немецки.

До места коммунары добрались только к вечеру.

— Вот наша коммуна!—сказал Гец и широким жестом провел в воздухе полукруг.—Здесь мы будем строиться.

Перед глазами коммунаров расстилалась широкая бесконечная степь, перехваченная цепью холмов. В лиловой дали исчезал горизонт. Прошлогодние сорные травы были неприветливы.

— Ночевать здесь, действительно, будет не тесно. Места хватит,—сказал коммунист Фашинг, закуривая трубочку.—Можно было не торопиться.

— Мы приехали сюда работать, Фашинг,—заметила вскользь Эмилия, жена Геца.

Эсфирь стояла рядом с Фашингом. Ей было стыдно. Почему никто не позаботился о коммуне? Как это получилось неорганизованно и несогласованно!

И тут только Эсфирь заметила, что из города, кроме нее и десятника Власьева, никого не было.

А десятник Власьев снял картуз, вытер вспотевший лоб и сказал:

— Ну, я свое дело сделал: привел вас на место. Бывайте здоровы. Покойной ночи.

И он зашагал обратно в город.

Коммунары разгружали подводы. Сундуки складывали пирамидой друг на друга. Женщины распаковывали тюки—разматывали парусину и веревки. Гец показывал, где нужно разбить палатки. И уже через несколько минут задымили приветливые костры. Звонкоголосая молодежь собирала сучья на топливо.

Эсфири было весело. Надо просить Укомол, чтобы прикрепили ее в немецкую ячейку для работы. Здесь будет много живого дела!

Спать в палатках было холодно.

Ночью Эсфирь проснулась от пронзительного крика своей соседки. Старая немка кричала:

— Паук, паук...

Когда зажгли огонь, Эсфирь щелчком сшибла мохнатого скорпиона с одеяла:

— Это скорпион,—сказала она.—Он может укусить. Вы остерегайтесь. Весной скорпионы опасны.

II

Когда Эсфирь вернулась домой от коммунаров, около ворот она встретила поджидавшего Ису.

— Ты что так рано?—удивилась Эсфирь.

— Большое дело есть,—сказал Иса.—Разговаривать надо.

Они сели на низкую скамеечку около арыка, и Иса принялся рассказывать.

Ахмет Байдильдин покупает в жены Зейнаб. Он платит восемь коров калыму. Отец и мать Зейнаб от радости готовы плясать. Но Зейнаб только тринадцать лет, а Ахмет Байдильдин старик и вдобавок болен мирезом*).

— Я сейчас же пойду в женотдел и к прокурору!—возмущенно закричала Эсфирь.

— Смотри, меня не выдавай!

Девушка кивнула головой, а Иса, пугливо оглядываясь по сторонам, пошел по улице.

Эсфирь отправилась в Укомол. Ответсекретарь слушал рассказ Эсфири нехотя. Он уже привык к таким делам. Ну, кто не знает, что калым сохранился в восточных республиках? Подумаешь, открыла Америку! Надо передать в прокуратуру. Это дело по существу женотдельское.

— Товарищ Глушков, ты бюрократ!—хотела закричать Эсфирь.

Но Глушков был занят и не стал разговаривать.

Эсфирь недовольно хлопнула дверью и выскочила на улицу. В женотделе приняли Эсфирь участливее. Молодая татарка записывала имена, которые называла девушка.

Ломаным русским языком она сказала на прощание:

— Одним декретом калым трудно отменить. Много бороться надо. Очень много.

— Значит, все будет сделано?

— Что можем—сделаем,—кивнула головой татарка.

... А вечером, в тот же день, гонец из города прискакал в Карасунский кишлак. Он остановил взмыленного коня у дома Нурмухамеда Нурбаева.

— Заходи!—сказал хозяин и провел гостя в чистую половину, устланную кошмами.

---

*) Мирез—сифилис

Гонец рассказывал:

— Комсомолец Иса сегодня утром был в городе. Он жаловался, что Ахмет Байдильдин купил Зейнаб за восемь коров. Еврейка Эсфирь ходила в женотдел. Уже заведено дело в прокуратуре. Завтра может приехать милиция.

— Пускай приезжает,—спокойно сказал Нурбаев, но шея его густо покраснела.

Гонец сидел недолго. Когда он уехал, Нурбаев переодел халат и пошел на квартиру к председателю совета. Скоро туда пришел Ахмет Байдильдин и отец Зейнаб—Малдажан Досов.

Поджав под себя ноги, гости и хозяин пили чай и с уважением слушали, что говорил Нурбаев. Мудрая голова у Нурбаева! В полной неприкосновенности сохранил он свои богатства от советской власти. И сейчас ведет крупную торговлю с Ферганой, сбывая туда тысячи голов скота—своего и чужого. Ни одно выгодное дело в кишлаке не обходится без Нурбаева. Даже на покупке Зейнаб он ухитрился заработать с Ахмета Байдильдина десять червонцев. В городе у него сидят свои люди.

— Завтра приедет милиция. Надо сегодня ночью увезти Зейнаб в аул,— посоветовал Нурбаев.

Ахмет Байдильдин закивал головой.

— Ису бить надо,—еще увереннее продолжал Нурбаев.—Отец бить не станет, я сам бить буду.

Председатель совета почтительно затряс жидкой седой бородкой.

После разговор перешел на коммуну. Приехало двести немцев, и им отвели всю Чаласскую долину—тысячу десятин лучшей земли. Головной арык теперь, конечно, отойдет к немцам. И так воды нехватает, а тут еще появилась коммуна. Кто ее выдумал? Проклятые коммунисты, от них не станет скоро житья даже в степи. Дали казакам республику, ну и надо гнать русских, зачем еще привезли немцев?..

Нурбаев горячился и кричал на председателя. Председатель виновато теребил жидкую седую бородку и мигал трахомными глазами.

Аксакалы разошлись поздно вечером.

III

Гец ежедневно бывал в городе и бегал из учреждения в учреждение. Надо было достать строительный материал для бараков и во-время закупить продовольствие. А самое главное, надо было как можно скорее получить семена на посев. В коммуне было много хороших специалистов. Стоял вопрос о создании собственных мастерских: столярной, шорной, сапожной, механической, кузницы.

В городе Геца принимали любезно, обещали оказывать содействие, но когда он возвращался назад в коммуну и проверял себя, что же он сделал за день,—результаты получались неважные.

— Трудно работать,—говорил Гец коммунарам.—Так много учреждений и так много бумажек, что все идет очень тихо.

Но все же на другой день после приезда коммуны в поле загремел трактор. Из соседних аулов прискакали верхом узбеки, казаки и таранчинцы. Весь день они ездили за трактором и внимательно нюхали бензинную вонь.

— Шайтан-омач!—повторяли удивленно старые люди.

У казаков Гец купил двадцать задрипанных лошадей. В коммуне их вымыли, вычистили, подстригли на манер пони, и в городе среди обывателей пронесся слух, что немцы привезли заграничных лошадей. Такой же слух распространился и о коровах.

Плотники в первую очередь строили помещения под мастерские. Через

два дня обед уже готовили не на кострах, а в светлой громадной кухне. На третий день была готова прачечная. А когда через неделю Эсфирь пришла в коммуну, она остановилась пораженная Шесть бараков стояли на том месте, где еще недавно торчала прошлогодняя, жесткая полынь. Над помещением совета коммуны развевался красный флажок.

Эсфирь почувствовала одновременно и радость и зависть.

— Вот как надо работать!

Гец встретил девушку приветливо.

— Пришли организовывать комсомол? Давайте, работайте. Мы вот заткнем наши нужды, обязательно построим клуб.

Эсфирь обошла все бараки. Мастерские были на ходу. В сапожной чинили обувь и шили новые сапоги. В столярной делали табуретки, столы, шкафчики, оконные рамы. В прачечной стирали белье. В кухне поварихи в белых халатах и колпаках стряпали обед. Синеглазая женщина, чистившая картошку, приветливо улыбнулась и сказала по-русски:

— Я вижу, вы очень интересуетесь нашей коммуной?..

— Очень.

— Вы русская?—удивилась Эсфирь.

Синеглазая женщина рассказала.

Она выросла в кержачьем селе на Алтае. В Устькаменогорске, против воли родителей, она вышла замуж за пленного немца, сапожника Бореша. В двадцатом году они уехали в Германию. Бореш—коммунист. После Советской России ему тяжело было жить на родине. Правда, в Германии очень культурная жизнь,—но лучшая страна в мире—это Советский Союз...

— С какой завистью провожали нас многие рабочие!—сказала синеглазая женщина.

— Вы член партии?—спросила Эсфирь.

— Да, я член германской компартии...

— Анна, давайте скорей картофель!

Эсфирь почувствовала, что она мешает работать, сконфузилась, кивнула головой и отошла от окна.

У Эсфири было смутное представление о кержаках.

Она подумала:

— Должно быть любопытная жизнь была у этой женщины! Бывшая кержачка, стала коммунаркой и вдобавок членом германской компартии... Революция!

Девушка провела в коммуне полдня. Она решила написать в местной газете несколько очерков о работе коммунаров и собирала материал. Гец охотно давал ей необходимые сведения.

— Это хорошо будет, если вы станете о нас писать. Нам важно внимание общественности!..

— Товарищ Гец, возьмите меня в коммуну,—сказала Эсфирь, пряча блок-нот,—у вас здесь замечательно хорошо.

— Пока еще хорошего мало,—ответил Гец.—Мы должны жить в коммуне лучше, чем жили в Германии. Вот тогда будет хорошо.

Эсфирь провела организационное собрание комсомола. На собрание пришла вся молодежь коммуны. Секретарем ячейки избрали Фрица Абенда, долговязого белокурого немца. Он и отвез обратно Эсфирь на тележке в город.

IV

...Серые глаза и русые волосы Эсфири многих вводили в заблуждение. Ее принимали за немку. Лидочка Смирнова, дочь Исаака Абрамовича Майзеля, как-то сказала:

— Я не понимаю, почему ты, Эсфирь, не переменишь себе имя и фамилию? Эсфирь Блох!.. Нехорошо. Ты зови себя лучше Эммой... Ты очень похожа на немку.

Эсфирь густо покраснела и сурово ответила:

— Есть люди, которые любят красить не только губы.,. Я не люблю таких людей...

Эсфирь знала, что некоторые комсомольцы зовут ее за-глаза жидовкой. Она им ничего худого не сделала. Почему ее не любят? Странно. Особенно Сережка Ветров, сын водхозовского техника. У него большие серые глаза. Он нагло смеется и скалит кривые зубы. Неприятно с ним оставаться наедине...

Когда Эсфирь впервые появилась в Т. (это было за полгода до приезда коммуны) и стала расспрашивать о комсомоле и рабочей молодежи, именно Сережка Ветров, словно хвастаясь, сказал:

— Какая здесь рабочая молодежь? На весь город у нас восемь рабочих в типографии да десять на пивном заводе... Никакой рабочей молодежи нет...

Эсфирь скоро убедилась, что это была правда. В комсомоле были преимущественно учащиеся и служащие—самая разношерстная публика.

Как активистку, Эсфирь сразу же прикрепили к одной из ячеек. И тут, словно нарочно, дали самую неблагодарную работу. Ячейка находилась в пяти верстах от города, в кишлаке Карасуне. Приходилось возвращаться поздно домой и переходить в брод каменистую речку.

В карасунской ячейке было всего пять человек, три казака, два узбека. Все были неграмотные, за исключением пятнадцатилетнего Исы. По-русски комсомольцы говорили плохо. Эсфирь купила самоучитель и взялась изучать казакский язык.

И опять Сережка Ветров неприязненно заметил:

— Сразу видать... Эсфирь... Тоже—ягода...

Смуглолицые парни принялись за учебу. Эсфирь, не умевшая говорить по-казакски, принялась обучать грамоте свою ячейку.

Когда приехала коммуна, Эсфирь думала, что карасунскую ячейку передадут кому-нибудь другому. Но Глушков сказал:

— Ты по-казакски научилась говорить хорошо.... А нам надо поставить работу среди девушек нацмен. Придется тебе, временно, конечно, в двух ячейках работать...

Эсфирь тряхнула стриженой головой.

— Ладно!

Но в Карасуне, после того, когда милиция приехала к Ахмету Байдильдину искать Зейнаб, отношение к Эсфири резко изменилось. Женщины недружелюбно отворачивались от нее, а старики провожали косыми взглядами.

А один раз она услышала хриплый голос Нурбаева:

— В кишлак жидовок пускать нельзя... Гнать надо жидовок!..

После этого случая Эсфирь хотела в Укомоле отказаться от работы в кишлаке. Но когда она остановилась перед дверью Глушкова, ей сделалось стыдно. Она вышла из Укомола. На крыльце ее встретил Гец.

— А я вас ищу,—сказал он.—Поговорить мне надо с вами.

Эсфирь вспыхнула, самая не зная почему.

Гец говорил:

— Все идет у нас хорошо. Засеяли мы всю площадь по плану—как у вас принято выражаться, все сто процентов. Но вот беда—летом нехватит воды для полива. Земли нам дали много, а воды не дают... В Уземотделе

сейчас сказали: «Мы вам воду и не обещали давать... Это дело не наше, а Водхоза».

— Надо сходить в Уком,—неуверенно произнесла Эсфирь,—там нажмут...

Гец улыбался серыми глазами:

— В Укоме воду не сделают. Если нет воды, и Уком не поможет.

— Но что же тогда делать?

— Я пришел к вам, чтобы вы нам помогли...

— Что я могу?—подняла глаза Эсфирь.—Я очень маленький человек.

Ей сделалось стыдно за свою беспомощность, и она снова покраснела.

— Знаю, что вы ничто,— ответил Гец с грубым добродушием.—Я говорю не о вас, я говорю о комсомоле.... Ведь, через месяц Чалас обмелеет окончательно. Всю воду будут забирать карасунцы и малостаничники. Коммуна останется без полива. Пятьсот десятин посева погибнет от засухи...

— Но почему об этом раньше никто не подумал?—закричала Эсфирь.—Это безобразие... Как же вы сеяли?..

— Мы сеять стали на второй день после приезда... Выяснять вопрос о воде было некогда. Вдобавок коммуна не могла представить, что ей дадут землю без воды... А сейчас я понимаю, что нашей коммуне здесь не очень радуются. Кто-то усиленно нам вредит... На словах нам помогают все, а на деле—мешают... В ваших учреждениях сидят плохие люди...

И тут только Эсфирь заметила, что у Геца было усталое лицо, а виски серебрились сединой.

— Но чем вам может помочь комсомол?

Гец словно не слышал вопроса. Рассеянно глядя по сторонам, он говорил:

— Сейчас мне в Водхозе заявили, что в первую очередь воду дадут коммуне. Но это значит, что часть посевов погибнет у карасунцев и малостаничников... Какой толк государству, что мы приехали сюда? Вместо пользы, получился вред. Нас и так начинает ненавидеть окрестное население. А что будет, когда казачьи и казакские земли останутся без полива?..

— Это провокация,—возмущенно перебила Эсфирь.—Скрытая контрреволюция...

Но Гец спокойно продолжал:

— Вчера у нас увели четырех коней... Сегодня я велел выставить часовых...

Сережка Ветров пробежал с портфелем под мышкой и нагло подмигнул Эсфири. Девушка отвернулась.

Гец набил трубку и закурил.

— В коммуне есть гидротехник т. Галлер. Мы с ним три дня бродили по Чаласу... Он заинтересовался старым заброшенным арыком... Сотни лет назад этот арык действовал... Сейчас от него остались едва заметные следы... Гидротехник говорит, если этот арык привести в порядок, коммуна сможет получить воду с Чаласского притока. А это будет уже хорошо, потому что вода притока никем не используется. Правда, выход из положения только на год и притом он... неверный. Водхозовские работники уверяют, что в притоке вода имеется только потому, что зима была исключительно снежной... Но коммуне приходится выбирать что-либо из двух: либо арык, либо вражду с населением... Мы решили прочистить арык. Справиться с этой работой в срок коммуна не успеет. У нас нехватает людей, а второй эшелон прибудет не раньше, чем через месяц. Прибегать к наемной рабочей силе коммуне нельзя, это сразу подорвет наш авторитет. Вдобавок и денег у нас нет, все кредиты мы использовали для строительства. Нам нужна помощь рабочей силой... Вот мы хотим просить комсомол...

— Большой арык?—деловито перебила Эсфирь.

— Четыре версты.

— Четыре версты!

— Да, и всю работу надо сделать в ближайшие дни. Мы подсчитали, если комсомол сумеет нам дать восемьсот человек и мы выставим всех коммунаров, то в два праздничных дня—работа будет кончена. Только надо будет работать по десять часов и не лениться...

— Лучше бы в Уком,—неуверенно сказала Эсфирь.—Партия...

— Товарищ Эсфирь! Дело должен начать комсомол. Если у нас будет успех, мы пойдем в партию за другой помощью...

Условились так. Комсомольская ячейка коммуны обратится в Укомол с призывом организовать воскресник для очистки арыка. Эсфирь будет настаивать, чтобы Укомол провел кампанию среди беспартийной молодежи в Малой станице, в Карасуне и в Таранчинском селе—Костеке. Кроме того, Эсфирь будет писать ежедневно статьи о воскреснике.

Гец крепко пожал руку девушке, надвинул шляпу и зашагал на лесопилку.

V

Бывший казачий есаул Иван Матвеевич в пятницу праздновал именины жены. Гости сидели на чистой половине и пили «семиречку». Граммофон, стоявший на этажерке с книгами, шипел цыганские романсы.

— Никанор Никанорыч, разрешите еще по маленькой...

— Премного благодарим.

— Нурбай Мухамедыч!.. Вам?..

— Спасибо...

Граммофон захрипел и забуксовал. Хозяин бросился менять пластинку.

— Могу завести интересный рассказ из еврейской жизни...

Хозяйка закрыла окошко на улицу:

— Квартирантка напротив живет... Жидовочка... Еще донесет... Лучше от греха подале...

— Теперь ихняя власть,—сказал Никанор Никанорыч.

А отец Федор, дремавший на диване, торопливо вставил:

— Жиды Христа распяли...

Граммофон зашипел еврейский анекдот...

— Вредная квартирантка живет... Очкастая стерва... В газетке, сказывают, пишет... Эсфирь...

— Ска-ажите! Я думал немка она!

— Какой там, немка... В коммуне с немцами все трется...

— А вы думали в коммуне немцы? Сплошь жиды.

— Это вы уже оставьте,—заметил гидротехник Ветров.—Еврей на земле ни за что работать не станет... Он все больше норовит куда-нибудь в аптеку или в часовой магазин...

— Ну их к матери... Никанор Никанорыч... Товарищ Ветров, под рыбку солененькую... Отец Федор, не сдавайте...

Иван Максимыч усердно наливал граненые рюмки.

Именинница разносила пирог.

— А коммуна в трубу летит,—злорадно сказал Никанор Никанорыч, вытирая жесткие усы,—через две недели, коли дождя не будет, начнет у них хлеб гореть...

— Вот те и «в коммуне остановка».

— Сколько тыщ в эти затеи вбухали... Я смотрю так: мужикам эти деньги отдать—все буржуями бы стали...

Никанор Никанорыч вытирал носовым платком вспотевшую лысину. Маленькие крысиные глазки его блестели.

— Слышал я,—сказал Иван Матвеич,—воскресник намереваются комсомольцы устраивать. Хотят арык чистить, чтоб из Сайрам-Су воду взять. В газетке Эсфирь Блох, эта самая, пишет. Восемьсот человек мобилизовать мальчишек собираются.

— Ей, конечно, боле других надо...

— И откуда ее вынесло?

— Немного они воды в Сайрам-Су найдут! Обожгутся!—заметил Никанор Никанорыч.

Ветров недовольно закрутил головой:

— Это вы напрасно. Там источник есть, только засорен больно. Я вот сомневаюсь, чтоб у них хватило силы прочистить арык. Его заново копать надо... А это шутка ли, почти пять верст... Воскресником тут не много наработаешь.

Иван Матвеич густо покраснел от волнения и рванул ворот рубахи.

— Так это что же, если полив будет, и коммуна останется, выходит?

— Выходит так!

— Не надо коммуну!—забормотал пьяный Нурбаев:—зачем коммуну...—Хотят баранов водить, Ферганy продавать будут. Совсем плохо станет...

Иван Матвеич ходил по комнате и размахивал руками. Лицо его покрылось красными пятнами.

— То для киргиз землю отняли, а теперь для немцев... Это что же такое... Житья совсем нет... Труба... Ране сто десятин засевали, а теперь десять...

— Никто эту гадюку не пришибет,—поджимая сухие губы, брезгливо сказала именинница.—Чего парни смотрят. Не понимаю!

— Бить надо,—поддержал Нурбаев.—Шибко бить надо.

За окном играли на гармонике. Пьяный парень пел частушки. Через улицу гуськом тянулись жирные утки, купаясь в пыли. Отец Федор громко храпел, развалившись в широком жестком кресле.

Никанор Никанорыч стучал кулаком по столу и плакал пьяными слезами:

— Станичники кровь проливали на войне с немцами, а теперь немцам землю отдают... Не допущу...

— Нурбай Мухамедыч! По маленькой!

VI

Нурбаев не помнил, как он вернулся домой от Ивана Матвеича. Но когда работник вылил ему на затылок три ведра холодной воды,—он пришел в себя.

Пред ним стоял Ахмет Байдильдин и размахивал кулаками:

— Падавай сто рублей, собака! Сейчас отдавай обратно...

Седая борода Ахмета Байдильдина тряслась от негодования. Нурбаев пригласил зайти гостя в комнату.

— Зейнаб украли из аула... Зейнаб бежала в город. Отец невесты не отдает калым обратно!..—задыхаясь от торопливости, говорил Ахмет Байдильдин.—Зачем Нурбаев обманул уважаемого человека? Он обещал за сто рублей обделать все дело как следует и ничего не сделал. Ахмету Байдильдину грозит суд и тюрьма...

— Это все Иса виноват,—примиряюще сказал Нурбаев, ощущая тупую боль в затылке.—Надо Ису учить...

И загораясь неожиданно злобой, потрозил кулаком в окно:

— Я ему дам!

Младший сынишка Нурбаева побежал к кишлачному учителю. Учитель пришел, поговорил с Нурбаевым и пошел к отцу Исы. Отец Исы, бедный человек, стоял почтительно в дверях и безмолвно слушал укоры Нурбаева. Чем он виноват, что комсомол испортилИсу? Теперь с Исой трудно говорить. Ему шестнадцать лет, а он не слушает отца.

— Приведи его сюда, я сам буду его учить!—закричал Нурбаев.

Пока Ахмет Байдильдин и учитель пили чай с баурсаками, отец бегал за Исой. Отцу было жалко сына, но он был должен Нурбаеву мешок рису. Богатый человек много может причинить зла бедному.

Отец велИсу за руку. Он вздрагивал от страха и жалости; но сыну говорил сурово:

— Вот видишь, Иса, сколько горя из-за тебя терпит отец. Будь почтительным, когда войдешь в дом Нурмухамеда Нурбаева. Совсем забудь, что ты ходишь в комсомол.

Нурбаев посмотрел на юношу сонными, заплывшими глазами. Иса опустил голову.

— Щенок проклятый, долго ты будешь гадить и срамить своего отца? Отвечай, где Зейнаб?

— Не знаю,—глухо ответил Иса, не поднимая глаз.

Нурбаев вскочил с неожиданной легкостью и ударилИсу по щеке. Юноша еще ниже опустил голову.

— Я научу тебя говорить, комсомольская собака... Я научу тебя...

Нурбаев схватил со стенки камчу*) и свистнул ею в воздухе.

Отец Исы закрыл лицо ладонями. Учитель шептал про себя слова молитвы.

Иса хотел выскочить в двери, но не успел. Нурбаев схватил его за рубаху и со всей силы ударил по спине. Иса закричал пронзительным голосом и залился слезами. Нурбаев хлестал юношу камчей и кричал учителю:

— Закрой двери на крючок!

Отец держалИсу за руки и плакал. Учитель зажимал юноше рот... Еще могут услышать на улице...

Нурбаев отбросил камчу в угол и, уставший, упал на подушки.

— Пусть уйдет,—кивнул он головой наИсу.

Учитель поднял крючок.

Ахмет Байдильдин сказал удовлетворенно:

— Теперь он скажет, где Зейнаб!

Гости продолжали пить чай. Отец Исы тоже присел рядом с учителем. Нурбаев угощал баурсаками. Учитель ел с удовольствием, но отец Исы поперхнулся:

— Кхе... Кхе...

VII

Эсфирь хотела уже ложиться спать. Кто-то постучал в окошко. Девушка открыла и увидела мальчугана-узбека.

— Это ты, Ашун?

— Я. Дело есть.Ису били шибко.

— Кто бил? Отец?

— Нет. Нурбаев.

— Так как же он смел? Негодяй...

— Пьяный был. За Зейнаб бил. Ох, сердитый...

---

*) Камча—Плетка.

— Подожди, я сейчас!

Эсфирь быстро одевалась. Зубы у ней отбивали лихорадочную дробь. Она надвинула на лоб кепку и схватила подмышку вязаный жакет.

— Ну, пошли, Ашун.

Мальчуган отрицательно покачал головой:

— Боюсь с тобой итти... Увидят—бить будут... Я в городе ночевать буду, так никто не узнает.

Эсфирь тряхнула головой.

— Ну, ладно!

Ашун ушел, а Эсфирь задумалась:

— Куда итти? В милицию? Но там скажут, в Карасуне есть свой милиционер. К прокурору? Он сейчас спит. В уголовный розыск? Но это не их дело. Врача надо, установить истязания... Но врач в Карасун не поедет... К Глушкову разве сходить... Бесполезно. Опять он разведет бесконечные теории о родовом патриархальном строе...

Эсфирь стояла у своего дома в нерешительности. Лунный свет заливал улицу. От высоких пирамидальных тополей ложились длинные густые тени. Неожиданно взгляд Эсфири остановился на новых громадных воротах... Что это такое? Она подошла поближе... Да, ворота вымазаны свежим дегтем... Какая гадость...

Эсфирь невольно вспомнила, что она единственная девушка в доме. Завтра надо переезжать на новую квартиру... За что ее не любят?..

Эсфирь решительно зашагала по знакомой дороге в Карасун.

Безотчетная грусть на минуту ущемила сердце. Тяжело работать в глуши. Никакой культурной жизни... Кто-то ходит в больших городах на концерты и на лекции. А тут в библиотеке не найдешь новой книжки. Тихий, мещанский город. Обыватели живут за кисейными занавесками сонной жизнью и думают только о пирогах и самогоне...

Но не время для нытья. Сейчас надо работать. Вот, как немцы в коммуне... Сняли с вагона трактор и сразу пахать... Молодцы! И во-время засеяли всю землю... Сейчас кирпичный завод строят... Начали рыть артезианский колодец. Товарищ Гец—прекрасный организатор.

Эсфирь шла по-привычке быстрыми шагами. Она любила думать о коммуне. Там собрались новые люди, умеющие организованно работать. Такие люди победят. Плохо, что товарищи в Укоме, а главное в Уисполкоме, не совсем ясно учитывают показательное значение коммуны... Немцы научат правильно трудиться и таранчинцев и казаков... Если они пробьются это лето, на следующий год они сумеют достать воду... У Геца есть какой-то план оросительных работ... Главное для коммуны—прорыть арык и взять воду из Сайрам-Су...

И Эсфирь ощутила радостное удовлетворение. Она, как секретарь ячейки, сумела добиться от Укомола поддержки. Укомол вынес постановление помочь коммуне прочистить арык. Послезавтра, в троицу, молодежь города, Малой станицы и Карасуна выйдет с лопатами и кирками помогать коммунарам... Это замечательно хорошо!.. Не напрасно она писала в газете.

Чтобы перейти Чалас, Эсфирь разулась.

Она перекинула ботинки за плечи и, поддерживая юбку, стала перебираться через речку. Сколько раз она ходила этой дорогой в Карасун! Вначале боялась,—ей предсказывали всякие ужасы. Могут зарезать, избить, изнасиловать... Но, ведь, кто-то должен работать. Нацменовская работа самая тяжелая, а работников нет... Бедный Иса! Должно быть, ему действительно досталось.

Эсфирь вспомнила Нурбаева—толстого, коротконогого старика с

бычьей шеей. Девушка знала, что он был когда-то богачом... Да и теперь, верно, не бедный... Говорят, у него три жены... В Карасуне его уважают и боятся... Вот что значит—деньги... Жадный старик... Это он за сто рублей устроил продажу Зейнаб сифилитику Ахмету Байдильдину. Но какой хитрый... Все знают, а посадить нельзя... Никто не докажет... Как трудно работать на востоке...

Эсфирь перешла речку и вытерла подолом юбки мокрые ноги. Зашнуровав ботинки, она зашагала по пыльной дороге.

— Конечно, трудно работать. С одной стороны коммуна, с другой—средневековый кишлак. Здесь—трактор, там—калым и сифилис...

Навстречу показались две мужских фигуры. Девушка перешла на другую сторону дороги. Мужчины курили и шатались.

— Пьяные... Может, и не заметят...

Эсфирь пошла быстрее.

— Эй, подожди-ка!..

Девушка отходила в сторону.

— Стой, куда идешь?!.. Говорят обожди...

Запах водки обжег ей лицо. Эсфирь увидала курчавую черную бородку...

— Никанор Никанорыч!.. Жидовка...

...Кто-то с размаху ударил Эсфирь камнем по голове.

VIII

Укомол хотел, вместо воскресника, устроить торжественные похороны Эсфири. Но долговязый Фриц от имени комсомольской ячейки коммуны настойчиво просил не срывать воскресника..

— Мы останемся без воды... Это—гибель коммуны...

В Укомоле было экстренное заседание. Решили похоронить Эсфирь рано утром, а после похорон отправиться на воскресник.

У Геца было бледное встревоженное лицо. Но он позаботился о лопатах и киркомотыгах и проверил лично все подготовительные работы к воскреснику.

Утром около больницы собралась тысячная толпа. Босоногие мальчишки бойко торговали газетой. На первой странице в черной траурной рамке помещен был портрет Эсфири.

Эсфирь была изображена очень неудачно. У девушки не нашли ни одной фотографии, и художник рисовал ее на память. Многие находили, что Эсфирь вышла похожей на Розу Люксембург, только в кепке.

Мальчишки, прочитавшие лозунг в газете, кричали на всех улицах:

— Первая жертва на кулацком фронте! Первая жертва на кулацком фронте!

Комсомольцы вспоминали, что Эсфирь несла тройную нагрузку и никогда не отказывалась от работы. Это она взбудоражила комсомол, когда понадобилась помощь коммуне. В газете пишут, что убили ее кулаки именно за коммуну...

— Первая жертва на кулацком фронте! Первая жертва!..

Казакская молодежь из Карасуна возбужденно кричала, столпившись у ворот больницы. Вспоминали Эсфирь и Ису. Кто смел убить девушку? Какое право имел Нурбаев истязать Ису?

А в сторонке двое говорили шопотом:

— А Иван Матвеича-то... Тю-тю... Портянки сушить...

— Говорят, сознался?..

— А чорт его знает.

— Никанор Никанорыч выдал... За что, говорит, один страдать буду...
— В газетке пишут—к высшей мере надо....
— Это за жидовку-то?.. Господи...
— Нурбаева тоже взяли... Карасунского...
— И того путают?
— Нет... Тот мальчишку выдрал...
— И за это садить?.. Ну, власть...
... — Товарищи! Товарищи!..
Глушков говорил речь.
... — Классовый враг наступает... Ему надо смести коммуну—детище Октября... Он не брезгует никакими средствами... Даже убийством... Лучший венок на могилу-у... дорогому товарищу Эсфири Блох... Наша помощь коммуне...

Члены Укомола вынесли на руках гроб, обитый кумачом. Оркестр заиграл похоронный марш. Гроб поставили на телегу и повезли в коммуну.

Долговязый Фриц сказал над могилой речь на немецком языке. Потом говорила синеглазая Анна.

Когда гроб забросали землей, Гец развел комсомольцев на работу.

— Отсюда досюда—ваш участок... Надо кончить в два дня... Молодые люди должны хорошо работать... Обед привезут в двенадцать...

Длинной цепью вытянулись люди с лопатами.

Казаки-русские и казаки-киргизы работали вместе. Солнце жгло бронзовые спины таранчинцев и узбеков. Немцы работали сосредоточенно и почти не разговаривали: во что бы то ни стало, надо окончить арык в два дня.

Фашинг подошел и сказал Гецу:

— А вдруг Геллер ошибся, и вода не пойдет?..

Гец подумал и просто ответил:

— Тогда мы соберем окрестное население и попросим дать воды, чтобы полить половину наших посевов. Другая половина погибнет.

— Слово товарищу Гецу!—сказал председатель собрания Фашинг.

— Я должен сделать два заявления. В совет коммуны поступила просьба от двадцати четырех семейств, желающих создать коммуну. Нас просят помочь—и руководством и всем, чем мы можем... Совет коммуны решил выделить тов. Фашинга, а также оказать материальную поддержку. Я думаю—мы должны пойти навстречу... На этот год мы обеспечены водой, потому что арык Сайрам-Су вполне оправдал наши надежды... Но на следующий год надо думать о больших оросительных работах... Новая коммуна свяжет нас с окрестным населением, так как в нее входят казаки, таранчинцы, русские и узбеки... Можно будет практически поставить вопрос о прорытии сорокаверстного канала, который обеспечит водой весь район... Трудность этого вопроса заключается только в правильной организации коллективного труда...

Гец улыбался серыми глазами.

— Второе. Довожу до сведения коммуны, что я, Гец, подал заявление об уходе из социал-демократической партии. Я решил вступить в коммунистическую партию.

Фашинг первый захлопал в ладоши.

На подступах

(Поход «синих»)

Меркнет красноватый отблеск уходящего дня на вершине поредевшей от заморозков березовой гривы, еле рисуются на темно-бурых склонах пашни белесоватые ленты дорог, извилинами уходящих в скрытую сумерками долину. Минута-другая—и октябрьская ночь скроет деревню Нижний Коен, что, задрапированная березняком, прячется между холмами.

Дробный топот тысячи ног, отдаленное пофыркивание лошадей, робкое позвякивание котелков о винтовочные ложи, тарахтенье артиллерийских передков говорит о движении колонны.

Стемнело. По улице торопливо и осторожно пробежали тенью одиночные разведчики, прижимаясь ближе к черным избам. Минут через двадцать также быстро прошел пеший отряд. В темноте слышно лишь порывистое дыхание почти бегущих людей. Лязгают котелки, шлепают патронные сумки. Черным расплывчатым пятном отряд быстро пересек деревню, спеша выйти на холмы за деревней и занять постами и полевыми караулами линию сторожевого охранения. По застывшим от мороза колеям дороги, вздрагивая стальными телами, затарахтела артиллерия, застукали зарядные ящики и, свернув где-то около мельницы вправо, умолкли.

У поскотины, по обочинам дороги, у в'езда в деревню, притаились десятка два стрелков. Это квартирьеры вышли встретить колонну главных сил и развести роты по квартирам на ночлег. Жмутся в холодной тьме друг к другу мокрые от долгой ходьбы и успевшие прозябнуть стрелки. По влажной спине пробегают мурашки. Зябнут ноги.

— Закурить бы...

— Постой. Не приказано. Ведь, придут роты, разведем по квартирам... И чаю горячего напешься и покуришь...

— Не важный мне район попался. Халупы—одно горе, да и тех на роту семь штук. Как сельди в бочке будем валяться. Человек по двадцать на холупу приходится.

— Лишь бы тепло было... Не до удобств.

— Никак и полк уже топает, слышишь?

В холодной тишине откуда-то сверху доносится дробный топот.

Колонна главных сил подошла к деревне.

— Стой! Квартирьеры, встречайте роты, разводите по районам...

На рыси прогремели походные кухни, оставляя в темноте пахнущий супом невидимый след.

— Вот она кормилица-то наша...

— Да, пошамать не вредно...

— А ты не скули...

— Заскулишь...

Через десять-пятнадцать минут черные силуэты изб словно открыли глаза. В окнах замаячили огоньки.

У плотины, гремя котелками, строются очереди за супом. Приглушенные кухни изредка выбрасывают из труб искры.

А еще через полчаса деревня погрузилась в крепкий сон. У коновязей бряцают цепями кони, пофыркивая и громко пережевывая сено. На высотах за деревней режут осеннюю темень острые взоры часовых. Далеко в стороне Новосибирска изредка ухает артиллерия. Дивизии еще днем вступили в бой на фронте высоты 100 и дер. Н.-Ельцовка, стремясь прорваться к станции Мочище, где высаживается дивизия «противника».

Ночь помешала. А сейчас спружинились обе стороны, готовые с рассветом сделать стремительный встречный прыжок.

На фронте высоты 101,5 и по берегам речки Масихи—поиски разведчиков.

Сквозь запотевшие окна пробивается в избу бледный рассвет. В штабе дивизии еще не ложились. Не до сна. Получен приказ из корпуса:

«...дивизия «противника» к вечеру 12 октября высадилась на станции Мочище, сосредоточиваясь в районе Мочище—Новосибирск—Ельцовка. Ее движение на Барышево установлено. Приказываю:

N-ой дивизии, следуя через высоту 120,5 овладеть переправой через реку Ини, в районе Барышево...».

Задача ясна. Предстоит встречный бой. Где? В этом задача встречного боя. Кто правильно оценит местность, кто выиграет время и займет командные рубежи, кто первый огнем прикует противника, заставит его развернуться, подчинит своей воле, тот выйдет с победой из встречного боя.

Во встречном бою обстановка не ясна. Некогда изучить противника. Стремительный прыжок вперед, точный расчет времени, умелая организация артиллерийского огня, мощный авангард—вот что заставит противника наступать там, где нам выгодно.

Медлить нельзя. Скорей разведку...

Зудит металлической мембраной полевой телефон:

«Командиру кавалерийского эскадрона явиться в штаб дивизии».

---

5 часов. С северо-западной окраины веером по трем дорогам в сторону Барышево брызнули конные раз'езды. Юркнули в туманную изморозь долины. На фоне зеленоватого неба, по гриве, силуэтом мелькнули всадники и скрылись в кустарнике. Через 15 минут лязг подков о мерзлую землю обозначил выход ядра кавалерийской разведки по правой дороге, на Барышево. Видимо, командир дивизии решил правым флангом встретить противника. Не даром и пешая разведка держится правой полосы. Ее задача выйти на высоту 105, обеспечить движение головного отряда на эту высоту, уточнить сведения о «противнике» для удара наверняка.

В 6 часов прогремела стальными телами артиллерия в голове передового отряда. Не все ей тащиться за колонной пехоты. Встречный бой требует своевременного огня артиллерии по дальним рубежам.

Авангард вышел.

В закоулках деревни строятся батальоны. Суетятся бойцы, нервничают кони, порываясь вперед.

От перелеска к перелеску, короткими стремительными бросками прорываются разведчики к подступам на Барышево. Остановится всадник под вершиной холма, приподнимется на стременах, прислушается... И, выбрав скрытый путь, снова юркнет за закрытие. Что-то есть... Кто это? Свои или нет? Так близко, почти рядом.

Прижимается корпус к передней луке, вытягивается шея вперед, колет зоркий взгляд соседний кустарник, перескакивая от вершинки к вершинке...

«Противник»...

Выстрел, другой... Стреляет «противник». Но не в разведчика. Куда-то в сторону. Куда? Что увидел его дозор?

Сзади, уверенный в службе своих дозоров открыто движется отряд. Это—ядро эскадрона. От выстрела кони метнулись в сторону. Нарвались. Значит, «противник» где-то здесь.

— Товарищ, командир, донесение от среднего дозора!—Торопится командир эскадрона, разрывая пакет.

«В движении на последнюю высоту к Барышево наскочил на конный дозор «противника», замечен не был. Дозор дал выстрел в направлении лощины, видимо, заметив ядро нашей разведки. Я прорвался на высоту к Барышево. Деревню вижу.

Разведчик К...».

Справа раздаются одиночные выстрелы. Все чаще и чаще. Слева вдруг заработал ручной пулемет.

От среднего дозора поступило донесение:

«6 ч. 30 мин.

От опушки леса на высоте полутора километров юго-восточнее Барышево.

Через мост, у деревни Барышево, движется отряд противника, силой около роты, с артиллерией, и кавалерийским взводом. Пехота на подводах.

В направлении на высоту 101,5 вышел конный раз'езд противника.

Справа и слева от меня сильная ружейная и пулеметная стрельба».

Через 15 минут донесение уже в руках начальника колонны главных сил. На высотах 101,5 и 100,9 пешая разведка сцепилась с отрядом противника.

Разворачивается охраняющий батальон. Артиллерия «противника» первая открыла огонь. Почин на его стороне.

От правого дозора донесение:

«7 час. 5 мин.

Через мост у дер. Барышево движется полк противника. В двух километрах за деревней с высоты 83,5 спускается колонна противника, с артиллерией, силой около полка.

Охраняющий отряд противника, пройдя Барышево, направляется лощиной севернее высоты 74,7 под высоту 101,5.

Продолжаю наблюдать.

Красноармеец Б.».

Обстановка ясна. «Противник» идет на наш правый фланг. Кто скорей? Сумеет ли передовой отряд сбить разведку «противника» с высот, подоспеют ли главные силы?

Пригибаясь к земле, сливаясь с побуревшей от заморозков отавой, стремительно пробегают с катушками за спиной телефонисты. Через 10 минут стальная паутина телефонных проводов опутала поля и перелески.

У кустарника, при внимательном наблюдении, подойдя вплотную, видно шевеление вершинки стога сена. Кто-то разгреб из середины сено. Осторожно, словно рога улитки, выглянула стереотруба.

Это артиллерийский наблюдатель.

Начальник артиллерии, приложив трубку к уху, слушает:

— Почему не открываете огонь по переправе?

— Дайте огонь по колонне, спускающейся к Барышево. Колонна главных сил ждет... Быстрее!..

И словно в ответ на писк телефона ухнул первый артиллерийский зали.

А из стога сена по телефонному проводу бежит корректива... Левее—0,10...

Еще зали, за ним другой, третий... Бьют три батареи...

И снова из стога: «хорошо!»...

Колонна главных сил получила боевую задачу. Комдив решил, действуя двумя полками, справа занять высоты 101,5 и 100,9 и сбить противника влево.

Дивизия развернулась, но быстрое движение вперед невозможно. В холодной синеве неба сверлят пропеллерами воздух стальные птицы, самолеты—со стороны «противника».

Все ниже и ниже.

Прижались к земле колонны. Засели в кустах пулеметные двуколки маскируясь.

Одиночкой, мелкими группами через кустарник, по бороздам застывшей пашни ползут вперед расчлененные колонны.

Медленно, но упорно вперед, туда—к высотам...

А под кустом, на колесе на бок опрокинутой двуколки, уже прилаженный «максимка» уставил ствол к небу. Словно указательный палец. Круговой прицел ловит цель...

— Та-та-та-та...—посылает в воздух очередь.—Та-та-та-та...—вторит с опушки другой пулемет...—Бах...—отзывается трехдюймовка из лощинки, задрапированная ветвями, похожая на шалаш...

Ввинчивается пропеллером в голубую высь самолет...

Ухают гаубицы, посылая горячую сталь снарядов и свинцовый дождь на переправу.

Снова рванулись вперед главные силы. Головной отряд бьется на высотах. В дыму мелькают черные точки. Рывками бегут группы и одиночки под высоту 101,5.

На правом фланге, кувыркаясь в воздухе, мелькнули ручные гранаты... Чернильной кляксой на светлом фоне брызнул разрыв.... Заухало... Прорвалось многоголосое ура, но словно юркнуло в пустую бутылку...

Атака не удалась. На правом фланге уже занесен мощный кулак... Рассчитан удар во фланг «противника» и...

Снова прорвалось. Словно напербой, захлебываясь заговорили десятки пулеметов. Слились винтовочные щелчки с барабанной трелью пулеметов. Словно остервенелая, заработала артиллерия. Высота 105 под ураганным огнем.

Правый кулак опустился. Придавил к земле фланг «противника» и стеснил его влево...

День кончился. Под прикрытием сумрака, «противник» оставил прибрежную высоту и отошел на высоты за реку, туда, где на оранжевом фоне вечернего неба синим силуэтом кружевится холмистый берег Иши. Переправа через реку под обстрелом.

Ее с рассветом будет форсировать наступающая дивизия.

Снова в темноте шныряют острые взоры часовых. За деревней на стороне «противника» изредка мелькают огоньки. И словно блестящим клеем тычет в осеннюю темень луч прожектора. То задрожит белое пятно на переправе, то блеснет серебром на поверхности реки, то, как заяц, запрыгает луч по лощинам и снова погаснет.

«Противник» нервничает.

Под покровом ночи свежие колонны форсированным маршем движутся из Нижнего-Коела через Быково на Барышево. Марш быстрый, но прерывистый: колонна, то и дело прижимаясь к земле, скрывается от яркого луча прожектора.

Пересвистываясь, пробираются впереди дозоры. За ними охраняющий отряд.

Скоро рассвет. Расплывчатым черным пятном, прижимаясь к кустарнику, избегая стука подков о мерзлую землю, шелестя сухой травой, пробирается всадник. Останавливается. Прислушивается, ищет взором соседа.

— Чок-чок,—щелкает языком. Сосед отзывается коротким свистом.

Перелесками спускается кавалерийская разведка к Барышево. К рассвету надо наметить удобные для переправы места на реке.

По задворкам, прижимаясь к плетню, другой дозор пробирается осторожно, но быстро. Те уже к переправе.

Через 10 минут, прячась за строениями против моста, конные сгруппировались. Обсуждают дальнейшие действия. Мост взорван, не перейдешь.

И снова, скрываясь строениями и плетнями, дазбрелись по берегу раз'езды. Вливаются взором в реку, ищут место переправы. И еще не успело небо побледнеть на востоке, командир саперной роты читает приказание:

— Места переправы найдены. Первая—правее Барышево через остров. Вторая левее—между Барышево и Луговой. Приступить к оборудованию переправ...

А там, через реку, за лесом голым и чахлым уцепился за оборонительный рубеж «противник». Засветло к ним не подойдешь. Боевое охранение «противника» спружинилось, и, как кошка, выжидающая мышь, всматриваются стрелки в оставленную вчера реку и взорванный мост.

На момент вспыхивает луч прожектора.

На переправу подвезен материал. Вяжут плоты, надувают резиновые поплавки саперы и стрелки.

К рассвету надо связать берега.

Всматриваются разведчики в мглистый рассвет, сквозь утренний туман над рекой, выискивая противника на противоположном берегу. Но напрасно. Он засел основательно, слившись с пестрой опушкой березняка.

Сунулись к переправе... Но на дерзкую попытку переправиться, пулеметы отвечают короткими, но меткими очередями.

— Ну-ка, сунься!

Узкими уличками деревни одиночками перебегают к берегу пешие разведчики... Полки вплотную подошли к деревне и залегли в леске, готовые в любую минуту начать переправу.

Батареи встали на позицию.

Эскадрону снова приказано: перейти реку Иня во что бы то ни стало.

Командиру разведывательной роты приказано установить расположение передовых частей противника.

Снова попытка эскадрона преодолеть реку у острова. Снова огонь пулемета от опушки леса отбросил эскадрон.

Одиночные выстрелы посылает «противник» от опушки, выдавая свое расположение. И снова, в ответ на выстрелы, по прибрежной улице пропыхтели броневики.

Треснул четко и отрывисто пулемет, другой, третий. Задымилась выстрелами опушка. Броневики прячутся. Но на смену им из барышевского березняка дружно грянул артиллерийский залп прямо по береговой опушке.

Снова бросились разведчики к переправам. Ждать нельзя. Медлить—значит гибнуть. Быстрым порывом, пренебрегая огнем противника, разведка побежала по плотам и пешеходным мостикам. Бегут, стреляют, снова бегут...

Вот вцепились разведчики в боевое охранение «противника». Рвутся ручные гранаты, вздымая к небу дым и пыль. Дружное ура с левого фланга и...

По телефону командир роты доносит:

«Между дамбой и мельницей разведка второго полка переправилась на северный берег. Боевое охранение «противника» отходит лесом на высоту 83,5».

Сведения с левого фланга мрачней:

«Переправа не удалась».

Снова звякает телефон:

«Третья и пятая роты переправились на северный берег. Боевое охранение «противника» отошло к переднему краю оборонительной полосы на высоту 83,5».

На левом фланге артиллерия «противника» бьет по переправе. Стороны не сдают.

Наблюдатель доносит: самолеты!

Что может быть хуже самолета над переправой, когда движения ограничены, когда под ногами то погружается, то снова выскакивает из воды резиновый надутый поплавок...

Показавшиеся на северо-западе точки в облаках стремительно падают к переправе. «Бреющим» полетом, почти касаясь воды, стремглав падают самолеты к переправе и быстро взмывают кверху, оставляя за собой взрывы. Дыбятся кони, повозки налетают одна на другую... Заглушая ревом пропеллеров шум переправы и ружейную канонаду, засыпая гранатами участок переправы, самолеты, словно хотят растащить войска на куски.

Бой на подступах к высоте, шум переправы, артиллерийская дуэль, крики, рев пропеллеров, разрывы бомб—все смешалось в непрерывный гул, окутанный клубами пироксилинового дыма.

Войска форсируют реку.

---

10 часов. Головные части дивизии уже у переднего края оборонительной полосы «противника». Пулеметы, ружья и артиллерия напрягают все силы своего огня...

Бойцы перебегают на последний рубеж.

Последнее напряжение огня и удара. Взметнулись кверху ручные гранаты, и вслед за взрывами рванулось «ура»!..

Передний край обороны атакован.

Наступающий превосходит силами. Но глубокое эшелонирование огневых и ударных групп «противника» сделали район обороны мощным, гибким. Нужны громадные силы, чтобы пройти насквозь полосу главного сопротивления.

«Противник» искусно расположил свои части. Отходя на тыловые рубежи и увлекая за собой зарвавшегося наступающего, он неожиданно наносит смертельный удар во фланг с заранее готовых позиций.

«Противник» отходя занимает все более удобные высоты, загораживая Новосибирск. И хотя в 10 часов 20 мин. удалась и левая переправа, все же наступление задерживается. Глубина обороны измотала наступающих. Нужны новые силы, надо снова изучить «противника» и избежать неожиданных ударов с фланга.

Части остановились. «Противник» крепко зацепился за рубежи.

В Березовку стягиваются резервы. Здесь будет дневка.

Колонна приближается к Березовке, сделав 30 километров форсированным маршем. Бойцы устали. Но и у поскотины усталость отлетела прочь. Навстречу с флагами вышли березовские крестьяне. Организовалась беднота со середняками для встречи Красной армии.

— Стой! Привал.

Выступают с приветствиями крестьяне. В Березовке партийная ячейка не велика—3 человека, но уважением пользуется. За ячейкой и все крестьянство высыпало навстречу колонне.

Полк на дневке. Развернулась политическая работа как-то сразу, по привычке. Босц, командир, политрук—вот организаторы.

День для работы выдался удачный.

В недостроенном здании завешены окна, идет кино-сеанс. На крыше, на быстро сооруженном помосте, приспособились артисты.

Смешалась защитная толпа с пестрой крестьянской. Смех, шутки, говор.

Целый день работает агитповозка. Справочное бюро, плакаты, схемы, лозунги, выставки, читальня. Тут же распродажа литературы, полезной для крестьян и ячеек ОСОавиахима.

Вечером короткая сходка. Говорит красноармеец о международном положении. Заработал громкоговоритель. На площади авто-кино накручивает картину, «Чиркин на походе».

Сегодня в Березовке «престольный праздник». Обыкновенно деревня его отмечает по-своему: на улицах, споря с гармоникой, надрываются парни пьяной песней, хмельные песни почти в каждой избе.

Сегодня не то. Ни одного пьяного в деревне. Куда ни пойдешь, где ни прислушаешься, только и разговоры, что о Красной армии.

— Вот это дело. Здорово ребята веселье на селе наладили.

— А главное—все свои ребята-то...

— И весь день все с нами...

— А толково, ведь, говорят.

И долго еще в тишине деревенской ночи раздавались залихватские звуки гармоники и лихая поступь трепака.

Последний холм перед высотой 105,9. На высоте неладно. От лощины, по северному скату высоты, к кусту перебегает человек. Навстречу вынырнул, пригнувшись, другой.

Командир эскадрона получил донесение:

«На правом склоне высоты 105,9 замечены перебегающие люди. Двигаясь дальше, продолжаю наблюдение».

И еще через 3 минуты от начальника раз'езда в ядро эскадрона, карьером, послано другое донесение:

«На высоте 105,9 по южному скату расположена группа «противника». Разведчик, спускавшийся в лог под высоту 105,9, обстрелял с высоты».

Высота в руках «противника». Здесь, видимо, его боевое охранение. Но попытки разведчиков выйти к высоте 105,9 «противник» отвечает коротким, но метким огнем. Он заранее пристрелялся к рубежам. Сбить с рубежа боевое охранение—задача, непосильная для кавалерии. Что скажет пехота...

По высоте 105,9 с дальних дистанций через голову наступающего батальона открыли огонь станковые пулеметы. Батальон развернулся. Его задача—сбить боевое охранение «противника», дать дорогу разведчикам, подойти вплотную к последним рубежам, изучить «противника», а завтра, с рассветом сломить его волю. Взять город Новосибирск.

Батальон развернулся. А в 10 часов 30 мин. взводы вцепились в рубеж боевого охранения «противника».

Ухает от деревни луговая артиллерия. Под перекрестный огонь пулеметов взята высота 105,9. «Противник» не выдерживает, отходит на север. Высота 105,9 взята.

Дальше итти нельзя. Надо изучать обстановку.

Всю ночь, в направлении на Новосибирск, по берегу реки Плющихи, усердно работала разведка, изучая группировку «противника». В сводке за остаток дня 15 октября значилось:

«Поиски разведчиков».

За ночь разведка выяснила, что «противник» закрепился на высотах по правому берегу р. Плющихи и на подступах к Новосибирску.

Комдив первый решил нанести удар правым флангом в направлении высоты 102,6.

В 7 часов грянул первый артиллерийский залп. Первые эшелоны вышли в наступление.

Но не сумела разведка подкопаться под замыслы «противника». Линия боевого охранения «противника» своим фронтом замаскировала направление переднего края оборонительной полосы.

Первый эшелон атаковал боевое охранение, но, продолжая движение, поставил открытый левый фланг к фронту обороны.

Первый успех оказался дутым. Резким ударом «противник» смял фланг наступающего. Эшелон скатился под гору.

В 8 часов наступил решительный момент. Обе стороны напрягли все силы огня. Ударная группа наступающих нацелила удар для прорыва. Сцепились первые группы за обладание передним краем оборонительной полосы. И снова, как на переправе, бросились самолеты «противника» на фланг наступающего, стремясь силою бомб разжать занесенный над флангом кулак наступающей дивизии.

Не желает дивизия отказаться от удара. Если так настойчиво бьется «противник» на высоте 102,6, значит это его «ахиллесова пята».

Не даром из-за кустов по дороге угрожающе вылезли два великана—танка. За ними цепью развернулись малые танки.

Справа от вышки замаячили одиночные бойцы, за ними группы. Быстро перебегает резерв «противника» на фланг наступающего.

Второй эшелон выдвинулся вправо, намереваясь парировать удар «противника» резервов.

Слева рванулось отдаленное «ура», заглушенное ураганным огнем.

Передние группы пятый раз переходят в атаку. Прорван передний край обороны. Начинается самая длительная, самая тяжелая фаза боя—атака внутри расположения обороны. Перекрестный огонь, огонь пулеметов через головы своих, в промежутки между группами, шипенье огненных струй огнеметов, артиллерийская канонада, звон пропеллеров, отчаянные крики атакующих и переходящих в контр-атаку—все слилось в зловещий рев.

Где-то, на правом фланге, в дыму, блестя клинками, рванулась конница в лихую атаку.

В бой ввязались резервы. Стороны не сдают. Силы равны.

Но, когда ввязался в бой свежий полк и его ударная группа обрушилась на левый фланг обороны, «противник» сдал.

Путь к Новосибирску открыт. Маневры Пермской дивизии закончились.

Боевой экзамен сдан.

Стальной оплот трудящихся несокрушим.

Красная армия готова к отпору разбойникам капитала. Пусть сунутся! Пусть только сунутся!

П. ПЕТРОВ

Борель

РОМАН

(Продолжение)

VII

Через несколько дней после воскресника на Боровом задымились мастерские. Теплый ветер рвал черные клочья дыма и уносил их к горным вершинам. По наковальням задорно стучали молотки.

Яхонтов с частью рабочих толтался около машины. С самого утра и до темных сумерек перетирал он проржавелые части и примерял их на свои места. С испачканным лицом и растрепанными волосами, в одной длинной рубахе он не ходил, а бегал из стороны в сторону, волновался и кричал на своих помощников. Качура с сопным лицом, но легкий и возбужденный, гонялся с железным прутом за ребятней, которая галочьим гомоном глушила мастерские:

— Ах, вы, шелекуны—ядят вас Егорьевы собаки! Я ж вам покажу кузькину мать!

У драг вереницы сгутуленных рабочих с хрипом выворачивали глыбы снега, точно щипали громадную птицу.

Вокруг станков громоздились кучи ржавого железа и тут же красовались натянутые, выкругленные, уже готовые в дело прутья.

Вихлястый, длинный, как журавль, раскачивая пристывший к гнезду под'емный очип, кричал сверху вниз тонким бабьим голосом:

— Матырнем, Васюха!.. Не будь мы, сукины дети, матырнем дело!.. Вот только ремонтируй посудину заново... Баяхту, Ефимовский, Лексеевский возьмем... Истинный бог!

Подгнивший очип треснул в гнезде, описывая полукруг, просвистел в воздухе и беззвучно потонул в мягком снегу.

Рабочие рассмеялись:

— Вот чертолом!.. Его выбрали в рудком, а он тут снастину карежит.

— Не сидится, чертяге, за письменным столом...

— Свычки еще не взял!

Василий тряхнул обнаженной головой:

— Надуйся, надуйся, Вихлястый! Дергай до отказа!..—И тут же впрягся в розвальни, нагруженные железом.

Кто-то запел, по-старинке, «Дубинушку». Десятки голосов подхватили, и розвальни, со скрипом буравя массу снега, пошли вперед.

Тайга зычным эхом вторила Боровому. В ответ кузнечным мехам и молоткам шмелиным гулом и отрывистым визгом отзывались горы.

Василий от розвальней бежал к конторе, на ходу смахивая пот с грязного лица и в шутку бросал в снег подвернувшихся под руку рабочих. А вслед ему радостно кричали:

— Вот, зверюга!

— Самого лешака изломает!

— Выгулялся, как новотереб*), лешачий сын.

И бежали за ним, задыхаясь, как одержимые. На обратных розвальнях везли бочки с водой и дрова для паровика.

Все знали, что скоро, может быть, сегодня застучит и оглушит тайгу паровой молот.

Василий и Яхонтов знали, что пуск парового молота—это только репетиция на недело-две. Но и того было довольно на первый случай... Ведь от парового молота будет зависеть успешный ремонт драг.

Машина, обследованная Яхонтовым, оказалась цела. Проржавели только некоторые части. Смазочные материалы Никита нашел в кладовой—две бочки. По расчетам Яхонтова, их должно было хватить на месяц.

— Ну, как, скоро?—спрашивал Василий.

— Движемся,—отвечал Яхонтов.

... Приближался вечер. Над вершинами хребтов медленно плыли клочья разорванных облаков. В мастерской послышалось шипенье пара. Дроворубы, водовозы, драгеры, кузнецы и слесаря побросали работу и выбежали из мастерских. Бабы и ребятишки выстроились в стороне парадным фронтом и, толкаясь, подвигались ближе. Загрохотал мотор. Звуки его ударяли радостной болью. Толпа заревела, но крики в тот же момент потонули в грохоте первых ударов молота. Стены мастерских и крыша заколыхались. Из щелей запылил снежный пух. Гулкой сиреной отозвались вдали таежные хребты.

Яхонтов показался из дверей весь испачканный, с помутившимися глазами, но улыбающийся. Василий молча схватил его в охапку и, приподняв над головой, передал на руки подбежавшим рабочим.

Его долго подбрасывали кверху.

Утром, в тихие сумерки рассвета, Никита разбудил Василия от крепкого сна. Быстро, по военной привычке, он вскочил на ноги и долго щурил глаза.

— Да ты чево, как ошпаренный, кидаешься-то?—удивленно отступил Никита.—Вот тут Качура полунощничает и другим спать не дает!

Качура, с пьяным от бессонницы лицом и серебряным клоком на плешивой голове, еле маячил в темноте у порога. Ему в последнее время действительно не спалось от навалившихся забот.

— Уволь, ядят-тя Егорьевы собаки,—взмолился он, подходя к Василию.

— Удавиться рад от твоего распреда... Есть молодые... У них черепок покрепче... А меня на работу снаряди!

Василий недоумевающе посмотрел на старика.

Качура уселся рядом с ним на нары и сокрушенно опустил голову:

— Пусти в мастерские... Душа болит, окаянная!.. Запутаюсь я здесь в бабьих подолах... Ядят их Егорьевы... И опять я тебе скажу, что харчей у нас скоро, того... А дорога, не видаючи, обманет, Васюха... Опять же и коней нет, а на человечьем горбу сани не навозишь...

Последние слова старика, как удар грома, обрушились на Василия. Увлеченный работой, он забыл в последние дни постоянную угрозу бесхлебья. И только теперь

---

*) Гулевая лошадь.

вспомнил об упорном молчании треста в ответ на письма и проекты рудкома. Время уходило, с каждым днем становилось теплее.

— Никитка! Крой за Яхонтовым и Вихлястым на заседание,—крикнул он.—А ты, Качура, заткнись и не треныхайся, старый супостат. За такие дела республика к стенке нынче ставит. Это же саботаж, волк ты таежный, не забывай.

Качура часто мигал мутными глазами и грустно покачал головой:

— Да разве я... В мои ли годы?.. Ах, ядят тя Егорьевы собаки... Ну, в мастерские не гожусь—сторожем поставь, а только... От конторы уволь, запутляюсь я там в бумажной паутине!

Василий, не отвечая старику, оделся и вышел из казармы. В сероватом мороке одинокие фигуры рабочих дымили трубками и тянулись к мастерским. И в этот же момент послышался гудок паровика.

— Чортова машина!

Василию вдруг стало обидно, что ни трест, ни городские власти не обратили внимания на восстановление приисков. Ведь, государству теперь, как никогда, нужен золотой фонд!

На крыльце конторы его встретил Вихлястый. Лицо драгера было измято, как после сильного перепоя.

— Ты, чего, язви-те в тридыхало, суматошишься? А мы там с товарищем Яхонтовым кое-что наверпули... Ну, брат, и чертолом он!.. Глаза, смотрю, на лоб лезут, а он крутит и крутит... С таким работать—в могилу загонит раз-раз... Ей-бо!

Вихлястый повернулся на длинных журавлиных ногах и зашагал в контору. Василий заметил у мастерских Яхонтова.

Техник шел неторопливо, размеренной походкой. Из-под шапки блестел упрямый овал лба.

— Знаю, какая чертовщина тебя укусила!—сказал Яхонтов.—А сметы у меня уже готовы—только утвердить и переписать...

— Вот человек! Золото!—улыбнулся Василий.

В конторе было чисто и даже уютно.

Секретарь Залетов, смеясь, вытянулся в струнку и приложил маленькую руку к рваной солдатской шапчонке. Невзрачная фигура его показалась еще смешнее.

— Все честь по комедии, ваш-ство,—зашепелявил он...—Приказ выполнен на всю сотню процентов. Вот только дров ни полена, а штаны до колена.

Василий не улыбнулся, как этого ждал Залетов. Он сосредоточенно взглянул на Валентину и подошел к ее столу.

— Вот хорошо, товарищ Сунцова, что вы не ломались. Вы нас не бойтесь... У нас рожи и дела страшны, а сердца горячие, как огонь! Опять же, если мы вышибаем кое из кого блох, то это на пользу республике. Времена такие пришли, ничего не поделаешь...

Валентина, не глядя ему в лицо, чуть улыбнулась углами губ.

— Да я и не боюсь вас,—твердо сказала она—откуда вы это взяли. Вот только канцелярии вашей я не понимаю...

Василий смело сжал ее руку повыше локтя и засмеялся:

— Чудачка вы, товарищ Сунцова! Неужели вы думаете, что на этой работе мы вас будем держать? Это чушь! Вот вернемся из города и завернем такую культработу, что тайга охнет. Заказывайте в город поклоны.

Вопрос о поездке в город Василия и Яхонтова был решен в несколько минут; но Яхонтов и Качура задержали Василия почти до вечера.

— На крупу шибко не налегай, будь она неладна,—внушал Качура,—смекай капусты побольше ухватить. Да насчет машин обтянай—старые-то подведут, как вешний лед. Выгорит—не выгорят, а докука не беда.

Яхонтов старательно записывал замечания Качуры.

— Обувь и одежда для рабочих, материалы для оборудования драг и мастерских... Новые машины на драги № 2 и 3.

Голова Яхонтова будто росла, а глаза краснели от напряжения.

Только к закату солнца была окончена работа. В контору, незаметно для всех, вошли Никита и маленький, почти квадратный старик.

— Вот ямщика выкопал,—сказал Никита, обращаясь к Василию.—Это Лямка—вечный забулдыга и кучер дай-да-мало... Ты его должен помнить!

Старика прозвали Лямкой, видимо, за то, что он сорок лет гонял вольные. У него не было ни одного зуба. Лямка придерживал руками самодельную трубку. Он жил на зимовье в пяти верстах от Борового, работая на паре лошадей. Это было редкостью на приисках.

— Капель с крыши понужат,—усмехнулся он, отряхивая снег с курносых валенок...—На солнцепеках пригреват, аж уши млеют.

Залетов, проходя мимо, нахлобучил Лямке шапку на глаза и дернул за нос.

Старик укоризненно взглянул на секретаря:

— Хе! Дурочкин полюбовник. Шиш поглянулась... Ты бы лучше свою бабу за хвост чаще дергал, а то она все пороги обила на Боровом.

И помахивая тонким кнутом, он повернулся к Василию:

— Надо бы скорее, а то дорога может сморгнуться... Дай бог сегодня до Ефимовского дотянуть.

Выехали только утром на второй день.

Дорога шла по Удерке. Лямка зорко осматривался по сторонам. Он указал рукой на видневшуюся вправо полынью:

— Тут, брат, ухнешь и поминай, как звали. Проворонили вы времечко, ребята... Ежели недельки две-три простоит—от силы, а там жди распутицы. Борони бох, без продухта останется народ, как зверье, попрет с приску и ничем его не остановишь.

И Лямка предался воспоминаниям:

— Это было в пятом году, на Ефимовском, когда ухохорили самого и доверенного... Я только и видел, как Тимка-шахтер колотушкой дрызнул хозяина... А делов же, делов было опосля... Меня три раза в окружной заметали... Но не грешен,—свою братву не выдал.

— Слушай, Лямка,—оборвал его Яхонтов...—«Ведь, говорят, из-за тебя и ушли забастовщики на каторгу?!. Это ты и есть—Ефимовский холуй.

Лямка испуганно снял шапку и перекрестился:

— Вот лопни глаза, товарищ техник, ни одного не утопил... Ну, жил я у них, так что ж тут такого?

Яхонтов рассмеялся и мигнул Василию:

— А вот есть же такие слухи, говорят, недавно у тебя было что-то с Ефимковской дочкой.

Лямка вытер рукавицей рыжую, жиденькую бороденку и, в свою очередь, покатился дряблым циничным смехом:

— Пустое звонят... Какую там комуху выйдет... Вот ежели бы годов десяток назад...

Лямка сдержал лошадей и, обернувшись к седокам лицом, закурил трубку:

— Вы только не ботайте,—шепнул он, прицуриваясь.

— Ну, кому-то нужно трясти эту рухлядь,—уверил его Василий.

И Лямка начал сначала почти шопотом, а затем все громке и громче:

— Это, в прошлом году, когда Натолий, сын-то ихний, не приезжал еще из города...

— Ну, ну?

— Да, старуха мне и говорит,—приезжай, грит, Лямка, помоги Глаше сено вывозить... Я, говорит, золотишка дам и муки. Ладно, говорю, Липистинья Семеновна, на той неделе прибуду, а на этой-то не слажусь... Ну, в субботу это я помылся в бане, а в воскресенье под вечерок запрег и поехал. Приезжаю. Наладил ихние сапишки: передовики все подогнал в пляпорцию... Девка, это Главдея-то, во дворе балуется со мной, то ногу подставит, то в снег толкнет...

— Ну, а ты что?—едва сдерживая смех, торопил Василий.

— А что я!.. Брось, говорю, девка, не ровня я тебе... Не перед добром ты... Вечером это, после ужина, все пела, пела, а потом, как заорет и бац... на кровать! Старуха ее водой... тем, этим. Вот, думаю, притча случилась—добаловалась. А утром, братец ты мой, поднялась, как стрепанная... Запрег я, а она опять балуется... Я, грит, Лямка, тебе на воз подавать буду. Приехали мы это с ней. Я начинаю оскребать снег с зарода, а она опять за свое. Сзади схватила и валит меня в сено... Што-ты будешь делать?

— Ну и свалила?

— Свалила, братец ты мой, и давай лалать за неноказанное место.

У Василия от хохота вздувались жилы на висках, а Яхонтов перегнулся через грядку кошевки.

Лямка, довольный, что угодил пассажирам, повысил голос:

— Што ты, говорю, бесстыдница, деласшь, ведь не хорошо так барышне-то... Со своей старухой, говорю, пять лет никакого греха не имею. И так насилу отбился... Быдь ты грех! А вечером и говорю старухе... Липистинья, говорю, Семеновна, Глашуха ваша совсем назрела, изморь просто, говорю, берет... Замуж надо бы ее! Вам бы в доме работник, а то все разваливается, опускается, хомутишка путного уж не осталось в доме. Да за кого. говорит, Лямка, отдашь-то ныпче?.. За шахтера не пойдет, а антилигентной публики ныпче на приске уже не стало. Она, говорит, ведь хозяйская дочка—за сперала раньше годилась бы. Ну, так и ничего. Уехал я, а на пасеку приехал сын ихний, Натолий... Посылают ко мне за вишишком... Привез я. Подвыпили и разговоры начались.—Почему, спрашиваю, Натолий Ефимович, из городу бог принес, рази места нет там?

Лямка сощурил хитрые глаза.

— Он, братец ты мой, к-э-э-к соскочит со стула, да кээк брякнет кулачищем по столу!—Молчать, говорит, халуй моего отца! А я ему напоперек говорю: теперь, говорю, халуев нет, товарищ прапор—ваше благородие... Теперь совецка власть... Б-а-а-тюшки ты мои, как поднялся, поднялся он!!! Да, говорит, власть теперь варначья... Весь хитрый рынок заправляет государством. Да, говорит, я—офицер, и не хочу служить этой шайке, даже ахтером. Пошел, пошел и договорился. Сестру свою, говорит, не отдам за хама, сам буду жить с ней, а кровь свою мешать не желаю.—Старуха ему: опомнись, опомнись, а он пушше, а он пушше...—Ну, в час добрый, говорю ему, а сам за шубенку...—Давай тягу задавать и чуть-чуть не наворочал в рыло, стервец!

Дорога пошла напокать к ручью. Лямка ловко подстегнул лошадей и замурлыкал песню.

Тайга шумела по-весеннему. С ветвей деревьев летели комья подогретого солнцем снега и, как глухари, шлепались на дорогу. Звон колокольцов певуче сливался с таежным шумом.

— А теперь Глашка, говорят, в положеньи, и старуха умом повредилась,—крикнул Лямка, не поворачиваясь к пассажирам.

Солнце спускалось за темнеющие макушки хребтов и на дорогу едва пробикали его слабые лучи. Под ногами у лошадей и под полозьями звонко кололся и похрустывал пристывающий ледок.

— Нынче весна будет ранняя...—сказал Лямка.—Гляди-гляди—тунгусишки с пушниной нагрянут..

— Почему ты думаешь?—спросил Яхонтов, видимо нехотя отрываясь от своих дум.

— А очень просто—скот ложится и кедровка чокает по утрам... А это, брат, самый верный календарь.

— Да не свой ли у тебя календарь показывает, а только на кедровку сваливаешь?—буркнул Василий.

— Нет, бог миловал пока,—усмехнулся Лямка.

— Сколько проехали-то?

— Да, поди, сорок с гаком отчубучили...

— Ты хоть бы врал, да плевал,—оборвал его Василий.

Лямка обиженно вскинул глаза:

— Да чего плевать-то!.. Считай сам—до крутого лога шестнадцать и до Лизаветки двадцать семь.

Его голос усыпляюще-монотонно мешался со звоном колокольцов.

— Вот и зимовье трех братьев!

Дорога, действительно, пошла шире и на пути начали попадаться подсеченные сухостойны и глубоко-пробреженные следы.

— Три брата здеся держат зимовьишко,—вторично пояснил Лямка.—Вот уже на четвертый десяток пошло, как поселились тут.

Вправо, между деревьями, мелькнул красно-матовый тусклый огонек. Послышался разноголосый собачий лай. Лямка остановил лошадей у низких дверей избушки.

В зимовье в эту ночь был только один постоялец тунгус Ахтилка, который за триста верст пришел за хлебом. Ахтилка сидел на нарах, подкрючив под себя ноги, курил трубку. Из его узких глаз текли мутные, смешанные с гноем слезы.

Зимовье было устроено плохо. Это была простая, не отделанная избушка с нарами и продырявленной железной печью. Из широких пазов по всем стенам висели клочья моха и сухой пожелтелой травы.

Избушку построили три беглых каторжника, которые летом занимались хищничеством, а на зиму приходили сюда для приобретения запасов. Теперь их осталось всего двое. Один из них, Емельян Задворов, был высокого роста, сутулый и очень разговорчивый старик.

— А осужден я был на вечную,—говорил он ничего непонимающему тунгусу, впиваясь серыми наглыми глазами в приехавших.—Но умотал оттедова на слободу... Головы я, брат, не вешал перед эвтими рябчиками... Покоцал, дай бог здоровья. Вот теперь только истерея... А ты вот—вечно голодный козел... Понял?

Тунгус, в знак согласия, покачал волосатой головой.

Емельян сидел в углу на нарах и строгал лыжину. Белые ленты стружек завивались кольцами из-под самоковного ножа.

Чай готовил второй «брат»—старик небольшого роста в тонких бродних и широченных шароварах. На голове его вился куст серо-пепельных волос. Во всем лице и в больших черных, когда-то очень красивых глазах была странная мечтательность. Ста-

рик был чеченец. Он никогда не говорил, за что попал в Сибирь, и не любил, когда вспоминали о Кавказе. В таких случаях он уходил куда-нибудь в лес и возвращался унылым и разбитым.

Лямка об этом предупредил Василия и Яхонтова.

— Вы об Капказе ницкните, здурит опеть!

Чеченца в здешних местах прозвали Исусом, а настоящего имени он никому не говорил. У него с Лямкой была большая дружба. Они когда-то в молодости работали на драге и теперь при встречах вспоминали прошлое время за чашкой самогона.

Сегодня Исус, видимо, опасался угощаться в присутствии посторонних и перед часом, мигнув Лямке и Емельяну, вышел во двор.

Василию, отвыкшему от тайги, казалось, что он попал в притон разбойников. Он зорко следил за каждым движением Емельяна, посматривал изредка и на Яхонтова, желая узнать по его лицу, как он чувствует себя. Но Яхонтов, склонившись на руку, уже храпел.

Ушедшая компания долго не возвращалась. На дворе поднялся сильный ветер. От его порывов трещало дранье и с деревьев падали сухие сучья, громко стукаясь о стены и крышу зимовья. Тайга шумела буйным и ласкающим шумом.

Ахтилка приподнялся с нар. Закурив трубку, он тихо, гнусавя, запел, растягивая гортанные звуки. С улицы, вперемежку с ветром, доносились глухие голоса. Ветер со свистом врывался в щели.

Василий толкнул Яхонтова под бок, но техник прошлепал что-то губами и повернул лицо в другую сторону. Тогда Василий тихо подошел к дверям и прислушался.

Глухой надтреснутый голос Емельяна бросал на ветер обрывки слов:

— Царю не служили и этим не желаем... Наше дело—р-раз и бабки на кон!.. Тайга спокон веков была для бродяг... А Егранка теперь—свой брат... Всех надо сажать на перо, кто хочет захватить тайгу. И этих ты зря повез... Ежели бы не ты—анба! Надо выводить вошь, покудова не залезла в кожу... Ах ты, старый хорек, куропрозевал! Главное —одежа, а может и золотишко везут...

— Дурак ты!—возражал Лямка.—Был сукин сын и до гробовой будешь.

Василий разбудил Яхонтова и вынул из кабуры маузер.

Скрипнула дверь и слегка вздрогнули стены зимовья, в избушку вошел весь в снегу Исус.

— Малэнько холодно,—сказал он сильно заплетающимся языком.—Малэнько тошити будем.

Наклоняясь за дровами, Исус потерял равновесие и ткнулся головою в печную трубу. Печь с грохотом слетела с высокой каменной плиты, рассыпая по зимовью клубы искр. Изба наполнилась едким дымом.

Василий с Яхонтовым выскочили на двор, увлекая за собой старика и Ахтилку. Ворвавшийся в открытую дверь ветер подхватил с пола огонь и рассыпал его по насохшим пазам. Лошади храпя топтались у привязи.

Емельян зверем заревел и бросился в избушку, но уже было поздно... Красные языки мягко поползли по стенам, добираясь до потолка. Высохший лес, казалось, только и ждал огня. Через несколько минут пламя пробило крышу и ярким снопом выбросилось к вершинам деревьев.

Всем было ясно, что тушить пожар бесполезно, но Емельян бегал вокруг зимовья и пригоршнями бросал снег в огнедышащую пасть.

— И-на! И-на!—рычал он, задыхаясь.—Подавись, сатана!

Уносимые ветром искры, как цветы, вплетались в зеленые кудри кедрачей. Лямка, отвязывая коней, сам с собою разговаривал:

— Эка напасть случилась... Служался, аж ноги дрожат. Бороны бох...

А когда от'ехали несколько саженей, вслед послышался отчаянный, угрожающий крик Емельяна:

— У-у, ломай вас, сволочей! Ироды!

Вот уже второй месяц, как старик Чеклаев засел в большом подтаежном селе. Он хорошо знал это узловое село еще в те годы, когда за шкалик или косушку водки чалдоны отдавали выходную белку или горностая, а за штоф—среднюю лисицу.

Теперь же на тесовых полуразвалившихся воротах двухэтажного, узкого, как калапча, и искривившегося дома вдруг появилась непонятная для мужиков вывеска, на которой крикливыми буквами значилось:

«Уполномоченный приписков П. Чеклаев».

Мужики подолгу присматривались к вывеске и к уполномоченному и, недоумевая, рассуждали:

— Будто он и будто не он... А по обличью, кажется, он... И очки, как у него.

— Да кто он-то?

— А помнишь, до войны бельчонку скупал и винишком еще приторговывал: Проняха Чеклаев.

— Да как же не помнить! Только, как он на советской работе, буржуй?

— Такая шельма хоть где пробьется. Этот, брат, как мелкий клоп, во все щелки пролезет.

Сам Чеклаев не признавался сразу в знакомстве, а мужики не смели спросить его. Но через неделю, когда он начал исподтишка скупать белку на пятак дороже установленных цен, у мужиков больше не осталось сомнения.

И, сдавая пушнину по вечерам, они спрашивали:

— Так по каким же делам ты, Проня, уполномочен-то: по пушнине али по каким другим?

Чеклаев загадочно ухмылялся под нос и отвечал:

— Вот заберу хлеб, заберу мясо, заберу масло, все заберу для приписков.

— Как заберешь?—пугались мужики.

Чеклаев трепал их по плечу и успокаивал:

— Чего боитесь?.. Будет доставка на приписки за деньги, только распоряжение получу...Теперь даром не берут, НЭП.

— А чорт вас поймет, Непу какую-то выдумали!.. Говорили бы, что старые подати ввели.

И два месяца мужики ждали доставки. Готовили сани, мешки, ковали лошадей и перед дальней дорогой варили самогон, который выпивали, а доставки все не было.

Мартовское солнце припекало с каждым днем сильнее. Края придавленных снегом крыш оголились от подталин и выглядели черным тряпьем. На углах изб висели острые сосульки льда. Засоренная улица отливала желтоватым вытаивающим навозом. И не даром мужики волновались:

— Это чо-же, паря, накрючивают нас, ли-чо-ли?

— Не жульничает ли Пронька?

— А какая корысть ему мошенничать-то, себя скорее обманет... Ежели, к примеру, дорога спортится, то поди учрежденье по головке не погладит!

— Ого! Сказанул!.. Не шибко ихнего брата... Ну, отсюда попрут, а в другом месте повышение дадут. Начальство—одно слово... Это наш брат перевернулся—бьют

и не довернулся—хлещут. А может и взаправду распоряжения нет, так он-то при чем? Это там сидят новые буржуи!..

— Ну, как нет?.. Поди доходишки какие имеет, вот и выдерживает...

В день приезда Василия и Яхонтова мужики попросили председателя сельсовета созвать собрание, и это было как-раз кстати. Василий узнал Чеклаева, но долго не мог припомнить, что они встречались в тресте, перед от'ездом Василия на Боровое. Зато Чеклаев отчеканил ему доклад о том, что он, по распоряжению треста, уплатил ангарским мужикам сто червонцев за конфискованный хлеб:

— Попадет вам, товарищ Медведев... Попадет!.. Ведь—НЭП.

Василий бросил на него насмешливый взгляд и отвернулся к обступившим их мужикам.

Но Чеклаев не оставлял его в покое:

— Вы знаете, что сказали в тресте об этом деле? Там сказали, что раньше за самовольную реквизицию—к стенке!..

Когда было открыто собрание, Чеклаев об'явил цены на продукты и закончил опять теми же словами:

— Все заберем, вот только получим распоряжение!

Мужики повесили головы и, видимо, стесняясь наехавшего начальства, молчали.

— Ну, так что-же—вы не согласны так везти?—спросил их Василий.

В его глазах вспыхивал насмешливый огонек, а натянутые скулы вздрагивали. Яхонтов морщил выпуклый лоб.

— Надо прибавить и толкнуть мужиков, —написал он Василию на уголке протокольной книги.

Василий кивнул головой.

Мужики начали шуметь:

— Нет, покорно благодарим, за эту цену везти... Кабы это во-время,—сказал выступивший вперед плотный небольшой старик с длинными, как у попа, волосами...

— Ведь там сапожки придется кое-кому оставить, вот что, паренек!..

В углах и у порога еще сильнее загудели голоса:

— Нет, лучше на самогон употребить, чем ехать задарма на такое увечье!

Пьяный мужик, все время дремавший около печки, вдруг замигал мутными глазами и натужно крикнул:

— Кишки повыдавлять таким сволочам.

Толпа с руганью подвинулась к дверям:

— Вот те на!—слышались голоса.—Проманежили зиму... Сулили, сулили! Всю заработку опустили, а они теперь дают два белых. Все вот они так нуздрают нашего брата... Помять бы бока Проньке, это он путает!..

— Раньше путал и теперь тоже!..

Чеклаев еще больше сгорбился и, запинаясь, пытался оправдаться:

— Я... не виноват... У меня распоряжение...

— Вот я те дам распоряжение! Ткнуть под лопатку, так узнаешь распоряжение!—горячился один из пьяных мужиков.

Чеклаев бессильно опустился на скамейку и склонил голову.

Видя, что Василий махнул рукою, мужики снова подвинулись ближе к столу и притихли..

— Вот что, товарищи!—Василий опустил свой огромный кулак на стол, так, что заиграла чернильница и подпрыгнули книги.—За хлеб мы набавляем вам по гривеннику за пуд. Айда по домам и налаживайтесь в дорогу... Но с уговором, чтобы через неделю вы были на приисках!

В толпе опять послышался шум. Отдельные голоса самодовольно расплывались в общем гаме и хохоте:

— Сдались небось!

— Поторговаться, так еще накиньте, врете!

— От надбавки брюхо спучит,—пошутил Василий, но это вышло не естественно, и мужики снова повесили головы.

Чеклаев, бледный, поправлял очки и пытался что-то сказать, но Василий перебил его:

— Так вот, кто согласен, запишитесь у председателя и—чтобы через неделю был хлеб на Боровом! Поняли?!.

— Да, так все будут согласны —не обидно,—сказал старик с длинными волосами, берясь за дверную скобу.

Чеклаев, наконец, преодолел растерянность и, поднявшись, заявил:

— Ну, я этого не беру на себя. За такое дело—к стенке... Это срыв спущированных цен. У нас такого распоряжения нет...

Василий скривил губы и рявкнул, заглушая шум:

— А это не срыв производства—сукины вы дети?!. А?!. Ты не берешь, так я беру все на себя... Хоть к стенке! Хоть к чорту! Через день-два мы будем в тресте и поговорим о твоей работе, товарищ!

Он нахлобучил на глаза шлем и направился к выходу. Яхонтов, улыбаясь, последовал за ним и, протискиваясь в дверь, услышал рассуждения и смешки мужиков:

— Вот это ловко загнул! У Пропяхи аж очки запрыгали!

— Да так и надо! Вишь, живым манером решил, а эта летучка, стреляй ее в середину...

— Да как ему и не решить, когда там народ загнат, а тут Пронька с Еграхой карманы набивают.

Деревни, через которые проезжали приискатели, кипели жизнью. Тайга уже кончилась и на степных равнинах стало как-то светлее. Навстречу и вслед тянулись нескончаемые обозы нагруженных и порожних подвод.

Лямка в барловой*) истертой дохе, подзадоренный общим шумным движением, размахивал длинным кнутом и норовил ударить гуссвого по боку, но кнут заплетался и попадал по ногам...

Яхонтов решал две сложные задачи: возможность оборудования рудника Баяхты и пуска драг по реке Удерке.

— Ты что это—о возлюбленной или приисках задумался?

Яхонтов не то от этого внезапного толчка, не то от того, что Василий отчасти угадал его мысль, вздрогнул.

— Почему ты думаешь, что о возлюбленной? У меня ее никогда в этих местах не было!

Василий погрозил ему пальцем.

— Врешь, товарищ дорогой!.. Эх, интеллигенция, и любите-то вы сквозь щелку... Разве я не вижу?.. А ведь деваха—прямо орел, глазищами за самое нутро хватает... И башковатая, видать!

Лошади, все время бежавшие крупной рысью, вдруг хватили во весь дух и шарахнулись в сторону. Лямка остановил их и выехал на дорогу—к сгрудившимся обозам.

---

*) Доха из козьих шкур осенней добычи.

— Вот черти, как напугались!.. Посмотрите, посмотрите!—закричал он, указывая вправо.

В снежном бусу, недалеко от дороги, копошилась огромная стая волков.

Яхонтов схватил винтовку и выстрелил. Волки сбились в кучу, но не трогались с места.

— Вот же, тварь, до чего осмелела,—приговаривал Лямка, сдерживая лошадей.—И ухом не ведет, погань!

— А ну-ко, давай я?!.

Яхонтов, смеясь, передал ему ружье.

Лямка положил винтовку на головку кошевы... После выстрела ничего не было видно. Но он по звуку определил, что попал. И действительно, когда рассеялся дым, собравшиеся увидели, как стая рвала подраненного волка...

— Вот так дед!.. Правду говорят: старый конь борозды не портит,—сказал бородатый мужик.

— Догоняйте и берите их!—крикнул Василий столпившимся ямщикам.

И толпа, обгоняя друг друга, бросилась волчьими следами с палками, поленьями и просто с голыми руками...

Позади, темным гребнем, стояли далекие горы. Синий морок неподвижно и величественно стоял над вершинами их. Впереди маячили едва заметные зубцы городских колоколен.

IX.

Губернский город нельзя было узнать. Улицы, базары и магазины кипели ровной деловой жизнью. На углах кварталов китайцы, раскинув ларьки и просто коробки, наперебой зазывали покупателей.

— Эй, болбос!.. Болбос надо?

Семейные, в балаганах, кормили русских жен репой и жареной печенкой. И тут же извозчики, помахивая массивными кистями, охорашивали запыленные, только что извлеченные из подвалов и сеновалов экипажи.

Василию показалось все это странным. Уезжая на прииски, он оставил город в звуках военных барабанов, оркестров духовой музыки, в скопищах толп, марширующих на воскресники, субботники, собрания и митинги. А теперь вот даже красноармейцы по тротуарам большой улицы и по барахолке шляются с накрашенными нарядными барышнями.

— Распустилась крупа!—выругался он вслух.

Злобное удивление вызывали толстые туши нэпманов и их жен.

— И откуда, скажи, появились эти налимы?—бурчал он.—Раньше нарочно не увидишь бывало их... Неужели за это время так отожрались?.. Ну, скажи, как же скоро они повылазили из своих скрадов. Вот свинская порода!

Яхонтов рассеянно улыбался и, будто не слушая его, изучал витрины больших магазинов.

Они шли на заседание в трест, где Яхонтов должен был сделать доклад о плане эксплоатации приисков.

Обросший, в оленьей дохе и унтах, он чувствовал себя плохо среди важных инженеров. А они с достоинством и едва уловимой насмешкой щупали приискателей глазами.

Управляющий—высокий и очень худощавый человек в пенсне на искривленном тонком носу был уже на своем месте. Вокруг него на кушетках, сохраняя важность, разместились трестовские дельцы-инженеры. На некоторых из них были форменные тужурки.

Яхонтов с Василием присели на стульях у порога. К ним подошел представитель губкома—небольшой человек с черными бакенбардами, в военной форме и больших полуболотных сапогах. Это был Рувимович.

Управляющий поднял голову от бумаг, отчего слегка колыхнулся у него на затылке жидкий клок, и все лица повернулись к столу.

— На повестке сегодняшнего заседания, по существу говоря, два вопроса,—начал он слегка вздрагивающим баритоном,—первый о снабжении и эксплоатации приисков Удерской золотой системы и второй—о назначении директора этой системы. Вопросы большие и вряд ли есть необходимость добавлять или изменять эту повестку?!.

Управляющий вопросительно сверкнул пенсне по лицам окружающих и остановился взглядом на сидевшем влево от него высоком человеке с красным носом и сивым ершом на голове.

— Давайте, Иван Михайлович,—сказал он, при чем левая щека управляющего нервически вздрогнула, и пенсне опустилось на конец носа.

Иван Михайлович—плановик и заведывающий материальной частью треста послушно развернул склеенный лист бумаги, размером приблизительно около метра в ширину и длину, на котором мертвой саранчей лежали цифры и черные дорожки. Он также сначала обвел собравшихся серыми воспаленными глазами и опустил их на мертвое поле бумаги.

— Точных сведений на данное число нет,—начал он, шевеля усами и пришепетывая.

Сиповатый бас Ивана Михайловича замирал на последних слогах, и слова улетали неуловимо, затрудняя понимание их.

— Более или менее реальное сальдо можно было бы вывести тогда, когда снабжение системы имело строго-плановый порядок. Но так как мы имеем один самовольный случай конфискации Боровским рудоуправлением продуктов на Боровском рынке, на что, кстати сказать, он не имел никакого права...

Иван Михайлович улыбнулся, обнажая свои кривые зубы.

— И—второй случай—также беззаконной отгрузки и тем же управлением новой партии хлеба, то учет приходится ставить не реально.

Глаза присутствующих устремились на Василия и Яхонтова с любопытством.

— Данные приблизительного подсчета,—продолжал Иван Михайлович,—рисуют перед нами следующую картину...

И серые выцветшие глаза снова опустились на бумажное поле.

Когда были перечислены все группы конфискованных на Боровом и закупленных Василием и Яхонтовым в Подтаежном селе продуктов, человек с серебряным ершом опустился в мягкое кресло рядом с управляющим.

— Вопросы!

Управляющий потрогал колокольчик и уставился взглядом на присутствующих.

— Вопросов нет?

Представитель губкома дернул плечом и затеребил бакенбарды:

— Значит, точных сведений о запасах у вас нет?—спросил он, делая резкий жест рукою.

Иван Михайлович приподнялся на пружинах мягкого сиденья и зашевелил усами:

— Ну да! То-есть, таких, какие можно было бы получить при условии планового снабжения и правильно поставленного учета.

— Так за каким же, спрашивается, чортом вы трясли это кладбище?!.

Рувимович встал и прошелся по кабинету.

Василий лукаво подмигнул Яхонтову и толкнул его локтем.

— Дорогие товарищи, это хорошо, но что у вас есть сегодня—вы не знаете...

Рувимович уставился голубыми глазами в лицо управляющему.

— Вы не знаете, что есть у вас в тайге...

Управляющий с достоинством поднялся на ноги и спокойно начал:

— То-есть, виноват... Мы знаем предварительную заброску... Следовательно, учитывая потребительскую норму и количество едоков, логически последовательно можем строить свои плановые предположения. Если бы товарищ Медведев не сделал этой

непоправимой ошибки, благодаря которой наша система снабжения и восстановления Удерских приисков была нарушена в самой своей основе, то в данное время мы имели бы несомненный сдвиг в этом вопросе!..

Он передернул бровями и опять блеснул пенсне по застывшим лицам своих подчиненных.

— Вот сегодня мы имеем телеграмму от нашего уполномоченного, Чеклаева, о том, что представители Боровского рудкома сорвали синдицированные цены на хлеб во всем Приангарье.

Он приподнялся и протянул серенький листок Рувимовичу.

— Такие дела, собственно говоря, по современным законам, разбирает прокуратура... Это—анархизм, не вызванный ни малейшей необходимостью!..

Василий встал и, шатаясь, подошел к столу. У него дергались щеки.

— Вы, товарищ управляющий, бросьте тереть волынку! Этой бумагой вы нас не накормите... Где ваша система?!. За два месяца вы поставили одно чучело в селе Казацком и не дали ему еще ни одного наряда. А знаете ли вы, что этот ваш уполномоченный белкует там и жиреет, как крыса в подполье?!. Да за такие дела самих вас к ногтю надо прижить!..

Управляющий мягко улыбнулся, а Рувимович остановил Василия за руку:

— Ты успокойся, товарищ Медведев. Вопрос здесь решается предварительно, завтра он будет поставлен в губкоме. А насчет Чеклаева мы тоже поговорим.

— Товарищ Медведев напрасно поднимает бурю в стакане,—сказал управляющий.- От рассмотрения вашего проекта, во-первых, никто не отказывался и ваши грубости здесь не уместны. Не забывайте, что приемы военного коммунизма утратили свою пригодность! Это не фронт, т.-е. новый фронт, на котором штурмовой атакой только навредишь... Нам вместе предстоит ударить по мертвым дебрям тундры. В чем дело? К чему тут угрозы и оскорбления?!.

Василий тряхнул волосами и громко рассмеялся:

— Угрозы не с моей стороны, товарищ управляющий. Вы нам три дня сулили курятник, но кто его больше заработал—будем посмотреть!.. А только вот эту муру надо бросить... Вот через неделю-две—дорога поплывет... Тут надо круто ставить вопрос, вот именно—штурмом!

Василий при этом нечаянно пнул венский стул и закурил папироску.

И присутствующие будто только теперь обнаружили признаки жизни.

— Наряды на хлеб и прочую еду должны быть даны на-днях. Мы пустили в дело паровой молот. Рабочие руки трещотся в драках. Мы обнадежили рабочих, а вы снова толкаете их на хищничество. Надо знать пролетарскую обстановку, товарищи. Там хищники золотую борель залакостили, а вы хотите бумагой...

Управляющий стукнул карандашом по чернильному прибору.

— Товарищ Медведев, мы сейчас заслушаем ваш проект и, сопоставив его с нашим, возьмем нечто среднее. Внесем, так сказать, коррективы.

Василий улыбнулся ему и, наклонившись к Рувимовичу, громко шепнул:

— Ваших зебров надо дровокольной колотушкой к уму-разуму приводить!

Управляющий снова стукнул карандашом:

— Против такого порядка—нет возражений?!.

— Нет!..

— Товарищ техник, докладывайте!..

Яхонтов уже разбирал и подкладывал в порядке исписанные мелким бисером листки, пожелтевшие еще больше в дороге. Эти листки переписывала Валентина.

— По существу мы требуем немногого... Две новые машины, пятнадцать тысяч хлеба, две—мясопродуктов, пятьсот пудов масла, шестьсот—капусты, триста ведер хлебного, остальное—мелочь, а в мелочах наш план с проектом треста не расходится. На все это мы требуем дать телеграфный наряд завтра же. Это наше первое предложе-

ние. Во-вторых, завтра же необходимо отгрузить все товары и материалы по нашему заказу, представленному вам три дня тому назад.

Он провел рукою по лбу и, выпрямившись, взглянул на управляющего.

— Располагая всем перечисленным, мы в июне пустим две-три драги на Борювом, а в августе—Баяхтинские шахты и Алексеевскую драгу.

Несколько выкладок, подкрепленных историческими справками, приводили к выводу, что при затрате в сто тысяч драги дадут валовой доход в четыреста тысяч, а рудник Баяхта, при затрате тех же сумм,—двести тысяч.

— Кроме того,—продолжал Яхонтов,—нам нужен квалифицированный директор-инженер. Вот все наши притязания к тресту!.. По приезде в тайгу мы предполагаем ударить на ремонт драг, шахтенных колодцев—в три смены... Дело треста—помочь осуществлению нашего плана... Летом заброска продовольствия немыслима. И если трест не желает, чтобы пятьсот рабочих окончательно превратились в тунгусников-спиртоносов, то он должен завтра решить вопрос о снабжении. План треста—пустое место!.. По вашим ценам мужики хлеб не повезут. Мужики перегонят его на самогон, свиньям скормят, а не повезут... Вы не знаете этого края и его особенностей!

Василий улыбался глазами и про себя повторял каждое слово докладчика.

Бледное, точно не живое лицо управляющего подернулось влагой. Он блеснул пенсне по лицу Яхонтова и в первый раз внимательно присмотрелся к нему.

Казалось, то, что говорил докладчик, для него было целым открытием. «Почему»—думал он—«никто из сотрудников не высказал опасений насчет летней доставки?».

Он стукнул карандашом о чернильный прибор и хотел что-то сказать, но его предупредил Рувимович:

— Вот с этого и надо было начинать... Не о прокормлении рабочих, а об использовании их сил ставят вопрос боровские товарищи... И я предлагаю избрать комиссию для окончательного разрешения этого вопроса.

Управляющий приподнялся от кресла к столу и в тон Рувимовичу, оживляясь, сказал:

— Конечно...

— Я предлагаю в комиссию ввести товарища техника и Медведева, как представителей с мест, и товарища Рувимовича. Нужно сознаться, что они реальнее нас подошли к вопросу восстановления приисков Удерской системы... Срок работы комиссии—один день.

Инженеры переглянулись.

Управляющий бросил на стол карандаш и встал, давая понять, что заседание кончилось.

Когда вышли на улицу, управляющий легонько придержал Яхонтова за рукав оленьей дохи.

— У вас, товарищ техник, великолепная эрудиция и организаторский дар,—сказал он вполголоса.—Скажите, вы давно работаете в этой системе? Я здесь человек новый и, сознаюсь, плохо ориентировался в этой обстановке... По выговору—вы, кажется, сибиряк? Это очень приятно! Как ваше имя? Вот, если бы вы были инженером!.. Лучшего директора нельзя было бы желать!..

Яхонтов насмешливо сверлил глазами управляющего.

Ему вспомнился первый прием в кабинете, когда управляющий обещал Василию соответствующую статью из уголовного кодекса, а теперь перед ним стоял будто другой человек.

— Поговорим еще... На вас будем ориентироваться,—сказал управляющий, пожав ему руку.

Яхонтов сверял счета различных торговых организаций со своими памятками. Закупленные товары и материалы он вычеркивал из списка, а на недостающие составлял новый заказ, который нужно было оставить в тресте.

Из того, что требовалось для приисков, они нашли в городе не более половины. А главное—новых машин к драгам не купили.

За окном проходил теплый тихий вечер. Вдали маячили электрические лампочки уличных фонарей и тут же, из-под стен гостиницы доносились бурные всплески людских голосов, цоканье подков о мостовую и звуки музыки из соседнего номера.

— Как двинулся вперед город и как отстала тайга!

Яхонтов повернулся и, увидев в зеркале свое закопченное обросшее бородою лицо, неприятно поморщился.

— Вот она, жизнь!

Он вздрогнул от стука в двери номера и смеха в коридоре. Это был Василий. Он вошел в номер в сопровождении управляющего. Яхонтов заметил, что оба они были слегка пьяны. Ему показалась несколько оскорбительной развязность Василия и, особенно, управляющего, который здесь был совсем другим человеком, чем у себя в кабинете.

Василий бросил на стол свертки покупок и повернулся по-военному. Лицо его было красным, как после бани, а в темных, немного замутившихся глазах вспыхивали едва уловимые искорки.

— Да ты что, брат, нахохлился, как индюк? Плюнь наотмашку! Дела у нас идут, контора пишет!..—крикнул он, хлопая Яхонтова по плечу.

Яхонтов хотел что-то сказать, но Василий схватил его за обе руки и заставил встать.

— Смахни, к чертовой матери, эту хмару, ты же на тунгуса стал похож!.. Завтра мы едем, а сегодня ночь будем бусить до отказа...

Он повернулся снова к столу и начал развертывать покупки.

— Жизнь, брат, не баран чихал, она, как ящерица, прозеваешь—ускользнет, проклятая!..

А затем, точно вспомнив что-то, хлопнул себя по лбу широкой ладонью.

— А дернем мы,—продолжал Василий, раскупоривая бутылки с зубровкой и пивом,—знаешь за что? За твое назначение директором всей Удерской системы... Вот и товарищ управляющий здесь. Он, оказывается, парень наш, только зря кочевряжился!..

Ошеломленный Яхонтов стоял по средине комнаты, плохо понимая, что происходило вокруг.

Василий взял его за рукав и подвел к столу.

— Дергай! Теперь здесь все пьют, а мы разве обсевки в поле?!. Сегодня в губкоме все решено и за нами на приски едет партинструктор товарищ Рувимович.

Яхонтов поморщился, но взял стакан и выпил его залпом.

— Вот так! Ты вали, догоняй!—указал Василий на другой.—Мы уже порядком клюкнули, а ты трезвый! Раз все устроилось и уезжаем в тайгу—нужно цапнуть по-приискательски, чтобы макушка задымилась... А, знаешь, наряды уполномоченному даны еще третьего дня по телеграфу?.. Мы не на шутку потрясли за хвост трест!

Он приготовил закуски и раскупорил еще бутылку.

— Ну, залазь же! Что же ты, как пень?—крикнул Василий управляющему.—Дело мы завернули накруто, видно придется часто цапаться!

Управляющий молча посменвался пьяной усмешечкой и наивно поглядывал на приискателей.

Василий сбросил шинель, и все уселись за столик.

Вскоре Яхонтов почувствовал легкое головокружение. Лица присутствующих двоились у него в глазах.

Василий беспрестанно говорил и подливал вина.

Управляющий понемногу отхлебывал из лафитника и попрежнему молча посмеивался.

В соседних номерах задорно хохотали мужские и женские голоса...

И когда на каланче ударили одиннадцать часов, к ним в номер вошел старик-официант с плутоватым лицом.

— Гостям полагается быть в номерах только до одиннадцати,—сказал он и, хитро улыбаясь, вышел обратно.

Яхонтов, засыпая, не слышал, как ушел управляющий, и на вопросы Василия и его хохот мычал, дрыгая ногами. С улицы все еще доносился шум людских голосов и на столбах северными звездами горели электрические фонари.

Агент по заготовкам быстро шагал по квартире: он один занимал весь верх большого покосившегося дома, который когда-то принадлежал такому же солидному человеку, как и он, Чеклаев. Теперь этот дом национализирован, но Чеклаев думал и верил, что сейчас он опять может принадлежать старому хозяину.

Чеклаев подошел к столу и в сотый раз начал перебирать пучки синеватых шкурок с черноватыми и сизыми хвостиками. Шкурки нежно похрустывали под пальцами. Подбирая стандарт, он каждую из шкурок подносил близко к глазам.

С улицы послышался сначала глухой шорох, а затем явственный топот. Пристывший сверху ледок звенел под копытами лошади и металлическое цоканье, вместе с лаем пробудившихся собак, заухало в тишину мартовской гулкой ночи.

В парадную дверь постучали настойчиво и долго.

— С белкой!—подумал Чеклаев и пошел открывать.

Но он ошибся. В дверях, в легкой козьей дохе и в беличьей шапке, стоял незнакомый на первый взгляд человек, а у калитки била копытами землю разгоряченная лошадь.

— Не узнал, Проня?—сказал приезжий хриплым басом.

— А! Евграф Иванович... Узнал. Проходите! Проходите!

— Ну, как живешь, Проня? Бельченку скупаешь? Доброе дело!

Гость снял доху и начал переобувать валенки, не дожидаясь ответа хозяина.

— Ноги немного пристыли, чорт их побери!..

— Бедному человеку негде взять...—искоса глянул Чеклаев на гостя.

— Влетишь ты с ней, Пронька, брось это занятие!..

Чеклаев по привычке прошелся по комнате.

— А что же я должен делать?—с усмешкой спросил он.

— Я хочу предложить тебе кое-что получше.

С этими словами Евграф Иванович вынул из бокового кармана узелок и развернул его. На тусклом фоне сверкнули блестки желтой массы.

Чеклаев с открытым ртом уставился на стол.

— Золото!

Лицо Чеклаева ежилось, один глаз прищурился, а очки скатывались на кончик носа.

— Оно самое,—сказал Евграф Иванович, улыбаясь, и затянулся трубкой.—В тысячу карбованцев не втиснешь... В год не заработаешь на белке такие денежки, Проня!

Чеклаев еще быстрее зашагал по комнате.

— Что нужно делать-то?—почти со злобой выкрикнул он.

— Пустяки,—тянул гость.—Пара пустяков!..

Сунцов подошел к Чеклаеву в упор и, всматриваясь в глаза, спросил:

— У тебя есть наряд на отправку хлеба на приски?

— Да! Завтра отправляем. Думаем отправлять. Вот!—Чеклаев подал бумажку.

Сунцов пробежал по ней мутными от бессонья глазами и повелительно сказал:

— Не отправляй!

Чеклаев оторопел.

— Не отправлять?!. А чека?!.

— Никакой чеки... То-есть, ты можешь готовиться к отправке, но задержи ее недели на полторы. Не подкопаются.

X.

Степь давно кончилась. В лесу сразу стало темнее. Навстречу, длинными вереницами, тянулись нескончаемые подводы порожняка.

— Где сдали?—спросил Лямка у остановившихся передних подвод.

— А всяко-разно,—ответил молодой краснощекий парень, потирая заспанные глаза и сталкивая в сторону передовика.

— Кто на Боровом, а больше—на Колифорнейском... Хлеба наперли уйму. Аж анбары лопаются!

Подводы одна за другою ныряли мимо кошевки и подрезали ее под грядки.

Лямка разбудил Василия.

— Товарищ Медведев, может, поговорить надо?.. Вставай, парень!

— Поезжай!—крикнул Василий, натягивая на голову ворот дохи.

Сумерки быстро спускались над тайгою. Между двух темных стен леса чуть виднелась впереди белая полоса дороги. А над самой дорогой темные сосны распустили свои лапы к дуге и гривам лошадей.

Яркие звезды, будто цветы вплетены в вершины деревьев. Где-то приставшая собака бежала впереди и, играя, прыгала в пушистый снег, а затем, рассекая его, как воду, ползла прямо на кошевку.

— Вот, дрянь!—ругался Лямка.

— Важнецкая собака!..

— Далеко еще до деревни?—спросил Яхонтов, приподнимаясь.

Обрадованный случаю поговорить, Лямка начал длинное об'яснение:

— Деревни здесь больше не будет, Борис Николаевич... Вот, как переедем смородинный ручей, да спустимся на Ангару, да поднимемся в тенигус, так и на зимовье... Зимовье здесь будет... Степа держит, женчина одна.

Яхонтов знал здесь все дороги и недоумевал:

— Так мы, стало-быть, едем другим путем?

— А как же? Давно!—рассмеялся Лямка.

Яхонтов чувствовал озноб, ему сильно нездоровилось. Снег, падавший с деревьев, попадал за ворот дохи и холодным железом просачивался на спину и грудь. Желая согреться, он прижимался к Василию. . . . . .

С вершины хребта лошади побежали крупной рысью. Лямка натянул вожжи и стегнул их. Ему хотелось заставить гусевого скакать махом, но продрогшему Яхонтову казалось, что они едут тихо.

— Нельзя ли пошевелить, старик?—говорил он, стуча зубами.

— Куда тут шевелить?—осердился Лямка...—За такую езду и так не грех набросить пятитку. Штука ли, в две недели сволокали в самый аж город?!.

— Какого чорта ты сердишь?—ругался Василий, просыпаясь.—Всю дорогу спать не даешь. . . . . .

Но вот впереди мелькнула широкая белая полоса.

— Это что же, опять степь?—удивился Яхонтов.

— Не степь, а Ангара!—с гордостью ответил Лямка. Она здесь на десять верст раз'ехалась матушка!

— На десять,—передразнил его Василий, не приподнимаясь,—не молол бы зря... От силы будет версты четыре!... Это ведь Яниха?

— Нет, Селиванцха,—ядовито отвечал Лямка.

— Интересно!—заметил Яхонтов, обрадованный пробуждением Василия. Однако, кроме широкой белой полосы, он ничего не видел. Ангара напоминала ему под-

горную степь, по которой вились темно-серые клубы поднятого снега. Впереди, зайцем, скакала гусевая лошадь и под ее размеренные прыжки наваливалась неспокойная таежная дрема.

. . . . . .

Зимовье примкнулось к скале и ручью среди темных пихтачей. Вокруг избы и двух скривившихся стаек, с наметанным на крышу сеном, протянулась перекосившаяся изгородь в две жерди. И даже ночью было видно, как по обеим сторонам от зимовья скалится клыками сушняк.

Во дворе по толстому слою сухого навоза топтались десятка три скрюченных от перегону лошадей.

Василий и Яхонтов проснулись около самых дверей зимовья, под ожесточенный лай белых острорылых собак. Спросонья Яхонтов заметил черную тень человека и услышал разговор:

— А, Лямка! Милости просим! Протрясло, небось?.. Дороги нынче—увечь одна—нырок на нырке...

— А ково привез-то?

— Начальство,—ответил Лямка шутливым тоном...—дилехтура, брат, самого... Ты нам фатеру побасче давай и самоварчик!

Они вошли в коридор, разделявший зимовье на две половины. Посредине коридора находилась широкая русская печь с пристроенной с боку плитою. На плите, вороным стадом, стоял десяток черных котелков.

Из черной половины зимовья пахло прелыми портянками и слышался громкий хохот толпы.

Яхонтов заглянул туда, сморщил лоб. Сквозь пар и табачный чад едва заметно было, как передвигались темные, точно тени, фигуры ямщиков.

Они прошли на хозяйскую половину, которая состояла из двух комнат и отдельной спальни.

На второй половине разгорался спор между Сунцовым и ямщиками-ангарцами. Они рядились за подводу. Сунцов, с начинающим все больше грубеть хитроватым лицом, говорил рыжему бородачу:

— Так и быть, паря, дадим четвертную до Колифорнийского, только с утоворм, чтобы второй станок везла нас твоя дочка.

Толпа косматых и грязных людей хохотом потрясала стены зимовья.

Чалдон сердился.

— Ты чо, язви-те в душу, зубоскалишь? Если поедешь, то говори цену, окромя шуток!..

— А вы лучше потянитесь гужиком,—предложил кто-то.

— Правильно!—подхватила толпа.

— Тащи перетягу!—крикнул Сунцов, не замечая вошедших Василия и Яхонтова.—Уговор такой: если ты перетянешь—плачу четвертную и четверть самогону, а если я—везешь бесплатно до прииска.

Чалдон связал перетягу гужиком и подал один конец Сунцову, а затем, оглянув присутствующих, угрожающе сказал:

— Хочь ты и мясо жрешь каждый день, а попробуем, чья кишка дюжее?..

Противники уселись друг против друга на полу и слегка попробовали гужик. Веревка затрещала и затянулась в узлу. Толпа насторожилась.

— Не подгадь, Граха!—крикнул кто-то из золотничников.

— Дай пить, Микита!—закричали в свою очередь ямщики-ангарцы.

Двое здоровенных мужчин, ободряемые ревом толпившихся, уперлись, как урослливые лошади на потягу, которых насильно хотят стащить в реку, и, надуваясь животами, потянули друг друга к себе.

— Не сдавай, Граха!

— Дюжь, Микита!

— Ниже держись—от земли не отдерет!..

Один из ямщиков протянул руку между тянувшимися и повелительно сказал:

— Не фальшь, ребята,—по правилам вали.

Сунцов только теперь, снизу вверх, увидел Яхонтова с Василием и улыбнулся им цыганскими глазами.

Тянулись до трех раз. Сначала перетянул ангарца Сунцов (сгоряча чалдон не успел расправить мускулы). Второй раз Сунцов сдал. Шеи, лица и глаза у обоих налились кровью. Уселись в третий.

Сунцов изменился в лице.

Золотничники нервничали, а ангарцы заранее торжествовали победу. Чалдон крякнул на все зимовье и, изогнувшись в дугу, перекинул через себя противника.

Сунцов спустил тужик. На руке, где врезалась веревка, слезла побелевшая кожа и выступила кровь.

— Спортил руку-то,—отдуваясь и улыбаясь, сказал чалдон.

Сунцов смахнул кровь на пол и задорно закричал сидящему на нарах белобрысому парню:

— Буди бабу, что с самогоном!

И, оглянувшись, снова встретился глазами с Василием. Сунцов рассмеялся, будто не подавая виду, что между ними была какая-то ссора.

— Потешаетесь?—спросил Василий.

— Да что поделаешь, глушь, тайга, товарищ Медведев...

Белобрысый открыл половичную тряпицу и толкнул лежащего под ней человека. С нар поднялась толстая низкая баба и, протирая глаза, ругалась:

— Чо будить-то, я все слышу, лешак вас, чо ли, подхватил?!. Дрыхнуть не дадут!

— А ты не лайся!—крикнул на нее один из золотничников.—Торгом живешь, язва! Что, заробить не желаешь?!.

— Заробишь от вас лихоманку... Сами норовите с зубов шкуру содрать!

Пока баба наливала самогон, к Василию подошел один из ямщиков и, кивнув на бабу, шепнул:

— Фартовая!..

— Зачем он здесь?—шепнул Яхонтов Василию, когда они проходили на хозяйскую половину.

— А ты видел обоз на дворе?—хмуро отозвался Василий.

Яхонтов недоумевал:

— Какой обоз и что он значит?

— Вот видишь, как все вы понимаете здешнюю обстановку! Нам хлеба меньше везут,—я уверен, а Евграф Иванович прет его сотни подвод. Вот что это значит: это значит, что Еграшка выжмет нас с приску!

Яхонтов поморщился. Ему неприятно стало, что Василий снова затронул вопрос снабжения и что Сунцов снова стал на их пути.

В дверь постучались, хотя она и была полуоткрыта.

Евграф Иванович вошел в комнату вслед за девочкой, которая, семеня ногами, несла тяжелый самовар. В его походке и манерах осталась старая осанка и развязность, но на измятое лицо налетела тень таежного загрубения. Глаза бегали с запскивающим любопытством и в то же время светились открытой ненавистью. С хозяевами Евграф Иванович, как и со всеми, был на «ты».

— Не помешаю?—спросил он присаживаясь.

— Садись и рассказывай, как живет ваше Запорожье,—пригласил Яхонтов, насмешливо взглянув на Евграфа Ивановича.

Сунцов тоже рассмеялся.

— Это метко сказано... Запорожье наше пока вшей бьет, а дальше не знаю, что будем делать!

Худая, с желтизной на лице и тонкой шеей, хозяйка принесла сковородку яичницы со свиным салом и пригласила всех к столу.

Сунцов, прищурившись, оглянул закуску.

— Ничего, пыжи добрые!—сказал он, подмигнув Яхонтову и косясь на Василия.—Примочить бы их?..

Василий воспросительно взглянул на Яхонтова и, не дожидаясь ответа, сказал:

— Тащите, если есть,—все равно, ночью не поедем—чего там!..

Сунцов что-то шепнул на ухо хозяйке. Она вышла и, возвратясь, принесла бутылку первачу.

— Много, поди, везешь?—указал Яхонтов на бутылку.

Сунцов хитро скривил лицо:

— Сколько везу, все—мое...

— Смотри, влетишь!

— Ну, и что же, вам-то, полагаю, легче не будет?..

— Только рабочих не спаивать, смотрите,—усмехнулся Василий.

Гости уселись за стол, а хозяйка прикрыла двери.

— Штобы оттуда не глазели,—заметила она, как-бы про себя.

Евграф Иванович усердно подливал крепкий самогон.

— Давайте, давайте,—уговаривал он Яхонтова,—у нас здесь хорошо работает Лестрест.

Яхонтов отодвинул чашку и решительно отказался.

А Василий, вместо рюмки, налил себе стакан.

— Вот это будет мой глоток,—сказал он, незаметно выливая самогон на пол.

После первой же бутылки Сунцов опьянел. Но на столе появилась вторая и он, не морщась, пил чашку за чашкой, не замечая, что Василий все время выливает под стол свой стакан.

— Бусать, так бусать!—кричал раскрасневшийся Василий, и стукнул огромным кулаком по столу. На столе задребезжала и запрыгала посуда. Он сбросил с себя шарф и купленную в городе кожаную тужурку.

Хозяйка подносила рыжиков, огурцов и жареного мяса.

— За наши успехи на руднике!—снова кричал Василий, громко чокаясь с Сунцовым.

— И за наши,—иронически, пьяно усмехнулся тот.

В комнату собрались все члены семьи и старший сын хозяйки, Костя, невысокий плечистый парень с большим рыжим чубом, достал из ящика двухрядную гармонь и лихо хватил «Яблочко». Младший, Маркелко, костлявый и веснущатый подросток, похожий на молодого ястребенка, стукнул о пол ногою и пошел в пляс, размахивал длиннопалыми красными руками.

Мерно, в такт гармошке, заговорили кривые половицы. Бродни без каблуков беззвучно выбивали шепотливую дробь. Сунцов поднес плясуну и гармонисту по полной чашке.

— Восподи, баслови!—говорил Маркелко.—Седни первая отломилась...

Подвыпившая хозяйка, закуривая папиросу, подсела к Василию. Тот хлопнул ее ниже поясницы.

— Ну, как живешь, Хватиха? Не узнала меня?

Она рассмеялась, показывая два ряда желтых, закопченных зубов.

— Хорошо живем, да не в славе, товарищ! Вон сыновья выросли,—малой-то не успел выпериться, а уж женился. Беда с нынешними детьми!..

— Ну-ко, невеска,—обратилась она к стоявшей у порога босой девочке с лицом лилипутки,—тряхни, звесели гостей!

Девочка потупилась и чуть слышным, глухим голосом ответила:

— Я эту не умею...

— Э, штэб вас хвороба забрала! Выдумали каку-то черну немочь,—сердилась хозяйка.

Костя заиграл вальс—«На сопках Манчжурии».—Сунцов подхватил босоногую девочку—она приходилась ему до пояса и Сунцову пришлось сильно сгибаться, чтобы подладиться к своей паре.

А хозяйка, глядя на них, шептала Василию:

— Вишь, как вальцы-то разводит, кабы на работу такая была, а то самовар не может поднять... Думат за младшего попасть, да не придется! У меня парни—соколы! Ни один охулки на руку не положит, а это чо,—кикимора, прости господи!.. А уже мужиков без шиноту понмела. Из детского дома с шахтером убежала... Так, позабавляется Маркелка поколь, а там...

Утром Медведев и Яхонтов лежали на полу, на подостланных дохах. Отрывки разговоров доносились до них четко.

На кухне, слезливо по-детски, ссорились Маркелко с прислугой, а за переборкой на кровати, покапливая, говорила хозяйка:

— Вишь налакались вчера! Егораха-то прямо тяти с мамой не кличет. Как камень ко дну—в постель свалился... А коммунист военной-то пьет, как воду, и только краснеет...

— Вот все они так ездят сюда, сволочи!—заметил мужской голос.

— А наблевал-то Егораха, продохнуть нельзя, штэб его разорвало!

Василий толкнул Яхонтова;

— Вставай, ехать пора!

Василий еще с вечера узнал от ямщиков, что они везли хлеб на Боровое, но Сунцов перехватил их здесь, и назначил цену выше.

Скрепя половицами он вышел на вторую половину. Яхонтов услышал его громкий, немного осипший голос:

— Ах ты, клоп, растак твою! Я те покажу, как мучить девчонку! Што ты ее скоблишь, совиная рожа! Вишь ты, муж об'явился—молоко на губах не обсохло?!.

Затем Василий долго говорил с ямщиками, но Яхонтов не мог понять, о чем шел разговор.

На дворе сыпались мокрые снежники. Пихтачи, как подстреленные птицы, распустили свои намокшие крылья-ветви и тихо шумели. Тайга подернулась темным и теплым мороком.

Больной Яхонтов свалился в сани. Его глаза слипались, точно ресницы их были намазаны густым клеем.

— Экой же, братец, ты не споровый!—сказал смеясь Василий.—Не привык еще к пролетарской обстановке... А ведь сколько лет здесь болтается. Держись за отводину, а то вытряхнешься!

Кошовка раскатывалась из стороны в сторону, постукивая отводинами о корни деревьев.

— Вот видишь,—заговорил снова Василий,—как дела-то делаются? Сунцов спит теперь, как сукин сын, а хлеб повезли нам!

Голос Василия звучал возбужденно.

— Эй ты, ворона, правь как следует и погоняй!—крикнул он Лямке.

— Чево говорите?—отозвался тот, оборачиваясь. Голос Лямки напоминал крик таежной птицы.

— Шевели своих пропастин!.. Говорите,—дразнился Василий.—Китайцы на быках скорее ездят, старый ты черт!

Лямка, обиженный выходкой Василия, стегнул по тощим бокам косматых лошаденок.

— Чево так приспело, не на пожар, подико?

— Деньги берете, стервецы, а везете—по три версты в сутки,—шутя ругался Василий.—Вот скоро купим у тебя этих кляч и сделаем советским кучером, тогда научишься возить!..

— Выериться вам еще надо, а не учить меня ездить,—ехидно огрызнулся Лямка и злобно ударил по лошадям.

Яхонтова тошнило. Он наклонился через отводину саней и дергался всем телом. В тайгу уносилось гулкое рыганье...

— Ну, брат, скопытился ты!—говорил, поддерживая его, Василий.—Ну, да сегодня доедем до Алексеевского, там, говорят, фельдшер есть... Хлипкой ваш брат в дороге оказывается... Крупчатая у тебя закваска!

Яхонтов, до боли в глазах, всматривался в тайгу...

Черные пни казались ему новыми предметами: одни похожи на человеческие, другие на звериные фигуры.

А Василий, как ни в чем не бывало, напевал:

Ты ку-куда же летишь, ку-ку-шечка, ку-ку..

— Это старая песня,—говорил он.

— Да, старинная—соглашался Лямка.—Я помню, еще сызмальства мы певали ее здесь. Сейчас мы поедем опасным местом,—вдруг сообщил он.

— Как опасным?—спросил Яхонтов (ему стало легче).

— Лесопадом поедем... Прихлопнуть может!

— Как прихлопнуть?!

— Да так, очень просто... Благословит вот такая матушка по маковке и жить начхать! Ведь это другая дорога-то...

Тайга затянулась темным туманом.

— Вот начинается,—робко прошептал Лямка.

— Что? Кто?—нервно спрашивал Яхонтов.

— Гари!.. Видишь, голый лес пошел?..

— Ну и что же? Я ничего не вижу тут страшного...

— А то же,—сердился Лямка.—Слышишь, дуброва зашумела? Хряпнет, говорю, по башке вот такая беда и аминь... Да что это вы так распоясались, будто умом повередились?!

Яхонтов завернул ворот дохи и приклонился к Василию. К вечеру ветер резал лицо и останавливал лошадей. Точно в хмелю, замотались вершами макушек жаровые кедры. Голый лес зловеще затрещал в корнях и хищно оскалился на дорогу клыками-сучьями.

— Лонись, здесь коня хряпнуло!—оборачиваясь, говорил Лямка.

— А ты пошевеливай, чортова кукла!—шумел Василий.—Знаем мы ваше лонись, да позалопись. Разведешь еще тут: балаган ты мой, балаган...

Восток подернулся малиновой лентой, когда стали попадаться безлесные елани. Закуржавелые лошаденки едва плелись, увязая в снежный уброд дороги. Вскоре они обогнали обоз с хлебом, направляющийся на Боровое.

— Ну, и дороженька!—ворчал Лямка,—окачуриться можно не за чхи!..

— А Ерашка хлеб проспал, сукин сын!—выругался он наконец, и, к удивлению пассажиров, щелкая зубами, запел:

Сука ягоды не ест,
Побежала сука в лес.

— А это что там?—указал Яхонтов рукою вправо, где на узкой голой полосе виднелся, точно огромная птица, черный предмет.

— Драга номер третий,—нехотя ответил Лямка,—что вы, не узнали разве?

— Как, мы разве доезжаем?

— Доезжаем, да не совсем... Это Лексеевский. Нам еще верст двадцать оттуда... Вот зимовье здесь—сейчас.

Навстречу им послышался собачий лай.

— С полверсты!—добавил Лямка, ерзая на козлах.—Эх, согреться бы... А ничего, шестдесят верст отчебучили...

В зимовье ямщиков было всего три человека. Две женщины, равного с Василием роста, стряпали в кути около печи. Яхонтов, как был в дохе, так и завалился на нары.

— Умыкался!—услышал он низкий женский голос.

Но уснуть ему так и не удалось. Василий, охваченный буйным настроением, не давал никому покоя:

— Вставай, брат, блины есть... Ехать надо!—тормошил он Яхонтова.

Яхонтов приподнялся, но голова клонилась к нарам и он снова свалился. Сквозь сон он слышал пронзительный крик женщины:

— Уйди, змей!

Это Еленша—хозяйская дочь—возилась с Василием.

— Ведь сожгу, сожгу!—отмахивалась она.

Еленша подошла к нарам.

— Раскачивайтесь,—сказала она Яхонтову, глядя на него желтоватыми овечьими глазами.—Вот блинков поешьте да выпейте и скорее дурь в башке пройдет... Разве только побрезгуете нашей стряпней?..

— А ты подавай, халда, не разговаривай!—крикнул на нее Василий.—Вишь, с тела-то как спала с плохого харча—кути нехватает!..

Они сели за накрытый белой скатертью стол, на котором стоял чайник и Еленшиного стряпанья блины. Блины, как показалось Яхонтову, носили привкус солода с конопляным маслом. Он с'ел один—второй никак не шел.

Бродячий ангарец с косматой, как болотная кочка, головой искал в штанах вшей и сам над собою подтрушивал:

— Вот, паря, табун-от развел, скотина к скотине, хушь любу за десять червонсов гони.

Еленша накинулась на него со сковородником. Под ее ногами гнулись и поскрипывали сосновые половицы.

— Ты чо, страмина!... Ни стыда, ни совести! К нам и так из-за вас, язвенских, хорошим людям заезду нет. Мотри, паскуда, сковородник-от у меня не выболел!..

Ангарец, с хохотом, отскочил в угол, размахивая голыми ногами и еловым мохом волос.

Через час они улеглись все вместе на нарах.

X.

— На то у Прояхи Чеклаева и голова на плечах, чтобы мозги в ней ворочались, как монеты в обороте... Евграф Сунцов, конечно, грамотный человек и не любит новых порядков так же, как Прояха. Но Сунцов не торговый человек и никакой власти не имеет. Сунцов—волк с выпиленными клыками и с обрубленными когтями. Чеклаев же—служащий советской власти и член союза горняков. Но, главное, у него семья и достаточно ума, чтобы не рисковать до конца.

Чеклаев зашел в сельскую сборню. Два-три десятка мужиков сидели на лавках, на полу и, до тошноты, дымили листовуху.

— Здравствуйте,—сказал Прояха, протирая очки и щуря подслеповатые глаза.

— Здорово, коли не шутишь,—ответили несколько голосов.

Председатель, еще молодой высокий мужик, с желтыми бакенбардами, поднялся с места:

— Вот, мужики,—начал он улыбаясь и запинаясь...—гражданин Чеклаев опять нашшот возки докучает... Гумага ему вышла, чтобы набавить и немедленно перебросить тысяч десять. Надо, старики, поддержать власть, а то и золота не будет... Как вы думаете, старики? Ведь в тайге еще дорога куда с добром!

У порога снова рассмеялись... Из разных углов кололи насмешливыми словами:

— Хватились, едрено рыло!

— Да, когда назем из прорубей пузырится?!

— Золото!.. А раньше-то мы видели золото?! Имели его?!..

— Куда там! Взглянуть рази, когда доведется, да тем и утрешься!

— Окромя шуток, мужички!—продолжал председатель.—Лучше повезти добровольно, пока не билизовали... Чо поделаешь?.. С легкими возами еще можно поспеть!.. Ну, санишки, ежели придется кому оставить, напрок вывезет... Полозья можно оторвать в случае чего,—хлопот меньше будет, мужички!

Мужики начинали сдаваться и только, для порядка, возражали:

— Да где хлеб-от, у кого он остался?

— Вестимо, ежели по принуждению,то—куда к лешаку денешься?!.

— Найдется, старики, не надо душой кривить!.. Все-таки, за хорошую плату и дело государственное... Другие деревни тоже повезут!..

— А как же нашшот за старую возку?—спросил опять старик с длинными волосами, выступая вперед.—Ведь, которые увезли—уже назад оборачиваются!..

Проняха довольно улыбнулся и хлопнул по карману:

— С расчетом не задержим,—сказал он, поправляя очки... Завтра у меня на квартире будет и выдача. Теперь НЭП—не забудьте!..

А когда шел домой,—вслух разговаривал сам с собою и хихикал.

Все козыри были в его руках. Вот только четыре дня просрочил с нарядами. Но Сунцов и после этого не имеет права прицепиться... А задержка нарядов могла произойти и на почте. Кто будет проверять? А если и будут, то у Чеклаева есть котелок на плечах!..

Он зашел в дом и, не раздеваясь, сел писать. Писал долго, но зачеркивал и снова писал. Только когда в хозяйской половине загорланили первые петухи,—Чеклаев запечатал два письма: первое—жене и второе—заявление в трест об освобождении его от службы...

По утрам и вечерам потрескивали леса от легких заморозков и кедрачи щетинились прозрачными ледяными иголками, точно бисером. Днем, на солнцепеках, пригревало и разжиженный снег чвакал под ногами. Тайга бродила буйным молодым хмелем. Казалось, вот-вот расплавится трехаршинная белая глыба и буйными водопадами захлещет с гор на приисковую равнину—в омуты таежных речек.

И таким же хмелем бродили головы боровских рабочих. С приездом Василия и Яхонтова снова был сорван установившийся трудовой уклад. Часть рабочих ремонтировала амбары и мастерские.

Вихлястого и Никиту рудком командировал на Баяхту и Алексеевский прииск в качестве заведующих. На второй же день после приезда предревкома и нового директора заседания рудкома, ревкома, распреда чередовались, как летучие митинги, и тут же, под металлическую дробь молотов, ухали, свистали ямщики и перекликались горластые колокольцы под старинными резными дугами чалдонских подвод.

Качура бродил от подвод в контору—к столу Валентины, а отсюда—к амбарам, отправляя партии подвод и каждый раз справлялся:

— А ну-ко, дочка, сколько на Баяхту?.. А на Боровое?

После этого искал Василия или Яхонтова и докладывал по бумажкам, исписанным рукою Валентины.

Бабы целые дни, крикливыми стаями, осаждали кладовые и воза ящиков... Рылись, раздирали тюки, обтянутые рогожей, щупали, нюхали, спорили и томились в радостном ожидании. И было отчего... В первый раз после восемнадцатого года здесь запахло красками фабричных товаров и от этого запаха кружились головы.

Яхонтов брал на учет материалы и инструменты. Он набросал план очередных работ. На Боровом это сделать легко, а с Баяхты от Вихлястого еще не было никаких сведений. А ведь Баяхта—второй опорный пункт Удерской системы.

Он чувствовал в голове и груди прилив весеннего хмеля, который с теплым ветром доносился с гор. И в то же время тревожили встречные, улыбающиеся взгляды Валентины и Василия.

— Василий—молод, красив, в отношении женщин смел, но избалован и груб... (в этом он, Яхонтов, убедился в городе). А внутреннюю красоту способны замечать редкие женщины, которые маркой выше обыкновенных,—думал он, отрываясь от работы.

— Но, ведь, Валентина не подходит к обыкновенным,—говорил чей-то голос за спиною.—Ведь, не даром она одним взмахом отрубила нити, которыми была связана с семьею.

Металлические звуки парового молота дробно ударили по дебрям тайги и в стены здания, отчего задребезжали окна конторы и на столах зашевелилась бумага. Яхонтов, отрываясь от дум, взглянул на Валентину и в ее долгом, улыбающемся взгляде прочел обещание...

— Пойдем в мастерские!—крикнул ему Василий, бросая на стол пачку бумаг.—Наглядитесь в другой раз, когда добьемся передышки.

И опять Яхонтова что-то кольнуло.

Валентина, краснея, уткнулась в бумаги, но тотчас же оправилась и строго, без улыбки и слов, взглянула на Василия снизу вверх.

Он перестал смеяться. И только, когда они вышли сквозь толпу на улицу, виновато сказал:

— А колючая деваха, раз'язви ее!

— Да,—угрюмо усмехнулся Яхонтов,—без рукавиц тут обожжешь руки.

— Колючая,—повторял Василий.

В дверях мастерских они встретили шатающегося от усталости Качуру. Он засеменил к ним навстречу, закашлялся, замахал руками, и сонное его лицо залилось синим румянцем...

Когда прошел припадок кашля, он потянул их за руки в подвальную кладовую, куда возчики скатывали бочки с керосином и мазутом. За ними, как и всегда, хвостом приростала толпа рабочих, не пристроенных еще к делу. Дверь кладовой зияла черной пастью, и вместе с паром, оттуда несся запах плесени и нефти.

— Вот гостинец, так гостинец!—твердил он, спускаясь на самое дно подвала.

Они прошли в угол, освещенный стеариновой свечой, и остановились перед раскупоренными четырьмя ящиками, из которых виднелись крашеные части дражных машин.

— Вот они, новенькие!—захлебывался Качура...—И краска не слиняла. Думал я, думал, и вот только сегодня сон в руку пришелся... На заре услышал колокольчики и вот они, как конфетки!.. А ведь я думал—нет у советской власти таких машин?.. Посмотрите, как игрушечки, ядят их Егорьевы собаки... Нет, увольте, не могу я нести такую работу, голова разжижла, братцы. Я драгер и шахтер, а вы меня пайку распределять...

Яхонтов обошел ящики кругом и, рассмеявшись, потряс старика за ворот азяма.

— Ах ты, мудрец таежный... Да, теперь у нас есть главные пружинки, которые сдвинут наших мертвых журавлей... Да ведь мы пустим теперь все четыре драги и замутим всю Удерку... Вот он где, верный золотой фонд, Качура!..

Василий сорвал с головы шлем и с хохотом выбежал из подвала.

— Привезли!—кричал он попадающимся навстречу рабочим.

— Го-го! Чортов колдун, этот Качура... Он ворожит по ночам, окаянный, и от лесных получает донесения!..

— Теперь-то мы раскачаем нашу борель и заставим ее звенеть золотом!

Послышался обеденный гудок. Паровой молот умолк и сразу стало тише. Рабочие небольшими кучками сходились в черное отверстие.

— Новые машины!..

Это—большое чудо. Старые, проржавленные были ненадежны и поэтому многие плохо верили в пуск драг, а теперь вот они разрешили, рассеяли всякие сомнения...

— Ай-да, рудком!

— Качать рудком!

Около самых дверей сбились, зашарашились, и над головами толпы взлетели лохмотья Качуры, в которых не было видно Качуры, и казалось, что взлетело кверху огородное пугало, а не человек.

На рокот и взрывы людского шума ревом и радостью отзывались темные хребты. И будто не здесь, а там плескались и прятались в лесных ветвях звуки людских голосов.

Яхонтов вышел из подвала последним и, отряхивая с дохи насевшую плесень, улыбался, показывая белые ровные зубы.

— Там еще оказались телефонные аппараты и провода!—крикнул он подошедшему Василию.

— Обтянем тайгу веревочками... Это тебе не верховой нарочный, и никакие распутья не причинят нам бессонницы!

— Сегодня же приготовь лошадей на Баяхту,—сказал Василий Залетову, хлопая его по плечу.

Секретарь взял под козырек и, повернувшись по-военному, махнул рукою стоявшему рядом Лямке.

— Слышишь, кубышка, готовься в ружье!

Лямка, придерживая руками трубку, сердито и презрительно выругался.

— Да не ломайся ты, попугай!.. Трепло! Без тебя знают дело, гумажная ты моль!

— Верно, Лямка! Не падай духом,—гремели голоса...

— Ты же трудовой алимент, а это что? Чернильная душа, язви его!

— Полное право имеешь—бахнуть трубкой по черепку и суда не будет. Ведь ты же вечный дилехтурской кучер. Окунь ты красноглазый!

Лямка плюнул себе на грудь и, переваливаясь, пошел к конюшням. А вслед ухали, тюкали и рвались в хохоте веселые голоса...

Около конторы Василий хотел взять Валентину под руку, но она, смеясь, посторонилась и пошла рядом с Яхонтовым.

Они жили и столовались теперь вместе, но, несмотря на это, Валентина редко заговаривала с Василием и даже с Яхонтовым. И оба они удивлялись тому, что она так скоро привязалась к Насте.

— Вы дичать начинаете, товарищ Сунцова,—шутил дорогой Василий.—Приедете в город—от людей бегать начнете... В наше время—монашкам не год, товарищ Сунцова,—это запомните.

Говорил и сам чувствовал, что слова эти звучат не шуткой, а досадой, и все от того, что Валентина была далекой и замкнутой.

— Да, Настя правду говорила, что эту крепость штурмом не возьмешь...

И где-то глубоко внутри зашевелилась незнакомая до сих пор ревность к Яхонтову...

— Они любят друг друга,—думал Василий, проходя в свою комнату.—Оба они интеллигенты и, наверное, в душе смеются над ним... Что я? Немного обтесавшийся рабочий. Ну, красный боец, ну, заслуженный партизан! Разве гимназистка Валентина Сунцова—дочь тунгусника и сестра хищника—поймет это? Может быть, даже она презирает его за это?.. Но почему же тогда она не уехала со своими?

— Потому, что любит Яхонтова!—подсказывало ревнивое чувство.

За обедом Василий мало разговаривал с окружающими и, не окончив его, начал собираться в контору.

— Ты чего это, парень? Иголку что ли, проглотил?—удивлялась Настя.

Валентина строго взглядывала слегка прищуренными глазами на всех и в этих глазах чувствовался вопрос.

— Ты, мотри, парень, уездишься, укатают бурку крутые горки!—предостерегала заботливо Настя.—Провалялся бы, настою вышил... У меня где-то есть хорошее снадобье!

— Серьезно,—поддержал ее Яхонтов,—если нездоровится—лучше отлежаться.

Но слова Яхонтова показались Василию не искренними.

— Видишь, как тонко под'езжает, а в середке, наверно, чортик хохочет,—подумал он и вышел, хлопнув дверью.

— Нервы!—сказал Яхонтов, пристально взглянув на Валентину.

— Ой, нервы ли?—сгибаясь у кути, захохотала Настя.—Мне кажется, накололся рябчик на боярку, и срывает свою боль. Ой, эти мужчины, они хуже баб другой раз вздыхают!

Валентина, вся красная, спрятав глаза, убежала в свою комнату, а Яхонтов снова почувствовал глухой и больной толчок в сердце.

А вечером, когда Настя накрывала на стол, Василий вошел с сияющим лицом.

— Завтра едем на Баяхту,—сказал он, сбрасывая шинель,—а вам, Настя, с тов. Сунцовой, задача—привести в православную веру наш рабочий клуб—скоро соберется с'езд рабочих всех приисков. Надо смастерить постановку... Товарищ Сунцова назначена завклубом. Заворачивайте дело на военную ногу... Третий фронт—просвещение масс!

И оттого ли, что он пришел с улицы, или потому, что внутри у всех трех перегорели налетевшие волнения,—в комнатах сразу же повеяло свежестью.

И не было на лице Валентины прежней деловой строгости, которой боялись все и перед которой утром отступил Василий.

— Вот же таежная туча, то хмурится, то гремит... Оздоровел парень!..

Настя, как спугнутая наседка, рассыпалась смехом и бегала от стола к печи, налепая тонкими опорками... Она женским чутьем понимала происходящее и, казалось, вперед знала исход его.

Яхонтов вышел к столу с всклокоченными волосами. На потному лбу у него прилипли пряди спустившихся локонов, а брови плотно сжимались в кучу. Он подошел к умывальнику и долго полоскался над тазом.

— Сегодня же надо решить,—думал он,—так дольше продолжать нельзя...

Две подводы остановились около самых ворот. Лошади устало фыркали попеременно и встряхивались, гремя сбруей.

— Это Рувимович со своим штатом,—сказал Василий, выскакивая из-за стола.

Яхонтов и Валентина также поднялись с мест и подошли к окнам.

— Вы тоже едете на Баяхту, Борис Николаевич?—спросила Валентина, не глядя на него.

— Думаю,—ответил он, слегка повертывая свое лицо.

— А надолго?

— А пока дорога держится, вероятно.

— И товарищ Медведев едет на такое же время?

— Не знаю... По-моему, ему нечего там долго делать.

Валентина отвернулась от него и, с сожалением в голосе, сказала:

— Опять здесь скучища будет!

— Ну, без меня-то теперь вы скучать не станете,—усмехнулся Яхонтов.

Валентина повернулась к нему и в упор строго спросила:

— Что это значит, Борис Николаевич?.. Что это значит «теперь»?

В комнату вошли приезжие. Это был, действительно, Рувимович, а с ним два техника и женщина.

— Познакомьтесь, товарищи,—сказал Василий.—Это член губкома, наш недолгий гость, а это—товарищ фельдшерица, помощница смерти, а это техники.—Фельдшерица—низкая и полная женщина почти средних лет улыбалась, как давнишняя знакомая, показывая два золотых зуба.

— Ну, и провалище у вас тут, господа!—заговорила она низким, почти мужским голосом.—Тоска зеленая!

Голос ее немного хрипел, а круглые глаза беспокойно бегали по сторонам.

— А вы—машинистка, если не ошибаюсь?—обратилась она к Валентине и, не дожидаясь ответа, подошла к ней.—Ну, вот и хорошо... Будем подвизаться вместе... Меня зовут Зоей, а фамилия моя Лоскутова...

Валентина почувствовала в этой женщине принужденную нарочитую развязность, но подала ей руку и, улыбнувшись, ответила:

— Меня зовут Валентина Ивановна Сунцова, но я не машинистка пока...

Мужчины, определив с первого взгляда фельдшеричку, цинично хохотали и чуть заметно перемигивались, а Настя брезгливо кривила губы и, скосив глаза, смотрела то на плотно затянутые в юбку бедра фельдшерицы, то на сожженные, точно измятые, косички на висках.

— Ну, стреляная птица!—будто говорил ее взгляд.

Василий хлопнул Настю по плечу.

— А ну-ка, Настюха, сваргань гостям похряпать... Вот выпить-то с дороги у нас того...

— Не беспокойтесь, у нас еще запасы остались,—сказала Зоя, оглядываясь на Рувимовича и поспешно начала развязывать свои чемоданы.

И когда Настя накрыла стол, фельдшерица уже выставила на него бутылки с винами, мензурки аптечные и свои дорожные закуски.

— Если нужно покрепче, господа, то и такое найдется!..

Мужчины вопросительно переглядывались и, улыбаясь, молчали...

— Слово за товарищем Рувимовичем!—хитро подмигнул Василий Лоскутовой.

— Ах, вы стесняетесь?!.—догадалась она.—Ну, господа, я думаю, это напрасно! Ведь все же здесь свои. Я несу... Товарищ Рувимович, вы не возражаете? Да?

Рувимович закатывал под лоб свои голубые глаза и, улыбаясь, пощипывал острую черную бородку.

— Действуйте, товарищ Лоскутова, только господами не называйте,—смеялся он, показывая желтые зубы.

— А вы опять за свое?.. Вот, представьте, господа, всю дорогу он мне замечания делает, а я привыкла, знаете. Ну, что мне делать с этой скверной привычкой? И что тут особенного?.. Ну, садитесь, господа, все-все, ознаменуем, так сказать, наше знакомство...

— А я вас где-то встречала, кажется,—вдруг обратилась она к Яхонтову.—Вы чем здесь занимаетесь?

— Это наш директор—глава Удерской системы, можно сказать!—ответил ей Василий, расставляя стулья.

— Директор?—удивилась Лоскутова.—Ну, почему же господа, вы раньше не познакомили?.. А ведь я думала—вы здесь директор,—кивнула она головою на Василия.

— Это почему же вы думали?—смеялся Василий.

— Да, так, знаете... Ну, хотя бы по внешнему виду, по осанке... Ну, наконец, по вашей шевелюре! А кто же вы?

— Предисполкома,—поспешно ответил Рувимович.

— А я вот без пояса,—сказал улыбнувшись Яхонтов,—и без золотых зубов...

Лоскутова скривила лицо и значительно подмигнула Василию, давая ему понять, что она умеет «заводить» людей.

Приезжие и сама Лоскутова рассмеялись, а Валентина сбоку взглянула на Яхонтова и невольно почувствовала причину его желчности... И не знала сама—сердится она на него или жалеет. Ей было весело и досадно, что Яхонтов мешает этому веселью.

— А вы что, Валентина Ивановна,—говорила Лоскутова,—садитесь вот сюда... Вы, я думаю, равнодушны к золотым зубам?.. Ну, за что мы выпьем?

Она подняла кверху мензурку и чокнулась с Василием, прищурив слегка глаза.

Фельдшерица беспрестанно говорила, смеялась, подливала спирт мужчинам и приневолила Валентину выпить две рюмки подкрашенного.

Компания становилась разговорчивее, лица краснели.

Даже Рувимович кривил рот и закатывал глаза.

Настя покачивала головой и, не зная чему, смеялась до слез и грозила пальцем Валентине.

— А-ах!—вскрикивала Лоскутова, — танцовать, танцовать, танцовать, господа!—Она топала ногами и дергала голым плечом.

И только, когда засерел утренний свет в окнах, все почувствовали внезапную усталость. Настя стелила постели.

— Спокойной ночи!—сказал Яхонтов, приподнимаясь со стула.—Скоро под'едут подводы, товарищ Медведев,—обратился он к Василию,—но, я думаю, что тебе ехать на Баяхту не придется—раз так вышло...

— Да, товарищ Медведев мне нужен,—сказал дремавший Рувимович,—а вы, как директор, знайте свои дела.

Яхонтов пригласил техников в свою комнату, а Валентина отвела к себе Лоскутову и вышла умыться. У ней теперь сильно кружилась голова и тошнота подступала к горлу.

На кухню слабо проницал свет из той комнаты, где еще недавно сидела и разговаривала публика, но, приподняв голову от таза, она разглядела большую тень на стене и задрожала.—Да, это был он...—Василий сзади подошел к ней и положил обе руки на плечи.

В первую минуту ей хотелось оттолкнуть его, взглянуть, как прежде, строго в его глаза, но ни того, ни другого она не сделала и, не помня себя, склонилась на его руки. Василий начал целовать ее в губы, в щеку и, задыхаясь, прижал к себе, но в то же мгновенье позади послышался шорох... И когда они оглянулись, в дверях, с растрепанной прической стояла Лоскутова и, улыбаясь, показывала свои золотые зубы.

— Я помешала, господа?.. Я извиняюсь, господа!—заговорила она нарочно громко.

Валентина сделала резкий толчок и молча бросилась в свою комнату. В дверях она наткнулась на Настю и сшибла ее с ног.

— Вот те на!—засмеялась Настя.—Видно, здорово шлея под хвост попала...

За тонкой стеной слышались шаги и даже частое дыхание Яхонтова. И тут же, рядом, один из техников протяжно свистел носом.

— Что я сделала?—думала Валентина, бросаясь в постель. Она закрылась с головою под одеяло, желая не слышать разговора Василия с Лоскутовой на кухне...

Лоскутова долго не возвращалась. С кухни доносился ее задыхающийся полушопот и смех, а затем она вошла в комнату и так же тихо шипела над головою Валентины.

— Вы спите? Что это?.. Вы плачете?!. Это о чем? Странно!.. Что это, ревность? Или он вас насильно?..

Валентина отвернулась лицом в подушку и намеренно молчала. Но она до боли в сердце чувствовала, что Яхонтов тут же за стенкой слышит и знает все...—Что он подумает?

В комнату вошла Настя и, повозившись недолго, улеглась на свою кровать, потягиваясь и зевая.

Но Валентина не смогла заснуть. Тошнотная боль подступала к горлу и давила на грудь. Она лежала с открытыми глазами и беспрестанно облизывала языком сухие губы.

В соседних комнатах раздавался дружный храп мужчин и беспокойные шаги Яхонтова—он собирался в дорогу.

Вскоре под окнами послышался звон колокольцов. Полозья саней с визгом скрипели по шершавой, замерзшей корке снега. Лошади громко фыркали.

Валентина слышала, как одевался и выходил Яхонтов. Сначала ей хотелось выбежать за ним на крыльцо и сказать ему что-то, но что, она и сама не знала. Но она подошла только к окну и прижалась лицом к холодному стеклу.

На дворе уже рассветало. Лошади беспокойно топтались около ворот. Яхонтов расправлял сено в кошевке и, не отрывая глаз, смотрел на окна, а, увидев Валентину, дернул головою и, не оглядываясь больше, утонул в кошевке. Лошади тронули...

Собрание уполномоченных всех приисков было назначено через неделю после от'езда Яхонтова.

Вместо Боровского Ревкома, был создан районный исполком.

Уполномоченные с'езжались раньше за день-два до собрания и так же без дела болтались в конторе, клубе и по мастерским, мешая работать.

Валентина целые дни проводила в конторе, помогая Качуре и Насте, которая была выделена теперь женоргом. Вечера проходили в клубе, или репетиции.

В постановке принимали участие: Василий, Лоскутова, два приезжих техника и Настя с Валентиной. Боровские бабы, ребятишки и молодежь с любопытством облепляли окна клуба. Смех, визг и неприличные остроты слышались с самых сумерек и далеко за полночь, а в разбитые окна то и дело летели комья мягкого снега.

Валентина играла молодую девушку—героиню гражданской войны, готовилась к пенью и в то же время режиссировала постановку.

Лоскутова часто мучила Валентину пустыми (казалось ей) разговорами.

— Представьте, Валентина Ивановна, этот михрютка, Медведев, сжал мне руку до синяков! Ух и силища... Мне кажется, он очень сильный, как мужчина... Как вы думаете?

И она хитро заглядывала в лицо Валентины своими круглыми, холодными глазами.

— Вчера, знаете, он предложил мне знаете что? Осмотреть его... Представьте, какая интересная штука!

— Ну, и что же?—краснея спрашивала Валентина.

Лоскутова деланно смеялась, пытаясь придать себе жизненность и веселость.

— Как что?.. Разве вы не понимаете, с какой это целью делается, т.-е. просит он? Не знаете?.. Какая вы скрытная... Будет вам невинность корчить... В наше время в тринадцать лет девчонки знают всю эту премудрость...

— Ничего не понимаю,—говорила каждый раз ей Валентина и отходила от нее.

— Не понимаете?—крикнула один раз Лоскутова... А чем же вы об'ясните ваш поступок?!

— Какой поступок?—удивилась Валентина.

Лоскутова погрозила ей пальцем и цинично расхохоталась:

— Подумаешь, какая девичья память!.. А что значили ваши поцелуи на кухне?

Валентина покраснела и, с искаженным от злобы лицом, шагнула к ней.

— Если вы хотя еще один раз намекнете мне на вашу же собственную подлость, то...

Лоскутова сразу сделалась маленькой, как-будто ее ударили чем-то тяжелым, а Валентина брезгливо скривила губы и отошла.

На сцене фельдшерица играла любовницу, а Василий—любовника-офицера. Валентина видела, как не искусственно они обнимались и целовались во время репетиций и, затаив глухую тревогу, брезгливо отворачивалась.

Вечер устраивался накануне с'езда. К сумеркам Валентина с Настей окончательно закончили установку сцены и украшение клуба. На стенах помещения были прибиты вензеля из пихты. Сцена также была обвешена и уставлена елками и пихтовыми ветвями. Яркий свет трех электрических лампочек стремительно падал на хорошенькую сцену, делая ее еще привлекательнее. Настя радовалась, как девочка рождественской елке, и смеялась.

— Мотри-ка, девка,—как игрушечка!.. Я только один раз видела представление. Ведь я здесь выросла и никуда не выезжала... Ах, а какая же вы мастерица, Валя!

Делегатский с'езд в это время заседал в конторе. За стеной был слышен голос Василия,—он оглашал и голосовал кандидатов в президиум с'езда.

— Кто за?

— Против нет?

— Оглашаю результаты...

После этого послышался скрип скамей, тяжелый топот ног и разговор.

— Кончилось... Идут,—сказала Валентина Насте.—Собирай артистов!

И не успела еще вспомнить что-то очень важное, как к дверям подвалила гудящая толпа. Впереди шел Василий с Рувимовичем, после делегаты с'езда, а за ними, в давке и криках, тискались бабы с ребятишками, рабочие и молодежь.

Места были заняты в несколько минут. Взрослые сгоняли молодняк, бабы ссорились между собою, придавленные ребятишки кричали благим матом:

— У-ю-юй! Ногу отдавил, сволочь!

— Уйди, а то хряшну по мурлетке!

— Это што же, мои матушки, с детем зинку не дают?!.

— А ты за каким чортом прешься тут со своим выпоротком?!.

— А куды ж я его дену? Ишь, умница ты дорогая!

— Дену!.. Метала бы меньше икры, а то кажной месяц поросишься, а кто-то должен страдать.

— Да перестаньте вы, суки цепные!..

Кто-то из делегатов внес предложение удалить баб с детишками. Собравшиеся дружным ревом поддержали его. Бабы с руганью покидали захваченные места и протискивались к дверям обратно.

Когда публика разместилась, за сценою подали звонок и шум начал понемногу стихать..

На сцене появился Василий. Его голова чуть-чуть не доставала до лампочек.

— Вишь, ты чертопдол, как вымахал!—крикнул кто-то сзади.

— Смотри, потолок поднимешь своей кудлашкой, сохатый!

— Да заткнись ты, брехло лесное, а то выведем!

— Духу не хватит вывести-то, кобель...

Василий переждал, пока шум окончательно затих, и начал говорить...

Он говорил, как всегда, громко и недолго, встряхивая шапкой своих тяжелых волос.

— И вот здесь на развалинах и из развалин, мы скоро начнем выжимать золотой фонд... Мы сделали крутой перевал. А вы помните, как страшно было стоять на самой вершине?.. Месяц тому назад здесь был урезной тунгусник с крепким запахом проклятого самогона, а теперь вот—рабочий клуб с электрическим светом и насчет брюха спокойно...

Валентина не слышала последних слов Василия. Прижавшись к косяку окна, она усиленно натягивала на уши свою пыжевую шапочку и крепко сжимала зубы.

В зале захлопали, закричали и снова послышался глухой шум.

— Ну, надо начинать,—сказал мимо прошедший Василий,—Видите мы вас авансом похвалили... Жарьте, товарищ Суицова, время не рано.

Он сбросил кожаную тужурку и надел шинель.

Лоскутова, уткнувшись в маленькое карманное зеркальце, растирала какою-то мазью лицо и хихикала.

— Видать, «не без греха, кукушка хвалит петуха»... Режиссер, очухайтесь! Что с вами—столбняк?.. Это безобразие,—ваш первый выход!

Валентина взглянула на нее непонимающими глазами и, спохватившись, быстро начала одеваться.

— Нет, он любит меня,—думала она, давая первый звонок.—Но зачем же тогда он связывается с этой женщиной?

— Ну, давайте второй!—крикнул Василий, звеня шпорами.

— Да мы сегодня обязательно провалим!—вставила Лоскутова, нарочно придавая негодующий тон своему голосу, и пошла на сцену, улыбаясь Василию.

Валентина видела, как Василий оглядывал Лоскутову с головы до ног смеющимися глазами и прошел за нею.

Фельдшерица была одета в голубое тонкое платье без рукавов и с глубоким декольтэ.

Как только поднялся занавес—зал задрожал от хохота.

В задних рядах не прекращались смешки:

— Ого-го!

— Вот это—баба!

— А луковицей-то как сеет... А! Ох, и мягкая!.. И зубы золотые...

— Мотри, мотри, как рена белая, у язви ее. Знамо, офицерская!..

— А он-то! Он-то!

— Вишь: норку кверьху дерет, как жеребец.

— У-у! Сволочи—какие гладкие.

— Гляди, руку лижет, ах шпана!

— Ого-го! Он бы лучше в другое место меня поцеловал.

— Да тише вы, лешаки, а то выведут!..

— Ой, ой! Ты что щиплешься, филин большеголовый?

— Фу, черти, навоняли, как хорьки!.. Маленькие!..

Рабочие глушили ребятишек по головам, но сами едва сдерживали смех. И когда Василий поцеловал Лоскутову, снова взвился оглушительный хохот и выкрики:

— Разделывай ее, толстомясую!

— Крой на лопатки!.. Вишь, как она подгибается!..

— Ну и ну! И при народно не стыдятся?!.

Во втором действии вышла Валентина в красной повязке и Настя в роли старухи. Обе они боялись. Но смеху уже не было, а доносились серьезные, удивленные голоса.

— Ого! Это ему не та, золотозубая шлюха...

— Мотри, как режет: глаза-то, как ножи!

— Вон как пыряет она этого золотопогонника...

— Вот так, дай ему по хлебалке, чтобы со смеху закатился!..

И когда Валентина ударила офицера по щеке,—зал одобрительно ухнул.

— Вот это так!

— Дай и той, чтоб не обидно было!

— Не подарок им—рабочая девка!..

Пьеса была окончена под гром рукоплесканий и одобрительные крики толпы.

Наконец, вышла Валентина и Лоскутова—обе переодетые—и начался концерт...

Зал притих. В промежутках между замирающими звуками было слышно, как падали с потолка просачивающиеся сквозь крышу капли.

Бабы, разинув рты, с блаженными глазами, сидели неподвижно на своих местах, а мужчины и ребятишки вытянули вперед головы.

— Чорт возьми!—шепнул Василию один из техников за кулисами.—Я за последнее время в нашем городе не слыхал такого голоса... И школа у нее замечательная!

Василий нехотя улыбнулся ему, не отводя глаз от обнаженной груди Лоскутовой.

— Да, это клад для наших приисков,—сказал он серьезно.

В это время Валентина кончила первый номер и со счастливым лицом соскочила со сцены за кулисы. Техник крепко потряс ее руку, а Василий громко хлопал в ладоши.

Затем ее снова вызывали и каждый раз зрители топали, кричали, свистели.

В давке и криках ничего нельзя было понять. Но Валентина ясно улавливала отдельные слова:

— Вот это поет, аж душу режет...

— И скажи, как глотка не лопнет?.. А молодец деваха, ей-бо!..

— Прямо звеселила, холера!..

Ее окружили плотным кольцом бабы, мужчины и приезжие. В разнобой закидывали непонятными вопросами и жали руку.

Настя собирала со сцены домашние вещи и, завязывая их в узлы, ругала Лоскутову.

— Вот-то, фитиклюшка мокрофостая!.. Мальчишков нашла... Собирай тут ее барахло до полночи!

Из клуба они вышли последними. Закрывая дверь, Валентина искала глазами Василия. Ей хотелось остаться с ним вдвоем, хотелось поговорить. Но его нигде не было.

По приску неслся говор, напоминавший клекот орла. С гор колыхала волна теплого воздуха, насыщенного смолистым ароматом. Прямо над приском стояла полная и огромная луна. Пригретый снег отливал сталью и, умнаясь, оседал под ногами.

В гору от клуба черной бороздой лежала подтаявшая дорога. Настя шла не торопясь и задерживала Валентину разговорами.

— Нет, вы посмотрите, какая она сволота! Она, поверьте слову, окрутит его на себе... Нынешним мужикам лишь бы мясо толстое было, а в середку к человеку мало кто смотрит.

Слова Насти Валентина воспринимала скорее, как движение своей собственной мысли. Увлекая за собой спутницу, она быстро поднималась в гору, к своей квартире.

Не заметив, что все двери в сенях и комнатах были открыты (видимо, потому, что их забыли запереть), Валентина быстро, но не слышно прошла до своей комнаты и, рассчитывая застать там одну Лоскутову, открыла ее без предупреждения.

Сначала она, ничего не подозревая, хотела пройти вглубь, но, услышав шорох, остановилась в недоумении.

И вдруг—вся комната, с мифологическими картинами и заливающим окна лунным светом, поплыла, к хребтам, к голубому бездонному небу... Она смутно, как во сне, слышала задушенный хохот Лоскутовой и видела, как мимо нее, задыхаясь, прошел Василий со взбитыми на лоб волосами.

И когда вышла, шатаясь, на крыльцо и дальше, в полосу лунного сиянья, то все еще чувствовала истомную зыбь под ногами. Горы плыли кругом приниска под темным пологом огромной луны, а одинокие деревья посреди приниской поляны поднимались все выше и выше в голубую бездну неба. Небо и горы мелькали перед нею, как в огромном водовороте, и сама она, охваченная этим водоворотом, шла, не чувствуя ничего, кроме своей боли.

Перед спуском в крутой и глубокий разрез—ее догнала Настя со словами:

— Да ты что это, девка, облепачила?!. Ты куда же это? А? Говорила я тебе!.. Эх, да плюнь на все!.. Я сразу раскусила эту потаскуху, а ты—точно помраченная—ничего не видела. Нет, девка, надо наскрозь видеть людей... Вон, Борис Николаевич, он хотя и образованный, но не балует, а Васька скопытился!.. Да наплюнь ты на все, найдутся и на тебя люди, еще получше... На такую-то красавицу—ух ты! Ты изнеженная и оттого приняла близко к сердцу. Так нельзя, деушка,—сгоришь не за понюх табаку. Стисни зубы, а не подавай виду другим... и все перенесешь!

Луна до половины утонула за гребнем хребтов. Тайга, как завороженная, молчала и нежилась в об'ятиях наступающей весны.

Слова Насти понемногу возвращали Валентину к действительности, но она еще чувствовала шаткость и зыбь под ногами.

В комнатах было тихо и темно. Валентина притянула за руку Настю к себе и шепнула:

— Не уходи от меня.

Эту ночь они ночевали на одной постели.

(Окончание следует).

АНТОН СОРОКИН

Симу

(Из посмертных рассказов)

... Симу сидел на берегу Оби и каждый вечер пел грустную песенку на русском языке:

— На берегу Оби сидал, чуркам, палкам бросал, чуркам, палкам, плыви, моей мамкам скажи, твой сын от водки пропадал...

История этой песенки—большая история. И эту историю вспомнил Симу.

Когда-то Симу считался лучшим охотником во всей тайге. Братья Горчаковы—богачи-староверы—взяли Симу к себе в дом, и стал он у них доверенным по скупке пушнины. Выполняя волю своих хозяев, Симу спаивал самоедов, остяков, тунгусов водкой и по дешевке брал у них соболей. За верную службу Горчаковы подарили Симу национальный тунгусский костюм, расшитый разноцветным бисером.

История этого бисера очень интересная, и о ней следует рассказать. В 1870 году англичанин Роберт Гай, торговавший с африканскими колониями, вздумал отправить товар через Карское море и Обскую губу вглубь Сибири. А увлекся такой затеей Роберт Гай, когда узнал, что шхуна Трапезникова и Ширкова, груженая салом и кожами, благополучно прибыла этим путем из Сибири в Лондон.

Роберт Гай построил шхуну, нагрузил ее бусами и бисером (которыми он снабжал африканские колонии) и отправил в Тобольск для обмена на сибирскую пушнину.

После трудного и опасного пути шхуна Роберта Гая прибыла в Тобольск. Но в Тобольске никто не хотел покупать бусы и бисер. Роберт Гай, затративший весь капитал на бусы, покончил жизнь самоубийством.

Бусы и бисер пошли с торгов за невероятно дешевую цену. Несколько сот пудов было куплено братьями Горчаковыми. И в те самые закрома, где лежала пшеница, гречневая крупа, овес, предприимчивые братья свалили в мешках бусы и бисер.

Обитатели севера начали расшивать дешевым бисером свои костюмы, а археологи писали научные статьи, что самоеды, остяки, тунгусы пришли из Америки. Археологи доказывали, что только в Америке (и притом в Южной) распространен такой бисер.

Братья Горчаковы, скупавшие пушнину за водку, бисер и чай, возили ее на Ирбитскую ярмарку. Продавши свой товар по высокой цене, они пьянствовали в ресторанах и публичных домах.

На ярмарку братьев Горчаковых сопровождал Симу. Здесь, в Ирбите, он видел красивых полуголых женщин, носивших на плечах дорогие меха... Женщины пили вино и садились на колени к староверам Горчаковым. Тут же, в публичном доме, Симу, вспоминая убитых соболей, пел свои песни тайги...

И случилось так: красивая молодая Фанька подошла к Симу и сказала:

— Ну, дикарская образина, надоел мне этот скот. Хочу твоей любви, может, ты человеком окажешься...

Очень понравилась любовь Фаньки Симу. Когда пришло время уезжать, он хотел остаться, но хозяева не оставили Симу в Ирбите.

Возвращаясь домой с Ирбитской ярмарки, Горчаковы обычно привозили дорогие подарки, бриллианты, шелка, а заодно и венерические болезни...

Дома Горчаковы молились перед черными, как аспидная доска, иконами времен царя Михаила и читали огромные книги в кожаных переплетах, с медными застежками. Листы книг были желтые, как тело столетних старух. Многие страницы были закапаны воском. Особенно нравившиеся братьям места были отмечены цветными лоскутами шелковой материи. Дома братья Горчаковы не пили вина, вели благочестивую жизнь, а сыпь, выступавшую на теле ребятишек, лечили наговорами и настойками трав.

В ту зиму Симу не стал скупать пушнину. Он сказал:

— Был я в городе, видел, для чего скупается зверь тайги... Зачем мы будем убивать соболей для городских женщин? Не хочу!

Удивились Горчаковы таким словам. А дальше было еще хуже. Симу рассказал женам, что делали Горчаковы в городе Ирбите...

Столетний, но еще крепкий старик, отец Горчаковых, разгладил свою бороду и принялся проклинать сыновей и город.

— Он врет,—оправдывались братья Горчаковы.

И прогнали они Симу.

— Иди, голодай, если не хотел жить сыто!

И ушел Симу и унес с собой костюм, расшитый бисером.

Это было прошлое.

Жизнь изменилась в тайге. Пропали русские купцы, скупавшие шкурки соболей и белок за водку.

Пришли новые люди. Они давали тунгусам за соболей, песцов, лисиц и белок только необходимый товар...

И удивлялся Симу:

— Почему раньше не было этих хороших людей? Где они были?

И люди, собиравшие меха, в темную ночь, когда цвел костер огромным желтым цветком, рассказали Симу, что произошло в больших городах. Понять, о чем рассказывали люди, было нелегко. Но хорошо понял Симу, что тунгусам другую жизнь дал Ленин. Симу почувствовал теплоту в сердце.

— Я хочу ехать в Москву,—сказал он: —мало-мало подарок повезу Ленину.

— Зачем ему твой подарок?

— Ему не надо, мне надо. Легче будет мне жить, когда сделаю подарок. Народ мой умирал. У меня было 50 оленей, где олени? Все водка украл. Где маленькие дети Симу? Маленькие дети Симу умер. Где мать Симу? Мать Симу сказала:—«Ты много пьешь водки»,—и ушла. Так было у нас, тунгусов. Тунгус теперь живет хорошо. Надо мало-мало подарка делать!

— До Москвы далеко.

— Мой Ирбит город бывал.

Три раза приходила зима в тайгу.

Каждую осень на берегу Оби Симу пел грустную песенку:

— На берегу Оби сидал, чуркам, палкам бросал,
Ты плыви чуркам, палкам, плыви...

И раздумывал, что можно повезти для подарка в Москву.

Он ничего не мог придумать. Спрашивал знакомых тунгусов. Они в один голос говорили, что теперь жить лучше и надо бы увезти подарок, но не знали что... Соболей? Песцов?

— Нет, соболей не надо,—говорил Симу.—Я три года думаю и не знаю что...

И тунгусы говорили:

— Да, надо подумать!

И пришли поздно осенью тунгусы и сказали:

— Мы привезли тебе подарок! Ленину вези!

Вышел Симу, посмотрел и сказал:

— Да, это подарок! Сам Ленин удивится. Нигде такой большой рыбы нет.

На санях лежал осетр необыкновенной величины. Весу в нем было не менее пяти пудов, и был он величиной с человека.

Запрягли оленей, переложили осетра в новые сани, и Симу двинулся в путь.

— Скажи в Москве, что это подарок от тунгусского народа за новую, хорошую жизнь!—кричали ему тунгусы на прощание.

Едет по белой, как скатерть, равнине Симу и поет веселую песенку. Он представляет, как удивится Ленин, увидев такую большую рыбу.

— Как вы ее поймали?—спросит Ленин:—Разве можно вытащить такую большую рыбу?

А Симу ответит:

— Да, такую большую рыбу мы вытащили из реки Обь.

И тогда спросит Ленин:

— Много ли в реке Оби такой рыбы?

И Симу скажет:

— Да, Обь—большая река, очень большая. Река Обь течет до самого моря, и такой рыбы много в Оби.

И снова спросит Ленин:

— За что же вы привезли мне такой дорогой подарок? Мне не с'есть эту рыбу в три месяца!

И тогда расскажет Симу Ленину о староверах—братьях Горчаковых; расскажет, как вымирал тунгусский народ от болезней, голода и водки. Он расскажет о тайге, где много соболей и белок; о болотах, где растет вкусная ягода морошка, брусника и клюква; о большой реке Оби... Он скажет Ленину, что теперь стало легче жить тунгусам. Да, очень хорошо, что Симу знает русский язык... Он поговорит о многом...

И опять веселые песни поет Симу.

На вокзале Симу сказал начальнику станции:

— Везу рыба, подарок Москва от тунгусский народ!

— Покупай билет!—коротко ответил начальник станции.

— Мой покупай билет не будет. Мой поедет жаловаться.

— Жалуйся!

Около вокзала стояла пара оленей, в санях лежала необыкновенная рыба. Кругом толпились любопытные.

Подошел Симу к рыбе и сказал с горечью:

— Куда пойдешь жаловаться? Не везет подарок Москву.

Пожалели любопытные Симу. Нашлись заступники и пошли они об'ясняться с начальником станции.

Собрались люди из ячейки. из месткома, долго говорили между собой, и получил Симу маленькую бумажку, по которой можно было ехать бесплатно.

Погрузили в красный вагон оленей и необыкновенную рыбу. На каждой большой станции выходил Симу и спрашивал:

— Это Москва?

— Нет еще!

Трогал Симу руками паровоз и интересовался:

— Какой тайга этот зверь поймал?

И вот приехал Симу в Москву. И снова толпились вокруг оленей любопытные. И так же, как на глухой сибирской станции, нашлись сочувствующие Симу люди. Веселый комсомолец вызвался сопровождать Симу до Кремля.

Невиданные звери, словно гигантские крысы, бежали по улице. Прохожие останавливались и смотрели вслед. Симу подгонял оленей. Около мавзолея Ленина, на большой площади, проводник велел остановиться.

— Идем,—сказал он:—ты увидишь Ленина.

Симу удивился. (Он думал, что Ленин должен жить в большом каменном доме).

У мавзолея стояла очередь. В очередь встал и Симу.

Когда Симу дошел до красноармейца, проверявшего пропуски, он спросил:

— Рыбу тащить можна?

— Нет.

Остались стоять покорные олени. На санях лежала необыкновенная рыба с Оби. Симу вошел в мовзолей.

То, что он увидел, поразило его. Сначала Симу думал, что Ленин спит. А потом Симу понял:

— Опоздал—умер!

Не увидит Ленин подарка тунгусов—большую рыбу! Не удивится Ленин, что в Оби есть такая большая рыба!

Отошел Симу в уголок, сел на корточки и запел поминальную песню. Симу пел, что не может умереть Ленин! Ленин должен встать и посмотреть необыкновенную рыбу!

Песня Симу была слишком долгой. Подошли люди и сказали, что пора ехать.

— Куда поехал? Квартиры нет!

И не поняли люди города песни Симу. Но хотели они сделать хорошее для тунгуса и повезли его в общежитие рабфака северных меньшинств. Там были тунгусы, остяки, гиляки, вогулы, орочены.

Когда они узнали, зачем приехал Симу,—пошли смотреть рыбу, и вспомнили тайгу и свой родной север. Целую ночь беседовали рабфаковцы и решили устроить поминки.

На большом столе, накрытом белой скатертью, лежал пятипудовый осетр, приготовленный лучшим московским поваром. Гиляки, орочены, чукчи говорили речи. Сказал речь и Симу:

— Вот стоит стул для н е г о — он должен притти! Вот лучший кусок рыбы кладу я на тарелку для н е г о — он должен притти. Если он не придет—это ничего. Когда я вернусь в тайгу, я скажу: Ленин видел большую рыбу Оби. У Ленина на тарелке лежал кусок этой рыбы!

—

Празднуя Октябрьскую годовщину, рабфаковцы северных меньшинств с красными знаменами шли по улицам Москвы. В их рядах был Симу в национальном тунгусском костюме, расшитом бисером Роберта Гая.

Никогда Симу не видал столько народа. Он шел и думал:

— Приеду домой, расскажу, сколько живет людей в Москве—больше, чем деревьев в тайге!

Потом рабфаковцы водили Симу смотреть картины в галлерею. Симу долго стоял около шишкинского «Леса» и сказал:

— Медведь, тайга!

Понравилась ему картина, на которой был изображен олень.

Водили рабфаковцы Симу на заводы. Осмотрев десятки громадных заводов и типографию «Известий», Симу неопределенно спросил:

— Ленин?

— Да,—сказали рабфаковцы.

На своей кровати Симу увидел винчестер и порох. Это рабфаковцы сделали подарок земляку.

— Теперь Симу будет с хорошим ружьем охотиться на соболя!—обрадованный сказал он.

На вокзал Симу провожали всем рабфаком. Симу сказал речь:

— Я уезжаю в тайгу, туда, где тунгусский народ...

Вот и вся речь Симу.

А дорогой он думал, как найти слова, чтобы рассказать о том, что он видел в Москве. И не находил слов Симу.

А потом запел:

— На реке Оби спдал, чуркам, палкам бросал, ты плыви чуркам, палкам, ты скажи, чуркам, палкам, моей мамкам, твой сын Симу не пропал.

ЗАТИШЬЕ

И был закат, как знамя,
И знамя, как закат.
Темнели зло за нами
Строенья эстокад.

И пасмурные пади—
Ковровые поля.
На станции в ограде
Встречали тополя.

Пять дней упругим шагом
По тропам и без троп
Расплескивать отвагу,
Врагу ударив в лоб.

Звенит, ликует говор.
Прогромыхал обоз.
Поспешно кормит повар
Голодный паровоз.

И после зева пушек
В такой простой тиши
Милей уют теплушек
И нары хороши.

Раздельно голос подал
Родной грудной гудок,
Прибавил поезд ходу
На палевый восток.

Расправить можно плечи,
Хлебая толокно,
Заглядывает вечер
В разбитое окно.

Пусть завтра в бой, в атаку,
Страх не гостит у нас.
Течет лиловым лаком
Лукавая луна.

Иван Молчанов (Сибирский).

ЖИЗНЬ

Щекочет щеки шалый снег.
Такая тишь, такая свежесть...
Бывает, в ласковой тайге
Расплескивает осень нежность.

Дым коромыслами из труб,
Из-за угла фонтаны радуг.
Для иссеченных жаждой губ
Такая в воздухе отрада.

Не сделать к прошлому прыжок.
Я знаю—детство не заглянет...
Напрасно много дней прожег
И выпестовал много дряни.

Я беспокойный человек,
Я знаю счастье, горечь знаю...
Щекочет щеки шалый снег,
Пушинки шелковые тают.

Но знаю, надо боль лечить
Не на больничной бледной койке,
Таская трапом кирпичи
Для нашей радостной постройки!

Пока до цели не дойду,
Я ношу с плеч своих не скину.
Кирпич, как яркую звезду,
Отправлю в млеющую глину.

Разглаживая свежий ворс,
Я знаю, мир мне люб, чудесен.
И коротать ватаги верст
Я буду крепким звоном песен.

Иван Молчанов (Сибирский).

ПУШКИН

Предупреждение? Судьба? Ошибка?
— Вздор!
Но недовольство тонко смыла мгла.
...Приспущенные флаги штор
И взмах копыт во тьму из-за угла.

И острый полоз взрезал спелый снег,
Закат упал сквозь роспись ярких дут,
— Поспешливо придумать, сквозь разбег
Что где-то ждет далекий, нежный друг.

Вот здесь встречал, в толпе других, не раз...
И вдруг его в упор остановил
Простой вопрос, должно быть, темных глаз
И кисть руки у выгнутых перил.

— Конечно, так! Он нежность не увез!
И санки вдруг на крыльях глубины,
И в голубом церемониале звезд—
Насмешливый полупоклон луны.

И санки вкось. А запад ярко хмур
Сквозь тихий смех:—Какой невольный час..
Даль зеркала и пестрый праздник дур
И дураков. Неправда ли, Данзас?

Усталый снег разрезан мерзлой веткой,
Пар от коней.
— Нельзя ли поскорей...
И ветер развевает метко
Трефовый локон сумрачных кудрей.

Туман плывет седеющий и серый,
Поляна поднята в кустарнике, как щит.
И на отмеренные барьеры
Отброшены небрежные плащи.

Рука живет в тугих тисках перчатки,
Но мертвой костью простучало:
Н е т!
И жжет ладонь горячей рукояткой
С наивным клювом длинный пистолет.

Последний знак...
Судьба? Ошибка?—Вздор!
Раздумья нет. Пусть набегает мгла.
Вдруг подойти и выстрелить в упор
В граненый звон зеленого стекла.

И темный мит знакомых юных глаз,
Который вдруг его остановил...
— Вы приготовились?
... И дорогая...
— Раз!

У тонких и изогнутых перил.
Ведь, перепутались вдруг, вспомнившись, слова,
Которые он вспомнил и забыл.
— Вы приготовились?..
... То нежность что ли?..
— Два!

У стынущих, причудливых перил—
Вот в эту тьму багровую смотри!
Ты в этом мире чувствовал и жил.
... Бег санок легких, прозвеневших...
— Три!
У ускользающих остынувших перил.

Пустынна ночь. И лунно вьется снег.
Нем горизонт. (В глуби своей укрой!)
Усталых санок ровно сдержан бег,
А сквозь бинты накрапывает кровь.

Павел Васильев.

РАЗДУМИЕ СТИХОТВОРЦА.

Я, Евгения, понял тебя, наконец!
В душной комнате ссорятся пленники.
Их хотел умертвить твой высокий отец,
Гениальный профессор евгеники.

Всюду кляксы, бумажные комья и клей
И окурки на подоконниках...
Для тебя—ты прекраснее всех и светлей—
Много ль толку в таких поклонниках!

И когда одного разобьет паралич,
Новым свита твоя увеличится.
Ты устало прикажешь:—Воспой, возвеличь,
Я наставница ваша, владычица!

Стихотворцы кричат. И в припадке тоски
Обнажают ножи перочинные.
Оправданье и повод для каждой строки,
Только ревность—еще беспричинная...

Вот весна. По оврагам ручьи зарычат,
В мутной желчи коряги ворочая.
А у встреченных девушек губы горчат,
Но без них огорчен в эти ночи я.

Я брожу огорчен. Я навек их отверг—
Та неумная, та узкогрудая.
Не для них изготовить хочу фейерверк,
Пылкой смесью созвучий орудуя.

Я совсем не поэт. Этих тонких мужчин
Переходного поколения
Ненавижу я сам. Фейерверкера чин,
Мне, пожалуй, под полночь, Евгения!

Вот стальное перо по бумаге скрипит,
Вот бумага затлелась от трения.
Стихотворным сияньем тебя ослепит
Фейерверк мой полуночный, Евгения!

Ослепило! И тьма. И в шкафах у стены
Стонут мыши, пропахшие книжками.
Писчей судорогой сведены, сведены,
Скоро пальцы покроются шишками.

Я бросаю перо, осторожность храня...
Нет! Рукою талантливой все еще
Я ударю того, кто счастливей меня—
Не впервой мне ввязаться в побоище.

Ты напрасно зовешь:—Возвеличь и воспой—
Для чего величать величавую?
Я уйду окруженный громадной толпой,
Беспокойной, голодной оравою.

Где нечист небосклон и кусты, как хлысты,
Хлещут землю сырую и серую,
Кто-то пни выкорчевывал, строил мосты
Второпях перед новою эрою.

Там не будет нужды в тонких, льстивых словах.
Разве только охотник за лаской
На заре у костра белобрысых девах
Позабавит нехитрою пляскою.

Белобрысых девах, бивуачных стряпух,
Тех, кто вечно в заботливых помыслах:
От тоски б не ослаб, от цынги бы не вспух
Человек на постройках, на промыслах.

Леонид Мартынов.

ХУНХУЗ

О жене и матери забыл,
Маузер прикладистый добыл
И, тугие плечи оголя,
Вышел за околицу, в поля.

Те же джунгли этот гаолян,
Только без озер и без полян.
Здесь на свист хунхуза—за версту
Свистом отзывается хунхуз.

Было много пищи и добра,
Были добрые маузера.
Но под осень, кочки оголя,
Сняли косы пышный гаолян.

Далеко до сопок и тайги...
Наседали сильные враги,
И горнист с серебряной трубой
Части свежие бросает в бой.

И хунхуза, сдавшегося в плен,
Чьи-то руки подняли с колен,
Связанного бросили в тюрьму,
Отрубили голову ему.

И на длинной жерди голова
Ни жива и ни мертва.
И над ней кружилось воронье,
Птицы ссорились из-за нее.

Арсений Несмелов.

КОМАНДЕ ЛЕДОКОЛА «КРАСИН».

Оранжевый далекий горизонт,
Простертый, словно крылья чаек.
Каких земель достигнет он,
Пучин безглазых тьму качая?
С туманами ль пойдет пастись,
Лизать оскалом пенным кормы,
Иль, может, мачты сбросит вниз
Седою лапой злого шторма?
Судьба—в тумане... Пусть простор
Поставит шире ветра парус.
В глаза пространств глядим в упор,
Стихий одолевая старость.
Глядим во тьму седых пучин,
Благодаря, что из лазури—
Для тех желаннее лучи,
Кто жил, как ветер их учил,
Чтоб не сгибаться перед бурей.

Лев Черноморцев.

ВИВИАН ИТИН

Спасение Печонкина

I.

«Ведь только земной ограниченности свойственно мыслить метафорой и нуждаться в фиктивных рельефах, примерах и сравнениях»,—прочитал я однажды в примечаниях русского ученого к китайской поэме. Но профессор не прав. На земле становится все больше людей, которым противны дешовые украшения. Нам нужны реальные вещи. Мне интересен не рассказ, а материал, из которого он сделан. Я смотрю и мгновенно создаю сотни замечательных историй. Мне нужно всего лишь несколько минут для целого романа. Зачем же тратить на него год своей жизни? Я вижу будущее и наших людей, любовно смотрящих на нетронутый кусок мрамора, потому что каждый из них мог бы найти в нем один и тот же предел человеческой красоты...

Была полночь, время, когда так хорошо работать. Я положил перо. Это было мучительно. Я писал медленно. Я хотел изобретать. Но все прекрасное трудно. Работа мне в те дни не удавалась.

В мое окно постучали. Я обрадовался, как школьник, услышавший звонок: перемена. Вошел Тимофей. Мы схватились за руки и обменялись незначительными фразами.

— Ты откуда?

— Прямо с вокзала,—соврал Тимофей.—Экспедиция застряла в Енисейске. Я приехал первый. Можно у тебя переночевать? Я не могу вернуться домой.

— Что ж, подстели оленью шкуру и ложись на пол. У меня ночуют поэты, почему бы не переночевать «моряку».

— Не смейся,—улыбнулся Тимофей.

Я увидел в нем спокойную самоуверенность, но глаза его выдавали грусть. Я не стал его расспрашивать. Мужчины не говорят друг с другом о своей любви и о своей ненависти. Ведь это все равно, что говорить о воздухе: он почти так же вездесущ. Тимофей скинул полушубок, повел плечами. Мы свернули сигаретты из плохого английского табака «golden returns», добытого у матросов Карской. Тимофей достал (из внутреннего кармана кожаной куртки) пачку фотографий. И мы забыли даже любовь, вспоминая знакомые места.

— Ну, рассказывай,—сказал я.—Ты спать не хочешь?

Я долго не уезжал из города. Я ощущал себя каким-то ненастоящим, совсем не тем, каким бываешь в седле, у штурвала, за веслами. Я жадно слушал товарища. Чистый ветер севера опять коснулся меня.

Тимофей кончил.

— Что ты пишешь?—спросил он.

— Ты знаешь,—ответил я неохотно.

— Повесть?

— Зачем эти марочки под заглавием? Не знаю... Пусть их ставят издательства и редакторы, как выгоднее.

Мы поговорили на эту тему.

— Сейчас мне хочется оставить работу и написать «рассказ»... тоже «северный»... Но я сомневаюсь: стоит ли его писать?

Тимофей пододвинулся ко мне. Ему, вероятно, льстила его роль. Он спросил, стараясь не выдавать себя, но все же слишком поспешно.

— Какой же рассказ?

Меня томили мои образы и мои неудачи. Легче было говорить.

— Ну, ладно. Слушай,—сказал я.

Все это связано с нашей несчастной экспедицией на шхуне «Профессор Б. Житков», потерпевшей крушение у мыса Полынья, в Карском море. Я участвовал в экспедиции в качестве кино-оператора и этнографа, хотя (это тоже замечательно характерно) я не был ни тем, ни другим.

Шхуна была приобретена Комитетом за границей очень дешево, тысяч за 25. После ремонта и погрузки в Гамбурге и в Бергене сетей, гарпунов, гарпунных ружей, пушек и другого зверобойного снаряжения, шхуна должна была придти в Мурманск. Мы выехали из Новосибирска в Мурманск... Ты читал мой очерк? Он был напечатан в «Прожекторе» без начала и конца, как полагается по правилам верстки иллюстрированных журналов.

— Нет, я не читал,—ответил Тимофей.

— Тогда прочитай,—сказал я, отыскав черновик очерка.—Здесь много лишнего для моей темы, но иначе пришлось бы повторяться.

II.

Веселые женщины из гостиницы «Мурманск» показали мне письмо обывателя, не поверившего своим глазам. Обыватель писал из Мурманска в Москву.

«Климат суровый, растительность грубая, природа изменчивая, все больше горы. И вот самый Мурманск, порт. Видны огни крейсеров на рейдах. Мурманск расположен среди: с трех сторон высоких скалистых гор и с одной стороны Белого моря, что и говорит за красоту вида. Народы здесь больше финны, чуваши, лопари, ирландцы и одежда вся, начиная с сапог, кончая шапки, вся из шкур зверя или оленя, лося, выдры и т. д.».

В Мурманске нет ни высоких гор, ни моря (тем более Белого), ни «народов», одетых в звериные шкуры.

Кольский залив похож на реку, текущую в зеленых и каменных берегах. Он очень похож на Енисей. По нему также свободно идут большие океанские пароходы. Но вода в заливе, дважды в сутки, течет то к югу, то к северу, в приливе и отливе—единственное напоминание о близком океане

Никакой северной экзотики,—хотя Мурманск лежит на широте устья Енисея. Год назад, в начале августа, я бродил по зеленой губке тундры, отворачиваясь от свирепого норд-оста, и рядом со мной шли юраки, на самом деле одетые в шкуры. В Мурманске—белые платья, шелковые чулки женщин, больше шелковых чулок, чем на Невском, потому что Мурманск—город самых фантастических заработков в СССР. И кажется, что случаен, чудесен этот солнечный знойный день за полярным кругом. Склоны гор, окружающих город, покрыты кустарником, низкорослой березой. Но всюду встречаются

пни больших деревьев. По ту сторону гор, откуда невыгодно вывозить лес на топливо, растут большие сосны, такие же, как под Новосибирском.

Земля цветет в Мурманском лесу. Фиолетово-розовый вереск покрывает поляны. Ягоды—красные, оранжевые, голубоватые, черные растут по мшистым кочкам. В иных местах можно лечь на этот мягкий цветущий ковер и досыта наесться морошки, черники, голубицы. По горным тропинкам спускаются женщины и дети с ведрами и корзинами, полными грибов и ягод. Мальчики идут, сняв рубашки, загорелые, с полотенцами через плечо. Берега ближайшего озера, голубого и совершенно квадратного,—Мурманский «пляж». Здесь, в этом полярном озере, можно купаться все лето. Край полон озер. Невысокий водораздел одного из этих чистейших горных озер дал возможность использовать даровую силу для городского водопровода.

Отсюда, с озерного водораздела, виден весь Мурманск. Город горит в медленном полярном закате позолотой нового теса. Он так нов, что в нем нет ни одной церкви. В 1917 г. Мурманск увеличил жилплощадь на 13.000 кв. метров. Строятся целые кварталы. Город деревянный, но ближе к порту и станции железной дороги, у того узла, где ежегодно проходит 40.000.000 пудов груза, уже растут каркасы железобетонных зданий. У мола, за красными бусами товарных вагонов, стоят внушительные немецкие и норвежские «купцы», выгружающие из своих трюмов хлопок и рыбу. Кораблям становится тесно у мола. Днем и ночью верблюдом ревет землечерпалка, продолжая работу доисторического ледника, вырывшего стоверстный канал Кольского залива. Иностранные матросы стайками бродят по песчаным улицам, разыскивая кабак и рынок. Бронзолицые хозяева стоят у входа новеньких лавчонок. Имена их написаны крупными буквами.

— Хао-Чо-Сян.
— Лю-Цзи-Цин.
— Ван-Бао-Шан.
— Чоу-Зын-Шен.

Песок. Жара. Китайцы. Неужели это полярная страна и рядом у лопарей пасутся северные олени? Вот, лопарь рядом, он, наверно, продает оленьи шкуры. Маленький человек улыбается. Он достает из кармана жестяную коробочку из-под граммофонных иголок. Жестянка полна бледных волнующих зерен.

— Это земчуг,—говорит лопарь.

За жемчужину, величиной с крупную горошину, он робко запрашивает червонец.

Перепись населения в Мурманске на 8.000 населения обнаружила 35 национальностей, в том числе одного негра из племени сомали. «Народы» приходят в Мурманск за «большими рублями». Это население Клондайка, золотых россыпей, новых жирных стран. Безработные немцы из Гамбурга, норвежцы, финны, татары, китайцы—в трюмах, в теплушках—пробираются в свое новое Эльдорадо, где нет безработицы, где грузчик «вытоняет 500 монет». Большинство населения—русские—беженцы, беглецы, бродяги—наш исконный человеческий избыток, в сущности гораздо менее оседлый, чем кочевники Кольского полуострова.

— Сюда попадают те, кому не дается работа на родине.
— Всего перепробовал, махнул на Мурманку.
— Заработают, выпьют до последнего. Так оно и вертится...

Мурманск самый молодой город в СССР. Считается, что он основан в 1916 году. Он рожден войной. Это всем известное рождение сопровождалось недолгой, но темной историей. Антанта фактически распоряжалась Мурман-

ском с первых дней революции. Вооруженными силами края управлял опереточный «Военный Совет», составленный из противоестественной смеси: англичанина, француза и представителя Мурманского совдепа! Впрочем, темное сожительство завершилось вскоре явной изменой.

— Товарищи, довольно жить с няньками!—провозгласил председатель совдепа, Юрьев, летом 1918 г. на митинге, в котором участвовало «все население города».—Мы—те же сыны родины, что и наше центральное правительство. Наша обязанность—сохранить этот край в руках русских, а не немцев.

— Мне остается повторить прекрасные слова вашего председателя,—сказал английский адмирал Кемп. *(Известия М. К. С. № 82, от 3 авг. 1918 г.).*

Часть железнодорожного пролетариата и матросы с крейсера «Аскольд» пробовали сопротивляться, но на этот раз победила деклассированная масса «золотоискателей». Митинг голосовал за разрыв с Москвой. Поддержали и местные, немногочисленные, обыватели, которым Кемп посулил заграничные рыболовные снасти. Союзники действительно снабжали край; но цена каждой чечевицы в этой похлебке была заранее переведена на золото. Ст. 11 «Временного, по особым обстоятельствам, соглашения представителей Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции» с Мурманским совдепом буквально такова:

— «Все расходы, имеющие быть произведенными Прав. Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции, записываются в общий счет государственного долга России соответствующим державам»...

По-настоящему, Мурманск стал расти и развиваться всего лет 5 назад, целиком при советах. Он рос на глазах, как ребенок. Он растет все быстрее. В нем все крепче свое мурманское рабочее ядро. Но историческая накипь пропойц и всяческой шпаны, в сущности может быть незначительная, бьет по глазам приезжего четвертной бутылью.

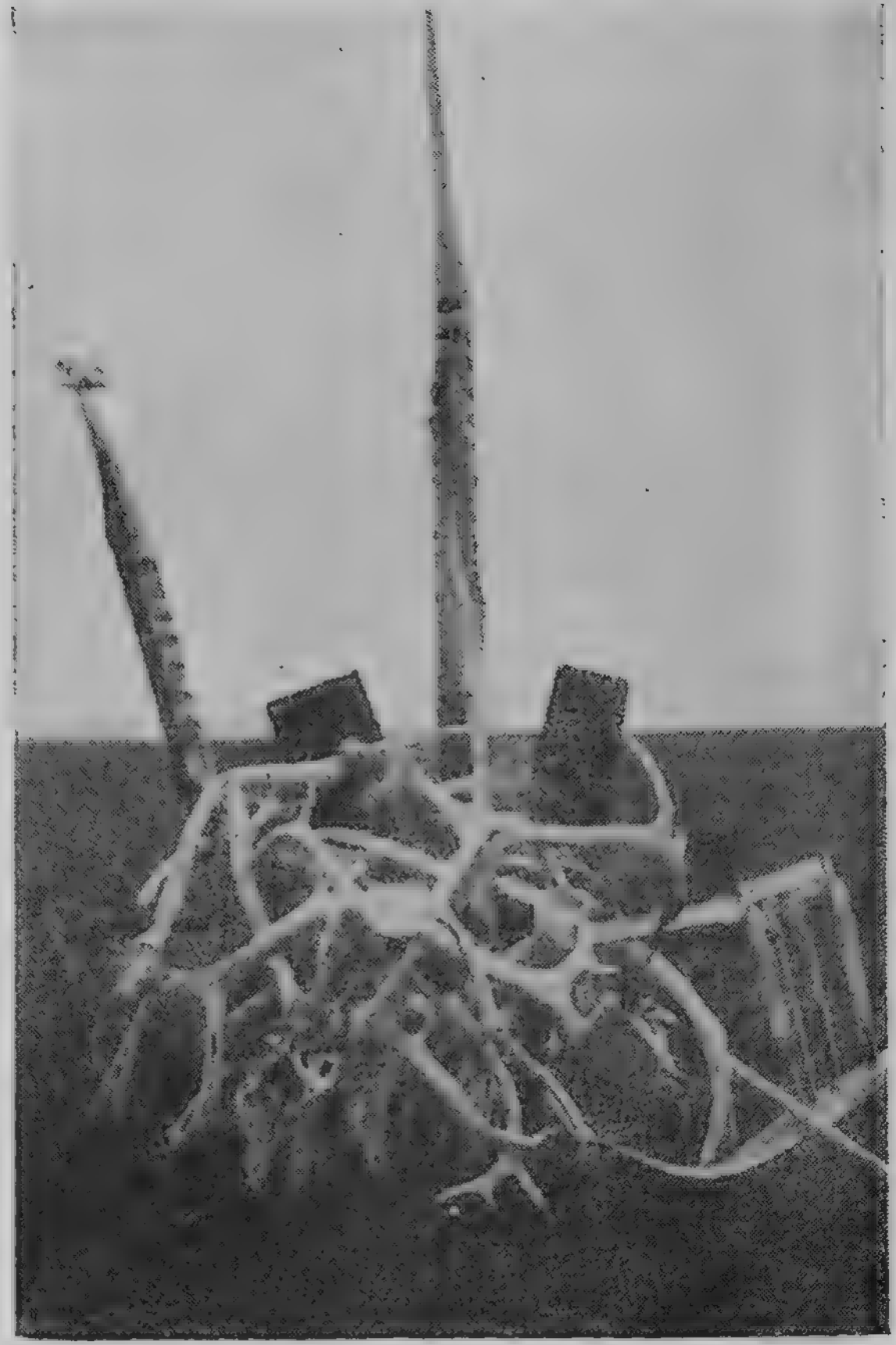
Кажется, нигде в свете нет места пьянее Мурманска. Единственная гостиница города принадлежит странному учреждению, именуемому «Желрыба». «Жел»—почти обязательная приставка на всех предприятиях края, т. к. хозяйственная жизнь регулируется Мурманской железной дорогой. Здоровая мысль—создать ряд подсобных предприятий для увеличения средств дороги—распухла от излишней ориентации на всевозможные пития. Подсобные предприятия заводят подсобные предприятия, забывая главную свою цель. Желрыба владеет в Мурманске несколькими магазинами и торгует всем, чем угодно, кроме рыбы. Говорят, Желрыба обращалась в губисполком с просьбой разрешить построить в порту публичный дом на том основании, что «иностранцы без этого не могут» и подобные учреждения существуют во всех портах мира... а главное—выгодно. Нижний этаж желрыбовской гостиницы, где маленький клопиный номер стоит 5-6 р. в сутки, занят «рестораном». Днем это—приличная столовая, ночью—кабак. Эпопея поножовщины годами разыгрывается у входа. Интернациональная ругань потрясает желрыбовские стекла. Специальный вышибала, потея, спокойно выносит живые трупы и, с помощью милиционера, сваливает в мокрый ров. Там, бесчувственные, они лежат в нечеловеческих позах, иногда вниз головой, маяча в полярных сумерках, и жестокая морянка—северный ледовитый ветер—замораживает нечистоты на их непропитых еще рубахах.

Ежедневные даровые представления часто оканчиваются отнюдь не театрально (или—сверхтеатрально). Пьяный конторщик сжег дом и двух своих детей вместе с домом. В ветреную погоду здесь мог бы сгореть порядочный угол города. Пьяный агент начал палить на площади, тяжело ранил рабочего, и население желрыбовского «ресторана» вопило, грозя моей новой

Фот. С. Дмитриев

ЗЗЕРОБОЙНАЯ ШХУНА «ПРОФЕССОР Б. ЖИТКОВ»

Фот. В. Итин



«ГИБИДЕЯ»—МОЛЬБИЩЕ ЮРАКОВ

Фот. С. Дмитриев

НА ТЮЛЕНЬЕМ ПРОМЫСЛЕ В БЕЛОМ МОРЕ

«Киносибирь»

НА ПЕСКАХ ОБИ

кожаной куртке из ЛСПО: «Наших бьют» и «Мы вам покажем террор»... Раненый лежал в песке и медленно истекал кровью, дожидаясь «скорой помощи». Рядом, на шпалах хитроумного мурманского трамвайчика, развозящего по городу строительные материалы, сидел пьяный старикашка, мокрый, как тюлень. Старикашка проповедывал на тему, что «правды нет». Главная же кровная обида, оказалось, была вовсе не в пролитой крови, а в том, что вот Желрыба продает водку начальству сколько хочешь и начальство напивается быстро, а пролетариату продают пиво, которым напьешься не сразу...

В Мурманске четыре кинематографа, три рабочих клуба, случается, приезжает хорошая ленинградская труппа. В культурном отношении Мурманск скорее выше, чем ниже любого провинциального русского города. Партийная и профессиональныя работа сильна. Интеллигенция, сравнительно, многочисленна и активна. Мурманское Краеведческое Общество издает свои труды. В здании Мурманского губисполкома выходят работы Мурманской биологической станции. Ни один город с 8-ю тысячным населением не сможет похвастаться подобными достижениями. Культурная отсталость в данном случае не при чем. Мурманское рабочее население делится резко на две части, и одна из них требует не только культурнических мер. Безымянный автор из мурманского рукописного журнала «Местный Транспортник» (№ 1) эпически перечисляет транспортные клубные занятия...

«Шашек партию стянули
Из читальни вечерком.
Поиграли, посмотрели
И пошли домой тайком.
В шахматной окно разбили,
Раму вынули совсем.
Ничего хоть и не взяли,
А жары нагнали всем».

Рабочая колонна проводит митинг на «Площади Свободы». И траурные ряды, не замечая, спокойно шагают через колоды упившихся, чтобы отдать последний долг Сакко и Ванцети. Привычка.

Борьба здесь нужна гораздо более решительная. Здесь времени нужны *туруханские законы,* хотя, вместе с Мурманским губисполкомом, я убежден, что болезнь постепенно проходит сама. Русское беспризорное, бесшабашное население тяготеет к оседлой жизни. Десять лет назад в Мурманске не было женщин. Теперь женщин почти 50 проц. Бабы расправляются со своими пьяницами куда удачнее милиционеров. Они умеют извлечь их из общей кучи, волоча домой с позором и страшным шумом, парализующим у мужчин способность сопротивляться. Таким образом, часть заработка минует желрыбовские карманы. Рабочие постепенно становятся настоящими мурманскими гражданами. Когда пройдет время противоестественных заработков и еще более худших трат, Мурманск перестанет притягивать пропойц. Население города будет расти закономерно, вместе с его естественным ростом. Всем известны богатства Мурманского края. Внимание к ним будет быстро возрастать, так как они лежат вдоль великого пути, и теплый источник, вызвавший их к жизни, неистощим.

Северо-восточная ветвь Атлантического течения омывает полярный берег Кольского полуострова. Течение до сих пор, по привычке, называется «Гольфштремом», хотя даже у берегов Америки это не «Гольфштрем», а Гольфстрем. Ветвь у Кольского берега называется Мурманским течением.

Теплый поток, идущий на севере, остатки тропического зноя, повышают температуру страны, лежащей к югу, до температуры средней России. В Мурманске летом на севере встает солнце, с севера прилетают весной птицы и на север улетают осенью. Птицы летят на север и огибают Норд-Кап, к теплому веянью Гольфстрема. Его струя в полярном Баренцевом море борется с током холодных течений. В зависимости от напряжения ветров, качающих не только ветви деревьев, но и ветви самых могучих океанских рек, в зависимости от плохо еще изученных причин, Мурманское течение то прижимается к нашим берегам, то отходит, температура его то поднимается, то падает. Так как от текучей теплой воды зависит вся жизнь края, то изучение этих колебаний представляет большой интерес.

Профессор Клюге показывает синие, голубые и охровые разрезы полярных течений. Гидрологические работы ведет Мурманская биологическая станция в Александровске.

Александровск—третий «город» на берегу Кольского залива, если вести счет с юга на север. Это также «новый город», но в противоположность Мурманску он выглядит столь же хилым, как первый город залива—древняя Кола. Александровск возник в конце прошлого столетия на берегу прекрасной естественной гавани, годной по глубине для самых больших судов и защищенной высокими скалами от всех ветров. Значение его упало после постройки Мурманского порта. Теперь здесь всего 500-600 жителей. Над зеленой водой у отвесной стосаженной скалы идет узкий мостик, соединяющий противоположные берега пролива. Над мостиком поднимается трибуна. Еще выше в каменную стену вделан деревянный щит и гора называется Ленинской. С трибуны виден каменный прекрасный цирк с круглой бухтой посредине. Несколько парусных ботов и шнек покачиваются на рейде. Между скал серые, как скалы, на травянистом и глиняном фоне избы и многоглавая церковка. Город кажется древним, застывшим, ушедшим в прошлые века.

И такой же призрачной, музейной кажется, несмотря на имя Ленина, красная доска над трибуной. На доске полукругом написан лозунг, изобличающий древний ход мыслей александровских коммунаров:

«Власти рабочих и крестьян не будет конца».

Здесь живут рыбаки, выезжающие на лов в карбасах, елах, шнеках да несколько служащих.

— Нельзя сделать ничего такого... приблизительного,—жалуется начальник порта, меланхолически расточающий свое одиночество.

Но прямо напротив Ленинской горы в зданиях, похожих на деревянное крымское «Ласточкино гнездо», работает современная мысль. Рыбаки вместе с треской вытаскивают сетями и на поддев несчетные «морские чуда». Рыбаки не выбрасывают их, а несут в биостанцию, зная о забавной страсти ученых.

— Вот,—говорит помор, принося живородящую «бельдюгу», которую он именует непечатно,—рыбка-то. Она щенится.

Развитие морских промыслов—ближайшее будущее Мурманского края. Мы до сих пор ввозим норвежскую сельдь, которую иностранные тральщики ловят у наших берегов и которую могли бы вывозить мы. Наше равнодушие к нашим богатствам пропорционально их величине.

— А что, если бы русские пошли промышлять к Финмаркену?—спросил я старого норвежского капитана.—Как отнеслись бы к этому норвежцы?

— О!—ответил он, начиная с «о», как все иностранцы, говорящие по-английски.—Они бы взбесились!

Ход рыбы у Мурманского и Терского берегов зависит от Мурманского течения. Возможность предсказывать уклонения его температуры и его пути повысила бы доходы промыслов. Предсказание основывается на длительном

наблюдении. Гидрологические разрезы производятся Мурманской биостанцией около 20 лет. К сожалению, в таблицах много пробелов. У станции нет своего судна. Единственный моторный бот пришел в ветхость. Гидрологические работы станции зависят от содействия мурманских губернских учреждений. ГПУ дает тральщик, исполком оплачивает команду, Желрыба отпускает провиант. При таком способе работ пробелы неизбежны. Профессор Клюге мечтает о приобретении собственной шхуны.

В комнате было тепло, но профессор кутался в пиджачок. На севере нет лихорадок. Профессор только что вернулся из столицы и привез с собой зародыши инфлуэнцы. За окнами была зеленая вода бухты и серые скалы. В комнате—письменный стол, портреты ученых, бороды которых вызывают уважение. Квартира провинциального врача, где-нибудь в Твери, в Туле, в Томске; но профессор Клюге не расстанется со своим краем света. Он здесь в центре большого дела. Он не мог бы жить ни в Твери, ни в Туле, ни в Томске. Люди русской равнины, увидевшие уголок океана, далекие снежные горы, дыхание большого ветра, не возвращаются на родину.

— Там им показалось бы слишком провинциально.

III.

...Печонкина, прославившегося теперь на весь земной шар, я видел только один раз мельком. Впрочем, прославился он под другой фамилией. Об этом мало кто знает.

Я зашел в Мурманский отдел ГПУ за разрешением фотографировать в порту. Знакомый следователь показал мне Печонкина. Ярче всего запомнилось, что убийца усмехался: стоит, мол, беспокоиться. Он был выше меня на полголовы и весь какой-то рыжеватый. Лицо и руки у него были покрыты крупными веснушками. Под короткими светлыми ресницами светились неподвижные глаза. Чтобы отвести взгляд, он поворачивал рыжую шею. В нем ничего не было, в этом взгляде: он был невинен, как у пса, которого собираются наказать за удушенного цыпленка.

Печонкин убил свою сожительницу и оскопил ее любовника, конторщика тралловой базы, Беляйкина. Выяснилось, что в день убийства Печонкин вел себя с женщиной ласково. Он позвал ее в лес, они пошли, держа в руках пустые ведра для грибов. Беляйкин жил в самом начале улицы Моряков, у тропы, ведущей в горы. Печонкин зашел за ним по пути. В лесу он связал их и долго мучил. Протокол показаний Беляйкина нельзя передать: это один из тех человеческих документов, которые воспринимаешь лишь теоретически. Против воли, я вижу всю эту людскую падь и Печонкина в белом халате ласкового хирурга, с невинными глазами. Он вернулся, говорят, действительно очень довольный и спокойный. Его арестовали за веселой попойкой в кабаке «Желрыбы».

— Будете судить?—спросил я.

— Нет, так вероятно расстреляем,—ответил чекист.

На другой день я услышал, что Печонкин сбежал, сбросив с моста конвоира...

IV.

— Ну, так вот... Такие это края...

Мы приехали в Мурманск в конце июля. Поезд пришел ночью. Дула моряна. Холодная сырость, казалось, обладала своим собственным серым светом. Он очень возбуждает этот матовый равномерный свет северного лета. Ляжешь спать, забыв опустить шторы, и в час, когда больше всего ждешь,

что начнет темнеть,—свет начинает усиливаться. В тундре, в ледовитом море, все это привычно; но в городе, понимаешь, *в городе*—это гораздо хуже. Невидимая мельчайшая дрожь проникает тело... Мне, по крайней мере, было не по себе в те дни.

Мы остановились в гостинице «Мурманск». Сначала «все шло хорошо». Мы платили грабительскому учреждению по семь рублей в сутки за номер и ждали, что вот, через два-три дня, наш трехмачтовый корабль появится в Кольском заливе. Просыпаясь, мы пересчитывали все парусные суда на рейде. Каждый бот, выходивший из-за мыса, поднимал в нас «паруса надежды». Мы галлюцинировали. Потом мы стали телеграфировать.

Мы посылали телеграммы: в Гамбург, капитану Свендсену, нашему инструктору-норгежцу, который должен был привести шхуну; в Берлин—торгпредству СССР; в Новосибирск—Комитету Северного Морского Пути. Морские суда Карской экспедиции вышли из европейских портов и обогнули Норд-Кап. Тогда мы стали получать телеграммы. Капитан Свендсен телеграфировал, что моторы остановились в первый же день после выхода в море. Идя на парусах со скоростью двух узлов, он свернул в ближайшую верфь. Эта история с моторами повторялась четыре раза. Свендсен стоял в Бергене, в Тромсе, в каких-то неведомых норвежских фиордах, которых мы даже не могли найти на русских картах. Не успевал он выйти из гавани, как мы получали радиограмму, в которой неизменно повторялось: «Mòstly by sailug т.-е., что шхуна идет, главным образом, на парусах. Так продолжалось полтора месяца. Шхуна пришла в Мурманск вечером 16 сентября.

Это было довольно большое моторно-парусное грузовое судно. В первую ночь мы были так рады, что даже не разглядели его толком. На следующий день мы разглядели: мы нашли на шхуне четыре (честное слово!) уборных самого комнатного устройства, которые перестали бы действовать после первого же мороза; керосиновую переносную печку, в качестве единственного отопления (каюты, за исключением капитанской, были так малы, что в них не поместилось бы даже по самому маленькому камельку); мы нашли две ванных и ни одной колонки для теплой воды; нашли «красный уголок» при кубрике и не нашли лебедки... Да всего не перечислишь,—такая фантастическая чертовщина!.. Главное, оба мотора фирмы Фербенкс требовали капитального ремонта. На пробе в Кольском заливе они дымили так, что на рейде потом целый день стояла нефтяная гарь. Мне кажется, я до сих пор еще не отмылся...

Так выглядела наша шхуна, названная в честь исследователя Я-Мала, профессора Б. Житкова, изучавшего древний путь новгородцев к устьям Оби и Таза, зверобойная шхуна, предназначавшаяся для полярного плавания и полярной зимовки у берегов Сибири. Было ли здесь сознательное вредительство —очень интересный вопрос, по-моему...

Шхуна была построена в Канаде, продана во Францию и приобретена Комитетом, как я говорил, безусловно выгодно: за две с половиной тысячи фунтов. Она должна была быть отремонтирована и приспособлена к условиям полярного плавания во льдах в одном из английских портов. Но как раз в это время европейские лорды произвели азиатский налет на советские учреждения в Лондоне... Виноват, я обмолвился: я оскорбляю азиатов... Шхуна осталась в Дюнкирхене. Ремонт был сдан с торгов французской фирме. Ну, известно, какие французы полярные мореплаватели. Они, несомненно, старались. Они снабдили шхуну всеми удобствами—для прогулки в Средиземное море. Наши советские представители, принимавшие заказ...

Впрочем оставим это. Все понятно. Главное—люди. Ты понимаешь, что произошло? Мы приехали из центра Сибири, из самой сухопутной стра-

ны, в полярный европейский порт, поселились в дорогой гостинице и заявили, что ждем шхуну, на которой снова отправимся в Сибирь. Неделю мы вели деятельную жизнь. Нам верили. Мы спускались в первый этаж «Желрыбы», в «ресторан» за тем, чтобы пообедать, ну, иногда выпить, но весело и в меру. Старик помор, капитан промыслового бота, увидев, что мы жалеем водку и не хотим напоить его до-пьяна, шипел очень укоризненно:

— Чущинники вы, эх, чущинники!

Я, жадный до новых слов, бестактно спросил, что это значит? Помор покраснел, удивился, как это русские люди не понимают русского языка, осведомился, не еврей ли я и, наконец, об'яснил, не совсем впрочем точно:

— Чущинники? Ну, как так—чущинники! Ну, скупые...

Северное сияние пересекло наискось небо над Кольским заливом. Бесшумное свечение полыхало недолго, неуверенно; но за ним, мы знали, идут черные ночи, ледяные штормы и звонкие морозы. Морские суда Карской экспедиции, погрузив сибирское сырье, прошли Маточкин Шар и, по дуге большого круга, возвращались к своим гаваням. Карское море лежало перед нами пустынное, как старое кладбище. Но, вероятно от злобы на неудачу, мы все-таки решили выйти в океан, перезимовать в одной из бухт Диксона, раньше других освобождающихся от льда, и наверстать потери в будущий зверобойный сезон. Зимой мы рассчитывали также на песцовый промысел. О том, как экспедиция будет зимовать у 74 градуса северной широты, в наших тропических каютах, как пройдет два огромных полярных моря (с драными парусами и дырявыми моторами)—мы не думали. Мы должны были доказать рентабельность промысла. Но нам повезло: Регистр не выпустил нас в море.

Инспектор составил длиннейшую «деффектную ведомость» и состав экспедиции, забыв про морской поход, занялся новыми сметами и новыми бумажными планами...

Здесь вот и начинается мой рассказ. Предположим, что шхуна оказалась бы в лучшем состоянии. Ее выпустили в море. Рассказ можно начать со случая в роде того, что был у вас на «Севере» в Енисейске. Мне говорил об этом, гораздо раньше тебя, помкапитана парохода «Станислав Косснор». Ведь это—обыкновенная история. Вот наброски.

V.

...Капитан Светешников беспощадно ругался. Лицо капитана, смуглое и красивое, потемнело, как неровная тень его небритых щек. Он перегнулся через деревянный борт шхуны и травил ругань, как заболевший морской болезнью проглоченную еду. Невысокий, выцветший человек стоял рядом, на молу, и неврастенически оправдывался:

— Да я разве нарочно? Да это все она, сука. Ах, сука!

Капитан Светешников отвернулся.

— Сергей Леонидович!—крикнул он своему помощнику.—Что вы возитесь с этим б....м целый час?

— Сейчас,—спокойно отозвался штурман Козицын, продолжая запись в расчетной книжке кока.

Штурман был молод, высок, белокур. Он легко спрыгнул на стенку, сунул человечку его бумаги, два червонца, сказал: «Распишись» и оттого, вероятно, что за время бездельной береговой жизни долго не работали мускулы, повернул его за плечо, подтолкнув в зад. Матросы захохотали. Тогда рассчитанный кок неожиданно повернулся и стал отругиваться с таким мастерством, что команда шхуны с уважением отошла от борта.

Капитан Светешников сдвинул черные блестящие брови.

— Что будем делать?—тихо спросил он, не глядя на Козицина.

Шхуна «Метель», прежде—норвежская шхуна «Квало», была приобретена за границей и приспособлена для лова белухи (Delphinapterus leucas Pallas) в Карском море. Светешников хорошо знал свое дело. Он знал, что валютный эффект за один год работы мог бы достигнуть сотен тысяч. Но белушьего промысла у берегов Сибири еще не существовало. Экспедиция была снаряжена бедно. Надо было доказать выгодность промысла. Надо было взять полный груз сала и кожи, показать на будущий год красноречивые цифры, более звонкие, чем знаменитейшие стихи.

Шхуна «Квало», купленная по дешовке в Бергене, должна была быть отремонтирована владельцем и сдана в Мурманске. Ремонт, вместо двух недель, растянулся на два месяца. Лучшее время для промысла пропадало. Капитан Светешников хорошо знал, что он не повинен в неудаче. Виноват был трест, бюрократически проводивший «режим экономии». Трест должен был послать его, капитана Светешникова, за границу для приемки судна; но трест поручил судно норвежскому инструктору, капитану Ларсену. Светешников был уверен в Ларсене и все же, против воли, думал о том, что норвежцам вовсе не выгодно поддерживать русский зверобойный промысел в полярных морях. Экономный трест нес убытки. И Светешников хорошо знал, что трест постарается об'яснить их несуществующими ошибками капитана Светешникова. Он даже не мог сердиться: до того все это было в порядке вещей. И выход был только один—победить...

Капитан Светешников каждый день поднимался в горы взглянуть на залив—не зареют ли над мурманским фиордом паруса «Метели»? Через полтора месяца ожидания, сквозь яркий дым попоек и дебошей, шхуна стала казаться капитану Светешникову странным и дурным вымыслом. Он ждал ее, как девушку, в любви которой никогда не сомневался, потом он ждал ее, как изменившую жену. Он пил отчаянно и тяжело, разыгрывая веселье, словно хунхуз перед казнью.

— «Лагерь томления»,—так, по Нансену, мог бы он назвать свои номера в гостинице «Мурманск», она же—«отель Жель-Риба», как произносила манерничающая девчонка, его случайная любовница.

А когда он получил телеграмму из Цып-Наволока о том, что шхуна «Метель» вошла в Кольский залив, он выбросил весь свой запас бутылок, собрал гулявшую команду и заставил людей ночью перенести провиант и снаряжение экспедиции в порт. На следующий день капитан Светешников принял судно. Он решил выйти в море, достичь берегов Сибири и встать на зимовку, обеспечив таким образом возможность летнего лова в будущем году. Зимой он рассчитывал заняться песцовым промыслом...

И вот в день выхода оказалось, что проклятый кок заболел венерической болезнью!

Низкие туманы плыли с севера, окутывая зеленые хребты. Мокрый снег падал и таял на под'ездных путях, ведущих в Мурманский порт. Из хибарки с крышей из гофрированного железа, начинавшейся от земли, вышел китаец в синей ватной телогрейке, и за ним, согнувшись,—крепкий рыжий парень. В прореху черной ситцевой рубахи розовело голое тело. Холод, казалось, не касался его: так он был налит весь горячей кровью. Парень стоял прямо, неподвижно, китаец кланялся. Он боялся и нетерпеливо вздрагивал.

— Больше моя твоя не держит. Моя шши-бб-ко ГПУ не хочу.

Парень в ситцевой рубахе постоял еще минуту так же прямо и безмолвно. Потом он медленно повернулся.

— Ну, смотри. Стукнешь хвостом, все-равно тебе каюк...

Китайские хибарки стояли в мокром, вязком песке ничем не огороженные, без улиц и без дворов. Человек пошел к товарным вагонам, напрямик.

— Пропился, дурак,—равнодушно подумал прохожий.

Дело было привычное.

Человек нырнул под вагон. С другой стороны состава поднимался забор, отделявший территорию порта от города. Человек быстро сдвинул тяжелую доску и пролез в отверстие. Он огляделся. Его никто не заметил. Веснущатое лицо его чуть посветлело: в порт можно было пройти только с пропуском ГПУ.

Он не торопясь пошел вдоль вагонов. Красивый голландский «купец» стоял у причальной линии. Ритмично рокотали лебедки. Стрелы медленно плыли в воздухе, неся ровные тюки с хлопком. Грузчики, по двое, легко, одной рукой, откатывали груз по роликам прямо в вагоны. С другой стороны стенки стояли два промысловых бота. Он подошел к ним, спросил, не берут ли матросов.

— Проваливай,—ответил вахтенный.

Маленький бледный человек, проходивший мимо, снял с плеча сундучок и остановился.

— Сука паршивая... Ах, сука!—сказал он.

Парень в черной рубашке не сразу решил, кого выругать раньше.

— Ты это о ком?

— Уволили товарищ. На целый год нанялся. Вот видишь с того края шхуна. Уволили.

И кок рассказал длинную историю о тоске, о женщине и о пропавшем жалованьи...

Капитан Светешников одевался в своей каюте, чтобы итти в город, в союз пищевиков. Он волновался: в Мурманске не было безработных. Кого соблазнишь итти в полярное плавание, в пустыню?

— На «Метели»!—раздался за бортом густой незнакомый окрик.

Капитан Светешников вышел. Ветер усиливался. «Вот бы сейчас!»—подумал капитан. На палубе стоял крепкий человек в одной рубашке.

— Вы будете товарищ командир?—сразу спросил он.

— Ну?—ответил капитан Светешников.

Бритое корявое лицо ему понравилось: такой, в случае чего, не струсит...

— Я слышал, вам кок требуется?

Капитан Светешников едва выдержал радостный удар сердца.

— Ты кто будешь?

— Я, собственно, с салотопного... но могу и коком.

— С салотопного? И со зверем знаешь, как обращаться?

— Семь лет работаю. Как же! С самого голоду переселился.

— Ну, берись, делай пробный,—решительно сказал капитан Светешников. Он улыбнулся.—Как фамилия?

— Печонкин, Матвей Кириллов.

Пробный обед Печонкина понравился. Работал Печонкин быстро. Этот сильный здоровый человек казался хорошей находкой после прежнего кока.

— Ладно,—похвалил Светешников.—Жалованье: сто. Может быть прибавлю. Только выходим сегодня же.

— А мне хоть сейчас,—ответил Печонкин.

Он вдруг в упор взглянул в глаза капитана.

— Прозодежду дадите?.. Жена у меня стерва. Не хочу к ней итти. А?

Капитан Светешников помолчал... «Подозрительно... конечно, конечно»,—шла мысль...—«А, чорт с ним! Дело важнее!».

— Дам,—сказал он вслух...—Только вот что, понизил он голос,—в случае чего, будет проверка, говори, что ты Стружкин. Так первого кока звали. Понимаешь? Стружкин.

— По гроб жизни...—забормотал Печонкин.

— Дело важнее людей,—сказал капитан Светешников в сторону.—Все в порядке.

Ветер непрерывно рос.

Шхуна «Метель» снялась со швартов в 14 часов 26 сентября. Мотор работал исправно. Шхуна шла в спокойном канале Кольского залива со скоростью около пяти узлов. В кают-компании, похожей больше на будку дежурного сторожа, собрался комсостав шхуны—капитан Ларсен, инструктор, нанятый до конца навигации, штурман Козицын (он же радист экспедиции) и механик Ермил Щепеткин,—странный, жидкий, но знающий человек. Капитан Светешников был на вахте. Лампочка (патрон «сван») ярко освещала каюту. Переборки и подволок были выкрашены белой масляной краской. Чугунный камелек излучал комнатное тепло. Печонкин принес большую банку аргентинского мяса и свежий хлеб. В центре квадратного стола появилась бутылка с коньяком. Пришел гарпунер Прозоровский, мезенский помор, любитель шахмат. Он поставил доску на угол стола, рядом с Ларсеном.

— All right.

Норвежец не говорил по-русски. Он мог об'ясняться только с капитаном Светешниковым, говорившим на ломаном английском языке. Шахматы были понятны без языка. Седые головы склонились над полем сражения. Помор и норвежец почему-то походили друг на друга: черты лица у них были различны, но щеки одинаково хорошо выбриты, под колючими усами торчали трубки, и пальцы рук были также изуродованы на тюленьих промыслах. Ларсен проиграл.

— О-о, опять, опять!—закричал он.

Прозоровский совсем по-детски рассмеялся: так было приятно, что законы игры одни и те же и что он обыграл норвежца.

— Это тебе, отечь, не тюленя у нас красть,—вслух, без злобы, сказал он.

К началу третьей партии они ощутили первый ясный, плавный под'ем и такой же плавный и беззвучный спуск. Партия затянулась. Они едва смогли кончить ее. Фигурки стали падать: океанская волна шла в залив.

Козицин одел шубу и вышел на вахту. Наступала ночь. Полные волны простирались от берега до берега. Они поднимали шхуну легко, как пену. Только по высоте прибоя у серых скал можно было определить их силу. Ровный, как по лекалу выведенный, мыс темнел впереди. Капитан Светешников долго не уходил с палубы.

— Океан...

Память воскрешала образы многих морей и многих походов. Капитан Светешников выпрямился: здесь, на этом корабле, он был первым, он не зависел... он...

Мысль обрывалась, словно подхваченная ветром. Капитан Светешников определился по маяку и, взяв прямой курс к проливу «Маточкин Шар», передал вахту Козицыну.

Шхуна пошла в полветра. Козицын велел поставить паруса. Ритм тяжелых всплесков у форштевня ускорился. Козицын смотрел вперед, в те-

мень, и вниз на соленые пенящиеся волны, освещенные иллюминаторами... Так всегда, рядом с водой и ветром, вспомнишь об одиночестве.

Он думал: если бы *она* могла смотреть его глазами...

Утром 2-го октября шхуна «Метель» достигла беретов «Новой Земли». У входа в «Маточкин Шар» встретилось описное судно «Мойва», шедшее в Архангельск. Капитан Светешников узнал, что никаких других судов ни в Карском море, ни в проливе больше не осталось. Надо было торопиться; но дни стояли ясные, дули мягкие ветры южного сектора, бухты вскипали от всплесков белух, уходивших на зиму из Карского моря в Баренцево. Шхуна «Метель» в три дня взяла 52 дельфина. Капитан Светешников был доволен: он оправдал расходы. Из радио-станции «Маточкин Шар» он послал радиограмму и получил в ответ длинное приветствие треста. 9-го октября в 11 часов «Метель» вошла в Карское море.— —

VI.

— Где же продолжение?

— Если бы «продолжение» было, тогда о чем было бы говорить? Рассказ был бы написан.

Мы рассмеялись.

— Все-таки, чем же кончилось?

— Ага! Интересно?

Тимофей повел плечами. Сознаться казалось ему «не солидным», что-ли. Увлечение вымыслом вредит в наши дни. Я продолжал рассказ вслух,—может быть больше для самого себя.

— Что могло случиться с «Метелью» при стечении всех этих обстоятельств?.. Ты знаешь, стоило ветру перемениться, подул норд,—и температура сразу упала до—8-9 С. Появилась шуга. На другой день после выхода из Матшара «Метель» встретила тяжелые льды. Проходив по разным направлениям еще двое суток, капитан Светешников, маневрируя в полыньях, приблизился, все же, к острову Белому. Но неожиданно у мотора лопнул маховик.

Такой-же случай, кстати, был и на шхуне «Профессор Б. Житков». Осмотрев, после поломки, маховик одного из моторов, механик обнаружил много трещин, тщательно зашпаклеванных и закрашенных прочным лаком.

Эту сцену с мотором можно расписать очень здорово. Гремят льды. Горят северные сияния. Мотор останавливается. Бледный, испачканный мазутом механик врывается в кают-компанию. Капитан Ларсен клянется, что он тут не при чем. Печонкин, разжигая команду, «матевирует» его из матери в мать... Словом, здесь легко применить все наиболее эффектные приемы современной беллетристики.

Капитан Светешников пробует, разумеется, пройти на парусах; но скоро льды сжало. Барабаня в круглые обводы шхуны, льдины набиваются под корпус. Льды смерзаются. Шхуна захвачена в ледяной плен. Взяв дважды высоту по Полярной звезде, штурман Козицын узнает, что ледяное поле, на котором стоит шхуна, дрейфует к северу.

Козицын составил проект радиограммы и принес на подпись Светешникову.

— Что?—неожиданно вскипел капитан.—Вы знаете, что произойдет, если послать эту радиограмму?

— ... Но мы обязаны сообщить то, что есть!—также повысил голос штурман.

— Да, да!—перебил Светешников.—Трест пожалел десяти тысяч, чтобы снабдить нас, как следует... Но вы знаете, стоит разгласить, что

мы дрейфуем, как «Святая Анна» и трест немедленно пошлет за нами мощнейший ледокол. Это обойдется в сотню тысяч... Нет, я этого не допущу!..

И капитан Светешников заставил штурмана передать по радио, что шхуна встала на зимовку у западного берега полуострова Я-Мала и что экспедиции не угрожает никакой опасности...

Штурман Козицын рано ушел из кают-компании и заперся в своей каюте. Он лег на койку, покрытую кошмой, и закрыл глаза. Лицо его горело от скрываемого волнения. В каюте было холодно. Капитан Светешников распорядился экономить уголь. Рядом с подушкой штурмана, на деревянной переборке, висела фотография молодой женщины. Лицо ее было матовым и ровным, губы полные и чувственные. Штурман Козицын недавно женился. Он видел ее—веселую, черноволосую, вспыхивающую. Она развелась для него с мужем. Козицын ушел в полярное плавание, уступая ей, чтобы заработать и пожить потом, месяца два, где-нибудь в Сухуме, на берегу Черного моря. Он нанялся только на лето, рассчитывая вернуться с «Карской» или с одним из мелких судов—«Убеко-Сибири».

— «Как было бы хорошо с ней на юге!».

Штурман Козицын знал, что капитан Светешников разошелся с женой. Для него полярная зимовка будет, напротив, хорошей лечебницей. Капитан успокоится, забудет, вернется обновленным, в то время, как он...

Козицын вскочил, поднимая кулаки. Целый год! Нет, она не выдержит. Он ясно увидел, как она «изменит» ему. И он даже не мог ощутить спасительного раздражения: на ее месте он поступил бы так же...

... — А, впрочем, стоит ли вести рассказ в этом духе? Здесь лучше просто вспомнить историю шхуны «Святая Анна».

— Вот, вот,—сказал Тимофей.—Капитан Шимков часто говорил об этом; но я как-то не расспрашивал. Расскажи подробнее!

— Хорошо... Удивительна все-таки история экспедиций. «Как начнется, так и кончится»... После первой неудачи я в экспедиции на шхуне «Профессор Житков» не участвовал. Дальнейшие злоключения несложны. Весной этого года, чтобы наверстать потери, шхуна вышла на тюлений промысел в Белое море. Там она потеряла винт. Винты оказались чугунными. Легкие норвежские боты расхаживали вокруг громоздкого сооружения, выхватывая добычу. Тупоносая грузовая шхуна (вернее, кажется,—шхуна-барк), с плоскими бортами и слабым «ледяным поясом», была мало пригодна для полярного промысла. Норвежцы вежливо и насмешливо сообщали, в поучение «русской научной экспедиции»:

— Мы таких судов не строим...

Все-же, экспедиция взяла порядочный груз «кожи». Ухлопав выручку на новый ремонт осенью, опять очень поздно, шхуна вышла из Архангельска в Карское море. Поход прошел благополучно; но желание во что бы то ни стало отыграться, доканало экспедицию. Чтобы обеспечить возможность в следующем году раньше выйти на белуший промысел, экспедиция встала на зимовку в довольно открытом месте... Ну, ты знаешь, какие там в это время штормы. Шхуну сорвало с якорей. Она затонула,—получив пробоину,—на небольшой глубине...

Я долго вспоминал об этом крушении так, как будто я в нем участвовал.

* * *

Мы бросили якорь.
Моторы работали.
Ветер наваливался, как медведь.
Так же, как в дни Себастьяна Кабота,
Можно воскреснуть и умереть.
Рифы.
Пробоина.
Рыжие скалы.
— Ветры, делайте Вашу игру!
Белые зубы злобно оскалил,
Пенной белухой,
блеснувший бурун.
Льдины.
Лагуны.
Лежа у лага,
Линию лайды на пеленг беря,
Помню я, помню!
(Черная влага
И малиновая заря).

— Север! Почему меня снова влечет в это арктическое море? Я не знаю. Может быть потому, что там ярче звучит, в сравнении с внешними успехами, сила самых простых вещей: здоровья, ласки, любви... Что тебя влечет на север, Тимофей?

Он повернул ко мне холодные глаза.

— Меня?—переспросил он.—Ты же знаешь: неисследованность.

VII.

В 1912 году, получив,—как говорится в официальных источниках,—одиннадцатимесячный отпуск, лейтенант Брусилов купил в Англии старое, но прочное еще судно «Pandora» и переименовал его в «Св. Анну»... Святые были в ходу у полярных моряков того времени.

Интересно было бы проследить «судьбу» шхуны «Св. Анна». Она была построена в 1867 году и называлась сначала «Newport», затем «Blancathra» и «Pandora II». На «Blancathra» капитан Вигтинс ходил в устье Енисея В каких морях плавала она еще? Может быть вовсе не одна трагедия оставила скрытые следы в ее деревянном теле, прежде чем шхуна пропала без вести в дрейфующих полярных льдах?

Брусилов хотел пройти вдоль берегов Сибири, из Атлантического океана в Тихий, Северным Морским Путем, занимаясь во время плавания охотой за моржами, тюленями, белухами и белыми медведями. Команду он нанял на переход от Александровска до Владивостока. В середине сентября 1912 года «Св. Анна» вошла, через самый южный пролив—Югорский Шар, в Карское море...

Скоро мы откроем пассажирское сообщение Северным Морским Путем для увеселительных прогулок и свадебных путешествий. Страх уступает перед знанием. Достаточно было изучить распределение льдов в Карском море, поставить несколько радиостанций и полярная романтика превратилась в коммерческие будни... Но до сих пор еще среди северных людей встречаются старые диллетанты, которые сеют панику, вспоминая недавние были.

Я открыл том «Записок по гидрографии» за 1914 год.

«Проходив во льдах до начала октября» (по старому стилю) «разными курсами в южной части Карского моря, «Св. Анна» была затерта льдами и прижата к Ямалу на широте 71°45′, где и простояла две недели. 15-го октября SO-вым ветром шхуна вместе со льдом была оторвана от берега и начала дрейфовать в северном направлении. Этот дрейф судна, как мы увидим дальше, продолжался непрерывно до 10-го апреля 1914 года, т.-е. в течение 542 суток и, несомненно, продолжается и сейчас».

«Сейчас» этот дрейф едва ли продолжается. «Св. Анна» пропала бесследно. Прижало ли ее к земле и раздавило в ледяной шторм, как пустую скорлупу, или лед, дрейфующий полярный пак, выкинул ее в открытый океан, но уже тогда, когда на шхуне никого не осталось в живых,—кто знает? Полярные льды до сих пор не отдали нам ни одной щепки, которая смогла бы рассказать, где закончился дрейф «Св. Анны»... Или, может быть, она до сих пор невредимо носится все на той же карской льдине, захваченная неизвестным ледяным водоворотом... или, выброшенная в мертвое ледяное поле, остается неподвижной, подобно водорослям в Саргассовом море, окруженном великими атлантическими течениями? Может быть воздушные корабли Аэроарктики еще найдут этот легендарный остов вместе с нетленными мертвецами, замерзшими в нижнем кормовом помещении шхуны...

Из экипажа «Св. Анна» спаслись двое: штурман Альбанов и матрос Кондрат. Покинув в апреле 1914 года «Св. Анну», они добрались по плавучим льдам до Земли Франца Иосифа. На мысе «Флора» они нашли становище и провизию, оставленные Джексоном. Здесь их подобрал корабль экспедиции Седова. Седов, как известно, тоже погиб во время попытки—похожей на самоубийство—достичь полюса. Корабль назывался «Святой мученик Фока»...

Вместе с Альбановым и Кондратом, которые через три месяца после выхода со шхуны добрались до мыса «Флора», ушли еще двенадцать человек из команды. Большинство из них не были ни промышленниками, ни моряками. Трое из них вернулись на «Св. Анну» и разделили ее участь.

Остальные погибли в пути.

Об экспедиции Брусилова осталось два документа: «Выписка из судового журнала лейтенанта Брусилова», доставленная Альбановым, и дневник Альбанова, опубликованный впервые только в 1917 году под заглавием: «На юг к Земле Франца Иосифа!». Это замечательная книга. Вообще Альбанов представляется мне незаурядной личностью. Он хорошо рисовал, дневник его написан местами сильно. Но этот дневник, конечно, был обработан автором уже после возвращения. Все, что Альбанов захотел скрыть, останется навсегда скрытым для нас.

— Погоди!.. Я прочитаю тебе из этого дневника отрывок. Вот. Он помечен 8-ым июля 1914 года...

«... Мы легли на вершине айсберга, в небольшой ямке, друг к другу ногами так, что ноги Кондрата приходились у меня в малице, за моей спиной, а мои ноги в малице Кондрата, за его спиной. Конечно, сапоги предварительно мы сняли и были только в одних теплых носках. Тогда оставалось хорошенько подоткнуть под себя полы обоих малиц, чтобы они закрывали одна другую, так сказать, «заделать все щели». После этого мы втягивали головы обратно внутрь малицы и никакой холод уже нам был не страшен. Получается, таким образом нечто вроде «двухспального мешка». Теплю там до духоты и дышать приходится через воротник малицы, около которого и держишь голову. Зимой, в мороз, воротник от дыхания покрывается инеем и леденеет. Таким образом, мы и заснули и безмятежно спали не менее 7 или 8 часов. Пробуждение наше было ужасно. Мы проснулись от

страшного треска, почувствовали, что стремглав летим куда-то вниз, а в следующий момент наш «двухспальный мешок» был полон водой, мы погружались в воду и, делая отчаянные усилия выбраться из этого предательского мешка, отчаянно отбивались ногами друг от друга. К несчастью, мы уж очень старательно устраивали себе этот мешок и полы одной малицы глубоко заходили внутрь другой; к тому же малицы перед этим были немного мокры и в течение семи часов, по всей вероятности, обмерзли. Мы очутились в положении кошек, которых бросили в мешке в воду, желая утопить.

Обыкновенно принято говорить, что подобные секунды опасности кажутся целой вечностью. Это совершенно справедливо. Не могу и я сказать, сколько секунд продолжалось наше барахтанье в воде, но мне оно показалось страшно продолжительным. Вместе с мыслями о спасении и гибели в голове промелькнули другие: очень подробно пронеслись передо мною различные картины нашего путешествия—гибель Баева, Архипеева, четырех человек пешеходов, Нильсена и Луняева со Шпаковским, и вот последние—мы с Кондратом... После этого можно поставить «точку», если кто-нибудь, когда-нибудь вздумал бы рассказать о нас. Очень хорошо помню, что нечто в этом роде промелькнуло у меня в голове, но сейчас же был и ответ на эту мысль: «А кто же узнает про нашу гибель?». Никто... И, кажется, всего ужаснее было почему-то именно это категорическое «никто не узнает, что мы погибли»... Вот «там» будут считать, что мы живем где-нибудь, а мы не пережили какой-то страшной борьбы и нас уже нет... Сознание возмущалось, протестовало против гибели: «А как-же сон мой... К чему же было то предсказание? Не может этого быть». Пусть мне верят или не верят, но в этот момент мои ноги попали на ноги Кондрата, мы вытолкнули друг друга из мешка, сбросили малицы, а в следующее мгновение уже стояли мокрые на подводной «подошве» айсберга, по грудь в воде. Кругом нас плавали в воде малицы, сапоги, шапки, одеяло, рукавицы и прочие предметы, которые мы спешно ловили и швыряли на льдины. Малицы были так тяжелы от воды, что каждую мы должны были поднимать вдвоем, а одеяло так и не поймали—оно потонуло. Холодный ветер хотя и начал затихать, но все же дул еще основательно. Наши ноги были в одних носках, а так как мы стояли на льду, то ноги почти потеряли чувствительность. Дрожали мы от двух причин: во-первых, от холода, а, во-вторых, от волнения. Зуб на зуб не попадал. Еще продолжая стоять в воде, я напрасно ломал голову, что-же теперь нам делать? Ведь мы замерзнем!

Но Провидение само указало, что мы должны были делать в нашем положении. Как бы в ответ на наш вопрос, с вершины льдины полетел в воду наш каяк, который или сдуло ветром, или под которым подломился лед, как подломился он под нами. Не упади каяк, или упади он не так счастливо, т.-е. порвись об острый, раз'еденный водою лед, я думаю, мы пропали бы на этой льдине, плывущей в море. Завернувшись в мокрые малицы, не имеяя провизии, дрожащие от холода, мы напрасно старались бы согреться, а потом вряд ли у нас хватило бы решимости что-либо предпринять».

Сон, о котором говорит Альбанов, приснился ему в начале похода по пловучим льдам. Он увидел во сне «старичка», который нагадал ему по руке: «Ничего, дойдешь»... Люди склада Альбанова становятся религиозными «между жизнью и смертью». Но и сам он «не плошал», конечно. Роль «Провидения» выдумана, вероятно, потом. Можно ли написать в дневнике, который ведешь в пустыне, на ледяном берегу острова Белль, после такого купанья вдобавок: «Пусть мне верят или не верят», т.-е. явно рассчитывая на читателя? Любопытно так же то, что Альбанов пишет здесь о всех своих

спутниках, не считая Кондрата, как о погибших; но в тот день он не мог знать о гибели береговой партии. Напротив, по словам Альбанова, Кондрат искал пропавших товарищей, отправившись на каяке к мысу Грант, спустя дней девять после этого случая. Когда к мысу Флора пришел «Св. Фока», его командой были предприняты поиски пропавших; но их не нашли. От них не осталось никаких следов...

Журнал Брусилова, напечатанный в «Записках по гидрографии» (том XXXVIII, выпуск 4, 1914 г.), снабжен таким примечанием:

— В редакции «Записок по гидрографии» получено от штурмана Альбанова следующее раз'яснение по поводу слов: «Сегодня отстранен от должности штурман Альбанов» (см. стр. 39): «По выздоровлении лейтенанта Брусилова от его очень тяжкой и продолжительной болезни на судне сложился такой уклад судовой жизни и взаимных отношений всего состава экспедиции, который, по моему мнению, не мог быть терпим ни на одном судне, а в особенности являлся опасным на судне, находящемся в тяжелом полярном плавании. Так как во взгляде на этот вопрос мы разошлись с начальником экспедиции лейтенантом Брусиловым, то я и просил его освободить меня от исполнения обязанностей штурмана, на что лейтенант Брусилов после некоторого размышления и согласился, за это я ему очень благодарен».

В книге «На юг к земле Франца Иосифа» Альбанов говорит о своих отношениях с Брусиловым более подробно.

... «Неудачи с самого начала экспедиции, повальные болезни зимы 1912-13 года, тяжелое настоящее положение и грозное неизвестное будущее с неизбежным голодом впереди — все это, конечно, создавало благоприятную почву для нервного заболевания... С болезненной раздражительностью мы не могли бороться никакими силами, внезапно у обоих появлялась сильная одышка, голос прерывался, спазмы подступали к горлу и мы должны были прекращать наше об'яснение, ничего не выяснив, а часто даже позабыв о самой причине, вызвавшей их. Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы после сентября 1913 года мы хоть раз поговорили с Георгием Львовичем как следует»...

На «Св. Анне», в экспедиции Брусилова, была женщина, Ерминия Жданко. Она окончила самаритянские курсы и, по словам Брусилова, «согласилась заменить неприбывшего врача». Говорят, она была невестой Брусилова. Альбанов называет ее «нашей барышней». Каюты штурмана и Жданко помещались рядом. Это единственные каюты на «Св. Анне», двери которых выходили в кают-компанию. Помещение начальника экспедиции было изолировано. Отношения Брусилова и Жданко, по дневнику Альбанова, тоже странны: Брусилов то застенчиво просит Жданко «налить ему чаю», то, во время болезни, швыряет в нее «чем попало» и ругается такими словами, какие, по словам Альбанова, «Георгий Львович только слышал, но вряд-ли когда-нибудь употреблял будучи здоровым». Легко представить, что это за рутань, которую моряк «только слышал, но вряд-ли употреблял»...

Все это так, а может быть и не так. Альбанов, пронесший свою жизнь через полярные льды, погиб в Сибири. Между прочим, он плавал здесь на том же самом несчастном «Севере», описном судне № 126, на котором плавали мы.

Альбанов служил на «Севере» во время колчаковщины, в 1919 г.... У «Верховного правителя», как известно, была слабость к бутафории. В степном Омске можно было найти все вывески царского Петрограда, вплоть до морского министерства. Во время отступления колчаковцев,

Альбанов довольно комфортабельно ехал в отдельном вагоне «Гидрографического Управления». Судьба «единой неделимой» его особенно не занимала: впереди была либо служба у иностранцев, либо безболезненный плен и служба в Советской России; в худшем случае—непродолжительная отсидка в концентрационном лагере. Но, помнишь, в Ачинске взорвались несколько вагонов с динамитом. Причина взрыва неизвестна. Вагон гидрографии оказался рядом. От него ничего не осталось. Кто-то говорил мне, что нашли потом обрывок малицы, признак людей, побывавших за полярным кругом.

Что сталось с Александром Кондратом я не знаю. Может быть он и сейчас жив...

— Мне очень запомнились глухие рассказы моряков об этих людях. Оба они тяжело пили. Альбанов часто терял сознание и бредил. Он все встряхивал головой вот так и кричал, что за ним придет «дух Брусилова» и жизнь оборвется...

Прочитай еще вот этот, последний, отрывок из дневника Альбанова.

... «С самого прибытия на мыс Флору я был болен и мне становилось все хуже. Жар и озноб не покидали меня. Большую часть времени я был в бреду, а иногда были какие-то кошмары. Мне все казалось, что нас на мысе Флора живет трое. Лежа в бреду, я вскакивал и бежал к раскопкам звать Александра. Я знал, что он там работает и никак не мог припомнить, куда отправился «он, третий». Спрашивал Александра, где «он», но кто он и я сам не мог припомнить».

Кондрат, напиваясь, выхватывал нож и вонзал его в воздух. Матросу также мерещился призрак Брусилова. Капитан Дмитриев рассказывал мне, что ему пришлось списать Кондрата на берег, как невменяемого...

Север хранит много... Кости одного из двух ушедших спутников Амундсена, найденные Бегичевым в костре. История самого Бегичева. Наконец история «группы Мальмгрена» фашистской экспедиции Нобиле. Вот эта статья была напечатана, когда тебя здесь не было... Ты, ведь, не читал старых газет, вернувшись домой?

Я протянул Тимофею газетную вырезку.

Историю группы Мальмгрена в совершенно новом освещении, убийственном для спутников погибшего шведского ученого, передает специальный корреспондент «Юманите», находящийся на борту «Красина». Рассказ корреспондента составлен на основании дневника монтера «Красина» тов. Лемана и других записей и тщательно проверен и прокорректирован показаниями других сотрудников экспедиции.

Как известно, группа Мальмгрена в составе его и двух итальянских офицеров Цаппи и Мариано отделилась от экспедиции тотчас после аварии «Италии», надеясь добраться до твердой земли.

Впервые группу эту увидел летчик Чухновский 10 июля, при чем, по словам его и его спутников, на льду виднелось три человека, из которых двое стояли, а третий лежал. Но снизиться для их спасения Чухновский тогда не мог, пришлось ограничиться сообщением о находке «Красину», который немедленно двинулся в указанном направлении.

Когда через два дня, 12 июля, к месту нахождения группы подошел «Красин», экипажу представилась следующая картина: на расстоянии около 200 метр. от ледокола, на небольшой льдине, диаметром не более 10 метров (а по другим показаниям и того меньше), виднелись два человека, из которых один стоял, а другой лежал, лишь изредка поднимая голову. Как оказалось потом, льдина состояла из несколько слабо спаянных кусков; для того,

чтобы они не расходились, один из плывущих на льдине обвязал ее края в несколько оборотов веревкой. Погода была мягкая, лед быстро таял и «Красин» не мог подойти к самой льдине, опасаясь потопить ее; поэтому на лед, со льдины на льдину, были брошены доски, по которым к спасаемым бросились механики Ваганов и Филиппов, врач Средневский, секретарь экспедиции Иванов.

На льдине стоял, протягивая к спасителям дрожащие руки, черный, обросший бородою, грязный—Цаппи. И тут же бросилась в глаза странная вещь: Цаппи был одет очень тепло—на нем было три костюма: его собственный, нижнее белье из фланели и меховая одежда, сверх этого—меховая одежда Мальмгрена и его обувь и, наконец, верхняя одежда самого Мариано и его же обувь; всего, таким образом, три пары обуви и сверх того еще мокассины из тюленьей кожи. Напротив, Мариано, лежавший подле небольшого валика из снега, для защиты от ветра, был лишен всякой теплой одежды, на нем была только рубашка и короткие штаны, ноги босые, без всякой обуви на льду.

Увидя своих спасителей, Цаппи бросился на колени и сотворил молитву, затем пополз к Филиппову и, обнимая, целовал его колени. Мариано продолжал лежать и только лихорадочно следил глазами за происходившим. Сначала подобрали Цаппи, бережно провели его по доскам; когда подошли к ледоколу, он крикнул: «Ура «Красину» и, к общему удивлению, резко отстранив поддерживающих его, бросился к веревочной лестнице и с ловкостью обезьяны быстро взобрался на палубу. И здесь он отвергал всякую помощь, как бы бравируя своим молодечеством. Казалось совершенно невероятным, чтобы этот человек не ел ничего в течение 13 дней, как он сам заявлял.

Мариано, наоборот, был совершенно беспомощен. Его пришлось перенести на руках, как ребенка, и он ничего не говорил, а только улыбался Руки его—совершенно белые, ноги-же—иссиня-черные. Его отправили в лазарет, врач говорил, что еще несколько дней на льду—и он безусловно погиб бы.

Для обоих спасенных был установлен больничный режим, различный по их состоянию. Но сбоим было заявлено, что они не получат ни кусочка пищи, пока им не прочистят желудка. Мариано кротко подчинился всем процедурам, Цаппи протестовал, злился, требовал есть. Результаты промывки желудка были резко различны. У Цаппи все проходило гладко, кал был почти нормален, без затвердения, тогда как для Мариано, после трех клистиров, стул оказался мучительным и кал твердым, как камень.

Вывод: Мариано голодал, а Цаппи, несомненно, имел возможность есть, когда его товарищ уже давно не ел ничего. По заключению врача, Цаппи оставался без пищи не более 5-6 дней (сам он говорил о 13 днях), Мариано же гораздо дольше. Соответственно этому для Мариано было назначено самое легкое питание, исключительно жидкое. Цаппи же на другой же день стал получать обычный для всех рацион: суп, хлеб, мясо, рис и компот, и все это он пожирал без всяких дурных последствий; но он капризничал: когда на третий день санитар тов. Щукин принес ему на третье обычный компот (которым довольствуются все, так как ничего другого на «Красине» нет), Цаппи набросился на него с кулаками и на обычное обращение: «Товарищ», закричал, что я-де, тебе не товарищ, а «господин»

Что же касается Мариано, то он был очень слаб, очень тих, и, что характерно, чуждался Цаппи, не хотел его видеть, так как, очевидно, боялся его. Но он не жалуется на Цаппи, и ничего не говорит о том, как могло случиться, что Цаппи был и сыт и одет, тогда как Мариано умирал от хо-

лода и голода. Все это очень странно, но несмотря на все расспросы корреспондента никто из команды не решается открыто высказать свое мнение. И на вопрос, почему молчит Мариано, почему не жалуется он на Цаппи, из полуслов и намеков вырисовывается такое предположение: может быть, потому что они сообщники.

Тем временем положение Мариано становилось опасным: начиналась гангрена и был поставлен вопрос об ампутации ноги. Но этому неожиданно воспротивился Цаппи и ампутация была отложена до совещания с итальянскими врачами.

На основании всего сказанного, чрезвычайно запутанных показаний Цаппи и упорного молчания Мариано, учитывая далее тот факт, что Цаппи был одет в вещи Мальмгрена и Мариано, что последний как-то сказал Цаппи: «Ты можешь меня с'есть только после моей смерти, но не ранее»,—корреспондент «Юманите» приходит к выводу, что Мальмгрен был убит Цаппи, что Мариано был свидетелем этого убийства, что Цаппи добивался и его гибели, для чего снял с него теплую одежду и, даже уже будучи на борту «Красина», возражал против ампутации, надеясь, что Мариано умрет от гангрены.

Корреспондент добавляет, что, по сообщениям из Рима, где Мариано была сделана ампутация ноги,—у него через 6 недель после этой операции, появились новые признаки гангрены и он на краю смерти.

Быть может; то следствие, которое начато итальянским правительством по делу об аварии «Италии», уже не застанет Мариано в живых и из свидетелей гибели Мальмгрена останется один Цаппи.

— Цаппи я видел в кино. Он каждый раз снимал перед об'ективом фуражку, как на похоронах, и жалостно улыбался. Все заметили, что его большой нос облупился от мороза.

Я должен сказать, что я никогда не пытался составить своего мнения об этих людях. Я художник. Это просто материал, который накопился у меня в последнее время. Его так увлекательно можно обработать; но материал мрачный. Я боюсь, неопытный читатель составит по нему неверное представление о полярных странствиях. Этого я не хочу. Все зависит от людей, иногда от примера...

Между прочим, рекорд выносливости, рекорд моральной выдержки в полярной пустыне установлен нашими поморами в XVIII веке. В 1743 году поморы Шаронов, Веригин и двое Химковых (кажется братья) промышляли на одном из восточных одиноко-лежащих островов Шпицбергена. «Посуду» их неожиданно отнесло льдом в море. Они остались с запасом провизии на два-три дня, с одним ружьем и 12 патронами к нему, с огнивом, топором и ножом. Они прожили на острове шесть лет и три месяца, пока случайно зашедшее туда судно не освободило их. Из корня дерева, выкинутого на берег острова морскими течениями, они сделали лук, добыв тетиву из сухожилий белого медведя, убитого самодельными пиками. Шесть лет они питались мясом медведей, оленей и песцов. И только один из четверых, Веригин, умер, на шестом году плена, от цынги. Остальные вернулись невредимыми.

— Хорошая тема для детского журнала,—заметил Тимофей.—Почему ты не напишешь? Школьники сейчас главные читатели.

— Да, тема превосходная...

Время сильным—легкий дым,

Рано ль поздно—победим...

Но сначала посмотрим, что сталось с «Метелью». Выдвинь правый ящик. Вот эти листки. Да. Здесь «продолжение», о котором ты спрашивал. Читай.— —

VIII.

— — Она была соткана из перьев Жар-Птицы. Млечная полоса передвигалась по небу как праздничная арка. Нижний край перьев горел лиловатым, бледно-фиолетовым огнем. Светлый узел в зените начал медленно вращаться, свивая огненные ленты спиралью, подобной космической туманности. Северное сияние охватило все небо. Мир опрокинулся. Казалось, большая шкура белого медведя была брошена с ледяных полей на его звездный пустой пол. Кто-то гладил ее против шерсти и в темноте сыпались электрические искры.

Штурман Козицын один стоял на палубе. Он быстро сунул руку в карман, сгибая и разгибая пальцы. Термометр показывал—52. Тихий воздух был так тяжел, что Козицын несколько раз оглянулся: где он? Вокруг шхуны простирались льды, равномерно освещенные сиянием. Козицын нагнулся к окуляру секстана, ловя сквозь темные провалы полыхающего неба Полярную звезду. Заметив показания, он быстро сошел вниз.

Он перешагнул комингс кают-компании вместе с облаком морозного тумана. Кают-компания была пуста. Керосиновая лампа с привернутым, из экономии, фитилем озаряла ее желтым мутноватым светом. Времена электрического освещения давно прошли. Моторы молчали. На полке буфетного шкапа лежал высушенный ломтик яблока из компота. Козицын взял его и стал жевать, не проглатывая.—Фрукты! Почему он так мало ел их раньше?.. Он опять вспомнил Черноморское побережье. Там мужчины ходят в одних ярких трусиках и парчевых шапочках. Женщины идут купаться голоногие, накинув на голое коричневое тело короткие прозрачные платья. Неужели есть эта голубая теплая вода, целое море теплой воды, где можно плавать? Он поплывет с ней, рядом...

Он помнил о любимой женщине все время. Он видел ее. Иногда она была с ним ласкова, иногда смеялась над ним. Иногда он ловил себя на том, что придумывает для нее месть.—Будто бы она ему изменила, а другая прекрасная девушка вышла за него замуж. Они пошли «*к ней*», «с визитом», «как ни в чем ни бывало». И вот, будто бы у ней проснулась ревность, и вот он наслаждается ее мучениями...—Он старался весь день работать, читал, повторял курс Мореходной Астрономии, вел дневник; но «она» всегда была с ним. Он видел ее сквозь другие близкие и напряженные мысли, она же была страшно далеко; и штурман Козицын вдруг начинал ощущать себя пустым, не мужественным, легким. От этого жить не хотелось, и в то же время жизнь возмущалась, что-то дрожало внутри,—попросту болели нервы.

Козицын проглотил яблочную слюну и, не постучав, вошел в каюту командира, встряхиваясь, как будто он только что проснулся. Капитан Светешников сидел у стола за судовым журналом. Он каждый день вносил в него эпические строки.

«5/II. Конопатим корму. Выкололи лед из корридора гребного вала. Вечером недалеко от судна был слышен шум торошения. Сильное сияние».

Козицын молча сел у края стола и принялся за вычисления. Рядом в мягком обитом кожей кресле сидел, дымя пахучим табаком, Ларсен. Он отвел взгляд от пятисотой страницы нескончаемого романа, который предусмотрительно захватил с собой из Норвегии.

— Как дела?—спросил Ларсен по-английски.

Козицын не ответил. Старик, видимо, чувствовал себя не плохо. Каждый месяц он зарабатывал, по договору 700 крон, ничего не делая. Положение судна не вызывало в нем тревоги. Он побывал на севере, во многих передрягах. Он был доволен непредвиденной зимовкой. Он отдыхал.

— Сколько?—спросил Светешников.

— Семьдесят семь, четыре,—ответил Козицын, кладя карандаш.—Нас отнесло еще на милю к северу.

— Все в порядке,—пробормотал Светешников.

Козицын вдруг ощутил знакомое удушье.

— Вы забываете,—невольно сказал он лающим голосом,—продовольствия у нас было взято ровно на год...

Капитан Светешников повернул к штурману бледное матовое лицо. Он отпустил бороду, черную, как его глаза. Взгляд капитана вдруг залучился насмешкой.

— А вы боитесь?—спросил он почти ласково.

Козицын быстро встал и пошел к двери.

— Как больные? Сергей Леонидович!—крикнул Светешников.

Козицын прошел кают-компанию и, не одеваясь, пробежал по палубе в кубрик. И только здесь подумал, что его толкнул сюда окрик капитана: «как больные»? Козицын потемнел. Кок и гарпунеры играли в карты.

— Здравствуйте товарищ Козицын,—сказал Печонкин.

— Как больные?—повторил Козицын.

— Подохнут наверно.

Козицын оглянулся.

— А вы не беспокойтесь. Они теперь спят, как сурки.

— Какая наша пища,—сказал гарпунер.

— С имя надо на охоту ходить, первое средство против цынги. А какая с имя охота? Идет, идет да и огрузнет.

Печонкин вдруг встал и подошел к Козицыну.

— Вот, товарищ Козицын,—сказал он,—все моряки знают: нельзя брать на корабль ни баб, ни попов. Вот на «Анне» была баба и они все пропали, кроме одного матроса, который мне говорил. А у нас—поп, и мы тоже пропадем из-за него.

— Какой поп?—крикнул Козицын.

— Как какой? Щепеткин. Механик ваш.

— Ты что, обалдел? Он коммунист.

— Ну так что-же. Здесь его все знают. Служил он попом в «Черной Щели». А в двадцать первом году грусть его взяла: баба там, какая-то. Вот он на пасху собрал самоедов, которые крещеные, пошел вокруг церкви и, вместо «Христос Воскресе», запел «Вставай проклятьем заклейменный». Дескать, вы самый несчастный народ. Самоедам, конечно, все равно. За это его из попов выставили и записался он в партию. В Архангельске потом на механика выучился...

Печонкин говорил торопливо. Козицын взглянул в его неподвижный взгляд и отступил.

— А ну вас всех к чорту! На самом деле пропадешь с вами,—сказал он спокойно, точно нашел неизбежное решение алгебраической задачи.

Ночью он долго запаивал в жестянки из-под какао и табака давно написанные письма.

— Тонкая выбленка дрожала на ветру и ветер пел сладостно и высоко. Ветер пахнул талым снегом, тревожной несбыточной весной. Был июнь. Была солнечная слепящая ночь.

Это было невыносимо: ветер шел с юга, зачит он относил «Метель» к северу. Козицын стоял против капитана Светешникова и выкрикивал, уже не стесняясь команды:

— Вы сумасшедший! Маниак!... Вы знаете, если так будет продолжаться, через две недели наше радио не достанет уже ни одной антенны.

— Очень рад,—издевался капитан.—Тогда я позволю вам распоряжаться в вашем эфире, как угодно.

Гюлень высунул голову из близкой полыньи и с любопытством стал прислушиваться к шуму. Далеко, между ропаками, шел Ларсен с ружьем за спиной. Капитан Светешников схватил винтовку и сбежал по трапу.

— Маниак,—повторил Козицын.—Чванный маниак!

Он спустился со спардэка. Тогда, из разных углов палубы, к нему подошли пять человек команды, оставшиеся на «Метели».

— Что, не соглашается?..—начал механик.

Он дергал бородку, переступал с ноги на ногу и моргал. Глаза его были красны и слезились от ледяного блеска.

— Чорт его знает,—не владея собой, ответил Козицын.—Из-за него никто даже не узнает, где мы пропали!

Старик Прозоровский снял шапку и, покачивая седой головой, заговорил на своем малопонятном поморском языке:

— Да, сивера то пали... Да шалонник в силетнем году, все шалонник. Стрик лета шалонник. Под туром каким капитан, чо-ли... Подзавинтился, а?.. Зарочило нас, утонит!

— Товарищ Козицын,—опять заговорил механик.—Если вы уверены, что командир увлекается, вы должны, ради спасения государственного имущества... Вы по-моему обязаны известить общественное мнение...

— Не заведете радио, все одно, силом заставим!—неожиданно крикнул Печонкин.—Двое померли, двое болеют. И нам что-ли помирать? Сколько у нас хлеба осталось? Человечину опять жрать? Будет, Самара, поели, будет... Заводи радио, пусть «Малыгин» сюда идет!

Кок пододвигался к штурману все ближе, расталкивая поморов круглыми плечами, обтянутыми черной фуфайкой. И опять Козицын не выдержал неподвижного взгляда под белыми ресницами.

— Ну, ну!—отступил он.—Что ты мелешь? Без тебя знаю.

Козицын повернулся к Щепеткину.

«Вот, напишу в рапорте», мелькнула мысль—«команда угрожала бунтом»...

— Товарищ механик,—сказал он голосом, каким отдавал приказания,—пустите мотор.

Полынья тянулась миль на десять, шириной она была с порядочную европейскую реку. Два дельфина быстро шли рядом, пересекая ее поверхность по волнообразной кривой. Ларсен ловко разделывал убитого тюленя. Ветер звенел льдинками, прибитыми водяной рябью к высоким торосам, образовавшим берег полыньи. Иногда крупные ледяные обломки падали, подтаивая, в воду.

Светешников и Ларсен переговаривались на своем английском языке с помощью простых фраз, которые им удавалось построить.

— Жду, когда ветер раздвинет лед. Очень плохо: мой помощник трус. Очень боюсь: команда...—говорил Светешников.

— Да,—спокойно ответил Ларсен.—Скоро надо послать телеграмму. Это правда.

Светешников помолчал.

— Я думаю подождать десять дней,—вздохнул он.

— Десять дней ладно,—согласился норвежец.

Они снова принялись за тюленя.

Когда с «Метели» раздались выхлопы мотора, капитан Светешников вскочил, бросив нож, и побежал к судну, ругаясь про себя и краснея.

Он быстро поднялся на палубу. Козицын, гарпунеры, боцман и кок стояли у люка и молча взглядывали на него, выжидая.

— Кто распорядился пустить мотор?—спросил Светешников, стараясь овладеть собой.

— Общее собрание постановило,—ответил Козицын.—Мы решили сообщить о нашем положении...

— Это так!

— Справедливо!

— Когда сами не желаете... Не такие теперь времена!

— Общее постановление.

Капитан Светешников переждал восклицания и, нарочно тихо, заговорил.

— Товарищи, я лучше вас понимаю, какая опасность угрожает нам, Я все предусмотрел. Вот спросите Сергея Леонидовича, он вам скажет, что дней десять еще можно подождать. Смотрите, как разводит лед...

— Жди!

— Если через десять дней состояние льда не изменится, я сам пошлю радиограмму. Вы понимаете, все думают, что мы зимуем в другом месте. Начнутся запросы, паника. Чего доброго, за нами сразу ледокол вышлют. А вы знаете во сколько это обойдется?..

Капитан Светешников замолчал. Он почувствовал, что доводы его бесполезны. Надо было действовать иначе.

— И что он так о чужом кармане болеет,—сказал Печонкин, обращаясь к поморам.—Норвежец его купил, что ли?

Светешников безобразно выругался и шагнул к люку.

— Не больно испугались,—ухмыльнулся Печонкин.

— Товарищ Щепеткин!—крикнул капитан.

— Есть!—робко отозвался механик.

Прозоровский легонько подвинул капитана от люка.

— Ты не очень, сынок. Общее постановление.

Светешников оттолкнул его.

— Приказываю остановить мотор...

— Меня еще никто за грудки не хватал!—крикнул старик, снова отодвигая капитана.—Постановлено, значит...

Тогда с трапа полетел непонятный крик. Ларсен высунулся по пояс из-за борта, держа наготове магазинную винтовку. Веки, подглазицы и надбровные дуги норвежца были густо намазаны черным гримировальным карандашом, предохраняющим от снежной слепоты. Это придавало капитану Ларсену театральный вид.

— На места! На места!—закричал он по-русски, кладя винтовку на борт.

Все смотрели на капитана Ларсена. Его седина и широкие плечи внушали почтительность. Поморы медленно отошли от люка, глядя в лицо норвежца. Вдруг справа грохнуло и этого лица не стало. Козицын, почти парализованный, перегнулся через борт. Ларсен лежал на льдине, вместо головы у него была красная рана, в ней торчал короткий железный гарпун. Козицын отвернулся. Печонкин стоял рядом с тяжелым гарпунным ружьем, потирая левой рукой плечо.

— Ты за это ответишь, мерзавец!—закричал капитан Светешников.

Он вынул револьвер. Боцман схватил капитана сзади. Печонкин отрезал крепкий пеньковый конец и скрутил Светешникову руки.

— Посадите его в трюм!—услышал Козицын свой голос.

Почему он сказал: «Посадите его в трюм», Козицын не мог понять. Его толкнули, вероятно, полузабытые образы из книг и американских кинолент. Козицын отправил длинную радиограмму, прося помощи. Об убийстве Ларсена он не упомянул, решив, что это могло бы вызвать осложнение заграницей...

Печонкин придавил люк пустой цистерной. Светешников долго кричал и грозил, но, поняв, что из-за шума мотора его не слышно, успокоился и присел на бочку с нефтью.

— «Дураки»,—подумал он.—«Ну и дураки! Зачем они меня связали?».

Ему вдруг стало весело.—«Пожалуй, все к лучшему. Будет суд и он, капитан Светешников окажется не подсудимым, а потерпевшим. Никакой ответственности. Вот только этот проклятый убийца. Как жаль старика. Иностранец. Поднимется громкое дело».—Смертельно захотелось закурить. Капитан Светешников достал из кармана кителя коробку, положил на бочку и достал зубами папиросу. Прикурить было труднее. Спичка обожгла ему пальцы, он бросил ее и зажег вторую. Теперь он закурил и задул спичку, но в трюме было светло. Огонь бесшумно ласкался к бочкам с нефтью и ворванью. Капитан Светешников стал топтать его, но огонь ускользал и вдруг охватил весь угол, рядом с деревянной переборкой, под кубриком. Светешников закричал. Он знал, что за переборкой хранились патроны, динамитные шашки, две бочки с порохом. По голове капитана Светешникова прошел холодный ветер. Капитан Светешников побежал к трапу, споткнулся и упал лицом. Одежда загорелась. Он вскочил, поднялся к люку и приподнял его изо всех сил. Он увидел дневной свет и быстро переступил на следующую сторону. Он просунул голову в люк. Но вдруг кто-то придавил его голову глухой тяжестью. Голова загудела, закружилась. Алые и оранжевые огни полетели в ней.

— «Печонкин»,—успел подумать Светешников.—«Печонкин...».

Козицын вышел из радио-рубки в кают-компанию. Теперь оставалось только ждать.—Да, быть может через две недели, придет «Малыгин». А еще через две...—Перед ним неожиданно возникла такая нестерпимая и яркая сцена, что он задрожал, укусил нижнюю губу и сказал громко:

— Нет, об этом я не могу думать!

В каюте капитана Ларсена упал какой-то предмет. Козицын мгновенно вспомнил убийство.

— Кто здесь?—крикнул он.

Из каюты вышел Печонкин. На плечах у него висела шуба Ларсена.

— Ты что тут делаешь?

— А кому все это достанется?

— Ты за это ответишь, мерзавец!—крикнул Козицын.

— Ну...—сказал Печонкин пододвигаясь.—Какие слова...

Козицын смотрел почему-то на веснущатую руку повара, прикрывшую рукоятку ножа. Козицын тяжело вскинул голову. Палуба под ним вздрогнула. Раздался низкий грохот. Стекло зазвенело. Козицын и Печонкин бросились к двери. Вместо бака и кубрика чернела дыра. Жирный дым поднимался из развороченного трюма.

— Горим ,—бросил Печонкин.—Посылай радио...

Он подбежал к буфету, хватая консервы и буханки хлеба.

— Выгружай!—крикнул Козицын.

— Будто не знаю...—выругался кок.

Козицын выстукивал в дыму ——SOS———78° 40′——69° 19′——SOS ———SOS ——78———40———69———19——SOS———SOS

Подволок над кают-компанией затрещал от удара фокмачты. Козицын кинулся к двери, но сейчас же захлопнул ее. Палуба была в огне. Козицын схватил топор и открыл заколоченную запасную дверь, выходившую на юг. Дым охватил его. Козицын спрыгнул с борта.

Козицын отбежал несколько сажен и только тогда почувствовал, что хромает. На льду, рядом с небольшой темной кучкой привычных вещей, стояли Печонкин и Щепеткин.

— А где остальные?—сказал Козицын.

— В кубрике,—сказал Печонкин.

Механик стоял, сняв шапку. Виски его были влажны. Он топтался на льдине, не отводя глаз от пожара.

Нефть и ворвань переливались, кипя, через пробоины. И в огне ясно был слышен ровный стук мотора. Это живое сердце в горящем трупе казалось чужим и жутким.

— Что вы о людях беспокоитесь, Сергей Леонидович,—пододвинулся Печонкин.—Теперь каждый рот лишний. Запасу, ежели на троих, на неделю не хватит... А все этот поп. Как говорл, так и вышло.

— Сколько у нас ружей и патронов?

— Ружье, вот оно. А патронов, от силы, дюжина.

— Надо попробовать поохотиться...

Козицыну было легче так—говорить обыкновенные фразы.

— Пойдем, пойдем... Что сидеть?—сказал Печонкин.

— Я не могу. Ногу кажется вывихнул.

Печонкин вскинул ружье.

— Ну, ты, буржуй, собирайся!—крикнул он механику.

Щепеткин двинулся, напялил шапку.

— Что вы буржуем меня зовете, вам известна моя партийная принадлежность,—суетливо говорил он, застегивая широкий ремень.—Мой отец служил в различных отраслях хозяйственной деятельности, принадлежа к техническому персоналу.

— Ну, все-равно, поп...

Так они и ушли, с этими нелепыми словами, и скоро скрылись за блестящей линией ледяных разломов.

Бизань упала через борт и откатилась в сторону. Деревянный корабль горел жарко, лед вокруг округлялся, таял. Огонь, в белом блеске, был почти невидимым, Козицын смотрел на этот черный огонь и дым, поэтому что так отдыхали глаза. Нога не болела. Козицын снял сапог. У щиколотки набухала опухоль. Сознание было мутно, мысли всплывали медленно, как прилив. Козицын завернулся в шубу Ларсена, оставленную Печонкиным, и лег, повернувшись к огню.— —

— — «Посадите его в трюм»,—опять сказал чужой голос Козицына. Капитан Светешников ходил в пламени, по спардэку и кричал: «Ваша вахта, Сергей Леонидович, идите на вахту». Козицын поднялся по трапу. Темное море нежно покачивало пароход.—Белый китель и белая фуражка с золотым шитьем...—Светешников протянул ему бумажный кулек. Козицын взял большую кисть крупного винограда «мускат». Козицын стоял на мостике и смотрел вниз на гулявших по палубе нарядных молодых женщин; и женщины смотрели на него и улыбались ему. Он лениво ел сочный пахучий виноград и сплевывал косточки в море. Гардемарины сидели, свесив ноги за борт, и тихонько напевали. Слова песни были так ласкающе знакомы для моряка и в то же время тревожны и грустны:

— «Мы не вернемся, ребята, домой...
Мы не вернемся, ребята, домой...
К чорту гостить заберемся,
А уж домой не вернемся...

Он спрыгнул в люк и плавно опустился прямо к топкам. «Пожалуйте», сказал кочегар. Откуда у нас такая громадная печь? Капитан Светешников стоял на оранжевых колосниках и звал его: «Помните, Сергей Леонидович, как мы с вами, в корпусе хоронили Альманах?»... Дневальный сдернул с него одеяло. — —

— Ты что, сдурел?

Рядом, у костра, сидел Печонкин. Шхуна исчезла. На ее месте чернела маленькая полынья. Только бизань валялась на льду. Стенга была изрублена. Печонкин хлебал из котелка.

— А где он?—спросил Козицын, приподнимаясь.

— Что, попа кличите?—отозвался кок. Он не повернул шеи и продолжал, откусывая от большого ломтя хлеба.—Зашли мы далеко по торосам. Медведь попался. Вот, я один патрон стратил. Ну, где его без собак возьмешь? Ушел, что твой заяц. Я бежал, бежал. Потом оглядываюсь,—нет нашего механика. Я туда-сюда, так и вернулся...

Козицын сел.

— Надо бы флаг где-нибудь на ропаке поставить, чтобы видно было.

— Из чего флаг, из портянки что-ли... Вернется—вернется. Не вернется, все-равно кому-нибудь подыхать.—Печонкин доел хлеб и перекрестился.

Низкий слой ровных облаков закрывал небо. Медленно падал снег. Ветер заходил к северу, сметая с торосов метельные струйки. Ветер усиливался. Становилось темнее.

Печонкин встал. На нем был полушубок Щепеткина, подпоясанный ремнем, с подвешенными к нему компасом, длинным промысловым ножом и половинкой оселка в кожаном чехле, как носят поморы.

Штурман Козицын глотнул воздух и промолчал. Козицына знобило. Зубы его лязгнули.

— Ну-ка,—сказал Печонкин,—теперь я посплю. Дай мою шубу...

IX.

Тимофей прочитал рукопись и с усмешкой положил ее обратно в ящик письменного стола.

— Теперь так.

Радиограммы Козицына, принятые радиостанциями о-ва Диксона и Матшара, на следующий день становятся известными «всему миру». Выясняется, что Ларсен—давнишний друг знаменитого норвежского путешественника и ученого, скажем—профессора Янсона. Профессор Янсон первый снаряжает спасательную экспедицию. Он вылетает на самолете и пропадает без вести. Сенсация. Газеты кричат. Все государства посылают суда в Полярное море. Мир об'ят спортивной спасательной лихорадкой. Чья возьмет? Наконец, «Комитет спасения», организованный в Москве, посылает свой мощнейший ледокол, с гидропланами и знаменитыми летчиками на борту.

Кинематографически это выйдет так.— —

1. Печонкин на льдине, рядом с трупом Козицына.
2. Ряд судов, всевозможных типов, под флагами многочисленных государств, плывут в море в одном направлении.
3. Карта, на которой отмечена точка, где сидит Печонкин.
4. Ледокол движется во льдах.
5. Рычаги огромных машин в действии.
6. Кочегары бросают уголь в топки.
7. Диаграмма, показывающая, сколько тонн угля жрет ледокол.
8. Стальной нос ледокола прокладывает путь в ледяном поле.
9. Дым валит из труб.
10. Ветер срывает дым и мчит его почти горизонтально.
11. Палуба. Несущие поверхности самолета раскачивает шторм.
12. Льды громоздятся друг на друга.
13. Люди коченеющими руками держут металлические крылья.
14. Самолет в разведке.
15. Ледяной шторм.
16. Вынужденная посадка.
17. Летчики гибнут.
18. Печонкин доедает Козицына.
19. Ледокол движется во льдах, вперед...

Здесь надо вставить, где-нибудь, диаграмму, показывающую сколько миллионов истрачено на спасение Печонкина и сколько превосходно оборудованных шхун, гораздо лучших, чем «Метель», можно было бы во-время послать на промыслы.

И, наконец, апофеоз.—Летчик Чухновский спасает Печонкина. Спасенного ведут под руки. «Ура! Да здравствует Красин», кричит он. Щелкают затворы зеркалок. Печонкин об'ясняет, что из всего экипажа «Метели» остался он один. Экспедицию можно считать законченной.

— Как ваша фамилия?—спросил командир.

— Стружкин,—ответил Печонкин.

Скоро бородатый портрет «товарища Стружкина» появился во всех газетах и иллюстрированных журналах.

Борода спасла Печонкина. В ГПУ его не узнали.

— Чем кончить этот рассказ? Я думаю так. Ледокол возвращается. Торжественная встреча. Банкет в ресторане «Европейской гостиницы». За Печонкиным ухаживают. Печонкин напивается. Он начинает бредить. И участники экспедиции в страхе отодвигаются от него, боясь вслух повторить возникающие у всех догадки...

X.

— Ну, теперь слово за тобой...

Тимофей встал. Четырнадцатиконечная морская звезда, вывезенная из Александровска, закачалась над лампой, просвечивая темнокрасным огнем.

— Все это очень правдоподобно,—сказал Тимофей, шагая от стола к двери (четыре шага) и обратно...—Даже, я бы сказал, поучительно в том отношении, что надо так снаряжать экспедиции, чтобы потом их не «спасать». Это гораздо дешевле. И, действительно, можно потерять лучших людей с тем, чтобы выручить такого Стружкина-Печонкина... Но тему нельзя развертывать так, чтобы это умаляло их долг и подвиг... Вообще расписывать по-моему не стоит. Прежде всего: ты пишешь о неудаче зверобойной морской экспедиции, отправившейся к берегам Сибири. Всем сразу придет на ум крушение «Житкова». А я как раз поднимаю вопрос о необходимости приобретения двух новых судов. Опыт должен быть использован, пока не забыт, у нас же так голова поставлена: если обожглись на чем-нибудь, так больше не полезем. Точно дети (это я о себе самом)... Я хочу сказать также, что вы, писатели, об'елись (как это сказать?) словами. Вы перестали ощущать их силу. Вот, например, в 1926 году, на обратном пути из Енисея, английский пароход «Ульмус» и норвежский «Вага» задержались во льдах. В наших центральных газетах много писали об этом. Кто-то упомянул «дрейф святой Анны». И страховые общества немедленно повысили свои ставки. Мы до сих пор несем убытки на этом деле. Так нельзя.

— Хорошо,—согласился я.—Расписывать я не буду. Надо давать вещи, которые показывают путь и цель. Я не напишу рассказа. Я напишу другое...

А. МАЛЕНЬКИЙ

Тяжелое дыхание

«Он ухватился за скрепы луны и солнца».
(Якутская пословица).

1. ПРИЯТНОЕ ОБЩЕСТВО.

Над Леной стояли туманы. Ночью в туманную свежесть выходил на палубу бравый боцман и рупор бросал в неизвестность протяжное и медное:

— На парох-о-о-д-е-е-е!

И неизвестность отвечала тоже металлически:

— На пароходе слу-у-шаю-ю-ю!

Я люблю, когда землю окутывает туман. В туманные ночи я выхожу на шкапец*) и пытаюсь построить в шеренги впечатления от трехмесячной поездки по Лене.

Внизу, в пассажирских помещениях, человеческое месиво шумит матерщиной и пьяными песнями, звенят стекла и пытается выпрыгнуть в реку проигравшийся в «двадцать одно».

В эти туманные ночи я понял, что Приленский край и Якутия есть жупел, которого люди боятся. И едут сейчас на барже и на пароходе не люди, совершающие нормальную поездку, а беженцы, которым решительно все на земле «все равно». Они бегут в панике, словно следом за ними идет что-то ужасное, непоправимое, грозное.

Да, форменные беженцы. Уже в августе в транспортных конторах Якутска была драка из-за билетов, и казалось, что все люди собрались уехать и оставить на месте автономной республики голый камень, тайгу и зверей.

Напрасно! Осень снимала с Якутии летний налет, нужный стране в той же степени, в какой река нуждается в илывущей по ней пене.

Внизу, в трюмах,—густой и плотный табачный дым. При тусклом свете давно немытых фонарей вы можете наблюдать, как оперирует с пудреницей возвращающаяся из гастрольной поездки балерина Любочка (так зовут ее в трюмах). Рядом с балериной давит скамью тучная женщина, изображавшая на Лене «даму в воздухе», затем еще дама—член одного из сибирских горсоветов, променявшая работу в секциях на роль живой «куклы» в гастрольном ансамбле. «Живая кукла» стонала и просила ворожея по линиям рук рассказать состоялись ли в ее отсутствие перевыборы горсовета и со сколькими женщинами имел дело муж.

Ворожей с рябым лицом и бегающими глазами врет члену горсовета, сколько может, а потом ломает «живой кукле» руки, лезет под одеяло, «живая кукла» вопит, с верхней полки соскакивает личность в студенческой фуражке, и ворожея бьют усердно и продолжительно.

---

*) Верхняя палуба пассажирской баржи.

Любочка инсценирует испуг, визжит и в трюм спускается гражданин Шульцман, удачно гастролировавший на палубе с колодой карт. У Шульцмана на лице улыбка:

— Что за шум, а драки нет?

Тогда трое оставляют на скамье недопитую водку в стаканах, встают...

— Ага, жид!

И бьют Шульцмана. А между делом выбивают иллюминаторы.

Часам к трем ночи в трюм приходят двое дюжих парней и низенькая, с приплюснутым носом девица, и начинается в бога... в мать... От лавки к лавке переходит проигравшийся в «очко» алданец, будит людей и сонные люди долго не могут понять, что алданец предлагает купить у него чайник без носка и без крышки, чтобы получить возможность взять еще одну карту в игре.

Безумная, осипшая от матерщины проходит ночь.

Утром, опохмелившийся уже, высокий и прямой, как жердь, старик затягивает песню:

Попить, погулять—
Это наше дело.
На крестьянскую работу
Я бы не глядела.

Старик становится на середину помещения, оседает на коленях, замахивается кулаком на невидимого врага и кричит:

— Одного ударю, троих на кладбище потащите!

И будто по условному знаку все в трюме поднимаются: шуллер берет карты, ворожей гадает, девицы орудуют с пудреницами и продолжают нескончаемый разговор о любви и алиментах. Алданцы затеяли драку. На остановке появляются агенты ГПУ, ищут у китайцев золото, опиум и контрабандные товары.

И у всех—единый, ведущий, всепобеждающий лозунг:

— ДЕНЬГИ!

Создалось такое мнение, что иначе на Лену ездить нечего. Лена означает деньги. Шуллер едет эксплоатировать страсть якутов к картам, ворожеи играют на суеверии, канатоходцы, дамы в воздухе, горсоветские куклы переливают на деньги северную скуку, китайцы везут опиум и кокаин, советские чиновники едут за длинными рублями северных ставок, а вокруг всего этого пудреные девицы, обменивающие любовь на шелковые товары из магазинов английской концессии.

И вот оно «возвращение на родину»! Север, право, ничего не потерял от того, что пароход «Витим» увез на юг транспорт шарлатанов и шуллеров.

— Не удивляйтесь,—рассказывал мне боцман,—это еще сравнительно спокойный рейс, а вот прошлый раз ни одного целого барьера не осталось, ни одного фонаря, и было выбито больше половины стекол в окнах. Баржу на ремонт пришлось ставить.

Было это в августе. Северное лето на глазах людей угасало, обильные желтые полыньи прорубала осень на зеленом покрове гор. Край становился похожим на комнату, когда люди готовятся отойти ко сну. Все лишние убирались прочь и была последняя суета перед тем, как наступит длительный покой.

2. ПОРТ НА РУЧЬЕ.

Ранней весной, в мае, вся эта «отпетая» публика со всех концов Сибири, Дальнего Востока и даже СССР собиралась в Иркутск, толкалась в автомобильных гаражах, и гаражи становились похожими на сумасшедшие дома, где все люди, начиная от представителя треста и кончая оборванным люмпен-пролетарием, одержимы одной манией:

— Лена!

Мягкий и уютный шведский автобус легко унес нас из Иркутска по тракту. Тракт тогда был загроможден бесконечными обозами. Сотни и тысячи лошадей, запряженных в бурятские двуколки, тащили грузы. И люди... Люди на возах, люди, набитые до тута,

в грузовиках, люди в легковых автомобилях и автобусах, и люди с палкой, как средством передвижения! Узенькие брючки, ботинки шиммн и дамские туфли—крик моды—тракт принимал с таким же равнодушием, как и оборванца, у которого площадь голого тела—больше площади, прикрытой одеждами. И все это стремилось на Лену, будто об'явлен был новый крестовый поход.

Весной Качуг*)—этот большой порт на узеньком ручейке—шумел и бурлил. Тракт подавал в Качуг все новые и новые толпы людей, буквально, чающих движения воды. Постоялые дворы ломились от народа, бродячие фотографы расположились на каждом углу и из открытых дверей «хитрых избушек» несло винным перегаром. И мне в те дни казалось, что Качуг не разговаривает по-человечьи, а по-лошадиному ржет или по-автомобильему стрекочет. Все свободные площадки села были забиты лошадьми, и цыганский табор, за недостатком места, развел костры чуть не на середине улицы. Ежеминутно по улицам шмыгали, залитые грязью, грузовики и уютные автобусы, похожие на спаленки.

Начинался знаменитый ленский сплав. Сплав товаров и искателей счастья, охотников до «длинных» рублей и золотого песка. Ведь на севере в ряду прочих бесчисленных дефицитов есть еще дефицит в людском товаре. На север так трудно заманить работать настоящего работника. И сквозь щель этого дефицита пролезают тысячи людей, дающих краю вместо подлинного человека лишь человеческий суррогат.

Склады уже ломились от товаров, а тракт подавал все новые партии ящиков, мешков, тюков. По селу бегало неисчислимое количество людей с портфелями, а ночью загорался берег огнями; у костров какими-то фантастическими казались, освещаемые нуриуром, люди, и переплетались друг с другом забубенные ленские песни.

Узкая лента Лены (ленские патриоты утверждают, что Лена и течет-то совсем не отсюда, а начинается не то в Витиме, не то в Олекминске) заполнена была шеренгами карбазов—деревянных коробок, в каждую из которых грузится около 3.000 пудов груза. На карбазах—суетня. Угрюмые грузчики таскают тюки и ящики. Нагруженные, укрытые брезентами, стоят карбаза, а люди толпятся у черной доски на берегу, где отмечаются глубины и где Лена—сумасшедшая река—азартно играет вершками на перекатах. Медленно, вершок за вершком, лезет вода вверх, а на берегу то глухо стонут, то шапку набекрень вскидывают гармоники.

На 22-м вершке стихают гармоники и начинается великая демонстрация бессилия здешнего человека перед силами природы. Отвязываются причалы и караван жалких суденышек, управляемых только веслами, подчиненных легонькому дуновению ветерка, боящихся каждого камешка, отправляется в трехтысячеверстное путешествие до Якутска.

Буйствует Качуг—конденсированное несчастье Приленского края. Сотни лет стоит этот порт, подобно скаредному старику, упрятавшийся за 77-ю запорами—77-ю перекатами, которые встретишь на 140 верстах до Жигалово. Ни один порядочный пароход, ни одно порядочное судно не может перескочить через эти 77 барьеров и нет другой дыры, через которую Якутия может сноситься с внешним миром. Нужно до Жигалово преодолеть 77 (буквально) всех этих «Микишинских», «Петровских», «Воробьевских» несчастий, да чуть не столько же от Жигалово до Усть-Кута.

И когда я, придя на постоялый двор, взял в руки географическую карту, Якутия и весь Приленский край показались мне огромнейшей пирамидой, воткнутой в землю острием, вот этим самым Качугом, и пирамида эта огромная раскачивается от легкого дуновения ветерка и от того, что сбыла на вершок вода на перекатах.

...Суетится Качуг—гнилая дыра, делающая многомиллионные обороты и не видавшая парохода, злая бестия, поставившая огромному краю вместо сердца карбаз и контролирующая, при помощи карбаза, 90 процентов северного ввоза.

---

*) Речной порт в верховьях Лены.

3. ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ—КОРОЛЬ «ОПЕЧКОВ».

На берегу, на костре варился чай, багряные брызги блестели на платиновой бороде Ивана Александровича—старика, смахивающего на бога, и главно-управляющего всеми ленскими несчастьями. Старый лоцман ловил букашек, пускал их по своей грязной и шершавой ладони и говорил ласково и поучительно:

— Эту, вот, букашку трогать нельзя. Она, эта букашка, дорогая и милая. Она с гор летит. Полетела—значит будет большая вода. Она всегда впереди воды летает.

В те дни Качуг с опозданием на неделю вывесил траурные флаги по Цурюпе. Иван Александрович ковырял костер железиной и шутил:

— Чиновник, сказывают, большой умер. Меня бы вот на его место поставили, делами управлять.

Чудной старик из деревушки Беспаловой, откинутой от тракта на другую сторону Лены и огороженной черемуховыми заборами, не понимал, да и не понимает, конечно, что он именно и есть самое главное чиновное лицо во всем Приленском крае, на реке седьмой по длине в мире. Старику и невдомек, что это он, лоцман, водящий «посуды» из Качуга в Якутск, путает карты якутскому совнаркому и одним фактом своего существования сводит на-нет очень прекрасные проекты переустройства северной жизни.

Его величество лоцман, король ленских опечков, владыка северной экономики, царь ветров и господин туманов.

Я смотрю на Ивана Александровича и передо мной встает шеренга еще нескольких сотен таких же седых стариков, водящих «посуды» в Якутск. Кожа на черепной коробке старика, коричневая, как у мумии, собралась в складки, а в черепной коробке, вместо мозгов, посажен географический справочник, сложены мели, опечки, названия станков, десятки лоцманских преданий и легенд. Это лоцману полагается носом чуять, где «сухая» протока, где «ходовая», знать на-перечет все подводные каменки и плести кружева по реке между опечками. Как страстный игрок, лоцман поведет еле сколоченную «посуду» по грозной и бурной реке, имеющей после Олекминска долину в тридцать верст шириной.

А игроки, играющие с риском, всегда суеверны. Седой лоцман сидит у костра и об'ясняет мне, «отчего нельзя втыкать ножа в булку хлеба или почему не следует загадывать никакое дело наперед». Годами и десятилетиями воспитывается это искусство лоцманить.

Сидит лоцман и рассказывает о Лене, о своей жизни, о ленских приключениях, и когда говорит о реке, голос звучит у него торжественно, как у дьякона в пасхальную заутреню, лицо становится строгим и оживают старческие глаза.

— Да-с, а, позвольте спросить, вы не партейный?

Голова его опускается над костром и лицо становится бронзовым.

— Нет вот мне времени досканально с вами поговорить о прежних временах. Я ведь не здешний, ежели разобраться. Я здесь родился, а в разных местностях земли бывал. В Китае бывал, в Маньчжурии, а теперь, видать, последний год плыву—глазами стал прихрамывать. Вы всем интересуетесь, записываете в книжечку. Я вам расскажу. Вот видишь голову? Лысая она—тараканья катушка. Она, как ты думаешь, зря лысая стала? Я приисками управлял. Потом банк на без малого на двести тыщ надул. Смехота. И в тайгу ушел. Пять годов меня искали, а из тайги вышел,—в Чите взяли. В тюрьме, стало быть, сиживал. Я тебе по порядку об'ясню: жизнь это— не кража, не воровство, а формальное мошенство. Какое предприятие ни возьми, оно всегда на мошенство вытечет. Хоть казна, хоть купец. Мы в прежние времена у купца Астраханцева спирт перегружали. Бочки со спиртом. Перегружаем, а у нас бочки с водой стоят. Сейчас со спиртом бочки просмотрят, а мы тем же поворотом на просмот-

реннее место с водой ставим, а которые спирт-то—откатываем. И этак кормились—бывало дело. В другой раз на приисках-же: приносят самородки, а я их под подозрение беру. Может, говорю, в середине порода. Сейчас велю жене ступку подать, суконочку, да по золотцу-то—раз!.. раз!.. а золотые-то пылинки оттуда выпрыгивают, да на суконочку, да на суконочку. Так вот золотничек-другой и напылит. Один раз фунта на три самородок принесли. Я его взял—аж разгорелся весь —да в ступку. Человеку не жалко, у него два-три золотника пропадает, а мне прибыль. Выгнал меня хозяин за этот самородок. Видишь теперь—тут ни кражи, ни воровства. Породу я обязан проверить. А мошенство форменное. Так все в жизни. Ни кражи, ни воровства, а все-таки мошенство.

И, вскидывая голову, он зажигает в кисете спичку, прикуривает, огонек папироски кажется на фоне пламени каким-то ненужным.

— И поплавал я не мало, и потопил не мало,—продолжает он свой рассказ.—Пять тысячь пудов свинца топил, о камень ударился: Склячкой два карбаза плыл. Одна «посуда» ко дну пошла, а у другой успел склячки перерубить. Сахар топил. Нынче вот уж семь посуд на мель посадили, дай бог нам плыть благополучно. Прошел год, я лодку с овсом потопил. Время было осённое, а лодка к карбазу была приклячена. Шестьсот пудов в ней было. Вечером пошел на пристачу. Пристал к берегу, а ночью лед и пошел, и пошел. Поверх лодки пошел! В куски измололо! Приезжает, конечно, начальство—малоция, гапау. Конвой с ними. «Что это у тебя,—спрашивают,—стряслось, дедушка?» Сами—отвечаю—видите, какое несчастье. Время, говорю, осённое. Это ведь, говорю, не сухой берег, это вода. Всякое случиться может. Тут ругаться нельзя. На воду нельзя ругаться. А время холодное было. У меня водка была. Выпили. Они меня посылают лодку искать, а потом за этот за овес меня в гапау, да четырнадцать суток я отсидел. На воде всякое случается. Раз на раз не приходится.

Рассказывает старый лоцман, прыгает клинышек седой бороды, болтается в руке кисет, а я смотрю и думаю: в какую-же копеечку влетает северу вся эта лоцманская экзотика? Чего стоят эти милые сказочники, живущие на земле милостью перекатов? Около трех тысяч рублей стоит карбаз с оборудованием и прогоном до Якутска. Около пол-тысячи рублей получает каждый из этих старичков за рейс до Якутска. В текущем году только якутское госпароходство отправило около четырехсот карбазов. Плюс Лена-Гольдфильдс, плюс всякие кредитки. Справедливо будет считать, что содержание «двора его величества лоцмана ленского» обошлось стране в два миллиона рублей.

Я слушаю эти сказочки, за которые государство выплачивает два миллиона рублей гонорара, а перед глазами у меня стоит утлая коробочка-карбаз. Река его мечет по своей прихоти, как хочет, лежит товар, еле прикрытый брезентами. Сверху течет, снизу течет, мокро под брезентами, мокро над ними. Плывет несомая течением «посудина», садится на мель, начинается история «с оплеухами», «хоботами», «воротами», «стрелами», «вагами», приспособлениями столь же архаическими, как сам карбаз. Чтобы «посудина» поднялась с мели, товар вывозят в лодках на берег, мочат его еще. Кто подсчитал: во что обходятся стране и северному человеку эти «романтические» были сегодняшней Лены?

4. ДИСКУССИЯ О ГОСПЛАНЕ.

Лоцман на Лене чувствует свою силу. Держатся лоцмана отдельно. Это каста. Иван Александрович к месту и не к месту вставляет с свои разговоры:

— Ведь это-ж, п-позвольте, фи-р-р-ма—Сибкрайиздат!

Но чувствуется за этим не уважение к фирме, а самовлюбленность.

Сидя за столом и выпив махом стакан водки, он отирает бледно-розовые губы, смахивает капли вина с бороды.

— Такое уважение. Телеграмм мне посылают! Я этот телеграмм берегу. Он у меня все равно, что у большого чиновника мандат. Да-с, приезжаю я в Бирюльку. У них,

у сукиных сынов, пол в паузке не настлан. Что же вы, говорю, пятнай вас, делаете? Ведь это-ж фирма—Сибкрайиздат! Об этом вы думаете? Ведь это же заслужить надо такую честь! Извиняюсь, говорю, фирма фирмой, а я лоцман. Я за все отвечаю. Видите телеграмм, видите второй...

И, выпив еще стакан водки, лоцман добавляет:

— Очень вы уж меня угощаете. Это же заслужить надо. Дай бог нам плыть не хуже других фирмов.

Он ходил, обнюхивал в паузке каждый уголок, а в обед собрал на носу команду и об'явил:

— Смею доложить—я лоцман. Всем быть на местах, слушать мою команду.

Широкой какой-то походкой он поднялся на верх на палубу, подошел к борту, и когда отдали носовую чалку, перекрестил живот, стараясь сделать это незаметно и будто стесняясь своей веры. Тихо задрожали в молитве губы, забегал клинышек бороды, мертвая дотоле черепаха-паузок вдруг вздрогнула, забурлило в воде тринадцатисаженное кормовое весло, загуляло семисаженное носовое, вскинулись пятисаженные греби. Нас подхватило течение и понесло вниз по реке в страну северного сияния и вечной мерзлоты, белых ночей и золотого песка.

И, наверное, как Венеция—единственный город, где вместо улиц каналы и воды, так ленская ярмарка—единственная в мире, где магазины заменяют, смахивающие на карбаз, деревянные коробки с помещениями для торговли, для складов, для кают.

Паузок плывет, а берега на глазах расцветают. Кажется, слышишь треск разрывающихся почек и чувствуешь силу выпирающей из-под земли травы. В прохладные весенние вечера я любил подниматься наверх, садиться по-азиатски—ноги калачом—возле палатки Ивана Александровича и вести нескончаемые разговоры со стариком. Не за сказками я лазил наверх. Экспортировать сказки не входило в мои задачи. Старик интересовал меня, главным образом, как живое сплетение самых неожиданных понятий и как животрепещущая ленская злоба дня, посаженная на две ноги и обогащенная человеческим языком.

Мы сидим наверху и словоохотливый старик, успевая отдавать команду, рассказывает о Лене, о новых и старых временах. И вы чувствуете, что все симпатии старика там, за гранью семнадцатого года, а сейчас в образе лоцмана по земле бродят человеческие остатки, питающиеся накопленными в прошлом впечатлениями.

В помощь основному лоцману взят еще, так называемый, перегребной—особенный знаток первых 77 перекатов. Перегребной плетет по реке кружева, обходя мели, а Иван Александрович кривит губы в пренебрежительной усмешке.

— Разве-ж это, милый, ярманка? Какая же это ярманка? Так просто, видимость, глазам услада. Вот в ранешние времена, вот это была ярманка! Дух захватывало! Караван целый. На несколько верст тянулся. Паузки, кладовые, на мачтах флаги улыбаются, глядеть любо. Гармошки на паузках. Песни. Скалы стонут, какое веселье стояло. Купцы в Качуг наезжали, шампанское ящиками везли. Девчонки специальные приезжали. Кряхтел Качуг. Пушку с собой возили. Как заплывет ярманка в скалу, стрелили из пушки, а в скалах отдается: ух, ух, ух! Совсем, как севастопольская оборона. На берегу тысячи народу собирались. Крупнеющие фирмы плыли. Белка, соболь, лиса, горносталь, всякого зверя было видимо-невидимо. Почет ярманке и уважение везде.

И вы видите, как слезы готовы брызнуть из старческих глаз.

— А теперя? Что осталось теперя? Разве повезешь пушку, когда плывет полторы «посуды»? Якуты плывут, Левантыч, Владимир Яковлич*). Какая-же это, хиль, ярманка?

Старому лоцману, сроднившемуся с мелями, но не изучавшему советской экономики в школах политграмоты, кажется, что если умирает ярмарка и отцветает традиция,

*) Якутторг, Сибмедторг, Сибкрайиздат.

БЕРЕГА ЛЕНЫ

ПАУЗОК СИБКРАЙИЗДАТА

значит мир теряет свои основания и старческие глаза видят лишь сумрак, окутывающий земной шар.

. . . . . .

Мне трудно было разговаривать со стариком на эту тему. Надо было читать целую лекцию по истории СССР и о социалистической экономике. Нужно было превратить наузок в совпартшколу первой ступени. Но если бы мне пришлось об'яснять старику ярмарочный казус, я бы сказал ему:

— Иван Александрович, вы знаете, что в советской стране существуют сельсоветы, паспортные столы, милицейские участки, а знаете ли вы учреждение, именуемое госпланом? Не знаете? Это обстоятельство делает в вашем сознании огромную прореху, ибо госплан теперь столь же массовый орган социалистической страны, как и сельский совет крестьянских депутатов. Эта прореха разрывает ваше сознание на части. Разорванное сознание ваше вмещает лишь картины разрушающихся жертвенников прошлого и не хочет видеть воздвигающихся алтарей будущего. Это происходит оттого, что вы не знаете госплана и еще очень многих явлений сегодняшнего дня. Да, ярмарка умирает. Не ленская только, но и всякая другая. Ярмарки умирают потому, что у нас есть плановое хозяйство и сегодняшнему социалистическому купцу незачем бегать по базарам, чтобы сговориться с другим купцом. Торговля теряет сходство с картежной игрой и становится спокойным ремеслом. Торговля все больше становится организованным общественным распределением, сочетающимся с гибким учетом индивидуальных запросов гражданина. Вместо путанной системы капитализма: производитель—фабрикант—оптовик—розничник—потребитель и обратно вырастает новая система: производитель—потребитель. Умирает самое понятие покупателя и продавца, ибо организованные в кооперативах трудящиеся одновременно—и производители, и потребители, и продавцы. Плановое начало уже вошло в непосредственное соприкосновение с бытом, а ярмарки есть отражение остатков элементов капиталистической анархии, сохранившихся в нашем хозяйственном укладе. И поскольку эти капиталистические элементы все оттесняются, умирают и ярмарки, уменьшается базарная шумиха, очищая дорогу социалистическому распределению. Это очень большой плюс нашей действительности, а совсем не минус. Смотрите, Иван Александрович, Якутия в 25 году ввезла товаров на 12 миллионов рублей, в 26 году—на 26 миллионов, а в 27 году уже на 30 миллионов рублей. Учтите, кроме этого, снижение цен. Видите, как богатеет народ, а ярмарка сохнет. Тут действуют другие причины.

Иван Александрович, слушая меня, мял бы в руках спичечную коробку и непременно сделал бы неожиданный вывод, сводящий на-нет любую лекцию.

— Хозяевов теперь хороших нету. Хиль пошла, молодяжник. Это не мое дело, которое капитализм, которое что, которые буржуи, которые—все наше!—пролетарии, а вот многие лоцмана, на этом деле выросши, теперя профессии лишились,—это я знаю.

Вечерний сумрак медленно воронит горы. Зеленый фон гор становится непроницаемо темным, из расщелин дует свежий ветер, а мы все беседуем об умирающей ярмарке. Мы плывем, а на берегу празднуется красивейший из деревенских праздников—духов день. Девушки в пестрых одеждах, с венками из живых цветов на головах поют грустные ленские песни. Нигде я не слыхивал более задушевных песен, чем на Лене. Люди, не видевшие железной дороги,—всегда хорошие песенники.

Как во нонешным
Да во новыим
Нонешным году,
Нонешным году-у-у,
Уродилось много ягод,
Уродилось много ягод,
Ягод во бору.
Ой-да заблудилась,
Ой-да заблудилась,
Красна девка
Во темным бору,

Во глухим лесу.
О-да выходила я
На прикруточку—
Славный бережок,
Славный бережок,
Ой-да растилала я
Мой тальянскай шарф,
Мой тальянский шарф.
Ой-да на закусочку,
Ой-да на закусочку,
Сладкой да крупитчатой,
Сладкой да крупитчатой,
Крутой пирог.

И не успевает еще заглохнуть эхо в прибрежных камнях, как вспыхивает новая песня:

Ой-да я не думала,
Ой-да не гадала
В девках нипочем,
В девках нипочем,
Как началось-ли
Сердце крушиться
Да сокрушеньицем...

И хор парней перебивает веселым речитативом:

У Филиппа сзади липа,
Завсегда я буду бита.
У Гаврила нету рыла,
Целоваться не с чем было...

Мы плывем, а черемухи раскачиваются в белом покое. Рядом с нами идут по берегу вьюками цыгане, загораются огни цыганского табора. Огни играют на поверхности бездонно смолевой реки, летучие мыши ведут осаду белого корпуса паузка, жалобно стонут в расщелинах ястребы, играет, плещется рыба и кричат с берега:

— Чья пос-у-у-да?

— Лоцман чей?

Матросы состязаются с девушками в сочинении частушек, а ночь становится все короче. Мы плывем навстречу белым, ослепительным в своей истоме, северным ночам.

Я спускаюсь вниз и делаю в дневнике запись:

«Старикан, погрязший в тине увядающих традиций, человек, живущий среди теней прошлого, воскуривающий фимиам всему ушедшему. А по-человечески надо пожалеть старика. В недалеком будущем ему предстоят новые жизненные потрясения».

5. РАЗРУШЕНИЕ ПОСУД.

Пусть читатель не сетует на меня за то, что я долго держу его в обществе лоцмана. В жизни Якутии и Приленского края нельзя понять ничего, не познакомившись с любезными старичками, командующими на «посудах». Это знакомство с лоцманами тем более необходимо сибирской общественности, что уже в ближайшие годы вопрос о ленской «посуде» станет одним из центральных в жизни Сибирского края.

Разговор идет о свержении диктатуры лоцмана и о разрушении «посуд», т.-е., по-просту говоря, о технической революции на Лене. Грядет день, когда Приленский край сможет отказаться от услуг бесчисленных лоцманов и их свиты и пересесть с карбаза на паровоз и пароход—средства сообщения не в пример удобнее карбаза и паузка. На карбазе нельзя доплыть не только до социализма, но никуда нельзя плыть. Карбаз—инструмент, переключающий движение всей экономики бассейна Лены на задний ход. В «карете прошлого далеко не уедешь», а карбаз—дырявая, расхлябанная повозка доистории.

Вопрос тут идет о кровообращении огромного края, обладающего такой мощной водной артерией, как Лена. Почти до самого Витима добираются суда морского типа, а горло реки в верховьях,—горло, соединяющее край с развитыми местностями, раз'едаемо язвами перекатов. Кровообращение края закупорено пробкой из ста с лишним перекатов на плесе Качут—Усть-Кут.

Сейчас наш паузок плывет по этим местам. Мы извиваемся по реке, а на берегу мелькают огромные сибирские деревни с длинными рядами просторных изб (леса много, леса не жаль). На окнах цветы, занавесочки, ставни крашены, ворота резные, а за крашеными этими ставнями, за занавесочками, за всей видимостью чалдонской опрятности и материального благополучия ютится ограниченная со всех сторон жизнь,—жизнь, закупоренная в огромнейшем сосуде.

Я подолгу стоял у прилавков паузков и следил: чего, каких вещей хотят эти люди? Мир вещей—лучший паспорт любого человека. Я стоял и слушал. Спрашивали воровину, хомутину, финки, армянный материал, т.-е. начинали с вещей, составляющих простейшую материальную базу человеческого бытия.

Когда пароход вез нас из Якутска обратно, я заинтересовался одним домиком. Стоял этот домик с размалеванными ставнями среди тайги, окруженный службами. Куда от домика ни пойди—везде будет на десятки верст тайга. Кричи в этом месте, надрывайся, сорви себе глотку—тебя никто не услышит.

На палубе баржи был еще студент-этнограф, возвращавшийся с побережья Ледовитого океана и много рассказывавший о Севере. Был еще крестьянин—чалдон, нянчивший на солнцепеке ребенка.

Мы со студентом рассматривали таежный домик и вслух размышляли о том, как можно жить годы и даже всю жизнь, не зная, что делается на земле, не видя себе подобных, кроме своей семьи.

«Наверное»,—думали мы вслух,—«люди в домике смахивают на глухонемых, очень мало разговаривают, а жизнь их составляется из труда, сна, еды, работы и пола». Избушка существует отдельно от планеты. Обоим нам со студентом такая жизнь казалась чудовищно страшной, даже в условиях нашей полуазиатской страны.

Наоборот, крестьянин никак не мог подобрать слов, чтобы выразить свое восхищение таежным пейзажем.

— Вот жизнь-то человеку,—рассуждал он.—Смотрите, как у него все хорошо устроено. Изба большая и все-то у него есть. Пригончик сделан. В пригоне коровы, лошади. Мясо свое, молоко свое, сметана своя, шкуры свои, масло свое. Машины под навесом. Видишь, вон пашня у него под боком. Земля тут, я думаю, хорошая, сочная. Родит хорошо. Хлебушка вдоволь. Кашу какую угодно вари. Баба, поди, холсты ткет. От овечек шерсть—на зиму человеку тепло. В тайгу выпел—зверя всякого полно. Лодочка у него лежит на берегу. Сети, наверно, есть, неремет. Рыба, выходит, своя. Живи тут, не старься только.

Вот она какая жизнь скрывается за занавесками. «Все-то у него есть»—начинается хомутиной и кончается шерстяными чулками. Человеческие потребности замкнуты в пахнущей лошадиным потом хомутине.

Но этот таежный пейзажик сравнительно терпим. Тут, по крайней мере, человек работает для производства полезных вещей. Хуже, когда экономика верховьев Лены в целом питается потребительскими токами.

Если по милости ста перекатов в верховьях Лены оседает два миллиона рублей, то за каким чортом здешнему человеку надо сеять хлеб, подвергать себя всяческому риску, когда можно просто «сидеть на опечках», иметь за это деньги, а чужой дядя доставит и хлеб, и хомутину, и губную помаду. Это здесь так говорят «сидеть на опечках», что в переводе на удобоваримый язык значит зарабатывать за счет сплава, за счет мелей. Зачем царапать себе руки о них, когда, в дополнение к опечкам, есть еще ямницкий промысел, а в середине лета верховья Лены обмелеют совсем и можно за-

няться перевозкой товаров на лодках из Качуга в Усть-Кут, где карбаза нагружаются до полной грузолод'емности. Каждый такой рейс на лодке, совершаемый в десять дней, даст двести-двести пятьдесят рублей чистого заработка. А попробуйте две сотни рублей на земле заработать! Вот почему абсолютно в каждой семье здесь есть либо лоцман, либо ямщик, либо сплавной рабочий. Всякая семья здесь связана со сплавом.

За каким шутом полезет здешний человек в рискованные сельско-хозяйственные дела, когда на свете, кроме карбазов, существуют золотоискатели? Все-равно золотоискатель никуда не денется. Идет он с золотом—давай золото. Нет у него золота—давай тряпье. Мы ничем не брезгуем.

Вот она «опечечная» психология какая: жить, не производя полезных вещей.

Мне приходилось останавливаться в селе Петровском, знаменитом тем, что против него существует самый тяжелый для судов Петровский перекат. Село буквально дышит этим перекатом. Мы остановились в одной избушке и пока старушка собирала чай, я затеял разговор о сельской жизни:

— Какая наша жизнь теперя?—жаловалась старуха.— Теперя наше село посуды пропливают очень благополучно. Сейчас посуда около Микишиной бьется. Микишинским счастье.

А раньше петровским счастье было. Сядет «посуда» на мель, мужички начинают «ломить цену» за вывозку товаров на берег. Раньше это делали петровские, теперь делают микишинские. Впрочем, и Петровскому перепадает не мало. Всем перепадает. «Села посудина на мели—три рубли, сняли посудину с мели—три рубли, всего тридцать три рубли». Такова здешняя «опечечная» экономика.

Комбинация эта состоит в конечном счете из одних минусов. Дай сюда товары, доплати за перетаскивание товаров через опечки, порти на постройку карбазов лес, давай сюда еще и хлеб. Все давай и не получай ничего взамен. На бюрократическом языке такие районы называются, кажется, потребляющие. В противоположность всем алгебраическим правилам минус, умноженный на минус, совсем не дает здесь плюса.

Нужно раскупорить край и дать ему возможность дышать. Это будет. Лоцману грядут большие неприятности, нежели увядание ярмарочного шума. Героям опечков надо кончать свое ремесло. Железная дорога соединит Усть-Кут с сибирской магистралью, и на ста перекатах будут купаться куряцы, а Лена будет включена в созвездие великих сибирских рек. Товары потекут на Усть-Кут, минуя из'язвленное перекатами горло верховьев. Усть-Кут станет исходным пунктом товарооборота, а, начиная с Усть-Кута, Лена может иметь дело с пароходом, и товары будут перегружаться на баржи прямо из вагонов. Кровообращение будет раскупорено.

В страну чалдонских старичков, прекрасных сказочников о воре, перехитрившем всех царей, о добрых и злых богатырях идет невиданная сказка. Придет она в шипении и грохоте паровозов, она перевернет всю жизнь здешнюю, принесет полные палитры новых красок и наполнит жизнь новой музыкой. Железная дорога переключит общественные токи в новые направления. Довольно станет рассказывать на опечках сказки. Надо будет садиться на землю и начинать переделку минусов в плюсы. Надо будет корчевать пни, сеять хлеб, выкармливать скот, делать масло, гнать смолу, словом, производить осязаемые вещи.

А земля здешняя богаче, чем Алданские и Ленские прииски, взятые вместе. Нужно только забуксировать край металлическим тросом железной дороги, чтобы земля стала, наконец, кормить человека.

Просто не верилось сперва, что в Марково даже лошадей кормят пшеницей. Марково—замечательная деревня. Несколько лет назад она вступила в единоборство с северным климатом, оставлявшем на месте всходов жалкую солому, а теперь марковская пшеница славится по всему Киренскому округу. Марково—отчизна ленской пшеницы. Это здесь без всяких удобрений десятина дает 150-200 пудов зерна. Это здесь кидают свиньям, так называемую, «товарную» пшеницу, а сеют исключительно «кубанку», «красноколоску» и акклиматизировавшийся в крае особый сорт зерна, назы-

ваемый «алтайским». Здесь северная Мекка, куда окружные крестьяне ходят поклоняться полновесным колосьям изумительной пшеницы.

Слов нет, на Лене трудно завоевывать землю. Здесь тайга. Но где же в свое время не было тайги? Где человек шаг за шагом не отвоевывал у тайги землю? Вся история Сибири состоит из такой борьбы.

И как только железнодорожный тупик упрется в Лену, люди слезут с опечков, потекут сюда переселенцы и начнут борьбу с тайгой за золотые россыпи плодородия. Лес потечет по речкам к лесозаводам, возникнут промыслы, задымят заводские трубы, десяткам тысяч новых людей даст край приют. Так будет выглядеть будущая романтика Лены. Эта романтика ворвется в таежные домики, разворошит скуку и выведет людей из хомутного круга.

В этот день последний лоцман оставит свой пост на карбазе, старые сказочники смолкнут, раскупоренная кровь потечет быстро, и последний чалдон отойдет в прошлое. На месте диктатуры лоцмана будет, подчиненная разумной воле человека, машина, а Лена из замкнутого озера станет настоящей судоходной рекой.

6. *ОПЕЧЕЧНАЯ СТОЛИЦА.*

Мы плывем, а паузок наш осаждают толпы маленьких чумазых школьников. На берегу стоит гомон, а в паузке быстро тает гора тетрадей, карандашей, книжек. Радостно было работать с этой толпой. Крестьянки приходили в паузок в сопровождении целого взвода ребятишек, и каждому малышу надо книжку с картинками, а у крестьянки все ассигнования на это дело заключаются в полтиннике, а то и в двугривенном. Нам за книжным прилавком часто приходилось «переключать» ремесло продавца на ремесло няни и успокаивать слезы малыша, которому нравятся десять книжек зараз.

К нам приходят толпы крестьян. Сумрачно, деловито и подолгу осматривают они магазин, спрашивают «которое нужно по хозяйству», и все же никогда не уходят без покупки. Хоть записную книжку, хоть карандаш, да купит каждый. У прилавка Сибмедторга целая выставка деревенских форсуний, раскупающих пудру, одеколон, кремы. Взрослые крестьяне спрашивают «средствия от ломотья, колотья, вздыхания». И никто не выходит из паузка без покупки. Ярмарка—традиция, праздник, раз в году раскрывающаяся форточка расстояний.

И когда вечером в бухгалтерской книге пятачки и копейки станут рублями и сотнями рублей, из-за сетки цифр выглядывает очень горький факт сегодняшней действительности. Культура у нас тоже тяжело передвигается через опечки. Мы больше пишем, чем читаем. Две силы борятся за прилавком нашего паузка—культура и бюрократизм. За прилавком в миниатюре происходит то же, что во всем Советском Союзе. Внешне культурная экспедиция Сибкрайиздата, преодолевшая сравнительно легко сто опечков из гальки, не может преодолеть опечков бюрократизма. Паузок батрачит на бюрократов. Два-три покупателя-бюрократа приходят на паузок и зараз с избытком покрывают десятки и сотни покупателей книжек и тетрадок.

В селе Качуг мы продали книг на 51 рубль, а канцтоваров—на 325 рублей; в селе Жигалово—канцтоваров на 207 рублей, книг на 88 р.; в Усть-Куте—книг на 147 р., а канцтоваров на 545 р.; в Марково—книг на 40 р., а канцтоваров на 112 р.

Таков баланс. Всюду один сельский писарь исписывает больше, чем десятки школьников, стоимость нумеруемой входящими и исходящими бумаги выше стоимости всех читаемых книг.

Свежим утром мы приплыли в Киренск—столицу северо-востока Сибири, столицу опечков, замечательный город, где единственный завод—спиртоводочный, а самое высокое здание—тюрьма.

Стоит Киренск на пригорке и со всех сторон на пригорок жмет вода. Все улицы в Киренске упираются в реку. Либо в Лену, либо в проток, либо в Киренгу. Куда ни пойдешь, выйдешь на реку.

Живет этот городок с пятью тысячами жителей, отрезанный от мира водой и расстояниями, живет тихонько и мечтает.

На главной улице стоят большие, из металлических переплетов, столбы. На столбах нарисованы череп и скрещенные кости и написано крупно:

— Смерть! Сто тысяч вольт.

Приезжие люди обходят эти столбы, а местные мальчуганы лазят по переплетам, садятся на верхушки столбов, кричат кукареку и лузгают подсолнухи, бросая скорлупу на прохожих.

Мальчишкам не угрожает смерть, потому что череп и кости есть просто бутафория для оживления скучной киренской жизни, сделаны столбы не из металла, а из дерева под металл и это киренскому горсовету во сне привиделось, будто у него есть электростанция напряжением в сто тысяч вольт. Такой сон естественен, ибо маленькую свою реальную станцию Киренск не может достроить два года.

Стоит Киренск на острове и мечтает. Тихо в городе, как в день чьего-то траура. Люди ходят, не стуча каблуками о тротуары. От этого через открытые окна из учреждений вырывается на улицу шум. «Симфония города» здесь составляется из выстукивания пишущих машин. Стук пишущих машин довлеет над городскими шумами и порой кажется, будто весь город сидит и печатает на «Ундервуде» какую-то очень большую бумагу.

Недавно город справлял свой трехсотлетний юбилей. В городе есть почерневшая от времени церковь, которой тоже триста лет. В церкви были когда-то слюдяные окна. В дни трехсотлетия киренские бюрократы оказались в затруднительном положении: был налицо юбилей, но не оказалось итогов, которые можно было бы подвести. Юбилей от этого вышел тусклый и бесцветный. Единственным итогом была почерневшая церковь. Киренцы еще раз полюбовались на полусгнившую достопримечательность и успокоились, а город начал четвертую сотню лет своего существования.

В начале четвертого века киренской истории в город прилетел самолет «Моссовет», и старухи полезли в подполья, а парни и девицы в лучших платьях высыпали на берег. Самолет сел на воду, побежал по реке, а за ним следом бежала по берегу и гикала толпа.

Прибытие самолета было большим событием, чем триста лет города. Это правильно, ибо содеянное Киренском за триста лет никогда не перетянет содеянного самолетом за несколько летных часов. Человек в этих краях никогда не одерживал больших побед над природой, чем та, которую одержали летчики Добролета, установившие воздушное сообщение Иркутск—Якутск.

К вечеру киренские пинбарышни оставляют свои машинки и выходят на пристань, где на пароходах Лена-Гольдфильде рядом уживаются почтовый флаг СССР и флаг короля Великобритании. Весь город высыпает на пристань, чтобы в пристанской сусте разжижить однообразие северных дней.

Вечером в народном доме, недавно отстроенном и крытом черепицей, раскрываются окна и усердный оркестр начинает свою ежедневную сыгровку. В беспорядочном переплете несутся над городом медные звуки, и ноги гуляющих на берегу парочек начинают выделывать па в воображаемом танце. Уютно и тихо живет омываемый со всех сторон водой город. Самый любимый писатель в городе—Загоскин, а любимая книга «Кузьма Рощин». Не даром на сибкрайиздатовском пауэке самым ходовым массовым товаром была бумага для цветов и акварельная краска для тех же цветов. Цветы делают уют. Уюту способствует тишина. Уют требует тишины и спокойствия. Круг на острове замкнут.

От этого, повидимому, беспокойные водники со своим затоном расположились на противоположной стороне Лены. Затон с его гудками и дымящимися трубами не нарушает спокойствия замкнутого водой круга. В этом круге люди после службы нуждаются в отдыхе. Отдых есть тишина. Тишина располагает к уюту...

Только разве газета заголосит иногда слишком громко так, что зашуршат бумажные цветы и заколыхаются лампады перед ликом спасителя. 8 наборщиков, секретарь (он же репортер), редактор и телеграфный провод связывают людей на острове с внешним миром. Дважды в неделю выходит газета. Комнатка редакции маленькая, пахнет в ней клейстером и дефицитами. И когда берешь в руки маленькую газету, таким большим кажется мир. Где это, собственно, Лондон? А где Париж? Что такое Атлантический океан? Человек утрачивает здесь «чувство географии».

В маленькой комнатке сидят редакционные ребята, связанные телеграфом со всеми этими Лондонами. Редакционным ребятам до смерти хочется, чтобы Киренск поверил в существование Лондона и Парижа, а на людей киренских и своей географии без Парижей хватает с избытком. Выше тысячи трехсот экземпляров тираж газеты не поднимается.

Людей Киренского округа более всех парижских происшествий волнует тот факт, что все более дичающие псы стали давить овец. Расстояние действует даже на собак. Об этом говорилось на окружном с'езде советов.

Телеграфный провод выстукивает: Лондон... Париж... Чикаго... Чемберлен... Керенский... Марокко..., а в Преображенском районе собаки задавили 600 овец и окончательно снятивший с'ума цензор Сковер ставит на всех пьесах, включая творения Гоголя и Шекспира, одну стереотипную дурацкую резолюцию:

— Переделать и усовершенствовать.

По реке плывут корабли под флагом Великобритании, а девушка Таня придумала новые формы цветов из бумаги, которым завтра суждено стать злобой дня.

...Пробираясь сквозь чащу леса, идет на Усть-Кут исследовательская партия, чтоб пролегла здесь стальная нить, чтоб появилась, наконец, возможность почувствовать Лондон и Париж досягаемыми местами на земле и чтоб Киренск, скучная, как вобла, опечечная столица, стал центром цветущего края. Все пути ведут в Рим, сиречь в Усть-Кут.

Надо мощный гудок паровоза, чтобы с'ежились и выцвели бумажные цветы и быта здешнего, и теперешней экономики и чтобы северо-восток Сибирского края стал не пустыней, а плодородными полями. Другого пути не дано. Единственный путь лежит через свержение диктатуры лоцмана, через железную дорогу. Центральной фигурой экономики должен стать и станет не лоцман, а землероб и кустарь.

7. УМИРАЮЩАЯ ЛЕГЕНДА.

Это Витим. Легенда, которую иссушило время и английские концессионеры. Правда, село еще шумит, но хмельные годы безвозвратно ушли и больше не вернутся.

Еще и теперь погоду главных улиц в Витиме делают воры и проститутки, а финский нож рекомендуется, как самое деликатное средство убеждения. На дверях кабака написано: «Добро пожаловать!». Но все это уже не то. Умирает старое легендарное село, выросшее на золоте.

Было время и сюда людей шло не меньше, чем в Иерусалим паломников.

Алданская легенда не оригинальна. Оригинал русского Клондайка был написан в свое время Витимом. Алдану еще надо долго тянуться, чтобы перескочить Витим. Свыше 38 тысяч пудов золота было вывезено через Витим за время существования Ленских приисков. Грандиозная, умопомрачительная цифра! И маленьким осколком от этих 38 тыс. пудов золота осталось село Витим—медленно, тихо угасающий приискательский костер.

Правда, еще сейчас вся набережная загромождена лавками, и в лавках предлагают всякую всячину—от золотых пуговиц до селедок включительно,—но лавки эти не столько встречают людей, сколько провожают. Крестовый поход на Бодайбо кончился.

Витим с похмелья еще продолжает «гордыбачить». Приискатель не может забыть старых времен. Гражданин Цветко-Коев устроил кабак на территории «сухой» Якутии

и подает под видом кахетинского водку по рублю за рюмку. Бегущие с Бодайбо приискатели прощаются у Цветко-Коева с прошлым и нередко по старой памяти пускают в дело ножи. Еще ходят по улицам проститутки, еще снабжает Витим проходящие пароходы «девочками», но все это—только похмелье. Хмель прошел.

С приискателем этим мы встретились в бане, над которой, вместо вывески, выброшен красный флаг. У приискателя была прекрасная голова. Пряди совершенно седых, белых волос чередовались с прядями русых и оттого голова походила на пестрый клоунский костюм.

— Капут, брат,—говорил золотоискатель и размахивал рукой, словно вколачивал кулаком гвозди.—Капут. Кончилось Бодайбо. Надеждинский кончился, Андреевский кончился. Все под старание пошло. И Чанчик под старание уйдет. Это разговор один—драга. Золото оно такое: если есть—валом идет, нету—совсем нету, хоть с голоду помирай. Золото знать надо.

— А ты, браток, зря тут мотаешься. Ничего ты тут не высмотришь. Было тут, да все высмотрелось. А деньги у тебя есть? Ну, вот, хорошо. Мы вчера лоцмана одного били,—он нам сегодня лодку указал. Дергаем с нами, братишка, на Алдан. Ты там романы целые напишешь. Не переписать тебе будет. Там золота много. А Бодайбо капут. Смотри бежит народ, как от холеры. Тыщами бежит.

Конечно, Бодайбо не кончилось. Приискатель не прав. Но это уже совсем не то Бодайбо, что было в 1915 году, когда этот район дал 1.053 пуда 35 ф. золота.

Сейчас Бодайбо в руках английской концессии Лена-Гольдфильдс, и концессия один за одним исключает прииски из эксплоатации, сдавая их в аренду старателям. Концессия оставляет в своих руках только наиболее богатые месторождения, ввозит механическое оборудование и вместо золота экспортирует тысячи уволенных и сокращенных рабочих-золотоискателей. А пока по речкам и речушкам идут разведки новых золотоносных площадей, на Лене создалась приискательская паника.

— Капут Бодайбо!

Из Бодайбо на Витим идут баржи, груженные сотнями и тысячами уезжающих из Бодайбо людей, и люди эти разносят панические вести все дальше и дальше, и дописывают заключительные строки умирающей легенды.

С тех пор, как пошли на Лену английские капиталисты, понаставили под'емных кранов и понавесили английских флагов, встал вопрос о драге*). Драгу встретили смехом и гигиканьем. В этих местах, где мир пока держится исключительно человеческими руками, невероятным кажется, будто бравого головореза-золотоискателя может заменить спокойная и бесстрастная машина. Но машина все больше становится фактом. Второй год концессионеры возят для драги части. И по мере того, как близится пуск драги, растет по отношению к ней злоба. Во всем виновата драга! Во всех несчастиях мира. Даже в том, что выработались старые прииски.

Вместе с Бодайбо и не очухавшийся еще от хмеля Витим считает драгу своим злым гением.

Умирает старый Витим. Витим хмельной и кабацкий. На его месте останется спокойный, деловой, уверенный в себе Витим. Останется крупная пристань, крупнейший перевалочный пункт на Бодайбо.

А Бодайбо не умрет. Только машина принесет туда новые веяния. Она переделает забубенных ребят-золотоискателей в настоящих пролетариев и из люмпен-пролетарских превратит приискательские районы в пролетарские. Не беда, если на первых порах люди и позлятся на машину. Не легко ведь прощаться с приискательской экзотикой. А прощаться надо. И на Бодайбо везут машины, и на Алдан везут. Я видел пришедшие из Америки амторговские ящики с машинными частями для Алдана.

---

*) Машина для добывания и промывки золота.

Сейчас век машины. Даже золотая романтика склонит голову перед машиной. Грузчикам надо неделю тащить локомобиль на судно, а под'емные краны Лена-Гольдфильдс, установленные на пристанях, делают это в пятнадцать минут.

Машина со всех сторон наступает на Лену. Она идет в виде железной дороги на Усть-Кут и в виде драги на прииска.

8. АРГА БАР ДУ?

С Витима начинается Якутия. И не удивляйтесь, если первый встретившийся вам якут, вместо приветствия, наклонится близко к вашему лицу, посмотрит вам в глаза и тихо спросит:

— Арга бар ду?[1]).

И вы немедленно станете самым лучшим человеком на земле, если вытащите из кармана бутылку с красной головкой.

— Ай, хороший человек! Ай, горячая вода, запечатанная печатью! Ай, шуми песня, ходи ноги! Белку хошь? Масла? Что хочешь, хороший человек? На! Берп! Якут сегодня добрый! Бар арга! Хороший праздник. Пей, русский человек! Якут велит тебе пить рюмку водки. Учугэй земля![2]). А завтра... симбир![3]). Все-равно завтра! Сегодня есть бутылка водки и хорошая трубка черкасского табаку.

. . . . . .

Ночью матовая луна плескалась в реке. Покрытый слоем сажи чайник шипел на угольях. С крутого берега обваливались в воду куски земли. На реке водила веселые хороводы рыба. Лениво догорал костер.

В эту ночь у старого рыбака Николая проплывшая мимо лодка сорвала перемет. Дорогой, хороший, из английского шнура перемет. Нет цены тому перемету, потому что нет в Якутске английского шнура, нет якорей и кооперация на рыбную реку не завозит крючков. Нет перемета—прощай рыба! Нет рыбы—прощай вкусный чай! Как после этого не покажется горьким черкасский табак?

Поднимается с лежанки Николай, и огни потухающего костра обыскивают его одежду. Встает Николай, трет кулаком гноящиеся глаза, а луна все так же плещется в реке и не видно в лунных всплесках перемета.

Грузная, тихо подходит лодка к берегу и из лодки выходят люди. Люди подходят к костру, садятся вокруг, накидывают в костер сучьев и костер разгорается.

— Балык барду, дедушка?

— Сох балык!

Встает Николай.

— Балык сох!—говорит он твердо.

Нет рыбы. Нет и не будет. Нет перемета.

И тогда встает человек. Он достает из карман бутылку, ударяет ее о колено, брызги падают на угольа и вспыхивают.

— Пей, дедушка! Арга!

Через костер тянется рука. Тихонько подносит Николай к губам стакан, пробует, и на лице пылает улыбка.

— Окси![4]).

— Арга, дедушка!

Обстоятельно, большими глотками проглатывает Николай водку, в трахоматозных глазах блестят угольа.

— Учугэй!

— Учугэй, дедушка!

Ай, спасибо! Хорошие люди, не желаете ли чая? Не хотите ли, путешественники, развозящие по северу спирт, провести ночь со стариком-якутом? Будьте добры! Ста-

---

[1]) Водка есть?
[2]) Хорошая земля!
[3]) Все-равно.
[4]) Непереводимое восклицание.

рик вас приглашает. Можете ложиться на его лежанку. Ай, как жгет внутри! Сильнее, чем костер горит! А перемет? Наплевать! Симбир перемет. Все-равно. Ой, как горит в желудке костер! Год стоял костер потухший. А перемет? Перемет будет. Как будет? Не все ли равно как? Внутри горит огонь—значит завтра будет хорошо.

Тихо засыпает старик, брошенная лежит на песке трубка, а перемет в это время река заносит илом и талькой.

. . . . . .

Поймали их, трех женщин, возле скалы. Совсем неожиданно из-за утеса вышли трое мужчин. У трех мужчин было по винтовке на каждого. Над рекой стоял предутренний туман. Мужчины побежали к лодкам. Они схватили две груженые лодки, а третья всплеснулась и ушла в туман.

С берега кричали:

— Стой! Стреляю!

В ответ плескались весла. Человек вскинул ружье и выстрелил. На выстрел ответило эхо и один из мужчин сел в лодку и скрылся в тумане. Через час возвратились две лодки. Потный вышел милиционер и потная вышла женщина.

Все шестеро сели в лодки.

— Дергай!

В Витиме в милиции все столы были заставлены четвертями и бутылками. Женщины сидели и дымили табаком, а начальник милиции—один из трех от скалы—улыбался.

— Вы что-ж, милые, думаете, мы вас все на низу дожидаться будем? Нам и наверх не тяжело пройти.

— Не зубоскаль!—ответила женщина.—Пиши протокол, мне домой надо. Я—детная.

. . . . . .

— Ты их, сынок, не жалей. В ем, в якуте, половина человека, другая половина волк, а третья половина собачья. Пока их на цепе держали, они ничего, а с цепи спустили—он поровит каждого слонять. Зловредная нация.

Борода у человека была черная, даже синяя. Стоял он на камне, и длинная рубаха, вскидываемая ветром, обнажала поросший волосами живот.

Это был спиртонос. На-днях он поссорился с приятелями по ремеслу, и приятели выдали спрятанные им в тайге 20 ведер водки. Вчерашний спиртонос выступал сегодня в роли мстителя. Высокий и плотный стоял он на камне.

— Я им изделаю географию. Они у меня двалцать ахнули, я их на двести посажу! Три дня в тайге ходил, все камушки, пни оглядел, мошка меня с'ела, а они таки попомнят.

Через полчаса он уже предводительствовал милиционером и какими-то людьми и еще через час шествие вернулось из тайги и пронесло четверти с водкой.

Четверти грузили в лодку, а человек поглаживал синюю бороду и, наклоняясь ко мне, шептал:

— Я знаю, что с имя изделаю! На середку вывезу, а там...

Он сел к веслам и, от'ехав от берега, спокойно положил весла в лодку, скривил улыбку и потребовал:

— Откупоривай!

Спиртонос досадил своим приятелям, но надо было отыграться и на милиции.

— Откупоривай!

Весла лежали спокойно, и лодку относило течением вниз. Милиционер посмотрел зло на синюю бороду, свернул рукой красную головку:

— На!

Человек с синей бородой выпил водки и снова взмахнул веслами. Завтра милиционер будет ловить синебородого спиртоноса с новой партией арги—продукта, расцениваемого в Якутии на вес золота.

. . . . . .

Якутия—«сухая» страна. В Якутии запрещена водка. И все же в Якутии есть водка. Спрос всегда рождает предложение. Капитализм создал в Якутии спрос на аргу. Этот спрос родил касту спиртоносов. Якут отдаст за четверть водки пуд масла, а стоит это дело по якутским ценам сорок рублей. Восемь рублей бутылка, стало-быть.

Никакая милиция не может искоренить спиртоносов. Один милиционер приходится на сотни километров тайги. Груженые ценным грузом, с'едаемые мошкою, идут контрабандисты таежными тропами. Ничего! Язвы от мошки заживут, милиция встретится или нет, а продавать водку выгоднее, чем копать золото.

На сотни километров приходится один милиционер, а на каждом из полуторых десятков пароходов есть по тридцать человек команды и каждый из тридцати устроил себе укромное помещение, где складывает ценный груз—отраву для молодой республики. Искать? Но для этого надо разламывать пароходы, испротыкивать ломами стены баржи, вскрывать весь груз на карбазах. Иначе что же найдешь? Тем более, что на Лене есть Мача.

Спросите на Лене, что такое Мача? И в ответ вы получите улыбку. Мача—столица Бахуса, надежный приют спиртоносам и контрабандистам и дыра в тайгу на новые приписки. Мача—это полпути к Якутску и все-ленский притон, пьяный клин в трезвую страну, большое село, находящееся в центре Якутии и принадлежащее Якутскому округу. По ту сторону реки, на левом берегу, село Нохтуйское. Там Якутия. Здесь Мача—Сибкрай. В Якутии нет водки, а в Сибкрае сколько угодно. Мача—Сибкрай, а, стало-быть,—водка.

Здесь команды судов, карбазов и всякого стиля «путешественники» запасаются своеобразной валютой. Отсюда водка развозится по всей Якутии. Начиная от Мачи на пароходах бьют иллюминаторы и окна. После Мачи финский нож вынимается из ножен. И все только потому, что Мача принадлежит Сибирскому краю, хотя фактически находится в Якутии.

Нужно закрыть этот притон, несмотря на административную географию. Надо выселить Бахуса из Якутии совершенно. Это много будет способствовать разумным мероприятиям Якутской республики по борьбе с водкой. Водка в Якутии в соединении с туберкулезом, трахомой, детской смертностью является форменным бедствием. Притон в центре Якутии должен быть разрушен.

9. САХА! САХА!

И не было более ярких впечатлений от поездки, чем за время нашего пребывания в Олекминске. Прибытие ярмарки превратилось здесь в столь живописное празднество, что его трудно описать.

Тихим вечером пристали мы к Олекминскому, устланному галькой, берегу. Рассказывают, что уже за две недели до ярмарки на берегу толкались группы людей, выискивая глазами на речной поверхности долгожданные точки ярмарочных паузков.

Лена здесь становится широкой и достигает за Олекминском 30 километров ширины. Сам Олекминск называется городом и управляет наиболее цветущей частью Якутии. Здесь больше, чем во всех других районах, развито земледелие, и Олекминский округ не только сам питается за счет своих урожаев, но и имеет возможность выбрасывать сельско-хозяйственные продукты за свои пределы.

Но город этот не больше рядового села. 3.000 жителей варятся здесь в конурках в собственном соку. На площади стоит церковь, сделанная из кирпича и именуемая кафедральным собором. Но церковь стоит закрытая и поп совершает богослужения, когда

ему вздумается. Ржавый замок на церковных дверях свидетельствует о безбожии, проникшем на север.

В узких и извилистых улочках города стоит тина. Самые жаркие дни не могут осилить грязи. Человек идет, а почва под ним качается, убаюкивает. От этого вид у людей сонный. Летом еще плывут пароходы, карбаза, появляются новые люди. Зимой город превращается в засыпанный снегом погост, и кино-механик всю зиму крутит четыре одинаковых ленты.

Учреждения здесь тихенькие, прилизанные, отсутствует всякая суета и кажется, что работают люди по инерции, не ощущая об'екта своего управления.

Когда я ехал обратно, то прогулялся ночью по Олекминску. Во всем городе я видел в 10 часов вечера одно освещенное здание почтово-телеграфной конторы. Все остальное было закрыто наглухо ставнями и не было щелочки, сквозь которую был бы виден свет. Уже в августе город залез в берлогу и залег на зимнюю спячку.

С первым снегом Олекминск берет в руки колоду карт и начинается преферансный сезон. Всю зиму люди будут крутить нескончаемую «пульку», писать «висты» и «полки» и играть в «бескозыря». Весной вскроется шумно Лена и первый пароход будет встречен всем населением города.

И вот, если так, поверхностно, посмотреть на Олекминск, можно подумать, будто город страдает сонной болезнью и ходит с полуоткрытыми глазами, а зыбкая почва устроена для того, чтобы люди не проснулись. Но ведь здесь окружной центр огромного округа, идущего в авангарде Якутской республики. Здесь лучше всего выращиваются хлеба, здесь лучший скот, и Олекминский округ единственный в Якутии, где сельское хозяйство товарно. Здесь есть техники, инженеры, учителя, врачи, администраторы. Они совершают человеческий подвиг в этом городе, на котором и летом кажется накинутым саван безжизненности.

На город с одной стороны напирает гора. Если посмотреть на реку с берега, где-то вдали маячит противоположная сторона и нет горизонта. Только здесь человеческое сознание может понять, что мир не имеет ни начала, ни конца.

В дни ярмарки Олекминск представлял живописное зрелище. Со всего округа собирались якуты на великий торг. За 500-600 верст с'езжались люди на лодках. Первые дни река была усеяна черными точками берестянок. Лодки были гружены пушниной, и люди приехали, чтобы обеспечить свое материальное благополучие на целый год.

И удивительна человеческая натура, со всем свыкающаяся. Вы, читатель, человек, привыкший к железной дороге, пароходу и не считающий за диковинку аэроплан. Попробуй вам предложить проплыть 500-600 верст на лодке. Вам такое путешествие покажется чудовищным, а для якута сотня верст на лодке—берестянке—такая же прогулка, как городскому человеку на дачу. Конечно, не легко день работать веслами, но тут сказывается сила привычки, воспитанная необходимостью.

Берег гудел. Берег был усыпан вытащенными и опрокинутыми лодками-берестянками. Комьями белого снега, брошенными на гальку, стояли якутские, изумительно хорошо поставленные, палатки, а немного поодаль быстро растягивалась лента харчевен, сделанных из пластов коры. Один за другим вспыхивали перед харчевнями костры.

И в десятках харчевен, каждая из которых четыре квадратных сажени, на-спех установлены столы, над кострами в котелках варится мясо и якутское лакомство—вкусные колбаски из коровьей крови. Берег гудит. Тысячи людей с'ехались на ярмарку. Запах черкасского табака мешается с гортанным говором.

Утром на паузках вскидываются красные флаги, открываются двери, и милиция не в состоянии сдержать напора толпы. Толпа разливается по паузкам.

Приемщики пушнины перебирают беличьи шкурки, поглаживают пушистый мех, а у прилавков давка.

Чай! Даешь чай! Больше чая, чтобы теплее стало в зимнем балагане*), чтобы лучше было жить в урасе**). Без чая осиротеет камелек.

Даешь еще черкасский табак! Такой крепкий, чтобы сжималось горло. Без табака будет холодно в балагане. Тяжело пойдут по снежному насту подбитые мехом лыжи.

А потом давай яркого цвета материю, лакированные ремни, остро-пахнущее мыло. Давай все яркое, цветное, радостное! Северная жизнь и без того темна, чтобы мир вещей был тусклым.

И когда закуплено это необходимое, якут идет купить себе картин с «войной», портфель, счеты, конторскую книгу. Удивительна эта фантастическая вера якутов в контокоррент. Если записано в книге,—значит свято. Сын якута считает необходимым заплатить долги отца, если долг записан в книге.

Важный и уверенный в успехе будущего года уходит якут из наузка, гремит костями счет и размахивает брезентовым портфелем. Дело закончено. Благополучие балагана обеспечено.

И тогда на берегу вспыхивает праздник, пестрый и шумный, как все восточные. Плотно друг к другу прижавшись, берутся люди под руки, и круг раскачивается медленно, то сужаясь, то расширяясь. Есть в этом раскачивании что-то от фаллоса и человеческой страсти. Крупными дозами вбирает в себя воздух запевало и откуда-то глубоко изнутри вырываются тоскливые гортанные звуки. И совершенно не надо знать якутского языка, чтобы понимать, как плачет якутский хоровод. Вы слышите и понимаете одно слово, часто повторяемое:

— Саха! Саха!

Саха—это значит якут. Запевало поет о своем народе. Тоску многих столетий он вкладывает в это слово. И сколько я ни просил перевести для меня вилюйские песнопения, никто не мог этого сделать. Даже слово «похар»—как называется танец—мне перевели очень кудряво: «воодушевление народного настроения». Вилюйцы—знаменитые в Якутии танцоры и похарщики—поют свои непереводимые песни, ибо нет еще на земле таких слов, которые вмещали бы все страдания якутского народа за сотни лет русского владычества в крае. Непереводимые слова и их сочетания лучше отражают колебания человеческой души, чем привычные и обыкновенные слова.

Медленно раскачивается круг. На цветной рубашке запевалы выступали потные круги, на опущенное вниз лицо ложится маска мертвенной бледноты, на восковой маске лица горят гневные глаза, и танцующие все больше впадают в состояние транса. Все гуще становится мелодия напева, учащается темп и уже трудно ловить движения.

Запевало становится похожим на шамана, сзывающего на землю духов, и что-то грозное чувствуется в учащенном ритме хоровода. Блестящие глаза на восковом фоне действуют гипнотизирующе. Я только потом ловил себя на том, что и на меня этот дикий танец сильно действовал. Я забывал землю, на которой стою, место, где я нахожусь, мир, в котором живу. Вместо всего этого были одни огромные горящие глаза и рев, в котором столько печали, сколько может вместить человек.

Тихо гаснет экстаз. Потные, словно опорожнившиеся от какой-то внутренней тяжести, расходятся люди. И тяжело было отделаться от впечатления, произведенного танцем.

Только спустя несколько времени снова узнаешь берег, усыпанный тысячами людей, начинаешь воспринимать гортанный говор и видишь, что на берегу еще несколько кругов кружатся в похаре и слышишь, что якутский народ умеет петь не только грустные, но и веселые, радостные песни. Напряжение и сила экстаза здесь те же, что и в грусти.

---

*) Изба.
**) Жилище, смахивающее на юрту.

Гудит, шумит, бьется в плясках берег. Безудержное веселье вьется над каменным берегом. Дымят костры, густеет кровь в колбасках, совсем неподалеку зарезывается скот и растянутые на земле сохнут шкуры, а за прилавками мечутся приказчики.

Невидимый, белый приходит вечер. Выцветший закат сменяется такой же бледной зарей, а берег все гудит, все кружится. Короткая, белая северная ночь быстро кончается. Огромным куском сукровицы лезет сквозь коричневую стену тумана солнце. Приходит новый день, а люди все еще кружатся в бесконечном похаре и невидимое спускается изнеможение. Тут же на берегу люди кидаются в лодки, в палатки, просто на гальку, а на место засыпающих в крепком сне приходят новые толпы отдохнувших. Праздник продолжается. Ослепительный, экзотический восточный праздник, в котором много звериного и сильного.

В празднике этом первооснова—человеческий труд. В дни ярмарки продукты годового труда превращаются в товары. Пушистая шкура белки становится кирпичом чая или куском цветной материи, а это значит, что обеспечено благополучие на зиму и можно будет снова спокойно бродить по тайге в погоне за зверем.

10. ЛЮДИ, УКРАВШИЕ ПОКОЛЕНИЯ.

Две недели продолжалось на берегу это пряное торжество. В течение этого времени сонный обычно Олекминск не засыпал ни на минуту. Даже скопческое село Спасское, по соседству с Олекминском, как-то ожило, задвигалось, заходило.

С необычайным чувством я отправился в это село, населенное бесполыми существами, носящими человеческий образ. Крепкие, в один ряд вытянувшиеся дома, похожие на институток. Палисадники, где рядом с цветами растут лук и редис, и украшенные цветами фасады домиков—все это нарядно и прилизано, как иконостас в монастырской келье. В домах этих тишина, и звук щеколды у калитки бьет по нервам, а из-за открытой калитки, вплотную ко мне, приближаются серые, мутные, как заросшее болото, бесцветные глаза. Я вижу клочья желтой кожи, обильно болтающиеся на скулах и на черепе. Медленно двигаются мясистые, потрескавшиеся губы.

— Пожалуйста, проходите!

В чистеньком дворе все так же гладко и прилизано. Плотно сколоченный с высокой крышей навес, баня, погреб, сельско-хозяйственные машины, метрические весы, сытые лошади—все это свидетельствует о зажиточности и хозяйственном покое. В тихом этом мирке ходят женщины, т.-е. не женщины, а сестры и не мужчины, а братья, ибо здесь нет ни мужчин, ни женщин.

Я сажусь на скамью, рядом со мной садится некое «оно» с мутными глазами. «Оно» резко меняет тон, кричит на «сестер», почему не убрано на лавке. Летят по двору железные котелки, вдребезги разлетается крынка. «Оно» сердится. Но все такие же бесцветные, поросшие тиной глаза. Они стоят на месте и не движутся. Мы разговариваем и беседа наша растягивается, как кусок липкой серы.

Скопец сидит рядом со мной, поставив ноги на землю, положив руки на колени и вытянув в струну туловище. Он похож в эту минуту на причудливую геометрическую фигуру.

— Пожалуйста, пожалуйста,—говорит он голосом грудным и вкрадчивым. Сейчас вам наложат сметаны. А вера наша скопческая все-равно, что коммунистическая. Нам бы теперя коммуной жить, да, вишь, «все мое» мешает.

Разговаривает он медленно, растягивая слова, не торопясь, словно поднимается на высокую гору и ему мешает одышка.

— У нас все, как у коммунистов. Мы в церкви не служим. У нас соберутся братья, сестра, поговорим да и разойдемся. А пригнали нас—еще железных дорог не было. Теперя многие уехали, да каются. Я после манифеста ездил. Не понравилось мне в Рассее. Туточки лучше.

В этот день скопческие сестры хоронили одну из своих подруг.

— Теперя нас все меньше и меньше становится. Умирают братья, умирают сестра,—говорит скопец. Я смотрю ему в глаза. Может быть, сейчас блеснет в них какая-нибудь искра. Ничего подобного. В поросшем травою болоте не бывает бурь.

Пройдет еще несколько лет, может быть десять, может быть пятнадцать, и уйдут с земли представители этой оригинальной секты, являвшейся в свое время реакцией, отчаянным ответом на бесправное, голодное положение крестьянства в крепостнической России, плевком в лицо российских феодалов. Люди сами для себя построили эшафот и удавили на нем человеческие потребности. В мире, где борзая собака расценивалась дороже человека, они добровольно распяли себя на скопческом кресте.

В первой половине XIX века царское правительство особенно обрушилось на скопцов репрессиями. Тогда, гремя кандалами, пронесли свои страдания сектанты на далекий север. Тысяча пятьсот человек скопцов было сослано в Сибирь. Армия из тысячи пятисот оскопленных людей пришла на север, и никто не подозревал тогда, что это путешествие станет крупнейшим культурным походом. Нет худа без добра.

Скопцы избороздили Якутию вдоль и поперек. Первоначально их загнали на далекий север, на реки Алдан и Маю. Побывали скопцы и в Средне-Колымском округе, пока не обосновались несколько южнее на территории теперешних Якутского и Олекминского округов. Скопческими центрами стали: селение Мархa близ Якутска и Спасское близ Олекминска.

Там, где сейчас расположено Спасское, когда-то был лес. Пришли сектанты, вступили в борьбу со здешней природой, и через 30-40 лет на месте тайги появился поселок и плодородные поля. Скопцы оказались прекрасными предпринимателями. Со всех сторон России от «братцев» и «сестриц» сыпались пожертвования и скопцы одерживали одну победу за другой.

Это было нелегко культуртрегерствовать в этой стране. В 1874 году на Приляхе скопцы посеяли шесть пудов хлеба, но всходы погибли от заморозков. Погибла пшеница, ярица и только ячмень сохранил половину зерна. Морковь выросла в палец толщиной, а капуста—величиною в кулак.

Скопцы боролись. Они принесли на север технические навыки и человеческий опыт развитых местностей тогдашней России. Село Мархa в 1894 году на 150 дворов имело: 24 конных мельницы, 1 паровую, 1 водяную, 6 торговых лавок, 1 кожевенный завод, 1 красильную мастерскую, 2 кузницы, 2 шорные мастерские, 4 колесных, 7 столярных, 8 плотницких, 6 сапожных, 4 токарных, 2 малярных, 2 портновских, 1 кондитерскую, 2 часовых, 5 швейных, 2 слесарных. Кроме того, среди мархинских скопцов было 3 печника, 1 стекольщик и даже 3 типографских наборщика*).

Столь мощного культурного кулака край доселе не видел. Если добавить, что скопцы в Мархе прекрасно поставили огородничество и земледелие, станет понятно, почему скопцы стали на севере сразу же самым культурным слоем населения, если не считать политической ссылки.

То же самое было в Спасском. Уже в 1896 году Спасское засевало около 3.000 десятин земли по 14½ десятин на душу. Хлеб родился прекрасно. И это на севере, где сколько-нибудь крупное земледелие считалось невозможным. Скопцы во второй раз после казаков покорили север. Они являлись пионерами и являются передовыми людьми сейчас в сельском хозяйстве Якутии.

. . . . . .

Мы сидим на лавке. «Сестрица» где-то накладывает сметану, набирает всякий продукт, а скопец все рассказывает:

— Да, безбожие проникает в скопческие твердыни. Появился такой скопец который пьет водку, ест мясо, играет в карты. Осталось теперь в Спасском всего сто

*) Данные заимствованы из книги Г. А. Попова—«Очерки по истории Якутии», стр. 92.

братцев и сестриц, остальные раз'ехались, пооткрывали в Москве мастерские, позабывали своих людей и свою веру.

Очистительная буря революции вызвала к активной жизни даже многие скопческие души.

И потом беднеет скопчество. Раньше сеяли по 100-120 десятин, а теперь в среднем 15-20 десятин. Правда, и теперь большинство скопцов являются кулаками, у них работают батраки, и многие из скопцов имеют по 15-20 тыс. рублей капитала. Это факт, что когда прошлый год были повышены хлебные цены, олекминские скопцы в течение трех дней вывезли 15 тыс. пудов хлеба. Цифра для севера грандиозная. Но скопцов-миллионщиков уже нет в помине.

На крыльцо выходит девушка. На девушке красная кофта. Красная кофта и повисшая желтая кожа на лице. Цвет радости и церковный воск. Девушке на вид 17 лет. Неужели и в наши времена возможно оскопление? Чуть заметная улыбка ложится на лицо скопца.

— Вы не подумайте чего-нибудь,—говорит он.—Я ее в 907 году из России вывез, после манифеста. Ей много лет.

«Девушка» моет пол на крыльце, а скопец рассказывает:

— Вот раньше это бывало: у исправника был кучер—молодой парень. Отец и мать у него скопцы, а парень любил выпить, в картишки поигрывал, с бабами баловался. Тогда отец сказал ему: «Или иди в скопческую веру, или мы тебя утопим». Парень пожаловался исправнику. Исправник вызывает старшину. Старшина пришел к исправнику, а исправник налил стакан водки и приказывает: «Пей!». Старшина пал в ноги, а исправник свое: «Пей!». Скопцы ждали. Дело ведь общее—скопческое. Послали за старшиной людей. Исправник и их напоил, а через три дня кучера украли, насильно оскопили и тут же удавили. Не смирился он. Всяко бывало.

Жутью несет от этих рассказов. Сидит передо мной благообразный человек, весь какой-то обвисший и просто не верилось, что именно эти люди сделали эпоху в крае и, совершив убийство грядущих поколений, заложили жизненные основы для будущих людей.

11. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПОБЕДА.

Придет время и человечество поставит борьбу за хлеб на севере в ряд с самыми замечательными победами человеческого разума. Ведь речь идет о территории в 4 милл. кв. километров (из которой надо, правда, выкинуть самые северные окраины), т.-е. о таком огромном пространстве, на котором по европейским нормам населения можно поселить 280 милл. человек. Это значит, что население Советского Союза может трижды увеличиться и сохранятся зауральские нормы плотности населения. Скопцы вдребезги разломали, камня на камне не оставили от легенды, будто огромные пространства азиатского северо-востока являются гиблыми местами.

Ерунда это. Скопцы в Спасском получают средний урожай с десятины в 120-150 пудов, т.-е. берут в здешних якобы гиблых местах такие урожаи, которые западно-сибирским крестьянам достаются ценной огромной работы над землей.

Скопцы продвинули границу земледелия до Якутска и севернее и привели в покорность человеку огромные земельные пространства. Легенда разрушена. Якутия не купел и не гиблое место. Это страна, которая может стать и станет цветущей. Сюда нужны люди, много людей. И люди будут. Надо только прекратить поток макулатуры, выпускаемой нашими издательствами о северных окраинах, где писатели уверяют людей в их бессилии перед природой, а север изображается, как сплошная жуть. Наше представление о севере и начинается и кончается обыкновенными сплетнями людей, не умеющих видеть за скорлупой в орехе ядра.

Можно наворотить миллион ужасов об Якутии. Пожалуйста:

В Якутии царствует вечная мерзлота.

Здесь расположен пункт, где наблюдался абсолютный минимум температуры на земном шаре. В 1892 году температура воздуха в Верхоянске равнялась в 69,8° ниже нуля. В самом Якутске зарегистрирован холод в 64,4° и в Олекминске в 60,1°.

Несчастье заключается в том, что строение атмосферы не допускает проникновения теплых воздушных течений с Тихого океана.

В результате вегетационный период равен 4 месяцам. И то случаются утренники.

Осадков очень мало. Северный пояс имеет 50-100 мм. влаги в год. Долина рек Вилюя, Алдана и Средней Лены—150 мм.; долина р. Олекмы—200 мм.

Мало этого. Первая половина лета менее богата осадками, чем вторая.

Список «ужасов» можно было бы продолжать еще, но ведь тем же крупнее становится человеческая победа.

Еще царское правительство посылало туда специальных людей, всяких «Моисек» и «Омелек», чтобы они насаждали земледелие. В 1640 году воевода Головин считал, что устье р. Киренки—предел земледелия. Сотни лет тянется история борьбы человека за право существования в этом крае. В результате этой борьбы одержана полновесная победа, о которой надо написать книги. Победа эта более крупна, чем открытие Алдана. Об Алдане у нас написана тысяча книг, а о северном земледелии мы не имеем и одной толковой книги.

В 1917 году на территории теперешней Якутии уже засевалось 34 тыс. десятин различными хлебными культурами. Процент распахивания земель равнялся 0,2 проц. от общей площади. С 1919 года наступил упадок и к 1924 году посевная площадь упала до 19 тыс. десятин. Вплоть до этого времени шла вниз экономическая кривая Якутии.

Едва ли какая-нибудь другая местность Советского Союза перенесла столько от контрреволюционных банд, сколько Якутия. Выпущенные отовсюду белобандиты воспользовались естественными условиями севера и, например, пепеляевские банды были ликвидированы только в 1924 году.

Стараниями контрреволюции, вплоть до 1924 года, нищал якутский народ. Вместо 128.465 лошадей в 1917 году, в 1924 г. их осталось только 95.344. Такое же падение можно проследить и по всем другим отраслям хозяйства.

И сейчас было бы наивно изображать Якутию раем. Якутия—тяжело дышащая страна, но это и не ад.

Дело тут не в процентных и всяких математических соотношениях, а в том, что земледелие победно шествует вниз по р. Лене на север, и нужны только человеческие руки и опыт, чтобы всякие процентные соотношения изменились на благо страны. В этом соль. По тайге идти много тяжелее, чем по просекам. Просека экономического благосостояния Якутии прорублена. Путь впереди ясен. На этом пути надо еще корчевать пни; выдергивать корни, но сам путь виден далеко. Это путь не на рыбу, не на золото даже, а на земледелие, на корову, на лошадь, на то, без чего не может существовать человек.

Все кричат о морозах, тундрах и никто не додумается громко закричать об олекминской корове, переносящей дикие морозы, не похавшей не только сильных, но сколько-нибудь сносных кормов, и все же дающей 56,6 пудов молока в год, в то время, как удой крестьянской западно-сибирской коровы равняется в среднем 50 пудам. Процент жиров у якутской коровы 4,4 проц. Это почти равно требованиям, пред'являемым коровам на выставках Западной Сибири. Если качество молока рядовой якутской коровы почти равно качеству молока нашей выставочной, то такой корове нет цены.

О золоте, например, непомерно много кричат и поэтому редко кто знает, что на самом деле Якутия сейчас живет не под знаком золота, а в значительной степени под знаком тяги к земле. Золотая лихорадка пройдет и забудется, а земледельческие дела останутся на многие века.

Тяга к земле все больше одолевает Якутию. Уже сейчас свободный запас земли, могущий быть немедленно использованным под земледелие, равен всего 18.000 гект., а дальше земледелие упирается в раскорчевку леса.

На помощь северному человеку все больше приходит машина. Первый раз сельско-хозяйственные машины привезли в Якутию в 1908 году на 4.000 руб. Сейчас против 1917 года в Якутии сеялок больше в 10 раз, плугов в 3 раза, жаток в 15 раз.

Со всех сторон действует эта тяга на землю. В Якутском округе сейчас есть около тысячи голов свиней, а дело еще только в зачатке. Лошадей Якутия имеет 120% довоенного количества.

За всеми золотыми лихорадками, за всеми Клондайками, которые трясут Якутию, нельзя не видеть основного факта—настоящего Клондайка, грядущего в Якутию.

Подлинный Клондайк не на Алдане, он на Олекминских полях золотой пшеницы, он в вымени у коровы; в зубцах жатки; на лемехе плуга; в сальном покрове свиньи; он в животноводстве и в земледелии. Тут—точка.

Золото много романтичнее, чем хлеб. Золото застилает людям глаза. Об этом надо сказать громко не только для того, чтобы разбить вдребезги все легенды, ходящие вокруг Якутии, но и ради напоминания самим якутским товарищам. Единственное опытное поле, которое я видел в Якутии, находится в Олекминске и принадлежит частникам-агрономам. Якутское правительство недостаточно работает, чтобы реализовать в широких масштабах человеческие победы в области земледелия. Якутское правительство проектирует колонизацию республики, хочет привлекать переселенцев, а совершенно не ставит опытного дела. Сколько я не прочел литературы по якутоведению, всюду Якутия именуется золотопромышленной страной. Даже генеральный план реконструкции хозяйства республики как-то вскользь упоминает о земледелии. Золото застит глаза. Между тем Якутия никогда не станет населенной страной, если не поставит крепко на ноги земледелие. На золото люди будут приходить и уходить. Только через земледелие лежит путь к превращению южных районов Якутии в цветущую сельско-хозяйственную местность.

12. ЧЕЛОВЕК-ХИЩНИК.

Когда плывешь по Лене, особенно после Олекминска, бросается в глаза суровая дикость края, эти могучие скалы, огромнейшая щетина леса, бескрайная река, и таким маленьким кажется перед всем этим человек. Т.-е. собственно человека не видно. После Олекминска на протяжении шестисот верст мы видели Саны-Яхтат, где 70 дворов, и Покровское, где на 8 домов 3 церкви, одной из которых свыше 200 лет. Помимо этого, разве изредка встретится рыбачья лодка и перекликнешься парой слов с рыбаком. И дальше снова пустыня. Едва ли где-нибудь в другом месте можно наблюдать природу в столь незапятнанном виде. Все это давит на сознание и производит неотразимое впечатление.

А между тем, здесь живет человек. И когда я пробовал представить себе образ здешнего человека, то человек этот представился мне в виде полуголодного зверя, приникшего к земле или спрятавшегося за лесину и подстерегающего добычу, которую выкинет ему природа. Человек—хищник.

В этом нет ничего оскорбительного. Это не прозвище совсем, а совершенно правильное и точное обозначение методов здешнего хозяйствования.

Человек пришел сюда в виде хищника. Русские казаки в XVII столетии пришли под лозунгом:

— Добычу взяв у слабейшего,—
Дочиста сам не с'едай.
Право убогого—жалость:
Шкуру и череп отдай*).

*) Р. Киплинг—«Маугли».

Казаки и в самом деле установили такую систему, что якутам от их страны оставались рожки да ножки. Закон хищничества царствовал здесь с времен доистории.

Русский феодализм нагрянул в Якутию сотнями чиновников и попов—хищников в прямом смысле этого слова. Позднее капитализм пришел тоже в образе хищника. Явившись в феодальную родовую обстановку, он установил грабительские принципы работы. Капитализм ничего не производил, но зато вывозил отсюда все, что можно. Советской власти капитализм не оставил ни одного промышленного предприятия. Капитализму выгодно было отравить хищничеством всю систему человеческих отношений в Якутии. Закон хищничества был и пока есть закон развития страны. Хищничество, возведенное в принцип, определяет экономику края.

Возьмите пушнину. В этой части экономики человек—откровенный хищник, и приемы его ничем не отличаются от приемов сильного зверя по отношению к слабым. Человек-хищник идет на прямое истребление пушных животных. Соболя почти не осталось, лисицы мало. Наиболее устойчивой в борьбе с человеком оказалась белка. Белка сейчас выравнивает статистическую кривую и только ценой истребления белки статистики могут вывести пушной итог Якутии не только ниже, но выше довоенного.

Поэтому хищничество становится не только методом, но и психологией. Человек, плохо технически вооруженный, если не сказать совсем безоружный, вступает в единоборство с суровой здешней природой, подвергается опасностям, природа его не балует. Жизнь хищника вовсе не так хороша. Человек, если не отдает в борьбе с природой свою жизнь целиком, то выходит из этой борьбы израненный, пораженный трахомой, туберкулезом. Человек расплачивается за хищничество десятилетиями своей жизни. У якутов очень мало стариков старше пятидесяти лет. 95 человек из каждых 100 в Якутии умирают, не достигнув 50 лет.

В отрывном календаре мне как-то попался листок, где на обороте был текст о машине. Там было написано, что древняя Греция достигла расцвета и благополучия ценою каторжного труда 400 тыс. рабов, обслуживавших 100 тысяч свободных граждан. Сегодняшнее человечество делает свое благополучие при помощи механизированного раба. В Америке в 1919 году на каждого жителя приходилось 5 лошадиных механических сил, т.-е. в среднем каждого американца обслуживала сила, равная физическим затратам 50 человек. В далекой Якутии на одного человека не приходится и сотой доли механической силы. Хищничество же ни от чего не спасает.

Вот почему 9 из 10 якутов спросят вас:

— Арга бар ду?

Вот почему якут согласен на ярмарке платить любые деньги за коньяк или скупать дюжинами пузырьки с киндер-бальзамом в Сибмедторге.

Не скука заставляет людей севера ездить на собаках за 200-300 верст играть в карты. Это просто негодные попытки вознаградить страдания.

13. ХРУСТИТ ЗОЛОТО.

Их вышло двенадцать с Незаметного прииска на Алдане. Вышли они через узкую щель в Саны-Яхтате. Узкая щель стиснута хребтами. Меж хребтов лежит тропа, на трехсотой версте упирающаяся в золото. В щели царствуют ветра и звери. Двенадцать ушли этой тропой и пришли в Саны-Яхтат на Лене. На каждом из двенадцати были широкие синие штаны и на всех на двенадцать одна гармошка плюс к гармошке двенадцать глоток, наполненных матерками. К услугам двенадцати была водка, а у двенадцати были деньги.

Вскриками гармошки встретили алданцы пароход. Они пели матерную песню. Пристал пароход и двенадцать атаковали буфет. От них несло винным перегаром, а они требовали еще коньяку и наливок, матерились, привязывались к женщинам, превратили палубу в Бедлам. И когда им указывали на это, они отвечали:

— Заявляете? Мы с Незаметного...

Тут же они пили вино, а на пароход и на баржи шла погрузка. Покачиваясь ходили алданцы. Затем они стали поперек трапов и прекратили перегрузку. Их увещевали. Они отвечали:

— Заявляете? Мы с Незаметного...

Как будто одно это (то, что они побывали в Алданской тайге на знаменитом прииске) давало им право делать все, что угодно.

— Мы с Незаметного...

Самый веский аргумент. Человеку, поборовшемуся с тайгой, кажется, что он герой. Хищник, ухвативший добычу, задает пир.

. . . . . .

Здоровый детина с огромными усами садится у якоря. Крупные слезы катятся по щекам.

— Ты думаешь я пьяный? Нет, голубчик, я и не пьяный совсем... Я только немножко выпил. Я тебе праведное слово говорю. Там, на Алдане, климат не подходящий. Там только китаец может. Он траву и всякую пакость жрет, а мне хлеб надо. Китаец он, как кошка: его бьют, он другой бок подставляет. Я же-ж, голубчик, слесарь. Слесарь я. Нижегородский я слесарь. И поехал за золотом, и стакнулся с китайцами, и ушли в тайгу на ручьи. Китаец он траву жрет, а мне хлеба надо. Китаец траву посушит на огне, растолкет и похлебку делает, а я разве могу?.. Я к мясу с малолетства привышный. А на золото мы напали. Копали золото. В третьем годе это было. Я оттуда на Бодайбо подался, на концессию. Жену из Нижнего выписал, дочь приехала. А на концессии климат хуже алданского. Жена похворала да померла, а дочь с милиционером скрутилась. «Что ж, говорю, тебе на родине у нас женихов мало? Поднакопим вот денег и подадимся». А она убегла. Приходит потом с мужем. Мурло у него громадное. «Благослови, тятя». «Садитесь»—говорю, а сам в казенку. Такая злость взяла, из себя бы выпрыгнул. Приношу бутылку водки, колбасы. Сажусь, стакан наливаю, «за здоровье»—говорю—и выпиваю один. Всю бутылку один выпил. «Ах, так!»—говорю,—взял со стола будильник да как ахну—винтиков от будильника не осталось. «Нет, говорю, тебе материной шубы. Сожгу все». Зингеровскую машину сломал. Зятек же меня и в участок увел. А утром я встал и прямо на пристань сюда подался. Теперь обратно еду.

И, помолчав немного, спросил:

— А как ты думаешь, большая безработица в Нижнем? А?

. . . . . .

Сколько приискателей видел я за дорогу. И в Витиме, и в Маче, и в Саны-Яхтате. Они приходили на паузок и шопотом спрашивали:

— Железо*) берете?

Китайцы артелями на наших глазах уходили в тайгу и уносили чудесно написанные «мандаты», испещренные иероглифами. Тысячи людей шли на север из разных мест Советского Союза. Всех их манило золото—металл, из которого Ильич хотел строить ватер-клозеты. На грязных баржах, грязные и ободранные, двигались обратно приискатели, не нашедшие счастья на приисках, но никого это не смущало. Новые тысячи людей едут на север. Лена, как гигантский конвейер, подает тайге новые партии химически-выделяемых человечеством смельчаков.

На Алдане только за один 1923 год количество старателей возросло с 30 человек до 5 тыс. человек. Люди умирали с голода, а через их трупы переступали и шли новые колонны людей.

Известна знаменитая Теркандинская трагедия. Золото в Теркандинском районе было открыто в 1917 году. В 1919 году туда начался бешеный наплыв золотоискателей.

---

*) Так некоторые приискатели называют золото.

Наверное никто не слыхал ничего о Теркандинской республике. А такая была. Два года существовала республика. В 1920 г., когда Терканду трясла золотая лихорадка, туда пришли таежные хищники и установили над золотоискателями свою власть. В 1922 году часть приискателей взбунтовалась. Была резня и расстрелы. Захватчики поплатились жизнью.

Но этот жуткий таежный эпизод не остановил людского потока, и в 1924-25 г.г. дело закончилось голодной смертью многих десятков охотников золотого песка. Так добывается золото.

Якутия—страна на золотом песке. Золото делается из человеческой крови и нервов. Якутия дает сейчас свыше четверти золотодобычи СССР. Сколько тут уложено человеческих жизней и сколько измотано нервов! На Алдане сейчас рабочий может сносно жить и работать. Но сколько смельчаков погибло раньше, чем Алдан был открыт, и сколько смельчаков гибнет сейчас, открывая новые Алданы.

Якутия бредит золотом. Тысячи людей спят и видят золото. Полуголодному хищнику снятся богатства Креза.

Спросите, куда идет человек с котомкой. И он вам ответит, что идет на Алдан за золотом. Куда тянется эта лодка с оборванными людьми? На север за золотом. Куда едут пассажиры на пароходе, люди с портфелями и люди в отрепьях? На Алдан. Зачем на Лене все эти часовщики, фотографы, сапожники, мастеровые? За тем, чтобы пробраться на Алдан. Чьим грузом гружены баржи? Алданским грузом. Чьи тюки давят плечи грузчиков? Тюки Союззолото. Для кого сложены клади сена на берегу? Для Союззолото. Чей идет обоз? Союззолото. Чьи эти склады на пустынном берегу? Союззолото. О чем разговаривают люди на якутском рынке? О золоте. Какая излюбленная тема якутских журналистов? Чем заполнены журналы? Статьями о золоте.

Союззолото—Алдан это какой-то сказочный Капитферитан, с которым всякий непременно столкнется в Якутии на каждом шагу, Капитферитан, за один только перевозки выплачивающий населению Якутии полтора миллиона рублей, скупающий весь товарный выход овса и мяса, неуемная глотка, которую трудно насытить.

Но кто знает, сколько Алданов есть еще в Якутии? Ведь алданская горячка началась только в 1923 году. Теркандинский район открыт в 1917 году.

Утопая во мхах, проваливаясь в сгнивших деревах, пробираясь по долинам ручьев, бродит по тайге человек-хищник. Неведомый человек прислушивается, когда захрустит под ногами золото. Нож или-пуля решают вопрос, кто сильнее из двух встретившихся людей. Еще не один Алдан откроет человек-хищник. Сейчас все растет и ширится в Якутии слух о вилюйской платине.

Человек-хищник—неуемная натура. Вчерашний Алдан уже скомпрометирован сегодня в глазах золотоискателя. Там золота осталось на несколько лет, и пока инженеры производят разведки, человек-хищник орудует в тайге и ведет свои хищнические «разведки».

Зато когда такой человек выходит из тайги, он дает себе волю. Он считает, что ему все дозволено, что он выше всех людей, потому что он из тайги.

— Заявляете? Мы с Незаметного...

14. КРАЙ, СБЕРЕЖЕННЫЙ ГРЯДУЩЕМУ.

В Ленинграде не так давно выпущена толстая книга. Книга эта имеет около тысячи страниц текста. На обложке книги напечатано одно слово—«Якутия». Книга написана сухим языком. На три русских слова приходится латинское, и все же книга читается с захватывающим интересом. По существу Академия Наук издала прекрасную поэму о благополучии грядущих человеческих поколений.

В 1925 году Академия Наук начала огромное обследование Якутии, рассчитанное на пять лет. Около полуторыхсот человек научных работников заняты ежегодно на полевых работах, т.-е. работают в самой Якутии. Весь исследовательский опыт преды-

дущих веков обобщается в одно целое и первым плодом этой огромной работы явилась толстая книга под заглавием «Якутия».

Об авантюристическом полете фашистского дирижабля на север у нас были исписаны и еще будут исписаны вагоны бумаги, а о таком деле, проделываемом Академией Наук, у нас массы не знают. У нас есть увлечение всем, что происходит за нашими рубежами, хотя бы этому зарубежному была грош цена. Происходящая на севере научная работа не только не менее героическое, но во сто крат более полезное человечеству мероприятие, нежели фашистские наскоки на Северный полюс.

Едва ли в какой-нибудь капиталистической стране и вообще когда-нибудь в мире имело место столь грандиозное научное мероприятие. Обследуется площадь в 4 милл. кв. килом., при чем обследуется всесторонне со всех точек зрения. Ученые люди изучают хозяйственную структуру страны, население, климат, почву, ископаемые, пути сообщения, растительность, животный мир, словом Якутия изучается решительно во всех своих проявлениях, так что будущим строителям не придется бродить в потемках. По существу Академия Наук подготовляет для будущих людей огромные площади не только Якутии, но и всей северной полосы, доныне человеком не освоенной. Нас эта работа Академии Наук интересует не только с научной, но и с политической стороны. Такое научное мероприятие невозможно в условиях капитализма. Только в обстановке социалистического планового хозяйства становится возможным прочное содружество науки и практической стройки в таких масштабах.

Есть документ XVI века, когда русские казаки впервые проюхали о Лене. 16 декабря 1619 года тобольский писец записал.

«В Тобольске сибирские служилые и промышленные люди, которые бывали на Енисее и по другим местам, рассказывали про тунгусскую и иные землицы: от тунгусского острогу (т.-е. от Енисейска), который-де ныне поставили Петр (Албычев) и Черкас (Рукин) ехать до волоку (с Илима на Лену) две недели, затем-де волоком итти два дня до великие реки».

«... сказывал про тое большую реку Кипанския землицы князец Илтик: та река великая, а имяни он той реке как ее и по которому языку зовуют не знает».

Илтик рассказывал:

«... а ходят-де тою рекою суды большие и из пушек с тех больших судов стреляют, а вода в той великой реке солона, а что-де в нее кинешь и из нее-мечет вон на берег, да на той же великой реке есть острог».

Тобольск приказал:

«... одарить Илтика, да о том князцу Илтику говорити, чтоб он государю послужил вместе с русскими служилыми людьми пошел проведывать тое великие реки, про которую он Петру и Черкасу сказывал».

Казакам была дана инструкция:

«... проведывать подлинно, прямо-ли река или море или переуль морская, да будет река и им велеть ездить по обе стороны реки и того смотреть каковы у тое великие реки берега и есть ли на них какие выметы и есть ли какие угожие места и лес, который к судовому и ко всякому делу пригодился или горы, да буде горы и какие горы каменные ли и сколь высоки и есть ли на них какой лес или степные места и откуда та река выпала и куда усьем и в которую реку или море впала и рыбная ли река и какова в ней вода и мечет ли из себя вон на берег и какой зверь и есть ли»...

В одной книге так описываются первые русские, появившиеся на Лене*):

«Все они прирожденные бродяги с ненасытной жаждой бесконечного передвижения все на новые и новые места, дабы найти там зверя и людей, поживиться от них и итти дальше, хотя бы на край света, с поисками новых землиц».

«Все эти люди—писано в другом месте книги—обладали исключительной настойчивостью и твердой волей, отличались страстью к приключениям и проявляли полную неразборчивость в средствах и жадность к добыче».

---

*) Заимствовано из книги Г. А. Попова «Очерки истории Якутии».

Два типа исследователей перед нами. Первые исследователи Якутии принесли на Лену знамя хищничества. Образ человека-хищника смотрит на нас из глубины столетий.

Сейчас Якутия вторично обследована, даже вторично открыта человеком-рационализатором, могучим управителем силами природы. Только теперь становится ясным «каковы у тое великие реки берега», «какие утожие места», «какие горы», «откуда река выпала и куда усьем».

И надобно сказать, что «утожих мест» в Якутии предостаточно. Об этом нельзя написать в очерке, потому что нужно было бы переписать всю огромную книгу Академии Наук.

Каменные угли в Якутии лежат на поверхности, висят пластами над рекой и в одном только Сунтарском месторождении можно добыть без всяких разведок 60 тыс. метро-тонн угля. Угля много лежит на севере за Якутском.

Соль в бассейне Вилюя стоит над рекой утесами. В Кытыл-Тузе—отвесные обрывы высотою в 80-100 метров из на 99,51 процента чистой соли висят над рекой. Только видимые запасы исчисляются в 500 тыс. тонн.

В соляных источниках Кемпендяйском, Балинском крепость рассола—25 проц.

Серебро, свинец, железо, платина, золото—все есть в Якутии.

На территории Якутии 51 проц. всех лесов СССР. 97 проц. территории Якутии под лесом. Поистине республика живет в дремучем лесу. Это такое богатство, которое вообще трудно перевести на рубли и червонцы.

Тундра? В обычном представлении это гиблое место. На самом деле и в тундре лежат грандиозные богатства. Одна рыба чего стоит! Сейчас пески эксплоатируются всего на 50-60 проц. и рыбы добывается до 14 тыс. тонн в год, а это едва-едва половина того, что можно добыть. Жители северных окраин Якутии с'едают по 18 с лишним пудов в год рыбы на душу в то время, как население Ленинграда потребляет 79 ф. рыбы на душу в год. 9 тыс. собак на севере с'едают по 20 пудов рыбы каждая в течение года.

В Якутии есть 100 тыс. озер, переполненных рыбой. Озеро приходится на каждых трех жителей.

Даже острова, лежащие в океане, изобилуют мамонтовой костью. Человечество придет еще сюда, вооруженное техникой, и черпнет здесь благо полными пригоршнями. Но это будет уже не человек-хищник, а человек-рационализатор, который не только будет расхищать то, что лежит на поверхности, но залезет и в глубины земли, понастроит заводов и превратит север в крупную хозяйственную единицу.

Сегодня, немедленно сделать это нам не по силам, но завтра окрепший человек придет и возьмет этот край золотой в шоры, край, сбереженный грядущим человеческим поколениям.

15. ДОРОГУ ДАЙТЕ!

У сегодняшних людей по отношению к Якутии более скромные обязанности. Огромная страна не может дышать, потому что у ней нет хороших путей сообщения.

Передо мной лежит сейчас генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской республики, и сколько вы этот план ни будете читать или даже изучать, вы всюду столкнетесь с вопросом о транспорте. Вопрос ли это торговли, или рыбы, или леса—все равно он упирается в транспортную проблему. Социализм в этой стране сталкивается с дорогами—времянками и даже с Ола-Семчанской летней тропой. На одном конце Советского Союза—Днепрострой, на другом—Ола-Семчанская летняя тропа!

Якутия проектирует соединение Лены железной дорогой в Саны-Яхтате. Исходным пунктом магистрали будет станция «Невер» на Дальнем Востоке. Магистраль пересечет Алданские прииски и золотоносные районы.

Якутия хочет опутаться сетью грунтовых, трактовых дорог и просто тропами. И, наконец, Якутии надо выйти к морю.

Одной своей стороной Якутия обрывается в Ледовитый океан, а другой—в Тихий. С одной стороны вечные льды, с другой—теплые течения. На Тихом океане Якутия может орудовать такими портами, как Охотск и Порт-Аян. Водная система Лены рекой Маей подходит почти вплотную к Тихому океану, и нужно лишь восстановить, когда-то имевшийся тракт, чтобы получить выход к морю.

Уже сейчас Якутия наладила пароходство по Алдану и Вилюю, а Добролет открыл авиалинию Иркутск—Якутск. Республика поставила на линию огня дорожное дело.

И с этой стороны раньше всего идет конец хищническим методам хозяйствования. Дороги—первое условие, обеспечивающее развитие края. Рядом с дорогами пойдет организация людей в коллективы и оседание коллективов на землю—развертывание земледелия. Наука освещает прожекторами будущие пути экономики. Впереди—машина, завод, фабричный дым. Строющийся на Вилуе консервный завод на один миллион банок консервов—первая ласточка грядущей реконструкции края.

16. МАЛЕНЬКАЯ СТОЛИЦА.

Вот о чем думает двенадцатитысячный Якутск—столица Якутии. Отсюда тянутся нити по всей стране, с таким трудом выбирающейся из трясины доистории.

Сам Якутск маленький и грязненький. Плотно сколоченные дома с мезонинами и узенькими окнами—это все, что осталось от капиталистических стервятников. Осталось еще много церквей да стоит одинокая почерневшая башня—остатки острога, построенного казаками в XVII столетии. Башня, совсем черная от времени, бережно охраняется для будущего.

Шумно, бойко в узеньких улочках города. Сколько не иди, все на домах будут вывески. Половина Якутска занята всякими торговыми предприятиями.

После пустынь Якутск кажется огромным городом, каменные здания—строительным шедевром и люди какими-то особенно хорошими. В городе наркоматы, наркомы, больницы, библиотека, кино, два театра, две газеты, книжный магазин, кафе, гостиницы, город движется, живет, суетится за всю огромную страну.

На площади на берегу цирк. В цирке лошадки указывают дни недели, знают таблицу умножения, а неподалеку телеграф и у аппарата—телеграфист, одиноким проводом связанный с миром. Такой далекий этот мир!

Вечером на лавочках у ворот сидят якутские чиновники и судачат. Вас—нового человека—замечают сразу и спрашивают:

— Что новенького там?

А «там» это чуть не тот свет. И что у вас есть «новенького», если вы сами ехали больше месяца и за этот месяц мир для вас не существовал, мир был отделен расстояниями?

В центре города шумит базар, замечательные якутские лавки, где торгуют за аршинным прилавком нельмовыми пупками, якутскими музыкальными инструментами, мануфактурой, шитыми шелком туфлями, хлебом, колбасой, мамонтовой костью и ковриками из шкур животных. Лениво едет по улицам верхом на быке якут, мурлыкая свою песенку, а город суетится, бегает, думает за всю страну, основной музыкой которой несколько лет назад был кандальный звон. В самом Якутске на улице, называемой «Романовкой», стоит романовский дом, где в годы самой мрачной реакции революционеры закрылись, выкинули красный флаг и в течение недель выдерживали осаду соединенных сил войск и полиции. Каждая уличка, каждый дом связан здесь с воспоминаниями о революционерах.

17. О ПОШЛЯКАХ и САМООПРЕДЕЛЕНИИ.

Об этом нельзя умолчать. Обидно бывает, когда наезжающий летом в Якутию всякий сброд в поисках хищнических заработков позволяет себе всячески глумиться и издеваться над молодой республикой. Сплошь и рядом слышишь ироническое;

— Как же, у них ведь свое, с позволения сказать, государство!

— Липовая республика!

— У них, в Якутии, совсем, как у больших: Совнарком, ЦИК, Наркомы с портфелями. Кукольный театр!

Такие пошлости понятны со стороны рвача-обывателя. Пошляк-обыватель, ползая по земле, всегда чувствует себя соколом. Великодержавная политика мила сердцу обывателя, потому что она способствует рвачеству. Это понятно.

Плохо, когда эти же пошлости слышишь из уст коммунистов, представителей всякого рода трестов, наркоматов. Сплошь и рядом, если не сказать в подавляющем большинстве, эти люди солидаризуются с обывательской бандой в части рассуждений о национальном вопросе. Один коммунист говорил:

— Вы понимаете—умора! Они даже канаву прорыли на своей границе. Остается часовых выставить.

Работники Якутской республики знают, как ведут себя все эти «начальники из центра». Стоит такому человеку пред'явить какое-нибудь, хотя бы и законное, требование, как чин из центра немедленно раскрывает глотку и в общем хоре с обывателями начинает кричать:

— Это вы сами сочинили! Нет такого закона! Вы что думаете, если вы республика, на вас управы нет? Я в Москву телеграфирую! Вам наломают кости!

Такая картинка носит в Якутии бытовой характер. Одни на первый взгляд беззлобно посмеиваются над автономной страной, другие без обиняков проявляют великодержавное хамство.

Здесь получается общий хор с буржуазными борзописцами, пытающимися залить чернилами и скомпрометировать ленинскую идею самоопределения наций. Тугоголобому обывателю всегда кажется, что это самоопределение должно заключаться в пограничных кордонах, дипломатах, посланниках и шелухе национальной гордости и шовинизма. За скорлупой национального мундира обыватель бессилен видеть суть вещей.

Якутия знает, что принесла ей автономия. Она знает, что это не марионеточный театр.

И тут не в том дело, что СССР в целом помогает отсталой стране догнать ушедшую вперед колесницу времени, хотя помощь сильных народов слабым входит составным элементом в национальную политику советской власти. Дело в том, что самоопределение, автономия дали возможность Якутии развернуть строительство на национальных основах, т.-е. перестраивать страну в полном согласии с культурными и бытовыми национальными навыками.

Хотите знать, как относились якуты к школе в старые времена?

«Когда-то будет польза, да еще будет ли? Научат ли мальчишку чему-нибудь? Не научат. Станут они с ним заниматься, как следует! Как же! Вот С. заставлял учиться сына у чиновника Б. Уж на что Б. старик основательный, а учил девять лет, да читать-то простое письмо не научил. Добро бы малый был бестолковый, а то ведь, смотрите на него, совсем неглупый человек. Вон М. есть—грамотный, какую такую благостыню грамотностью извлек? Подделал подпись, отодрали плетьми и сослали к нам на вечное поселение. Куда он, школьник, годится? Ни якут, ни русский. Перед нами хвастать будет, а перед русскими нас (очевидно—ругать. **А. М.**). Дома он ни косить, ни зверя, ни рыбу изловить. Да и плутом сделается. В городе все плуты. Ну, так вот он и научится разным плутовствам и выйдет kylyk kihi—проходимец, пройдоха, плут. Да и какую он мне пользу принесет грамотный-то? Будет ли он больше белок промышлять, будет ли от этого корова по два теленка носить? Да, наконец, он мне теперь дома нужен. Ведь у нас мальчики с 7-6 лет работают, а не гоняют собак. А укажите мне пример, где бы грамотный якут был полезен. Хвастун из него выйдет»*).

---

*) Заимствована у Г. А. Попова «Очерки истории Якутии».

Это письмо написано из Верхоянского округа одним учителем, записавшим рассуждения якутов. Тут очень много от темноты вообще, но характерно другое: «ни якут, ни рускій», «в городе все плуты», перед нами хвастать будет, а перед русскими нас ругать».

А город, где по мнению якута все плуты, был городом русских начальников. Якут резко проводит грань между якутами и русскими. Доверить обучение мальчика руссификаторам, насильно насаждающим крестьянство, значит, получить плута. Великодержавная политика в том и заключалась, что она велась наперекор, на ломку всего национального у малых народов. Только автономия дала возможность Якутии выявить национальную энергию. Национальная энергия это такая штука, которая через ряд других общественных форм превращается в металл, в хлеб, в рыбу, в материальные ценности. Никакой экономический расцвет невозможен вне связи с национальным характером, национальной культурой человеческих масс.

В этом соль национального вопроса. Революция без всякого самоопределения смела бы тайонат (институт князей) и выгнала буржуев, но самоопределение позволило развернуть политику на национальных основах.

Революция возвратила якутскому народу родный язык. В последние годы закончено оформление якутской письменности, и якутский народ получил газету на родном языке. Культура сделала в Якутии невиданный взлет. За пять лет издано сто разных книжек на родном языке. Родной язык вводится в школах.

Пекарский в течение десятилетий работал над своим якутско-русским словарем, но будь этот словарь изданным в условиях царизма, он был бы пассивной принадлежностью науки, а сейчас в условиях автономии это действенный инструмент национального строительства. То же самое с работой Кулаковского, собравшего несколько тысяч якутских пословиц.

За пять последних лет Якутия обучила грамоте 10 тыс. человек и получила 231 новое культурно-просветительное учреждение.

Этот культурный взлет стал возможным после того, как со страны были сняты национальные путы. Развертывание национальной культуры является необходимым условием экономического под'ема.

Якутии обеспечена помощь всех народов СССР, но и сама Якутия стала во много крат сильнее после об'явления автономии, хотя у нее и нет своего наркоминдела и Якутия никому не посылает нот. Не понимать этого, значит быть пошляком и обывателем.

18. ДОЛОЙ РОМАНТИКУ!

Мы возвращались обратно. 17 дней тащил нас пароход «Витим» до Усть-Кута. Как черепаха медленно продвигались мы вперед. Пароход шел не больше пяти верст в час.

Был август. Стояли туманы. Шел пароход вперед «семейным порядком». Захотелось капитану выпить, пароход остановился. Есть в деревне винная лавка—пароход стоит, ждет, когда матросы с'ездят за водкой. А потом люди на пароходе перепьются, сожгут все дрова, побросают в топки плицы и бродят в тумане, ищут по берегу дров. Идут пароходы и останавливаются мыть котлы, где им вздумается. Романтическая страна избегает расписаний.

От Усть-Кута мы пересели на длинные лодки. Лена становилась узкой и все более красивой. Лошади тянули лодку пять суток до Жигалово. На мелях приходилось вылазить в воду и стаскивать лодку. Ночью на корме загорался очаг и рулевой, Егор Егорыч, кричал:

— Не заранивай!

Отблески костра прыгают и играют на темной глади воды. На остановках мы разводим на берегу огромнейшие костры, и люди ходят по берегу какие-то странные, озаряемые пламенем.

По ночам становилось холодно, а лодка, как на зло, все чаще шуршала дном о гальку. Все чаще приходилось купаться в ледяной воде.

В Жигалове ямщики хлопали руками и рядились, чтобы взять подороже. Два дня тащит пара лошадей повозку по рытвинам и ухабам, часто по воде под отвесной скалой.

Затем еще два дня—от Качуга до Иркутска—на автомобиль, на котором пассажиры не столько едут, сколько сами тащут по грязи машину. Навстречу все еще тянутся обозы. Дрожащие от холода ямщики греются у костров.

И наконец,—Иркутск, железная дорога, электричество, городской шум, движение, заводы, гостиница и чистая простыня. Романтическое путешествие кончено.

И когда вздрогнул поезд, запели колеса, я вытащил блок-нот и прыгающим в руках карандашом записал:

«Все прекрасно. Романтика первобытного очага—хороший мотив для художника, но следует помнить, что первобытного человека с'едают вши. Чем скорее наступит конец якутской романтики, тем лучше».

К. УРМАНОВ

По сибирским совхозам

— Я за то, чтобы земля цвела прекрасными цветами, чтобы шумели бескрайние нивы и бушевали в пышном наряде леса. Я—за человеческую радость на земле...

ВСТУПЛЕНИЕ.

В книге для посетителей, в одном из совхозов, я написал:

— Ваши поля наполнили меня радостью и бодрой верой в то, что рука об руку с наукой труд может творить чудеса...

С этой радостью я покидаю тихие земледельческие просторы с тем, чтобы передать ее рабочим и крестьянам нашего Советского Союза через печать.

Я поехал по совхозам с огромной жаждой узнать то, что достигнуто нами за ряд послереволюционных лет в сельском хозяйстве.

Мне пришлось видеть совхозы и коммуны в первые дни строительства, тогда они были «далеки от всяких совершенств» и, конечно, вызывали резкие нападки со стороны мужика-хозяина.

— Собрали дармоедов да еще хлеб хотят от них получить,—говорил он.—Слопают казенную краюху и разбегутся.

Я видел, как нарождались и как разваливались коммуны, как вконец разорялись мужики и, буквально, шли по миру. Об этом писать не полагалось, ибо это породило бы страшное недоверие к коммунам, а организация их была нужна, нужно было оторвать земледельца от простого ковыряния в земле и поставить дело по-промышленному. На это наш мужик шел неохотно—первые жертвы его страшили.

Время изменилось. И я с удовлетворением написал в книге для посетителей в одном из совхозов то, что стоит в начале моей статьи.

ОТ'ЕЗД.

Первыми я решил посетить совхозы, расположенные вверх по Иртышу. Со мной ехал заведывающий сельскохозяйственным отделом омского сельхоз. треста Д. Г. Башков.

Пристань сообщила, что пароход вверх идет в 8 часов вечера, но мы отплыли, как полагается, только в 4 часа утра.

Над прииртышскими равнинами поднималось ласковое солнце,—день обещал быть ясным, солнечным.

Был конец июля.

Дождливая погода, продолжавшаяся более месяца (в течение которого выпало годовое количество осадков по данной местности), наконец, прекратилась. Задержанный погодой сенокос был в полном разгаре—луга запестрели пестротой копен.

Мы шли мимо тихих, казалось, безлюдных деревень, бывших казачьих станиц.

Широкая прииртышская полоса некогда была отдана царским правительством казачеству. Казачество не умело пользоваться земельными наделами. Ведение хозяйства лежало на женщинах и стариках, сами же «станичники» больше любили заниматься «политикой», раз'езжать по гостям, гулять и предаваться воспоминаниям из походной жизни.

КАК ЗАВОЕВЫВАЕТСЯ ЗЕМЛЯ.

Земля пустовала.

В девяностых и девятисотых годах началось завоевание мирным путем пришлыми людьми этих пустующих земель.

Люди пришли с большой инициативой и такой же силой воли,—они, как золотоискатели, накинулись на целинные участки казачьих земель.

Появились хозяйства по Иртышу: Штумпфа, Саяпина, Романтеева, Хаймовича, Инфантова и др.; по линии железной дороги: барона Штейнгеля, Бодалевских, Романенко, Попова, Карзина и др.

Казачья земля отошла к новым хозяевам.

Для организации более крупных хозяйств требовался капитал, оборотные средства. На помощь новым хозяевам пришли омские купцы: Колокольников и Липатниковы. Им было выгодно поддерживать молодых «помещиков»—проценты на капитал росли, веселей работали мельницы, распухали с каждым годом хлебные магазины.

Рядом с казачьими землями были расположены огромные пастбища степняков.

Молодые «помещики» легко нашли путь к этим «дикарям». Аренда земли и наем рабочего скота приняли постоянный характер.

Старожил Ачаира, плывший со мной на пароходе, рассказывал такое:

— Бывало поедут эти помещики к каргызцам. Ноне их казаками зовут, а какой из него казак, прости господи,—не макана лопатка и только—грех один. (Он, видимо, был казак и болел об утраченных правах и величии станичников). Да... дак вот, поедут вершни к каргызам и гонят оттоль целым табуном скот. Как взяли?—бог знат, но каргызцы часто бывало в станично правление с жалобой приезжали... Да чо толку? Огреет атаман нагайкой и вытолкат—худо им товда было. Опеть же станичному против господ нельзя—беду наживешь. А ковда уж усилились на своих заимках эти помещики, ну, товда страх, как роскочно жили: господа и господа. Ноне вон на совхозе-то на этом самом управляющего не отличишь от рабочего, разве малость чище одет и только, а те ведь ого-го... Сыновьев-то по городам учили...

Так укреплялся в Прииртышье в старое время выходец из России, сибирский помещик.

Близость к железнодорожной магистрали и водной артерии прекрасно была учтена старыми хозяевами.

Наши омские совхозы обосновались на всех этих участках, получили (некоторые из них) прирезку земель и, правда, не по-«помещичьи», а несколько шире строят советское хозяйство, делают новое дело большой государственной важности.

СОВХОЗ № 29.

Если наши коммуны носят названия «Лучей», «Красных маяков», «Майских утр», «Юных пахарей» и даже такие христианские, как «Любовь», то названия совхозов отличаются от них математической сухостью: 13, 14, 24, 26, 27, 29, 39, и только один совхоз в Омском округе имеет не числовое обозначение, а название и не

русское, а греческое: «Элита», что в переводе означает п е р в о р о д н ы й. Так мне об'яснили это слово агрономы.

Это не простая выдумка, что совхозы носят числовое обозначение. Как я потом узнал, экономика совхозов строго подчинена математическому учету—есть выгода, можно расширять, увеличивать хозяйство, нет—закрывайся.

Мы плыли к самому отдаленному от Омска совхозу № 29.

Далеко позади остался Ачаир, впереди виднеется на берегу небольшое село, бывшая казачья станица, Соляная—здесь высаживаемся.

Мой спутник говорит, что до совхоза остается 10-12 верст, и мне хочется пройти это расстояние пешком, но стоило нам только сойти на берег, как появился человек, выполняющий обязанности совхозовского агента по приемке грузов, и предложил нам пройти в квартиру.

— Я вот приму машины и велю мальчонке отвезти вас.

Выгружали три новых сноповязалки фирмы «Масей Гарис».

Поднимаясь на гору, мой спутник жаловался:

— Непростительная расхлябанность наблюдается в работе пароходства. Сейчас такое горячее время—готовимся к уборке хлеба, а они, если машину привезут, то колесо где-нибудь потеряют. Недавно сноповязалку сдали, а большое колесо, на котором вся основа, увезли куда-то и никак найти не могут. А тут еще был случай. 29 совхоз строит элеватор, нужна известка. Закупили, отправили. И что же, вы думаете, известь получена? Ничего подобного, до сих пор где-то плавает или уже с торгов продана где-нибудь в Семипалатинске, как «невостребованный груз». Пришлось строить на цементе.

—. Но, ведь, это прочнее,—улыбаюсь я.

— Оно верно, но сейчас нам каждая копейка дорога, а затем—время. Стоит затянуть с постройкой элеватора, как сейчас же засыпемся, придется хлеб в мешках держать на земле...

В ПРОСТОРАХ ПОЛЕЙ.

...Через полчаса мы покидаем Соляную и едем крестьянскими полями к совхозу.

Знакомая с детства безотрадная картина: узкие полосы, межи, пустыри. Разносортная низкорослая пшеничка густо заросла сорняками. Местами за полынью и молочаем не видно того, что посеяно. Налив закончился, скоро зрелость. Мелкий колос, мелкое зерно. Какая радость ждет мужика от такой полосы? Убит труд, убиты средства. И только.

За березовым колочком—картина меняется.

— Земли что ли здесь лучше—ишь какие хорошие хлеба!—говорю я, глядя на большую полосу рослой пшеницы.

— Это участок товарищества,—об'ясняет мне Башков.—Вот видите, какая разница? Послушали совет агронома, посеяли на очищенных от сорняков парах добрыми семенами, и сто пудов с десятины обеспечено. Мужики наши не то что не могут лучше обработать свою десятину, нет, они все еще продолжают вести работу дедовским способом и не верят агроному.

— «Навозного жука не затащишь в розу»,—вспоминаю я чеховское выражение и мысленно отвечаю на него,—а мужика надо заставить понять, что выгоднее, да, впрочем, он сам скоро это поймет.

Вьется узенькая дорожка между крестьянских полос и выводит нас на широкую обкошенную межу совхозовских полей.

Какая колоссальная разница!

Глаза не в силах охватить огромного поля чистой, ровной «кубанки». Она по пояс ростом: крупный, наливной колос вот-вот наклонит к земле стебель. Тучами вьются над полем золотокрылые стрекозы. Вдали спокойно спускается солнце. Вечерняя тишина обнимает поля.

Опытный глаз Д. Г. Башкова разглядел в «кубанке» другой сорт пшеницы.

— И откуда, скажи пожалуйста, возьмется? Сеяли чистосортные семена «кубанки», а попадается «мельтурм».

Он долго ходит по контрольной дорожке, отыскивая «вредную» пшеницу, и возвратясь говорит:

— Нет, пустяки, я думал много... Это, видно, во время посева плохо прочистили сеялку после «мельтурма»... Прекрасная пшеница!—заключает он.

Мы едем дальше.

Я старательно выискиваю другие сорта пшениц в «кубанке» и думаю о нашем мужике.

Разве он обратил бы хоть какое-нибудь внимание на это явление? Разве стал бы он сокрушаться над тем, что в «кубанку» попала «мельтурм»?..

А по совхозовским полям, по узеньким контрольным дорожкам, еще раз пройдут сотни работниц, чтобы очистить на корню хлеба.

Сейчас еще не поздно. Колос еще не склонился к земле, от полки не будет урона.

...Впереди, в лесочке, показались здания совхоза.

УПРАВЛЯЮЩИЙ СОВХОЗА.

Тихий вечер—тьма комаров. Не только на улице, но и в комнате. Мы сидим в квартире управляющего совхозом И. К. Сидоренко. Хозяин грузен и прост. Он—малоросс, и его речь часто пестрит «хохлацкими» словами. Он недавно с Украины. Это он налаживал работу одного из крупных совхозов Украины—имени Т. Шевченко.

Рассказывает о ходе работ:

— Сина в этом году не знаю, скилки буде. Косим-косим, а выкосить не можем. Пробував сдавать мужикам на подряд, по 4 рубля с десятины: скосить и скопнить—не идут. А причина цему, як я узнав писля, та, що зароботки мужика РИК обкладае налогом. Мужик получе дэ яки гроши, да и мовчить, а после, як дознаются в РИК'е да як штрафануть, дак у его у бидного и заработку нехватае расплатытысь. От за що воны и не идуть до нас на работу. «Ты, каже, дай работу и гроши давай, да только у книгу не записуй, бо цэ мини шкода». А як же так можно?

Он болен малярией, но упорно не ложится—не время сейчас болеть.

— Хлиба уродились хорошие, як зайдешь да подумаешь про уборку, дак голова кругом шиде. Заложили фундамент под элеватор. Ждали, ждали известку, так и не дождались. Делаем на цементе. Построил два подвала для корнеплодов—завтра посмотрите. А там сарай надо к зиме привести в порядок, кошару для овец—их у меня сейчас около 700 штук. Тут то, там другое—и все надо. Когда уборка начнется, никогда будет заниматься этими делами. А тут ще лихоманка причепилась—замучила прямо...

— Рабочий день-то у вас сейчас какой?—осведомился Д. Г. Башков.

— Десять часов работаем. За два часа доплачуем. И не хотив бы, да що зробишь? Только гонять будешь рабочих, а толку мало. Може, колысь воно буде и по-другому, а сейчас нияк не можно.

— Союз об этом знает?

— Дак а як же. Мы согласие имеем. Цэ ж не даром, а за доплату...

...Я вышел на улицу. У рабочих квартир—звон балалайки, взвизги гармоники, песни, смех.

Это молодежь. Она после долгого трудового дня находит еще силы плясать и веселиться.

Тишина. Мягкий шопот берез.

ХОЗЯЙСТВО СОВХОЗА.

Утром в 5 часов нас будит гонг.

Первый... второй удар.

Рабочие, получив наряд, идут по своим местам.

Те, которые находятся на покосе, ночуют там же, в походных домиках, похожих на вагоны. Это дает рабочему лишний час отдыха и избавляет управление от разнобойности в работе по учету времени. Там строго, по часам, начинают рабочий день, по часам же обедают и отдыхают, по часам прекращают работу.

На паре добрых коней, в четырехместной рессорной тачанке, мы отправляемся в об'езд полей. Надо торопиться.

Земельный участок совхоза исчисляется в 5 тысяч гектаров. Недавно прирезали к нему еще около 2.000 гектаров, выселяются хуторяне с Гороховского хутора, оказавшиеся в центре совхозовских земель. Ранее этот участок принадлежал Саяшину и был несравненно меньших размеров.

Под посевом хлебных и других культур находится 2½ тысячи гектаров. Из них:

Кубанка занимает	570	гектаров
„Мильтурум“ „	1.600	„
Ячмень „	100	„
Овес „Победа“ „	150	„
Подсолнухи „	50	„
Разных „	30	„
Всего	2.500	гектаров

Кроме того, под посевом трав (американский пырей и др.) находится 600.

Участок расположен на прекрасной равнине с разбросанными по ней березовыми колками, способствующими задерживанию снега и ветров.

Рабочая сила, обслуживающая хозяйство, исчислялась в наш приезд в 270 человек.

Из них: рабочих и служащих:

штатных—мужчин	62	чел.
„ женщин	8	„
сезонных мужчин и женщин	48	„
и временных	152	„
Всего	279	чел.

Заработная плата для поденных чернорабочих (мужчин) выражалась: за 8-ми часовой рабочий день в 75 коп. и за 10-ти часовой—в 1 руб. и 1 р. 10 к. Женщины зарабатывали немного менее. Из этого заработка удерживалось с рабочего за питание, которое он получал из общей кухни, примерно, 30-35 коп. Это колебание вызывалось тем, что некоторые продукты покупались на стороне. Такие продукты отпускались по себестоимости.

Инвентарем совхоз был обеспечен неполностью, но все же у него имелось:

Тракторов „Фордзон“	10 шт.
„ „Интернационал“	3 „
Сноповязалок тракторных новых	6 „
„ конных	18 „
Сенокосилок разных	14 „
Лобогреек	12 „
Молотилок 10 и 12-ти сильных	4 „
Локомобилей	3 „

Скотный двор совхоза насчитывал:

Быков	20 пар.
Верблюдов (с молодыми)	24 шт.
Коров (сиб. улучшенн. породы)	100 „
Лошадей рабочих	58 „
„ молодняка	38 „
Овец (простых и шленских)	700 „
Свиней—маток (белой английской породы)	20 „
„ хряков (боровов)	3 „
„ молодняка	22 „

(170 шт. перед нашим приездом было продано, из них 100 шт. в Тару).

Вот те силы и те возможности, которыми располагает совхоз, обрабатывая участок земли в 7.000 гектаров.

РАННИМ УТРОМ.

...Мы едем полем. По обе стороны межи стоят стройные, высокие пшеницы. Обильная утренняя роса отяжеляет колос, и он клонится к земле.

— Дождями в этом году нас бог не обидел,—говорит П. К. Сидоренко,—уж лил, лил, да хай ему чорт! Только успеешь прополоть или пары перепахать, а трава опять так и лизе из земли. На парах дак мы уже и боронами и всяко... Наволочишь прямо добри копицы, сами побачите, и только бросишь, а воно тоби опять. Прямо морока та и годи!

Мы останавливаемся, рвем по несколку колосков «кубанки», смотрим зерно.

— Скоро восковая зрелость,—роняет Д. Г. Башков.—Как вы думаете—сто пудов будет с десятины?

Сидоренко улыбается.

— Да не уже ж не буде? Я так думаю, на сотню еще прибавим. Разве уже погода изменится. А що я с ячменем робытыму?!

— А что? Плохой?

— Да так, чорт зна що!—Сидоренко машет рукой. И нам кажется этот взмах выражает безнадежность.—Ось сами побачите... А тут ще вы мини задачу дали...

— Какую?

— Да оти подсолнухи... Тут хлеб убрать дак слава богу... А з ими ж то буде дила!.. А воны-ж то улунылы!.. Ну с чоловика ростом...

— Ничего, управитесь... Это наша проба...

— Да лучче б и не було. Я в прошлом году послал людей убирать, да и наказую: зризайте, кажу, головки да на подсоянышки и насажуйте доверху семечками, а воны взяли да насадыли донизу семечками, дак воно и повытикло... Цэ ж мини бида буде з ими!..

— Не плачьте преждевременно... все пойдет своим чередом...

Возле огромного поля, засеянного пшеницей «мельтурм», мы вновь останавливаемся. Этот сорт пшеницы безостый, и, кажется, зерно, созрев, сейчас же высыпается на землю. Она не столь ровна, как «кубанка», и колос у нее меньше размером.

— Сейчас она вам кажется неприглядной,—обращаясь ко мне говорит тов. Башков,—а вот, когда она начнет созревать—картина совершенно изменится. Сейчас видно, что она неровная, а придет время—вся подровняется и будет, как подстриженная. Вот за ней вам, Иосиф Кондратьевич, последить придется,—обращается он к управляющему.

— Да отож я и кажу, що голова кругом иде. Иной раз ночью прямо заснуть не можешь—все думаешь, як бы це выкрутиться...

Осмотрев овес, мы под'ехали к полю ячменя.

— Что же вы говорили о ячмене, что чорт знает что такое? Ведь, ячмень поразительный!

— Дак ото ж я и кажу... Цэ так на худый конец клади полтораста пудов и не ошибешься...

Я, действительно, никогда в жизни подобного ячменя не видел. Его рост, густота и величина колоса оправдывали предположения управляющего. Жаль, что только сто десятин имеет его совхоз.

НА ПОКОСЕ.

...Солнце уже поднялось высоко. Комары, несмотря на жару, надоедали. Мы об'ехали много совхозских полей, и везде картина будущего урожая удивляла меня и радовала.

По пути заехали на сенокос. Поле, на котором недавно снят американский пырей, положительно все было густо заставлено копнами. И не только посевные травы дали большой урожай, наша степная люцерна (буркун) местами покрывала все желтым цветом. Ноги путаются в траве, итти тяжело.

Навстречу нам шел трактор, зацепив три сенокосилки. Порою и трактор и тракторист терялись в высоком бурьяне. Управляющий рассказывал:

— Коса не успевает прорезать—до того густа трава, косогоны рвутся, части ломаются, а не скосить этого бурьяна—нельзя, сориняков разведешь стилки, що и сам не рад будешь...

Недалеко тракторы перепахивали пары—подготовляли землю к будущему году.

НА ПОЛНОМ ХОДУ.

На совхоз мы возвратились к позднему обеду, не об'ехав всех полей. Грандиозность их, по сравнению с крестьянскими полями, утомляла и радовала.

Послеобеденное время до самого вечера ушло на смотр машин, инвентарного сарая, скотного теплого двора, построек, рабочих жилищ, кирпичного сарая и сыроваренного завода.

Все говорило о большом размахе совхоза и о его жизненности.

Показывая нам сыроваренный завод, управляющий рассказывал:

Завод сейчас пропускает полторы тонны молока ежедневно. Большую половину молока получаем от мужиков, «бо им никуды его деваты», а молоко от своих коров у нас идет для рабочих.

Свиньям у нас житье—лучче некуда.

Утром ранешько на пашу (пастись) выгоняем, поки не жарко, а чуть начинае припекать—сейчас до кормушек. Нальють им «обрату», воны наидятца, да и до вечера, а потом опять на пашу, до кормушек и спать. Вы знаете, я не бачив такой плодовитости у свиней, як у наших. Штук по 18-20 поросят приносит каждая матка. Приходится оставлять по количеству сосков: 12-14, а остальных убивать. Ну, поросята, я вам скажу, булы!.. Один боровок 2 месяцев весив 31½ килограмм. Це ж чорт зна що такое!..

— Окружающее-то население покупает?

— А як же—берутъ... Едят толко, скажени, дуже богато, ну за то ж и сало!..— Ему, как малороссу, более понятно это, и он восхищается.

Каждое дело в хозяйстве ставится широко и с расчетом.

Работа на совхозе идет колесом. Ничто не ожидает очереди. В каждом деле—свой порядок.

Зерновая фабрика—на полном ходу...

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

На третий день мы покинули совхоз.

Я уезжал с большим сожалением. Для меня многое осталось еще неизвестным на этом совхозе, неясным. В этот короткий промежуток времени не удалось выявить ни культурных, ни бытовых сторон рабочей жизни. Я видел, что совхоз в целом живет довольно мирно, но, конечно, в этой большой семье, безусловно, есть, должны быть свои склоки, дрязги. Да это и понятно. Крестьянская семья, маленькая, и та не может мирно жить. Всегда что-нибудь находится для раздора, для разлада. А совхоз—это не крестьянская семья, здесь люди друг другу чужие, их не связывают ни родственные, ни какие иные чувства. Они здесь—наемная сила.

Я видел, что рабочие жилища еще далеки от совершенств, что все они или саманные, или глинобитные, низкие и тесные. Если бы я был «горячим» рабкором, я бы

написал «сенсацию» по рабочему вопросу для своей газеты, но я более сдержан, я ищу корень зла и нахожу его в том, что совхоз еще не совсем твердо стоит на материальной базе, что ему еще только «шестой годок» идет от роду, и что пред'являть большие требования, хотя бы и со стороны рабочих—пока еще рано. Конечно, можно построить все для удобств рабочих и служащих, вплоть до ванных комнат и теплых уборных, можно и нужно построить больницы и школы, но... вся эта постройка пойдет либо за счет количества посевов, либо за счет движимого и недвижимого имущества, за счет принижения роста совхоза.

На управляющих могут, конечно, нападать далеко сидящие работники редакций газет и работники союза, но редкие из них знают настоящее положение дела в совхозе, редкие учитывают экономический, культурный и бытовой рост, направление и план его развития.

Для меня важно то, что совхоз развивается, люди учатся по-настоящему обрабатывать землю, делают большое государственное дело и уменьшают количество безработных, состоящих на наших биржах труда.

Придет время, а оно, безусловно, недалеко, наши совхозы окрепнут и дадут все то рабочему, что нужно, что поставлено нами, как цель для его культурного развития и перестройки быта.

С этими мыслями я покинул 29-ый совхоз. Эти мои мысли совпали с прощальными записями экскурсии юных пионеров, приезжавших из города.

Вот что они записали в книгу для посетителей.

.. «Что касается Вашего совхоза, то он, по нашему мнению, является самым лучшим в постановке хозяйства. Питание и взаимоотношения рабочих с администрацией—хорошее. Недостаточно хорошо налажена культурная работа. Отношение к нам было самое хорошее. Благодарим Вас за хороший прием».

Это было написано после того, как экскурсия Ю. П. посетила 22, 26 и 28 совхозы.

Наши мысли совпали.

28 СОВХОЗ. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ.

Ослепительно знойный день.

Кажется, золотистое покрывало, сотканное из лучей солнца, брошено на землю. И под этим покрывалом—душно.

Последние цветы, истомленные жарой, уже не благоухают, а чадят перегаром устаревшего аромата и сожженными солнцем лепестками. Ноги путаются в траве. Итти тяжело. Словно на плечах у тебя огромная тяжесть, и от этого обливаешься потом.

Рядом Иртыш. Он спокойно катит свои волны по равнине и, согретый в далеких просторных степях Казакстана, не охлаждает.

Глухая тишина опустилась на земледельческие просторы. Мертвенный покой—и степь кажется мертвой. Только на увале, верстах в трех от Иртыша, против села Изылбашского, там, где пестрыми грудами встали здания совхоза, шевелятся люди. На берегу маленькой протоки Ачапрки, отделившейся от Иртыша и впадающей в Иртыш же, рабочие-поденщики, главным образом, молодежь, складывают в копешки кизяк. Это готовится к зиме топливо.

Жара. Ребята без рубах. Их бронзовые молодые тела лениво, нехотя, сгибаются над кизяком. Работают на «урок». Это даст возможность то одному, то другому искупаться в светлой прохладной Ачапрке.

Как на поле за жнецами—быстро растут и множатся копешки кизяка.

СТАРЫЙ ХОЗЯИН.

... Среди незначительных построек, жилых и рабочих помещений возвышаются два больших каменных здания—одно из них двух'этажное.

Это дома, оставшиеся в наследство от старого хозяина участка Романтеева.

Романтеев приехал в девятисотых годах в Сибирь и, как говорят, «из ничего» создал крупное хозяйство. Энергии у этого человека было достаточно, и хотя он и был баптистом, проповедывавшим заповеди Христа—«возлюбити ближнего своего, аки самого себя»,—но ему ничего не стоило явиться к крестьянам в одно из окружающих сел, подпоить их и скупить за бесценок «землицу божию». Так, скупая землю и увеличивая посевы (которые у него доходили до 2.000 десятин), он смог «из ничего» стать крупным хозяином, построить, кроме глинобитных лачуг, которые мы видим, еще два каменных дома.

Семья Романтеева жила в большом довольстве—дети (два сына) учились в городе, не испытывая ни в чем нужды.

Оставшаяся после старого хозяина мебель: диван, мягкие стулья, дубовый шкаф для посуды с зеркальными стеклами, фисгармония, большие стенные часы, играющие каждую четверть часа какой-то божественный напев, напоминавший хозяину о бренности жизни—все говорит о больших достатках, довольстве и о двуличии хозяина. Вслед за жестоким делом следовало покаяние. Все это как не надо лучше характеризует и показывает нам не только Романтеева, но и множество других святош, прикрывающих свои «деяния» евангельским словом.

О его энергии говорит следующий факт. В то время, когда все хозяева, подобные Романтееву, убежали с Колчаком, или же раздавленные смирились с положением и находятся на службе у пролетарского государства, Романтеев не сдался. Он, как раненый хищник, выпустил когти, чтобы защищаться, чтобы отвоевать свою независимость. Тихо покинув свое имение, сдав на руки новым хозяевам все, что имел—обзавелся маленьким клочком земли и в виде хуторянина стал тихо жить неподалеку от старого участка. Говорят, что он вновь окреп и тихонько ведет свое наступление на «врагов», разоривших его.

НОВЫЙ ХОЗЯИН.

... Мы ищем управляющего. Он на полях. Сейчас идет сортовая полка—везде нужен свой глаз. На других совхозах управляющие имеют помощников, тов. Московцев не имеет. Это—экономия средств и хороший экзамен тов. Московцеву. У нас сейчас нет людей для управления совхозами. Их надо найти в массе. Тов. Московцев—крестьянин. Работал на совхозе в качестве рабочего. Его заметили—вытянули на курсы по сельскому хозяйству. Сейчас он управляет совхозом. У него около 900 десятин посева. Это немного, но он один. На будущий год предположено площадь посева расширить.

...Вернулся с поля управляющий тов. Московцев. Он низкоросл, крепок, коротко стриженые волосы делают голову шарообразной, загорелое круглое лицо давно не брито. Он прост, движения угловаты—мужик. Но он на своем месте.

Тов. Московцев рад нашему приезду, но ему не дают спокойно поговорить, «рвут на части». Какой-то крестьянин за несколько верст привел на совхоз пару коров продать. Тов. Московцев в торге ничем не уступает мужику. Если крестьянин после нескольких запросов за своих коровок начинает сбавлять по пятерке, то тов. Московцев может прибавить только пятерку на пару.

— Вот за обеих так бери, как говорю, и кончено, мне некогда...

Управляющий поворачивается к нам, он будто не слышит, когда крестьянин, сбросив очередную пятерку, просит прибавить:

— Хоть десяточку накиньте, да и по рукам...

... Подходят три казака-степняка. Они по договору с управляющим пригнали из Акмолинского уезда (ближний свет!) 340 штук баранов. Около 50 штук в этом стаде—молодняк. Казакам хочется сбыть всех в одной цене, управляющий на это согласиться не может.

Казаки мне жалуются:

— Третий сутка держит. Как делать—не знай!! Жаднай шибка. 23 сутка наша ездил, Акмолинскай степя покупал, шево заработал? У-у ян-турган! Никакой дела с ево не делаешь...

Казаки любят поторговаться. Они десять дней будут ездить, чтобы получить надбавку за молодняк—таков их обычай. Но управляющий неумолим:

— Как в договоре... Больше не могу,—говорит он и зовет нас отобедать.— Хитрый народ, так и норовит...

Он не договаривает и поднимается на крыльцо.

С первого взгляда, тов. Московцев показался мне не тем управляющим, который без учета бросает направо и налево десятки и пятерки, а управляющим с мужицкой закваской. Он умеет крепко держать копейку в руках. Это он вынес от крестьянства, и это не плохо.

ФАБРИКА ЗЕРНА.

Пшеница—маленькое янтарное зернышко, а сколько требует оно труда, машин, средств, чтобы посадить его, умножить в колосьях, в десятинах, в полях, чтобы вырастить, очистить, ссыпать в амбары. Нужны: плуги, бороны, лущильники, сеялки, тракторы, жнейки, сноповязалки, молотилки, локомобили, мастерские, сотни людей, контора.

Целая фабрика...

В двух'этажном доме помещается управляющий, часть служащих и клуб; в другом каменном—контора. Это—самый важный придаток к фабрике. Здесь ведется учет каждому зерну, каждой копейке. Это—сердце огромной фабрики, имя которой с о в х о з. Кажется, остановись оно—и сейчас же прыгнут в бездну кассовые, лицевые, материальные и иные книги, разбегутся костяшки счетов, запорхают в диком танце цифры, и кто-то, далеко сидящий в городе, испугается, по-хозяйски, катастрофы и спешно на маленьком блок-ноте напишет роковое слово:

— З а к р ы т ь...

Но сердце фабрики работает бесперебойно, и хозяину нечего бояться.

Это от него тянутся волевые нити по всем службам и заставляют дышать пламенем горны кузниц, звенеть наковальни, собирать из частей машины, строить их в ряды, цепляться за тракторы, грызть острыми зубами кос желтую солому зрелых хлебов, пыхтеть лакомобили, жужжать барабаны молотилок и завершать этот круг труда на мельнице—белой мягкой пылью муки.

...Я хожу по двору, осматриваю мастерские, любуюсь новенькими, собранными сноповязалками с поднятыми легкими крылышками, готовыми в любой момент выступить в поле на работу. Они приготовлены для уборки американского пырея. Рядом ремонтируются старые сноповязалки, жнейки, молотилки; стоят с отверстым чревом локомобили. Все готовиться к большому ответственному моменту—уборке урожая.

Управляющий ведет нас на постройку новой кошары. Стадо овец у совхоза растет быстро, и надо к зиме приготовить теплое помещение. Пока еще заложен только фундамент, подвозятся материалы.

Мой спутник, а здесь он «хозяин из центра», интересуется всякой мелочью, надо все выяснить, обо всем договориться. Они с управляющим заняты и не замечают, когда к ним подходят казаки, пригнавшие баранов.

— Табарыш...—просят они уделить им минутку внимания. Начинается опять тот же торг.

Через дорогу, ведущую к мельнице, виден памятник, обнесенный железной зеленой решеткой. Надмогильный камень из прекрасного дымчатого мрамора исписан именами, датами рождения и смерти. Здесь покоится прах родителей Романтсева. Он чужой здесь, к нему нет ни ненависти, ни любви. Его спокойно снесут, так же, как срубят дерево, мешающее постройке.

Мы идем и осматриваем многоэтажную дряхлую деревянную мельницу. Ее отслуживший корпус шатается во все стороны, весь внутренний организм разбился, но она работает. Старый дизель уже не плавно, а рывками дает ей движение. Ее хотят ремонтировать, но ясно одно—нужна новая мельница, старуха свое время отслужила.

Подали лошадь. Мы едем в поле.

От этой поездки я вынес еще более радостное впечатление, чем на совхозе № 29. Хлеба здесь были лучше и чаще, примесь других сортов совершенно незначительна, сортовая полка еще была не закончена.

Едем полем «кубанки».

Вдали красное раскаленное солнце, кажется, падает в мягкую зелень березовых колков. От этого ость «кубанки» похожа на золотистую щетину. Непривычные глаза щурятся и в вечернем освещении не видят границ поля. Но поле «кубанки» и «мельтурма» не велико. Оно занимает всего 630 десятин.

Мне жаль, что к этой цифре я не могу приписать еще одного нуля, не пустого кружочка, а такого, чтобы он увеличил площадь посева в десять раз.

Далее идут овес, ячмень, подсолнухи...

Все привлекает мое внимание и радует.

Мимо черных полос пара, через покосы мы возвращаемся на совхоз. Обгоняем рабочих и работниц, возвращающихся с работы.

Вечереет. Поля немеют. Легкая прохлада и тишина кутают разгоряченную грудь земли.

В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС.

Я устал от поездок и разговоров—хочется отдохнуть. Но в комнату—закоулками, коридорами—пробираются плаксивые звуки фисгармонии. Это в клубе. Он занимает вторую половину верха.

Клуб—большой зал, где когда-то собирались «братья» и «сестры», чтобы прославить имя распятого на кресте, а, может быть, подчас и гости.

В те времена фисгармония верно служила хозяину и монотонными голосами исторгала слезы и стоны «сестер».

Сейчас же...

Да, в настоящее время за ней сидит бравый молодец и «откалывает» вальс. А сестрицы—работницы и неповоротливые парни изощряются в танце, громко стуча каблуками. Сейчас фисгармония не поет, а плачет. Ей так не в привычку этот темп, меха раздуваются до отказа и с большой силой давят на голоса.

Зал освещен одной керосиновой лампой, сегодня мельница не работает, и нет электрического освещения.

В полумраке ребята хватают девчат за непозволительные места, те взвизгивают и сыплют шлепки.

Вдруг на улице раздаются веселые, призывные голоса двухрядки, и все мигом высыпают из клуба. Остается только несколько пожилых рабочих у лампы с газетой в руках. Они обсуждают очередную политическую новость.

Против двух'этажного дома, через дорогу, тополевый сад. В этом саду есть несколько скамеечек, аллейки.

Тут привольно.

Звонкий девичий голос рвет вечернюю тишину и рассыпается частушкой—

— Во садочке два цветочка
Беленький да синенький...
Про любовь никто не знает,
Голько я да миленький...

Эх, из колодца вода льется,
Пузырится, пенится.
Мой миленок кисет просит,
Матерится, сердится...

Парню не терпится и он перебивает резвую певицу:

— Тятька гонит самогон—
Заливат кручину,
Сын добрался до икон,
Колет на лучину...

Он, видимо, безбожник, поэтому у него все частушки антирелигиозные:

— Все святые загуляли,
Знать-то, бога дома нет,
Он уехал за границу,
Не приедет сорок лет...

А гармошка уже собрала вокруг себя молодежь, и какой-то ловкий парень, еще совсем молодой, трясется, выстукивая каблуками «чечотку».

Девчатам нет возможности терпеть и молча тихо стоять; с одной стороны—комары надоедают, с другой—поплясать охота, поджилки дрожат... Увеличивается, растет круг, поднимается пыль и легкой пеленой нависает над гульбищем.

— Молодежь не знает устали,—говорю я сам себе и хочу итти в дом, но меня останавливает песня девушек в другом конце сада. Они поют дуэтом:

— Изве-ела-а меня-а-а кручи-ина-а,
По-одколо-одная-а-а змея-а.
До-о-гора-ай, моя лу-чи-и-на,
До-о-го-рю-у-у с то-бо-о-ою я...

Мне кажется, что голоса двух девушек, наполняя сад, заглушают частушки, хохот и топотню разгулявшихся ребят.

Но это только на время, стопло замолчать девушкам, как сейчас же басовитый парень начинает дразнить девчат своей частушкой:

— По совхозу я пройду,
Доброй девки не найду:
Де слепа, а де с родин,
А де подбитый глаз один...

Но девчатам несносна такая аттестация, и они бойкому парню платят тем же:

— Вон идут да вон идут
Наши холостяги,
У них брюки галифе,—
Сами, как бродяги...

Я решаю, что песен не переслушаешь, и иду спать, но я долго не мог сомкнуть глаз. Часы проиграли два.

Смыкая веки, я услышал последнюю тихую, раздумную частушку:

— Не найти такой березки,
Чтобы дождик не пролил,
Не найти такого милова,
Чтоб сроду не забыл...

Стихла гармошка, смолкли песни, последние «гулеваны» ложились спать.

НАЧИНАЕТСЯ ДЕНЬ.

Утром рано я проснулся от какого-то шума.

У женского общежития (попросту амбар), там, где ночуют поденщицы, рабочие и работницы получали наряд.

Тов. Московцев был уже там.

В шуме трудно было разобрать, о чем говорили. Они не спорили, а вели мирную беседу, но в беседе, в которой участвует 230 человек рабочих и служащих, ничего не поймешь.

230 человекам надо дать работу, надо распределить так, чтобы на всех участках не было застоя.

... Вчерашняя поздняя гулянка совсем не отразилась на лицах молодежи. Все были в сборе, смеялись, разбивались на группы.

Удар молота по стальному висячему баллону, служившему, видимо, когда-то медицине, об'явил о начале работ.

Совхоз начинал свой день.

27 и 26 СОВХОЗЫ.

Спускаясь вниз по Иртышу, я посетил 27 и 26 совхозы.

Я не намерен говорить о каждом из них в отдельности на том основании, что многое то, что я сказал о совхозах № 29 и 28, свойственно каждому из последних. Мне хочется только отметить их особенности, достижения и недостатки.

К достижениям, вообще, совхозов, надо отнести их несомненный рост. Количество посева увеличено в этом году. Улучшена обработка полей. Инвентаризация совхозов идет довольно сносно. Если некоторые управляющие и жалуются на нехватку уборочных машин, то это только потому, что со мной заведывающий сельско-хозяйственным отделом треста, что каждому из них хочется оборудовать свой совхоз «по последнему слову техники».

Машинные «кладбища» совхозов страшно велики. Но это не вина совхозов. Дело в том, что ко многим машинам нет на складах частей. Так, например, нет частей к сноповязалкам «Крупна» и «Адриапс Плат». Машины обречены на бездействие. Ездят монтеры в город, ищут не только по складам, но и на толчках. Часто эти поездки кончаются ничем.

Правда, все совхозы в этом году получили то или иное количество новых уборочных машин, есть из старых много исправных, но было бы лучше починить те, у которых нехватает одной-двух частей и которые в силу этого должны стоять на «кладбище».

Наш же завод (Омский) «Красный Пахарь» не в состоянии заняться этим делом, да и вообще его литье, как установлено совещанием Омск-Металлтреста, не отличается особой тщательностью и прочностью. Брак изделий литейного цеха достигает большого процента.

Во всех совхозах чувствуется недостаток складочных помещений для зерна, нехватает трперов. Омские и новосибирские сельхозсклады машин и орудий пусты.

Как выйдут совхозы в этом году из такого положения, для меня в то время было неясно.

А хлеб везде подпирает. Любой совхоз возьми—хлеба прекрасные. Но лучших хлебов я не видел, как на небольшом, сравнительно с другими, совхозе № 28.

Там хлеба настолько рослы и настолько чисты, что, об'езжая поля, мы с большим трудом отыскивали сорняки, процент же примеси других сортов настолько был ничтожен, что о нем и говорить не приходится.

Хуже дело обстоит у совхоза № 27. Здесь засоренность хлебов изрядная, и времени для его очистки (полки) оставалось не так-то много, хотя некоторые поля были очищены довольно сносно.

С временной рабочей силой на совхозах, получаемой с Омской биржи труда,— неважно. Присылаемая партиями молодежь часто не отдает себе отчета, куда она едет, зачем, какие работы выполнять?

Девушки-горожанки, как и подобает их положению, работать на совхоз являются и не в надлежащих костюмах и многие с полным набором косметики из магазинов ТЭЖЭ.

Тяжело приходится им в первые дни работы. Руки исколет, исцарапает об осот и молочай. Платье изорвет. Пыль из'ест лицо. Румяны ТЭЖЭ не действуют. Вот такие на второй же день бросают работу и едут обратно в город, чтобы больше никогда не бывать на совхозах.

Помощник управляющего на совхозе № 27 тов. Станчас, очень толстый, неповоротливый, человек, жаловался:

— И на чорта они нам шлют сюда этих гастролеров? Приедет, об осот ручки наколет, а на другой день расчет. Только канитель одна. Вот видите, сегодня прислали партию в 50 человек. Вы думаете, много их здесь останется после двух-трех дней работы? Пустяки! Все удерут. Сегодня-то они вон как совхозовским парням головы крутят, потому—городские, чистенькие, накрашеные, а завтра, вы увидите, будут не те... Деревенский народ-то нам более подходит—привычны к такой работе.

Мы ходили с ним в это время по огромному плодовому саду. Здесь были и яблони (ранет), и вишни садовые, и крыжовник, и смородина, но больше всего было малины.

— Не знаем, что с малиной делать,—говорил тов. Станчас.—Если бы раньше знали, да, по правде говоря, некогда с этим делом возиться,—то хоть варенье стали бы заготовлять да продавать. Такой урожай ее в этом году, что не успеваем обирать. Доставлять же в город—нет возможности—всю изомнешь и выбросишь. По вечерам ребята безобразят, воруют для угощения городских барышень.

После старик-садовник жаловался:

— Прямо беда!.. Не знаю, что делать? С одного конца прогонишь, он в другом залез. Беда! Прямо беда,—твердил он, уходя от меня по хорошо прочищенной дорожке сада.

Он, уделяющий саду все свое время, болеет за него, но сделать ничего не может.

— Разве за ними уследишь?..

Как же рабочие проводят время после окончания работ? Чем занята молодежь? Имеет ли рабочий культурный отдых?

На эти вопросы можно ответить следующее:

На всех совхозах имеются клубы, выписываются газеты и журналы. Есть что почитать, есть о чем поговорить и есть где.

Но летние вечера не располагают к такого рода занятиям. Молодежь заходит в клуб только на минуту. Больше проводит время в саду или в лесу.

На 27 совхозе, хотя и есть клуб и есть радиоустановка, но клуб посещается мало, молодежь более занята сама собой, вне стен клуба.

26 совхоз в этом отношении гораздо лучше чувствует себя. Здесь большой клуб со сценой и экраном.

Во время нашего посещения в клубе демонстрировалась картина «Броненосец Потемкин». Картина привлекла все население совхоза, и, кроме того, было много посетителей из окружающих сел. Клуб был битком набит. Здесь районная передвижка работает хорошо.

Вход в клуб во время демонстрации картин и спектаклей платный, но это нисколько не смущает рабочих, посещаемость довольно значительная.

Здесь же, в клубе, на стене вывешена стенгазета. Ведется она довольно сносно с технической стороны; содержание ее слабо, как и вообще во многих наших стенгазетах не только деревень, но и городов. Модная тема для стенгазет—самокритика, но она

здесь больше похожа на склоку. Склоку же мы никогда не считали за критику. К сожалению, на местах этого не разграничивают.

Тов. Станчас жаловался на выговор, который закатил ему райком ВКП (б).

— Приехал секретарь райкома провести вечер самокритики и попросил высказываться. Молчат.—«Что же вы, товарищи, молчите?—спрашивает.—Неужели у вас все так благополучно, что и поговорить не о чем? Товарищ Сталин сказал, что, если даже пять процентов есть правды в твоей речи, и то ты делаешь хорошо». Никто не хочет выступать. Я тогда прошу слова и говорю:—«Кройте, ребята, не бойтесь, может за администрацией какие недостатки замечаете—говорите»... Так они как понесли... Такое начали нести, что прямо беда, никакого отношения к делу не имеет, а они плетут... Вот вам пять процентов правды, а девяносто пять чем называется?..

Это было недавно, и он никак не может успокоиться, ему попало на этом вечере больше, чем управляющему тов. Дакину.

Но, безусловно, не все то было плохо, что говорилось. Администрация стала внимательнее относиться к требованиям рабочих. Это и являлось задачей вечера самокритики.

К достижениям совхозов надо отнести организацию детплощадок, где дети рабочих проводят большую часть дня под наблюдением руководителя.

Детям дается завтрак, обед и ужин за счет совхоза.

Беда только в том, что некоторые руководительницы страдают сонной болезнью по своей молодости и выводят детей гулять не рано утром, а тогда, когда солнце начинает уже изрядно припекать. Такое явление я наблюдал на 27 совхозе.

На 27 совхозе строится школа, где будут обучаться все дети рабочих и служащих. Это я встретил только в единственном совхозе.

Почти все совхозы электрифицированы, получая энергию или из мастерских, или же из мельницы.

26 совхоз в этом отношении имеет много преимуществ перед другими. Днем, когда работает мельница, мастерские питаются ее энергией, а вечером мастерские освещают весь совхоз.

Жилищный вопрос на совхозах не везде одинаков. Если на 28 совхозе рабочие почуют в амбарах и палатках, то на 26 рабочие имеют довольно хорошие квартиры, и только часть поденных рабочих помещается в амбаре. Но так везде обстоит дело с временными рабочими.

ОТ'ЕЗД.

Днем мы с управляющим совхозом № 26, тов. Коневым, об'езжали поля, смотрели пшеницу «цезиум». Ее более 1500 десятин. Говорили об ее слабой соломе и еще о стихийных бедах. Что, если будет буря? Отвечать на этот вопрос не хотелось. Тяжело было представить себе такое огромное поле с положенной на землю пшеницей, стоящей таких трудов и затрат. А что самое главное и самое страшное—никаких предупредительных мер сделать нельзя. Стихия пока не подчиняется нашим желаниям.

Вечером мы были на пристани. Тов. Конев ехал с нами в город.

Не доезжая пристани, мы заметили, что с запада надвигалась гроза. Правое крыло ее было белесое. Я сказал, что нужно ожидать града.

Пароход (дачный) шлепал еще далеко внизу. Начинали падать редкие капли дождя. Усиливался ветер. Гремел гром, и мне казалось, что земля притихла и легонько вздрагивала при каждом ударе....

Наконец, пароход принял нас на борт и отчалил от берега.

В это время поднялась такая буря, что маленький наш пароходик не в силах был справляться с волнами, потерял направление в темноте, и нас выбросило на мель, к островку, где мы простояли два часа и еле снялись.

Усиливалась буря, молнии не прекращали освещать пенную зыбь разгулявшегося Иртыша. Забарабанил град. Всю обстановку на палубе перевернуло, людей загнало в трюм.

Я стоял возле тов. Конева и не мог узнать его лица: оно было бледно и вытянуто. Он часто повторял:

— Что же останется от полей? Ой, ужас, ой, ужас!.. И сойти-то нельзя с парохода... Ужас!.. Ужас!..

Стихия...

Мы не спали почти всю ночь. Жутко было оттого, что там, на полях, гибнут тысячи десятин совхозовских и крестьянских посевов. И это в то время, когда республика нуждается в хлебе!

А главное—ничего сделать нельзя. Мы чувствовали себя беспомощными.

Стихия...

... В городе мы узнали: главная сила бури прошла стороной. Хлеба пострадали не особенно.

Но, если не пострадали поля совхозов, так пострадали крестьянские поля—не все ли равно?

Перед этим грозным явлением молится дикарь, но и культурный человек перед ним опускает руки.

Стихия...

СЕМХОЗ «ЭЛИТА».

В средних числах августа я посетил самый большой в Омском округе семхоз «Элита».

Тихий солнечный день. Остановка поезда на глухом раз'езде «Помурино». Безлюдье. Брошенные, разваливающиеся здания. В огромных тополях говор скворцов, чириканье воробьев.

От раз'езда верстах в трех виднеется семхоз. Я иду прямой дорожкой по плотине через большое горько-соленое озеро, оставшееся от пересохшей, когда-то большой реки Камышловки. Озеро кишит дикой птицей. Особенно много гагар-лысух. Их крик стоном стоит над озером. Ни один охотник их не трогает, поэтому они плавают рядом с плотиной.

Семхоз стоит на возвышенности. Электрические провода связывают все здания, замыкают в одно кольцо.

Семхоз строится. Над заканчивающимся каменным зданием силовой станции высятся леса. По сходням, согнувшись, идут рабочие с кирпичом, известью, глиной.

У одного из зернохранилищ пустыми окнами глядит новая зерноочистительная фабрика. В ней идет внутренняя отделка.

За строющейся силовой станцией, на открытом воздухе, пыхтит локомобиль, давая энергию мастерским и мельнице.

В ограде я встретил управляющего семхозом тов. Пешта. По происхождению он, кажется, чех, но давно уже живет в России. Это он налаживал работу совхоза № 29 и, после ухода управляющего семхозом «Элита» П. Зейферта, был назначен сюда.

Я отрекомендовался и передал письмо из омского сельхозтреста, в котором предлагалось ознакомить меня с жизнью и бытом семхоза.

Узнав о цели моего приезда, тов. Пешта сказал:

— Хорошо. Вот в этом доме,—он указал пальцем на большой деревянный дом,—есть комната для приезжающих. Там вы найдете себе кровать, можете отдохнуть от дороги. Там же у нас столовая. Она находится на хозрасчете, и вы можете получить себе завтрак, обед и ужин всего за рубль... Когда вам нужно будет что-либо, обратитесь ко мне. А пока простите... Надо там...

Он махнул рукой в пространство. «Надо там»... Да, ему везде надо быть.

Ровность и официальность его тона мне понравилась. Ни на одном совхозе меня так не встречали. Как я потом узнал, тов. Пешта был одинаков со всеми. Я не ставлю ему этого в вину, я знаю—управлять большим хозяйством и говорить с каждым встречным часами—дело негодное. Я официальный представитель печати, и, если бы со стороны тов. Пешта была проявлена ко мне особая любезность, а мне бы пришлось совершенно искренне сказать в печати по его адресу пару теплых слов, часть рабочих, не довольных управляющим, сказала бы:

— Задобрил писаку наш управляющий, вот он о нем и пишет.

Я не хотел разных кривотолков. Я решил вести себя также ровно и просто.

... Комната для приезжающих была довольно просторная. В ней стояло четыре кровати с соломенными матрацами, покрытыми одеялами и подушками. У одного окна стоял стол и пара стульев. На стене—расценка обедов и распорядок в столовой.

Я лег отдохнуть, чтобы после обеда заняться осмотром хозяйства.

НЕМНОГО ИСТОРИИ.

Участок земли, занимаемый ныне семхозом «Элита», ранее принадлежал Боданевскому, его зятю Романенко, Подковырову и Ковалеву. Это было четыре довольно крупных хозяйства.

Жили, видимо, хозяева не плохо, но оставленные ими постройки, за немногим исключением, ничего не стоящие развалины.

Первым управляющим семхоза «Элита» был П. Зейферт. Семхоз тогда принадлежал отжившей свой век госсемкультуре. Злые языки говорят о Зейферте, что он мало занимался делом, порученным ему, что личные дела он считал более важными, нам это точно выяснить не удалось. Одно только несомненно: П. Зейферт имел свой посев в 100 десятин, арендуя землю у крестьян. Возможно даже, эти 100 десятин он засевал семенами, «отпущенными» семхозом «Элита» П. Зейферту. Об этом история молчит.

Участок земли, занимаемый семхозом «Элита», был достаточно выработан, земли засорены. Эта засоренность дает себя чувствовать и сейчас, часто поднимая разного рода разговоры не в пользу семхоза. Это обстоятельство цепко держит в лапах доходность семхоза. Только в 25 и 26 годах семхоз давал прибыль, остальные года он заканчивал с дефицитом.

Несмотря на то, что 25 и 26 годы дали доход на семхозе «Элита», передача его госсемкультурой Омскому Сельско-хозяйственному тресту, состоявшаяся в 27 году, прошла под знаком дефицитности. Трест принял семхоз с убытками в 40 тысяч рублей и бесплатным приложением—засоренные земли. В этом, может быть, не так уж виновата госсемкультура, но факт остается фактом. Чтобы привести поля в надлежащий вид, потребуется ряд лет усиленной работы и не мало средств.

НАСТОЯЩЕЕ СЕМХОЗА.

Сейчас семхоз занимает площадь земли в 20 тысяч гектаров. В это количество входит и неудобная и занятая озерами и лесами.

В виду обширности участка семхоза, приходится иметь два хутора: Подковыровский и Боданевский.

Под посевами хлебов в этом году находится около 4½ тысяч гектаров. Из них под посевом пшеницы «цезиум»—1966 гектаров, под пшеницей «гордей-форме»—1550 гект., под овсом «победа»—400 гект., под ячменем—77 гект. и под подсолнухами—22 гект. Кроме того, под посевами кормовых трав находится около 2½ тыс. гект.

Рабочего и нерабочего скота семхоз имеет не так большое стадо. Лошадей 200 шт., быков—40 пар, коров—20 шт. (при чем все постоянные семейные рабочие имеют своих коров) и баранов—800 шт. (предположено овечье стадо довести до 3.000 шт.).

Инвентарь семхоза исчисляется следующим образом: тракторов (главным образом, «Интернационал»)—20 штук, сноповязалок: тракторных—12 штук, конных—20 штук, сенокосилок: тракторных—5 шт., конных—20 шт.

На «кладбище» бесконечное множество плугов, сеялок, борон...

Ремонт локомобилей и молотилок был на полном ходу—готовились к снятию урожая.

Рабочая сила в наш приезд исчислялась так: штатных рабочих и служащих—112 человек, сезонных—109 чел., поденных—200. Всего—421 челов.

Строительство на семхозе в этом году развернуто довольно значительно: 1) построена зерноочистительная фабрика «Гейда», пропускная способность которой рассчитана до 5000 п. в сутки. Она построена рядом с одним зернохранилищем, и подача зерна будет производиться конвеерным путем; 2) строится силовая станция в 200 сил; 3) дооборудуется мельница, суточная производительности которой рассчитана на 2.000 пудов; 4) строится дом для рабочих квартир. Часть этого дома будет отведена под клуб, так как старый клуб (нечто похожее на конюшню) совсем развалился. На оборудование клуба союз сельхозрабочих отпустил 4.000 руб. Кроме того, рабочие субботником посеяли 30 десятин пшеницы, получив семена, землю и тяговую силу от семхоза.

Ремонтируются все квартиры для рабочих как на самом семхозе, так и на хуторах. Построенный в 23-24 годах дом для управляющего в этом году ремонтировался, так как древесный грибок из'ел все балки.

Жилищные условия рабочих семхоза не так-то уж плохи, во всяком случае они лучше, нежели на других совхозах. Имеются два больших дома для семейных рабочих и 20 квартир. Каждая семья имеет комнату и кухню. 1 большой дом для холостяков—20 комнат, на 2 человека комната и общежитие на 60 человек. Строящийся дом даст возможность еще улучшить квартирный вопрос. Рабочий поселок семхоза отстоит саженях в 200 от предприятий и конторы, рядом с садом.

Во всех квартирах электрическое освещение.

Во время выполнения работ на полях рабочие размещаются в походных домиках-вагонах и в больших балаганах. Такие балаганы поставлены на каждом таборе.

ЖИЗНЬ И БЫТ РАБОЧИХ.

Культурно-просветительная работа на семхозе поставлена довольно сносно, несмотря на то, что нет клуба.

В довольно большом саду, оставшемся от Романенко, устроена летняя сцена с постоянной декорацией, изображающей крестьянскую избу.

Здесь летом ставились спектакли. Драматический кружок, пожалуй, более всех остальных проявляет себя: каждую неделю, за редким исключением, у него постановка.

11 августа был устроен вечер в пользу обороны страны и дал 50 рублей чистого дохода.

Здесь же в саду построена детская площадка, где дети рабочих проводят с руководителем большую часть дня.

Жаль только, что сад сильно запущен. Единственная тополевая аллея, довольно чистая, является украшением сада. Рабочкому и культкомиссии нужно подумать над вопросом о приведении сада в надлежащий вид, ибо он является единственным местом отдыха для рабочего.

На женском таборе была организована школа по ликвидации неграмотности. В результате, из 80 обучавшихся—20 человек ликвидировали свою неграмотность. Это, конечно, немного, но все же кое-что сделано. Такая школа организуется по мере поступления заявлений о желании учиться.

Хорошо работает кружок по самообразованию, где молодежь готовится для поступления в ВУЗ. Профкружок в этом году организовал курсы; слушателей было 85 человек, посещаемость более, чем удовлетворительная.

Только кружок военных знаний работает слабо, его работу надо усилить.

Все штатные рабочие и служащие—члены союза, из сезонных и поденных рабочих есть много несостоящих ни в каком союзе. Всего членов союза насчитывается до 300 человек.

Партячейка на семхозе состоит из 22 человек.

Вечером я обошел все предприятия семхоза. Осмотрел мельницу, огромный инвентарный сарай, обитый весь железом, постройки, побывал в рабочем поселке, в саду и зашел в комнату, где помещается рабочком. Сегодня предполагалось производственное совещание, но было отложено вследствие неявки с отдаленных таборов членов комиссии.

В саду молодежь пела песни. На спортплощадке ребята играли в футбол.

Темнело...

Совхоз был залит огнями.

В ПОЛЯХ.

Утром мы с полеводом тов. Жибурт об'езжали поля семхоза.

— Люди всегда стараются показать свое дело с лучшей стороны и часто худшие стороны не показывают. Мы сделаем обратное: посмотрим вначале плохие поля, а затем об'едем лучшие.

Мы ехали по дороге на ст. Москаленки. Вся площадь посева на уклоне к озеру представляла, действительно, безотрадную картину. Десятин сто посева было забито сорняками разных категорий.

— Причина того, что здесь мало видно посевов, кроется, конечно, в страшном засорении земли. Это первое. Второе—уклон, плохая земля и третье—дожди. Они подняли из глубин земли все те семена сорняков, которые лежали там уже несколько лет. Ведь, дожди нас совершенно сбили с толку. Видя такую картину, мы решили оставить этот кусок земли без ухода. Что вырастет, то и наше. Если бы мы даже начали в свое время полку, все равно ничего из этого не вышло бы. Сорняки сразу заглушили посев, и борьба с ними была невозможна при той погоде, какую мы имели.

Подвигаясь дальше по дороге, я видел, как картина менялась. На вз'еме пшеницы были уже совсем отменные.

— Вот видите, здесь другой хлеб, а дальше еще лучше будет.

Верст шесть мы ехали полем, засеянным пшеницей «цезиум». Высокая и стройная, с желтеющим стеблем, тихо волновалась она под легким ветром.

Мы об'ехали поля пшеницы «гордей-форме» и овса «победа». Побывали на пахоте. Начинался дождь, и мы возвратились на семхоз.

Общее впечатление от поездки по полям хорошее. Но хлеба уступают 27 и 29 совхозу. Это результат засорения. Видно, что очистить поля от сорняков—дело трудное, после того, как они запущены варварским образом.

Для того, чтобы выполнить главную задачу—быть фабрикой чистосортных семян—«Элите» нужно много потратить труда и средств.

О НЕКОТОРЫХ РАЗГОВОРАХ.

Вечером я просматривал газету «Рабочий Путь», только-что полученную с почты. На 2-й странице (№ 187) я отыскал следующую заметку:

«Посевы в семхозе «Элита» хуже крестьянских.

В 1928 году семхоз «Элита» (Москаленский район) понизит свою марку в глазах окружающего населения и коллективных хозяйств: произведенный семхозом посев в несколько тысяч десятин уже к данному времени хуже крестьянского. Если крестья-

нин рассчитывает на получение с десятины от 80 до 120 пудов урожая, то семхоз—только от 50 до 70 пудов, при чем свыше 500 десятин совершенно погибло.

Не все обстоит благополучно с настроением рабочих. Рабочие возмущаются тем положением, которое существует в семхозе. Рабочие (правда, не все) живут в неважных квартирных условиях. А недавно построенный дом для управляющего семхозом уже капитально ремонтируется, на что, очевидно, будет затрачена приличная сумма.

Рабочая критика находится в зачаточном состоянии, ею некому руководить и направлять по соответствующему руслу.

Заноза».

Последний абзац был выделен жирным шрифтом.

Я прочел заметку два раза, переписал ее себе в записную книжку и все недоумевал. Зачем нужно это мелкое заушение? Кого она бьет (не по голове) по рукам? Разбирается ли газета в том, **что** помещает?

Позднее я задал вопрос секретарю ячейки:

— Верно ли все то, что написано в сегодняшнем номере газеты «Рабочий Путь»?

Он категорически начал возражать.

— Дело в том, что редакция газеты не позаботилась сама заглянуть в такое большое хозяйство, как наше. Правда, был сам редактор, но он приехал ночью и до рассвета уехал. Что он мог написать? Какое представление имеется о нашем семхозе? Свое посещение он изложил в 10 строчках, где было сказано, что совхоз электрифицирован, что везде огни. Начну с того, что пишут о 500 десятинах погибшей пшеницы. Конечно, это не верно. Вы были сами на полях и видели, что там не 500, а гораздо меньше, что она **не погибла,** а засорена и на семена не годится. О настроении рабочих—тоже не верно. Настроение рабочих довольно хорошее. Жилищный вопрос у нас далеко не плохо поставлен, строим еще дом и ремонтируем все квартиры для рабочих. Относительно дома управляющего скажу. Ну, как же быть, если полы провалились? Ждать, пока дом рухнет? Что бы сказали рабочие, если бы в их квартирах было то же самое? Конечно, если бы мы ремонтировали новый дом управляющего, а квартиры рабочих не ремонтировали,—тогда могло быть возмущение, это было бы справедливо. Последний же пункт считаю лживым. У нас довольно значительная партячейка, кроме того, близко райком ВКП (б), так что говорить, что мы «ничего не делаем», что рабочей критикой «некому руководить»—не справедливо. Я не знаю, как газета печатает всяких пустобрехов...

«Заноза», сравнивая крестьянские посевы с посевами семхоза, приходит к выводу, что «семхоз понизил свою марку в глазах окружающего населения».

Мне, об'ехавшему в этом году не только Омский округ, но и Хакасский, Кузнецкий, побывавшему во многих селах Новосибирского округа,—смешным кажется такое утвержденпе. Не думаю, чтобы такое утверждение могло кого-нибудь убедить.

Я пришел к выводу: не надо допускать такие «занозы» к нашему крепнущему организму, они хоть временную боль, а причиняют, не принося, конечно, никакой пользы. Здесь даже не критика. Такие поступки имеют свои названия.

СЕМХОЗ И БЕДНОТА.

Культурное значение семхоза для окружающего населения огромно. Наше крестьянство, закостеневшее на старых формах ведения хозяйства, учится у семхоза всему тому, что добыто наукой, что неуклонно проводится в жизнь, как мера по поднятию производительности.

Кроме этого, семхоз «Элита» помогает неимущей или малоимущей бедноте.

Так, в этом году семхозом был организован один коллектив «Труд бедняка», которому были даны для полевых работ: 6 лошадей, подготовленная земля, семена, фураж и инвентарь. Всего на сумму 1.700 рублей, по минимальным ценам.

Агрикультурная и производственная помощь крестьянскому населению в 1928 г. оказывалась всеми без исключения совхозами. Очищалось зерно, отпускались орудия и машины, вспахивалась и засевалась земля, отпускались семена коллективам.

Эти мероприятия имеют колоссальное значение. Если сейчас еще не видно результатов, то они не замедлят сказаться.

БЕГУЩИЕ ОГНИ.

Перед от'ездом я был у управляющего. Тов. Пешта говорил о хозяйстве, о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться, и пожаловался на пути сообщения.

— Сейчас мы всякий груз, как получку, так и отправление, должны везти через ст. Москаленки. А рядом, в 2-х верстах, раз'езд. Он закрыт. Нам это дело весьма и весьма не выгодно. Старый хозяин, когда жил, то раз'езд работал. Это не потому, что здесь при нем было больше перевозок, а так тогда было дело поставлено. Нам сейчас выгоднее содержать раз'езд на свой счет, чем иметь дело с Москаленками. В этом году, пожалуй, так и будет.

Мы простились с ним в конторе... Подали лошадей.

Ночь черная, непроглядная, мягким бархатом кутала землю. Озеро дышало холодным соленым воздухом. Шумели камыши, стонали гагары, как перед грозой.

Впереди по линии железной дороги бежали огни. Два больших красных глаза Это шел поезд. Я торопил моего кучера.

— Как бы не опоздать.

— Поезд должен остановиться,—заявил он:—с Москаленок на совхоз едут люди.

Под'езжая к раз'езду, я огляпулся. Семхоз был залит электрическим светом.

По незримым во тьме проводам разбегались лампочки во все стороны, и, казалось, огоньки их бежали к темным, глухим, далеким деревням, чтобы осветить нашему хлеборобу путь к новому и позвать вперед.

Я встал на площадку.

Поезд двинулся. Рванул ветер...

Огни бежали...

Е. ТИТОВ

Пегая орда

I. АМБАНЬ-ХОТО.

Хайлар по-монгольски называется Амбань-Хото, город Амбаня.

Китайцы, уничтожив президентским декретом 1920 года автономию Барги, поставили над монголами амбаня—главнозаведующего по монгольской части. Его назначает президент республики, а ведает амбань управлением и судом монголов и берет с них подать—албу монгольскую. В общем получается в роде автономии: свои финансы, свой суд и собственный «Белый Дом»—большой двор с кирпичным сооружением посредине, а на воротах двора написано китайскими, монгольскими и манчжурскими письменами: Ямынь. К довершению всего двор охраняется монгольской стражей.

Но чем дальше от Ямыня вглубь города, тем меньше остается баргинской автономии, тем больше выпирает изо всех переулков китайская «республика».

По китайскому порядку, Барга образует отдельный Зулунбуирский округ и входит в состав Хайлунцзянской провинции; подчиняется китайскому даоиню, который подчиняется китайскому губернатору. Но в «экстренных случаях» даонинь имеет право сноситься непосредственно с президентом республики.

Даонинь ведает:

1) иностранными делами (пограничный караул, визы, налоги);
2) городским самоуправлением;
3) финансами города и деревни;
4) полицией;
5) судом и тюрьмой.

А все вместе сводится к одному простенькому слову—деньги.

Нет ничего легче, как превратить канцелярию в лавочку и в притон. Последовательный враг «государства» нашел бы в китайской системе управления большую для себя поддержку.

Впрочем, в монгольские дела даонинь не вмешивается. Ему хватает забот с китайским и русским населением. Особенно с последним. Русским (их в Барге 22.659 человек на 17.177 китайцев), тоже хватает забот и с китайским управлением, и с монгольским самоуправлением. Судьба этих людей достойна сожаления. Утянувшись стихийно на пустыри китайской стороны Аргуни, они попали в кабалу, их прав никто не защищает, своеволие чиновников Срединного Царства превосходит всякую фантазию. Но мы здесь об этом не распространимся. У нас довольно своих забот.

Если исключить Ямынь с его служилым сословием, то в монгольском городе Хайларе с великим трудом наберется два-три десятка людей монгольской народности. Монгол живет в степи. И оттуда он все зрит. И его боятся, как привидения. Всего монгольского народа в степи 30.772 души. Этого достаточно пока, чтобы охранять баргинское

дикое поле от китайского земледельца. В степи происходит непрерывная, упорная, с оружием в руках, борьба. Монголы нападают на китайские заимки, разоряют их и жгут. Иногда эти налеты принимают характер массового восстания. Еще совсем недавно, в году 1912-м, баргуты били китайцев смертным боем, в Барге в короткое время не осталось ни одного китайца, и китайцы дали Барге автономию. Потом они ее взяли обратно, но, видать, что спор еще не кончен.

А населения в Хайларе всего 14.250 человек. Из них 9.826 «душ» китайские, 4.218—русские, среди же «всех прочих»—до 100 японцев.

Китайцы устраиваются потихоньку, без шума и храпа, но основательно, копотливо, надолго. Они торгуют, шьют, порют, чистят сапоги, строят, копают и угрожающе плодятся, энергично вовлекая в это дело женскую половину русского населения.

Что может быть прекраснее азарта китайской устроительности. Она органична и стадна, экстенсивна и неудержима, как сама жизнь.

Совсем иначе ведут себя японцы. В каждом шаге этих приземистых конквистадоров виден расчет, плановость и задний умысел. Они охотно изучают страну, рыская в ней вдоль, поперек и наискось, в Хайларе имеют приемный покой с персонажем человек в 15 (!?), аптеки, кой-какие заводишки и магазины, конечно, парикмахерские и публичные дома. Теперь открывают коммерческое агентство, постепенно углубляя канавы, по которым монгольское сырье в одно прекрасное время должно (это рассчитано) потечь густым валом на Таонаньфу.

Я не буду продолжать статистико-экономического описания Барги. Вся эта глава является вынужденной уступкой педантизму. В дальнейшем весь материал действительной жизни взят совершенно произвольно, и я прошу на меня не ссылаться. Для ссылок можно рекомендовать отличную книгу В. А. Кормазова—«Барга» (Харбин, 1928, с множеством картинок и цифр).

II. ВЫСОКИЕ ГОСТИ.

Хозяйка сказала:

— С вами хочет познакомиться племянник помощника амбаня.

Я выражаю искреннюю готовность познакомиться с таким племянником.

— Передайте мою живейшую радость и...

В комнату вошли двое. Судя по длинным шелковым кафтанам и коротким жилетам без рукавов, вошедшие были, несомненно, китайцы. Но в лицах гостей на общем желтом монголоидном фоне настойчиво проступали следы турецко-татарских племенных вариаций.

— Мой спутник говорит по-английски,—сказал один из китайцев,—а я немного понимаю по-руски. Познакомимся.

Моим настороженным слухом уловлены два имени, построенных на законе гармонии гласных и оправленных в оболочку глубоких гортанных, от которых вздрагивает кадык, как капля спирта в ватерпасе. Навождение китайских халатов начинает терять свою губительную силу. Чтобы покончить с этим раз навсегда, я ставлю вопрос ребром:

— Вы дауры?

Да, они дауры. Тот, что говорит по-русски, сам племянник, а который по-английски—его приятель.

Потом я узнаю, что они оба учились в Японии.

(Вот тебе и орда! Я приехал изучать язык бесписьменного народа, а они, поди ж ты, учились в колледжах, жарят на разных языках!).

Мы с приятностью окунаемся в теплые ваниочки взаимных улыбок. Русско-английско-даурско-монгольский диалог развертывается во всей роскоши своей неповторной пестроты.

— Что вы знаете об истории даурского народа?

— Я знаю очень немного. Судя по японским источникам (Тории, Яги), которые мне известны из вторых рук, современные дауры—потомки народа ляо или киданей, владевших Китаем лет 800 назад. Русский язык запомнил киданей, назвав по их имени китайцев вообще. Данные языка говорят за то, что дауры—монгольская родня, а совсем не тунгусская, как до сих пор думали все, кто писал о них. Но ваш язык древнее современного монгольского. Один русский ученый нашел, что в даурском языке 50 проц. слов восходит к эпохе Юаньской династии, ныне исчезнувшие всюду,—их можно найти лишь в памятниках XIV века.

Я рассказал гостям также и о том, что в XVII столетии русские разрушили в Забайкалье и на Амуре земледельческую даурскую культуру...

Тот, который был племянником, сказал:

— Все это очень интересно. Язык надо изучать. У нас есть грамотные ребята, они помогут вам достать списки манчжурско-даурских слов. В Барге еще пишут по-маньчжурски. Но дауров теперь совсем мало. Китайцы проникают всюду. В Монголии на пять туземцев приходится один китаец. Они захватили ремесла и торговлю. Колонизация Маньчжурии с каждым годом растет. Что будет дальше?

Я ссылаюсь на только-что появившуюся книгу Яшнова о китайской колонизации в Маньчжурии. Автор не придает Барге, как колонизационно-земледельческому фонду, особенного значения. Но здесь есть уголь, соль, сода, золото, серебро-свинцовые руды и лес. Если лет через 30-40 население Маньчжурии возрастет до 76 миллионов человек, дауры неизбежно растворятся в этом океане жизней, как крупинка соли в бочке воды. Их ждет судьба маньчжуров, еще недавно владевших сердцем Азии.

— Что ж с ним делать?

— Я не знаю, что делать. Вы, наверное, больше меня думали об этом. Моя специальность не позволяет мне решать вопросы, связанные с судьбой целого народа. Но...

Племянник улыбается. Его радует такая турецко-татарская предусмотрительность. Действительно, политика—дело темное, особенно в наших условиях. А язык, конечно, надо изучать,—это дело хорошее. Гости в один голос советуют ехать в улус.

На другой день, очинив карандаши, я ринулся в степь.

III. ГИБЕЛЬ ДАУРСКОГО ЦАРСТВА.

О земле Даурской в середине XVII века казачья молва напела увлекательную околесицу. Славили люди, что это второе Сибирское царство, новый Ханаан, райская земля.

Письменный голова Василий Поярков три года плавал: из Алдана на Зею, оттуда с боем по Амуру до Охотского моря и на Якутск. Напитались в пути охотники Поярковы и корнем травным и человечиной, не мало их пало от даурских стрел, не мало осталось по острогам в голодной смерти. Но сильно похвалил Поярков Амурскую землю.

«Те земли,—писал он,—людны и хлебны, и соболины, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям в той землице хлебной скудности ни в чем не будет».

Второй поход на хлебные реки Амур и Зею поднял якутский воевода Дмитрий Францбеков, деляга высокой гильдии, взяточник, громила и «немкин сын». Дело это обмозговал Францбекову оборотистый мужичок из Киренска Ерофей Хабаров. Он притянулся в Сибирь из-за Урала, из Устюжского края и слыл за доброго опытовщика.

Немкин сын, расстроенный челобитием Хабарова, закатил на поиски новых немирных земель по Амуру великие сотни тысяч своих и особливо чужих денег (пограбил купцов, государеву казну), и вот в году 6150 после сотворения мира дошлый устюжанин во главе ватаги охочих людей перевалил по Тунгирскому волоку в Даурскую землю.

Люди Хабарова принесли новому Ханаану войну, грабежи, пожары и плен. Тех дауров—пегую орду—в пень порубили всех с головы на голову, а жен и детей имали и скот.

Францбекова Россия хозяйничала изрядно. Государеву делу оказалось не радение, а раздел. На Амуре из даурского хлеба курили водку, русский передовщик озорничал в кабалу и смерть. Новый Ханаан захлебнулся в даурской крови и в пьяной казацкой блевотине.

Богдойские маньчжурские цари свели сперва полоненных даур на правый берег Амура и на Сунгари, а потом, к концу 60-х годов, учинили людям из царства Ло-чэ «побежную славу».

Амурский край опустел на 150 лет.

IV. НА РОДИНЕ МЭРСЭЯ.

Дайрский поселок Мэхэртэ (русские называют его «Мокрота») состоит всего лишь дворов из 20-ти. Взору путешественника предстает картина бедности, распада и гибели.

Низенькие глинобитые домики с двухскатной соломенной крышей (умазанной глиной) таращат на полдень бельма окон, затянутых промасленной бумагой («а окончины у них бумажные»,—описывали казаки с Амура в XVII веке). Широкие нары—единственное убранство внутренних покоев. Печка, сделанная снаружи (в виде жилища термитов), посылает тепло под нары. Посредине избы стоит треножник с горящими углями в пепле—живое наследство жилища троглодита.

(В богатых домах обиход позатейливее, да немного этих домов-то).

Но в этой суровой скудности глинобитных хижин и бумажных окончин как-раз ко времени моего приезда завершался круг необыкновенных событий.

Однажды к концу лета в Мэхэртэ появилась бурятская женщина. Она оказалась учительницей, предъявив обществу рекомендации от самого Мэрсэя.

Что такое Мэрсэй?

Я долго старался распутать туманный клубок легенды и были, созданный даурами вокруг этого имени. Мне удалось узнать немного.

Мэрсэй был сыном галды, главы хошуна (Барга поделена на 18 хошунов). Учился в Пекинском университете, много посетил городов и видел разные обычаи, например,—был в Японии, а в последние годы делал какие-то дела в Халхэ. В даурской жизни слывет Мэрсэй человеком знаменитым, справедливым и непререкаемым.

Ладно. Приехала бурятка, разложилась с книжками, началось обучение. Поперла даурская молодежь на бурятские книжки. Старики ребят не удерживают: раз Мэрсэй послал человека—деваться некуда, надо учиться.

А бурятка (известно—женское дело) давит во что бы то ни стало на девиц. В короткое время собирается около нее пять даурок.

Ученье быстро пошло впрок.

К концу зимы девицы срезали себе косы.

Тогда старики зашевелились. Это куда дело заходит? Может, девки скоро отцам-матерям головы начнут резать? В саманных жилищах происходит шум. Улусный шаман предсказывает несчастье. Конечно, вся смута от бурятки, и надо эту холеру турнуть из улуса, девок выпороть, а книги и тетрадки бросить в огонь.

Но степной конь уже почуял, что треног сползает с ноги.

Девки, обрезав волосы, заговорили, как черти. Чуть-что—Мэрсэй. Попробуй отдуть! Наконец, одна из грамотеек отказалась от мужа.

Ей только-что исполнилось 15 лет. Когда она была еще ребенком, ее обручили с новорожденным. Таков закон рода. К семи годам муж оказался ясно выраженным идиотом. Тут как-раз под'ехала бурятка. Жена младенца старательно мусолила русский

букварь. К новому году она вместе с подругами подрезала волосы. Теперь ушла из семьи тестя.

События приняли угрожающий характер. Дело пошло на широкую огласку. Бурятке стало небезопасно в дикой степи.

И вот как-то раз молодежь собралась в Амбань-Хото, кто в гости, кто за покупками, а кто просто так. Девушки завязали в платочки кое-какое барахлишко, поехали. (Бурятка еще за неделю оставила свою школу, тихонько отбыв в неизвестном направлении). До станции верст 17, а там часовой перегон до Хайлара. Уехали.

Дня через три в Мэхэртэ прискакал на взмыленной лошади всадник. Что такое? Он бросил коня на улице и, путаясь в полах длинного халата, убежал к галде. В тот же день мэхэртинцы узнали, что—

— у помощника амбаня пропало восемь лошадей, а парни и девки вместе с буряткой исчезли, как иголка в сене.

У. ГАЛДА.

Я без труда нашел переводчика. Это был парень лет 28. Привыкнув ко мне, он показал даурские рукописи, писанные латинским алфавитом. Притащил несколько маньчжурских свитков. Галда, разузнав, что я не прочь скупить кое-какие старинные книги и вещи, запретил даурам торговлю.

Я пошел к галде с визитом.

Чтобы попасть во внутренние покои, надо было миновать двое ворот под арками. Дом галды, подчиняясь обычному типу даурской постройки, разделяется на четыре (по странам света) ячеи, из которых каждой присвоена особая честь и назначение.

Древний старик сидел в светлой горнице, расписанной китайскими и маньчжурскими сентенциями. Лубочные китайские картины висели на стенах. Китайский орнамент торжествующе опутал своей пестрой пустяковиной пары, потолок, сундуки, коврики. Галда курил длинную китайскую трубку. Осведомился о цели приезда. Спросил, кто и откуда. Я об'яснился на-чистоту. Галда разрешил заснять усадьбу. Это было косвенным разрешением на даурские штудии вообще. Но книги галда все-таки не велел покупать.

По всему было видно, что дальше этого старика мэхэртинцу итти некуда. Глава хошуна обладает властью наследственной, имущественной и административной. Сосредоточив за собой все права, галда своим подданным оставлял только обязанности. Он охотно засылает их по своим делам (а их много у крупного скотовода) и, в случае ошибки, наказывает виновных бамбуком. Вот совсем свежий случай, характерный для мэхэртинских обычаев и правопорядка.

Один даур, повздорив с женой, привязал ее за косу к потолочине и избил палкой. Муж распоряжается судьбой своей семьи. Женский язык часто подобен змеиному клубку. Галда, разобрав дело, приказал дать мужу 150 ударов бамбука. Даур принял наказание. Решением галды все остались довольны. Над дауром посмеивались, когда он, проезжая верхом, высоко подбирал колени.

Привыкнув к работе, мой переводчик сознался, что провел два года в совпартшколе. Меня это удивило не больше, чем токийские колледжи моих хайларских гостей. Было очевидно, что я попал в гущу какой-то необыкновенно настойчивой и бестолковой работы. Дауры мотались в разных направлениях, испытывая жизнь и людей. Была ли у них ясная цель и организация? Молодежь как-будто единодушно ненавидела отцов, тянувших к бамбуковой палке и старине. Но сама молодежь тянула в разные стороны, как мне показалось, в красную сторону и в желтую. Ее об'единяла только жажда свободы от китайских забот.

...Мы сидим за длинным столом у русской женщины, которая живет среди даур три года. (Как удивительно складывается жизнь отдельных людей!). Хозяйка расска-

зывает про бурятку и бегство даурок. Занятия русской грамотой происходили как-раз за этим столом.

Сейчас беглянки готовятся к работе в улусах, завершая курс педагогического техникума в Бур-Монгольской республике. Отцы в ожидании дальнейших событий упрямо помалкивают. Собственно, они даже рады, что дети сыты, одеты и проходят какое-то учение. В конце концов, не все ли равно—колледж или педтехникум: то и другое одинаково не понятно. Когда трое парней, участников бегства, вернулись домой, общество хотело выдать их китайцам. Кто-то предложил убить вероотступников на месте. Но один из беглецов оказался с хорошими связями. Ребят оставили в покое. Потом их стали даже побаиваться. Жизнь вообще трудная, никто не знает, что будет завтра.

VI. КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО.

Месяца через два после описанных событий (если можно назвать событием скромную поездку неизвестного человека в мало известную деревню неизвестного народа), дальневосточные газеты взволнованно оповестили мир о восстании в Барге.

Я был далеко уже за пределами хошунов, но переживал каждую телеграмму, как очевидец. Я ничего не понимал. Кому восставать в Барге? Японская пресса говорила о происках Коминтерна. Мэхэртэ и Коминтерн!

Не трудно было убедить себя в том, что все это проделки японского парикмахера. В «Правде» появилась заметка на эту тему. Но, вы можете себе представить, как усложнялся вопрос с парикмахером? Я вспоминал токийские колледжи, пекинский университет, совпартшколу, педагогический техникум и даурскую письменность, остроумно разработанную на основании латинского алфавита. В одном я был убежден совершенно твердо: Мэрсэй должен знать, что происходит в Барге. Но газеты упорно не называли его имени.

Вскоре русская пресса трех восточных провинций и совсем перестала сообщать о ходе восстания. Предмет был не достаточно удобный для мирового обсуждения.

Меня выручил случай.

Как-то раз, развернув американскую газету «The Hardien Daily Neus», я изловил жирный заголовок: Китайско-Монгольская ситуация. Лидер на пути в Мукден.

— Эге! Если есть лидер, то нет ли моих знакомых?—подумал я и прочитал следующее:

«От нашего корреспондента. Хайлар. 27. IX. Китайско-монгольский конфликт приходит к концу. Мэрсэй (ура!), лидер партии младо-баргинцев, вместе с китайскими делегатами, которые вели переговоры с партией, минувшей ночью прибыл в Хайлар. Посетив монгольского амбаня и даоиня, Мэрсэй выехал в Мэхэртэ, местность в 40 милях от Хайлара, где живет его престарелый отец. Он вернется в Хайлар завтра, чтобы проследовать в Мукден. Недели через две Мэрсэй возвратится в Баргу и, по слухам, займет в правительстве видный пост.

Сообщают также, что в силу соглашения, заключенного между баргутами и китайцами, в структуре управления Баргой будут иметь место некоторые изменения. Главный пункт соглашения состоит в том, что авторитет амбаня ограничен деятельностью Ассамблеи Баргинского Народа Barga Peaple's Assambly, которое будет образовано из представителей, избранных баргутами, по одному от каждого хошуна».

VII. ЧТО ДУМАЮТ ОБО ВСЕМ ЭТОМ ЯПОНЦЫ.

Японская пресса посвятила баргинским событиям огромное количество статей, обнаружив осведомленность в мельчайших деталях вопроса. Чтобы заменить свои отрывочные впечатления, подаю («на хороший рот», как говорят французы) очерк баргинского дела «по-японски». Ответственность за достоверность материала берет на себя переводчик. Я ручаюсь только за интерпретацию доставленных мне цитат.

Внешним поводом к возникновению баргинских событий была смерть Чжан-Цзолина и Хэйлунцзянского властителя У-Цапнь-Шеня.

Хулунбурский вопрос обещает превратиться в длительную и серьезную проблему. Внутри этой проблемы заложены две сердцевины: 1) борьба за самоопределение и 2) соперничество Японии, С. С. С. Р. и Китая в Северной Маньчжурии.

Монголы не могут стоять в стороне от всеобщей тенденции нашей эпохи—стремления к самоопределению народностей. Борьба китайцев с монголами начинается на первых страницах истории Китая. Для защиты от монголов китайцы построили Великую стену. Последним пунктом китайско-монгольских столкновений был, главным образом, Чахар. В недавнее время китайцы превратили в сферу своего влияния Чахар, Суйнеань и Чхозе. Переселение китайцев в Маньчжурию носило весьма напористый характер. Сначала были покорены маньчжуры (точнее, поглощены в процессе мирного культурно-хозяйственного оборота. **Е. Т.**). Под давлением колонизационного наступления китайцев монголы, имевшие распространение до линии Сыпингай-Чаньчунь, постепенно отступали на запад. Теперь они отодвинулись значительно западнее линии Тунляо-Таонань. В распоряжении монголов остался только Хулунбуир. Но при теперешних условиях покорение Хулунбуира—вопрос времени. Колонизационная атака китайцев на Северную Маньчжурию становится все активнее. Хулунбуир—последняя позиция. Монголы должны или погибнуть, или уйти во внешнюю Монголию, или на русскую территорию.

Барга охраняется Хинганом, баргинские земли мало пригодны для разработки, обитатели Барги недружелюбны к китайцам. В настоящее время линия колонизационного фронта китайцев достигает восточных склонов Хингана. Китайцы двигаются в верховье реки Нонни. Но наступит момент, когда избыток колонизационной энергии китайцев хлынет на запад от бассейна реки Нонни. Хулунбуир или колонизируется, или останется в руках своих автохтонов.

Монголы, стряхнув с себя ламаитское безразличие к жизни, за последние годы перешли в активное наступление. Китайско-монгольская война, тянущаяся тысячелетия, развернулась перед нами в виде баргинского эпизода. Спасение монголов в восстановлении территориальных владений своих предков. Племена Внешней Монголии, Внутренней Монголии и Хулунбуира различны, но нет для них иного пути самосохранения, как только сплотиться для создания Великого Монгольского Государства. Пунктами их противления могут быть: 1) Чахар, как исторический плацдарм китайско-монгольских столкновений и 2) самостоятельность Хулунбуира, единственной области, не захваченной китайцами.

Борьбу китайцев и монголов усложняют отношения Китая, Японии и СССР. Эти отношения в будущем станут еще более сложными. Маньчжурский вопрос привлекает внимание всего мира, и центр этого вопроса переместился в Северную Маньчжурию. Треугольник отношений Китая, Японии и СССР, в связи с экспансией японцев в Северной Маньчжурии и упрочением китайского влияния также,—все это придает серьезный характер Хулунбуирской проблеме.

Хулунбуирцы не имеют реальных возможностей для проведения в жизнь идеи независимости своего края. На кого они могут опереться?

«Сибирь развернула перед Китаем очень длинный план. Охранять его от китайцев, народа мирной экономической агрессии, она не может. Поэтому России выгодно иметь между собою и китайцами племена безвредных кочующих скотоводов. Так Россия построила Внешнемонгольское государство. Для нее необходим самостоятельный Хулунбуир, как наиболее важный отрезок западной линии Сибири. Но тут-то для России необходима осторожность. Если она неумело ставит свой хвост, под этим предлогом у нее может быть отнята Кит.-Восточная жел. дорога. Ее воображению рисуется за спиной Китая японские приведения, вот почему, боясь их, она не придает своим действиям законченности, как это видно из «хода» Баргинских событий». (Нагано).

Хулунбуирцы не прочь воспользоваться помощью русских, но с тем, чтобы освободиться от их влияния. Эта тенденция сильна и во Внешней Монголии и в южном Хулунбуире. Поэтому есть люди, которые просят японской помощи. Внешняя Монголия строго-настрого закрыта для японцев, как элемента нежелательного. Хулунбуирская проблема будет все больше осложняться по мере обострения национального движения и международных отношений.

Подчеркивается очень важное обстоятельство: внутренняя вражда баргинцев—даур и солон. Солоны—тунгусское племя, далекие даурам и по языку, и по историческим преданиям, и в формах хозяйствования, обижены тем, что дауры захватили в свои руки политическую власть над Баргой.

Проф. Янож в своей книге «Киндай Мо:ко:си кэнкю» (Новейшая монгольская история) говорит:

«Если России удастся взять в свои руки горные и рыболовные права в Хулунбуире, то она может передать формально-политическую ответственность Китаю. Ясно, что при нынешних условиях такое положение для нее наиболее выгодно. Таким образом, надо думать, что Хулунбуирский вопрос примет тот или иной поворот в зависимости от позиции России».

Приведенный в гл. VII материал можно проверить по следующим источникам: 1) токийский ежемесячник «Кандза» (октябрь, 1928 г.; статья Нагано); 2) журнал «То-а» (Восточная Азия, Токио, 1928, кн. X); 3) «Маммо» (Дайренский журнал, август 1928 г.—Весь номер посвящен Северной Маньчжурии; 4) «Кейд-зай-онай» (Токио, экономический журнал, 1928 г., статья Нагано, Акира. Автор указывает, между прочим, на то, что нынешний амбань Барги князь Гуйпу пробыл в свое время 4 года в России, 3 года в Англии, был предводителем монгольской кавалерии).

М. ОДИНЦОВА

Солдаты-декабристы

В Иркутском архивном бюро находятся документы, касающиеся декабристов солдат, участников движения 14 декабря 1825 года в С.-Петербурге. Эти документы интересны в том отношении, что из них впервые мы узнаем о ссылке солдат Петербургского гарнизона в каторжную работу в Сибирь, тогда как исследователи центральных архивов как прежние, так и современные утверждают, что солдаты, участники декабрьского движения, были наказаны временным заключением в крепость до разбора дела, а по окончании расследования они были переведены в армейские и гарнизонные части, преимущественно на Кавказ[1]).

Правительство в своих официальных заявлениях особенно подчеркивает невиновность солдат (манифест 29 декабря 1825 года) и пытается создать легенду о том, что движение было чисто офицерским, что солдаты были введены в заблуждение, увлечены, что все их участие об'ясняется «избытком верноподданничества». Опубликованных дел о солдатах, участниках петербургского восстания, совсем нет: исследователи указывают на крайнюю скудность материалов о солдатах, характерно и то, что в воспоминаниях декабристов, их письмах нет указаний на то, что солдаты, участники движения, разделили участь своих руководителей. В ссылке, на каторге декабристы-петербуржцы не встречались со своими солдатами. Все это подтверждало легенду, создаваемую правительством.

Ниже печатаемый документ вскрывает тайну, почему ссыльно-каторжные декабристы-офицеры не встретились с декабристами-солдатами. Первый из этих документов, помеченный № 38, очень испорчен сыростью; заголовок невозможно прочесть так же, как и строчку в средине, находившуюся на сгибе листа, написан он на серой бумаге, небрежно, с помарками и представляет черновик официальной бумаги.

Второй документ, помеченный № 24, совершенно цел, писан на белой бумаге писарским почерком и имеет подписи. На документах сделана пометка, что они были подобраны В. Г. Кубаловым из груды разрозненной бумаги в архиве генерал-губернатора и включены в Архив декабристов за № 49-288.

---

*) Центрархив «Восстание декабристов». Исследов. под ред. М. Н. Покровского. Проф. А. Е. Пресняков—«14 декабря 1825 года». Госиздат. М. 1926 г. Стр. 195.
*) Центрархив. «Восстание декабристов». Исследов. под ред. М. Н. Покров-

. . . . . тно*).

№ 38.
Июня 19 дня.
1830.
З. Нерч.

Вследствие отношения г. коменданта при Нерчинских рудниках от 13-го сего июня за № 447 к выполнению данной ему высочайшей инструкции предписываю конторе: находящихся в Петровском заводе ссыльно-каторжных Федора Трофимова, Пантелея Долговязова, Данилу Соколова и Семена Ритова, служивших напред сего в пеших Лейб-Гвардии полках, **а также и других ссыльных есть ли из бывших на службе в тех же и армейских полках и командах, которые участвовали** в . . . . . (испорчено) императора прошлого 1825 года декабря 14 дня, то всех их немедленно выключить из списков, отослать за стражею в здешний Нерчинский завод при рапорте в Нерчинскую Горную Экспедицию и мне донесть.

При сем случае распорядиться таким образом, чтобы г. Комендант с государственными преступниками и командою не застали их в Петровском заводе, куда его превосходительство располагает прибыть в 21 число будущего сентября, а равно; чтобы он не мог встретить ссыльно-каторжных сих на пути проследования его туда с командою.

Секретно.

№ 24. 15 июля 1830 к делу.

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ НЕРЧИНСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ И КАВАЛЕРУ.

Петровской заводской конторы.

Р А П О Р Т.

После повеления Вашего высокоблагородия от 19 июня за № 38, содержавшиеся при здешнем заводе за участвование в бунте против высочайшей власти государя императора прошлого 1825 года декабря 14-го дня ссыльно-каторжные Пантелей Долговязов, Данила Соловьев, а не Соколов, Трофим Федотов**) и Федор Трофимов выключены из списков с 1-го числа и 2-го сего июля отправлены за стражею в Верхнеудинский земский Суд на дальнейшую их отправку в Нерчинскую горную экспедицию; более же при здешнем заводе ссыльных не находится, о чем Вашему Высокоблагородию контора донесть честь имеет.

Гиттен-фервалтер
Шихтмейстер-Павлуцкий.

№11.
Июля 6-го дня
1830 года.

Следующие документы уже относятся к 1861 году и находятся в архиве горноуправления под № 29 123-206. Они представляют из себя прошение солдат о применении к ним амнистии 1856 года. Прошение написано хорошим почерком, как видно, специалистом своего дела, об участии в происшествии 14 декабря 1825 года, в нем говорится канцелярским языком соответственно со взглядом начальства на этот предмет. К прошению приложено в копии дело о перечислении ссыльно-каторжных солдат на инвалидное содержание и резолюция генерал-губернатора Корсакова о выдаче новых паспортов. Дело имеет такой заголовок:

ПО ПУТЕВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

Д е л о

по прошению Федотова и прочих отставных солдат о перемене выданных им Нерчинским горным Правлением билетов.

Начато
10 июля 1861 года.
Кончено

*) Можно догадываться, что в верхнем углу направо стоит—секретно.

**) Нет Семена Рытова, он отбывал каторжную работу. должно быть, в другом месте. Дальнейшие следы его пребывания относятся уже к 61 году (М. О).

ГОСПОДИНУ ИСПРАВЛЯЮЩЕМУ ДОЛЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ В ОНОЙ РАСПОЛОЖЕННЫМИ, СВИТЫ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ КОРСАКОВУ.

Бывших лейб-гвардии Гренадерского полка унтер-офицера Трофима Федотова, и рядовых: Семена Рытова, Данила Соловьева, Федора Трофимова.

ПОКОРНЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ.

За происшествие, бывшее в С.-Петербурге 14 декабря 1825 года, мы, не понимая сущности дела и исполняя только буквально приказание начальства, были осуждены в ссылку в Сибирь—на Нерчинские заводы, куда и поступили 10 марта 1829 года.

По распоряжению Нерчинского Горного Управления, состоявшемуся 9 декабря 1848 года за № 11485 мы за пробытие в работе двадцати лет были совершенно от оной уволены и пользовались от горного ведомства одним богадельным содержанием, т.-е. получением только 25 коп. серебром в месяц.

В 1858 году нас от Горного ведомства отчислили и мы начали получать от военного ведомства инвалидное содержание, но в билетах, данных нам от Нерчинского горного Правления для свободного прожития, нас именовали ссыльно-каторжными, тогда, как согласно XV статьи высочайшего манифеста 26 августа 1856 года, в коем сказано, что всем осужденным за происшествие 14 декабря 1825 года лицам, принадлежавшим не к одному дворянскому сословию, но и к другим состояниям также и на том основании, даровать вместе с законными детьми их, после их осуждения рожденными, те права состояния, коими они до сего осуждения пользовались, а посему и не понятно на каком основании мы, прощенные монаршим милосердием, продолжаем числиться до настоящего времени ссыльно-каторжными и не получаем следуюших нам по закону, согласно высочайшего манифеста, новых видов для свободного жительства.

Вследствие чего мы, узнав о прибытии Вашего превосходительства в здешний завод, решились принять смелость прибегнуть к милостивому покровительству и великодушию Вашего высокопревосходительства и всеусерднейше просить: сделать благосклонное распоряжение: 1-е о переименовании нас в прежние, согласно высочайшим манифестом 26 августа 1856 года, дарованные нам звания и 2-е выдать нам установленные законом виды для свободного прожития; жительство без законных видов строго воспрещается, и мы можем в этом отношении встретить огромные стеснения, вот почему и решились утруждать ваше высокопревосходительство всепокорнейшей просьбой в полной надежде на ваше человеколюбие и покровительство.

О решении, какое последует от Вашего высокопревосходительства, будем иметь счастье ожидать милостивое об'явление.

Июля 9 дня 1861 года. Нерчинский завод.

К сему прошению личной просьбою и по безграмотности бывших лейб-гвардии Гренадерского полка унтера-офицера Трофима Федотова, рядовых: Семена Рытова, Данила Соловьева и Федора Трофимова, руку приложил писец Максим Лесков*).

Копия.

Список с предложения г. военного министра г. генерал-губернатору Восточной Сибири от 18 ноября 1858 г. за № 1917.

Государь император во внимание к засвидетельствованию председательствующего в Совете главного управления Восточной Сибири генерал-лейтенанта Венцеля о хорошем поведении уволенных от работ ссыльно-каторжных, служивших до осуждения в лейб-гвардии Гренадерском полку Федотова, Трофимова, Соловьева и Рытова о том, что они с самого увольнения от работы ни в каких противозаконных поступках не замечены, всемилостивейше повелеть соизволил причислить ссыльно-каторжных этих на инвалидное содержание. Высочайшую волю имею честь сообщить вашему превосходительству к зависящему исполнению.

С подлинным сверял

Столоначальник (подпись).

---

*) Другим почерком, менее привычным и с ошибками.

За № 79 распоряжение генерал-губернатора Корсакова Нерчинскому Горному Правлению о выдаче новых билетов «Нахожу возможным удовлетворить ходатайство означенных просителей».

10 июля 1861 года.

Из приведенных документов следует, что солдаты-декабристы, как и офицеры, попали на каторжные работы в разные пункты Сибири. Первоначально на Петровском заводе находилось 4 человека—Долговязов, Соловьев, Федотов и Трофимов, которые и были отправлены в 1830 г. в Нерчинскую горную экспедицию. В приказе назван еще Семен Ритов, которого в Петровском заводе не оказалось, он находился где-то в другом месте. Последнее обстоятельство, а также и слова приказа: «и других ссыльных есть ли из бывших на службе в тех же*) и армейских полках и командах, которые участвовали»... вполне допускают мнение, что на каторгу в разные места было сослано больше солдат, чем названо фамилий в найденных бумагах. Документы же, сохранившиеся в Иркутском архиве, случайного происхождения, их не берегли, не подшивали, не вносили в реестр, как это делали с остальными бумагами, касавшимися декабристов, возможно, что некоторые бумаги и затерялись.

В известном «Алфавите декабристов» поименованных фамилий не значится.

Можно предполагать, что в центре не оказалось сведений о сосланных солдатах. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, современные изыскания в центральных архивах, с другой—архивные данные в Иркутске. Современный исследователь Г. С. Габаев, составивший на основании тщательного изучения архивного материала в центре весьма подробную справку о том, какие военные части выступали в движении 14 декабря и каким подвергались наказаниям, о наказаниях солдат гвардейских полков говорит то же, что в свое время сообщил Шильдер: солдаты каторги не видали, за исключением солдата лейб-гвардии Московского полка Поветкина и унтер-офицера того же полка Луцкого. Последние фамилии упоминаются и в «Алфавите декабристов». Применение амнистии 26 августа 1856 г. к политическим ссыльным вызвало большую переписку. Переписка касается только известных уже в литературе о декабристах лиц, выходцев из привилегированных классов. Из низших чинов в переписке упоминается только двое—Поветкин и Луцкий.

3-го июля 1857 года Третье Отделение запрашивает Иркутское губернское правление, почему Луцкий Александр и Поветкин Николай не показывались в ведомостях о государственных преступниках, и где они находятся в момент запроса. Иркутское губернское правление сообщает, что Поветкин по статейному списку числился сосланным за дерзости против начальства, поэтому и не вносился в списки. По окончании срока каторжных работ Поветкин был приписан к Александровскому винокуренному заводу Иркутской губернии, где и умер 5 февраля 1855 года. Луцкий же Александр на тех же основаниях не вносился в ведомости о государственных преступниках и к нему не был применен манифест 1856 года. Амнистия к Луцкому применена позже и по его ходатайству**). Ему был разрешен выезд в Новгородскую губернию. О сосланных солдатах лейб-гвардии Гренадерского полка нет указаний ни у Габаева, ни в «Алфавите декабристов», нет запросов из центра, так же как нет их и в местных списках в архивных делах. К ним манифест 26 августа 1856 года был применен только в 1861 г. по их ходатайству, но документы находятся не в архиве декабристов, а горноуправления. Отсутствие запросов из центра о сосланных солдатах указывает, что и в центре, как видно, не осталось бумаг о сосланных солдатах-декабристах, и на местах ссылки они ни в какие списки не вошли.

Переписка и пересылка солдат декабристов возникла случайно вследствие желанья начальства не дать встретиться офицерам и солдатам, участникам восстания на

*) «в пеших лейб-гвардейских полках»...

**) См. статью Б. Г. Кубалова «Забытый декабрист» в сборнике «Декабристы в Сибири». Иркутск. 1925 г.

Сенатской площади. Можно думать, что этим распоряжением исполнялось желанье Николая, так как никакое распоряженье относительно декабристов, как бы оно ни было ничтожно, не делалось без ведома Николая. Последнему почему-то нужно было скрыть от декабристов-офицеров присутствие на каторге декабристов-солдат петербургских полков. Не для того ли, чтобы беспрепятственно создавать легенду о невиновности солдат, об их участии в движении от избытка верноподданства и о своем к ним милосердии?

Так как в делопроизводстве петербургские солдаты-декабристы не были выделены в особый разряд, то можно полагать, что и на заводах они отбывали каторжные работы в одинаковых условиях с уголовными.

Содержание архивного материала в Иркутске не дает возможности судить о том, почему некоторые солдаты попали в каторжные работы, почему к ним не было применено «монаршее милосердие». Предполагать, что эти пять солдат лейб-гвардии гренадерского полка являлись сознательными руководителями солдатской массы, нет данных в документах местного архива. Быть может, в них, в этих солдатах, более резко и цельно сказалось классовое понимание предпринятого переворота и озлобление против крепостнического государства. Пока эти вопросы остаются без ответа.

Г. КРУССЕР

К туманным берегам

Психология действующих лиц потому и приобретает в наших глазах огромную важность, что она есть психология целых общественных классов или, по крайней мере, слоев, и что, следовательно, процессы, происходящие в душе отдельных лиц, являются отражением исторического движения. **Плеханов.**

Такого рода красноречие составляет истинное благополучие и положительный ресурс при нашей бедности. С помощью его можно администрировать, можно издавать журналы, можно даже написать целый ученый трактат, и будет хорошо.

Щедрин.

Прочитав статью тов. Курса «Концентрат профессора Круссера», я еще раз получил возможность убедиться в правильности своих установок, данных мной. Для каждого, кто внимательно просмотрел ст. тов. Курса, очевидно, что в ней нет ответов на поставленные ему вопросы.

Фельетон «Кирпичом по скворечне» потребовал гильотинирования художественной литературы.

Можно ли было такие «установки» обойти молчанием и предоставить им право безданно и беспошлинно распространяться? Партия имеет отлично отшлифованные положения о культурных процессах и, в частности, о художественной литературе. Ревизия (к тому же осуществляемая запусканием кирпичей—весьма примитивный способ борьбы) без всякого анализа, без достаточных мотивировок, а так, контрабандно протаскивающая совершенно нелепые мысли по решенным и ясным вопросам—явление далеко не положительное.

Как нужно было возразить на все эти покушения с негодными средствами? Прежде всего показать те выводы, которые вытекают из фельетона, а во-вторых, дать по этим вопросам заключительное слово авторитетным теоретикам марксизма. Вот тут-то для каждого литературно и марксистски грамотного человека и обнаружился бездонный провал между «откровениями» т. Курса и марксистскими установками.

Ответная статья автора «Кирпичом по скворечне» показала невозможность, при всем желании, перебросить хотя бы ветхую жердочку между этими противоположными берегами. Создалась весьма ощутительная неловкость, отсюда, как понятное следствие—выпад исключительно личного порядка.

Взгляды Ленина, Маркса, Плеханова, Бухарина тов. Курс обошел молчанием. И с точки зрения своей собственной теории сделал совершенно правильно, потому что к его «теории» эти имена не имеют никакого отношения, а в результате веселая картина: профессор Цюрихского университета Штеринг в роли испытанного Вергилия тов. Курса в марксистской теории.

Необходимо остановиться на некоторых возражениях автора «Концентрата». Процитировав мой отрывок: «Буржуазный философ Ницше изобразил социалистического человека довольно-прыгающей блохой», автор «Кирпичом по скворечне» таким же рисует человека, вступающего в социалистическое общество. Он лишает его всего того, что является неот'емлемой сущностью человека, и великодушно оставляет только физиологические отправления. Трогательное, но для марксиста нелепое единение. Поистине, «всякая голова подобна желудку: одна переваривает входящую в оную пищу, другая от нее засоряется», мой оппонент обвиняет меня в «сознательном вранье вслух». Верно ли это и имел ли я право обвинять тов. Курса в исключительном физиологизме и примитиве? Вот что он говорил когда-то: «Отчего вдруг зачахла у нас литература? Может быть, злой советский режим загубил этот нежный цветок, требующий особого тепла и заботы? Нет, есть литература. Но кое-что загубил советский режим—это верно. Загубил ту литературу, которой исторически предназначено пойти к собакам: литературу выдумки, кишкозаворотного психологизма, километровых полотен, литературу гармонического и всякого иного невиданного человека» (Курс. «Кирпичом по скворечне»).

Для грамотного читателя ясно, что, принудительно мобилизуя в свои союзники советский режим, автор рассматривает современного человека только, как говорящего и двигающегося автомата. Проблема в литературе живого человека для т. Курса не существует. Ему не приятны сделанные нами выводы, но все же нужно иметь мужество отвечать за свои мысли. Читатель, если он не гоголевский Петрушка, одержимый страстью к слогослагательству, неизбежно и необходимо только так может расшифровать эти «ужасные левые» афоризмы. Формулировка, проводимая нами выше, дана автором с нескрываемой обнаженностью, и обязанность каждого работника на идеологическом фронте—повернуть ее лицом к читательской массе.

Вторая неловкость произошла у т. Курса в желании отожествить мое определение искусства с определением тов. Луначарского. Говоря об искусстве, я сказал, что оно является разумным и необходимым отражением классовой и общественной психологии. Никакого повторения определения Луначарского здесь нет, что будет ясно каждому, кто сравнит цитируемые оппонентом мысли. Приведя мою формулировку о том, что отражает собой искусство, т. Курс пишет: «Это означает, что, если бы мы сочли это «определение» продуктом здорового ума и выражением стопроцентного марксизма, мы должны были бы признать «социально-разумным и необходимым концентратом»: колчаковский роман А. Югова «Безумные затеи Ферапонта Ивановича» и все другие сибогневские шедевры, за которые тов. Круссер был выдвинут из редколлегии журнала*), мы должны были бы призвать таковым же концентратом белогвардейское искусство эмигрантов, полубелогвардейские произведения Булгакова; конфискованный роман Васильченко «Не той стороной», всякие «Без черемухи», «Луны с правой стороны» и тому подобную продукцию высоко-художественно-промысловых кустарей».

А вы как думали? По нашему мнению—да. Искусство, как я и говорил, прежде всего классово, и с точки зрения интересов тех социальных группировок, о которых вы говорите, это не подлежит сомнению, что данные произведения для них социально-необходимы и разумны. Я, говоря об искусстве, своим определением подчеркивал его **«классовость», что важно при решении вопроса в общей постановке.** А тов. Курс,

*) Интересующихся товарищей отсылаю к № 5 «Сиб. Огней», где мной помещено письмо о вымыслах т. Курса.

вместо разговора по существу, прибег к испытанным приемам блаженной памяти Митеньки Козелкова: «Козелков и говорить стал как-то иначе. Прежде он совестился: скажет, бывало, чепуху—сейчас же сам и рот разинет. Теперь же он словно даже и не говорил, а гудел; гудел изобильно, плавно и мерно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона... гудел самоуверенно, так сказать, резонно, как человек, который до тонкости понимает, о чем он гудит... И, действительно, внимая ему, слушатель с течением времени, мало-по-малу, впадал как бы в магнетический сон и начинал ощущать признаки расслабления, сопровождаемого одновременным поражением всех умственных способностей». (Щедрин). Мы живем, к вашему сведению, тов. Курс, в классовом обществе, в котором отмирающие социальные группы борются за свое существование как на экономическом, так и на идеологическом фронте.

Говоря о классовом характере искусства, было бы наивно, как, впрочем, вы это делаете, подразумевать только пролетарское искусство. Если бы была такая спокойная обстановка, то были бы излишни постановления ЦК партии о политике в художественной литературе. Вам, оказывается, до сих пор не ясно, что искусство прежде всего состоит на службе у того или другого класса, который вынужден тем или другим способом, пока он существует, выявлять себя в социальном потоке классовой борьбы. Только, конечно, этим, мягко говоря, незнанием об'ясняется, что тов. Курс мою формулировку характеризовал, как «концентрированную мещанскую философию искусства» и заставил рассказывать, новые ему и старые для других, азбучные истины.

Тов. Курсу очень трудно возражать—и не потому, что он обстоятельно аргументирует, а потому, что вообще всякие доказательства отсутствуют и заменяются личными выпадами.

Попробуем пойти дальше. Приведя мое определение фельетона: «Фельетон, как определенный вид литературной формы, касается только фактов текущего дня. В этом его сила и острота и в то же время слабость. Необходимость дать хотя бы и художественный отклик на злобу дня заставляет фельетониста игнорировать углубленный социальный анализ и брать для своего этюда значительно меньшее полотно, чем это может и должен делать беллетрист-художник», автор говорит: «Все дело, видимо, в размерах. Это увлечение размерами вполне соответствует бредовой идее величия. В сознании профессора большое белогвардейское полотно Югова или безграмотное, необ'ятное полотно Малашкина «социально разумнее и необходимее» фельетона» (Курс).

Ответить так, это значит просто отмахнуться от вопроса из-за полного бессилия опровергать сказанное. В словах т. Курса нет никакого противопоставления оспариваемой им мысли, и все сведено к попыткам «анализа» моего сознания. Читателя не это интересует, уважаемый оппонент, а ваши ответы по существу на поставленные вопросы.

До сих пор этого-то «существа» и не было. Его заменял набор слов, маскирующий (до первого внимательного чтения) полное отсутствие аргументов. Старый прием! Еще гетевский Мефистофель заметил, что «словами диспуты ведутся, из слов системы создаются».

Любитель и ценитель исключительно «факта» тов. Курс в своей статье совершенно неожиданно превратил слово в своеобразный фетиш и, нанизывая их одно на другое, искренне думает, что он поражает противника.

Развертываясь в левом марше, автор идет дальше.

Выписываю: «Литература только фактов дня, т.-е. фельетон—это своеобразный, если хотите, литературный экономизм, «пятачковая культура», выдаваемая за культуру социализма».

На проведенную мною мысль тов. Курс отвечает так:

«Да, мы хотим», как говорит тов. Бухарин, «в этом вопросе нужна большая вдумчивость, и совершенно должны быть исключены методы, которые можно назвать взятием на пушку».

Мы—хозяйственники слова, а не кустарные эстеты. (Курсив наш. **Г. К.**). Поэтому мы хотим пятачковой массовой культуры, продаваемой за пролетарский медный пятак в универмагах, газет и массовых журналов. Сознание наше не разорвано, поэтому кооперативно-культурный план Ленина у нас не отрывается от литературного плана республики. Поэтому мы ставим вопрос не вообще о «социально-разумных и необходимых концентратах», а о наиболее действенных, необходимых для сегодняшней классовой борьбы пролетариата, литературных формах. И решаем мы этот вопрос в пользу литературы факта, очерка, фельетона, памфлета, дневника очевидца».

Тут уже делается попытка на некоторую серьезность, но, к сожалению, снова вносящую невообразимый сумбур. Когда мы говорим о литературном экономизме, то имеем в виду внутреннюю культурную ценность всех платформ, базирующихся исключительно на фельетонах, дневниках. Для каждого, кто знаком с тем, как расценивали большевики «экономизм», это чрезвычайно ясно. Что же делает тов. Курс? Он необычайно быстро (но не ловко) превращает наше выражение «пятачковая культура» в самый настоящий советский пятак и кричит, что газеты и журналы необходимо продавать именно по пятаку, что в этой установке он видит полное совпадение «кооперативно-культурного плана Ленина с литературным планом республики». Правильно, тов. Курс, совпадает, но только в одном—в нашей тенденции к максимальному снижению цен на всякие товары, в том числе и литературные. Чудесные метаморфозы!

Я говорил, как это ясно без пояснений, о внутренней ценности для пролетариата исключительной монополии всех этих «фактов», «дневников» и т. п. при условии уничтожения художественной литературы, а тов. Курс о том, что он хочет такой литературы, которая была бы в магазинах не дороже пятака. Насколько это серьезно—предоставляю судить другим. Ясно одно—тов. Курс и на этот вопрос не смог ответить, ибо нет ответа, когда культурные ценности, их социальная значимость измеряется денежной единицей. Профессор Штеринг плохой руководитель, тов. Курс, в вопросах марксистской социологии.

Остановимся еще на одном высказывании нашего автора. «Об искусстве,—говорит он,—не стоит беспокоиться. Оно подчиняется историческому ходу вещей и не может развиваться без революционных потрясений, когда разрушение его алтарей может являться более почетным занятием, чем совершение на них жертвоприношений. Даже если эти жертвоприношения совершают кустарно-промысловые профессора и хозяйственные эстеты». В этом отрывке все, кроме одного,—логики. Необходимость разрушения в процессе революции, конечно, бесспорна. Но, ведь, дело не только в этом. На место разрушенного необходимо поставить что-то новое, которое бы по ценности своей для пролетариата было бы безусловно не ниже, а то и выше. Выбрасывая художественную литературу, теоретик фельетонной культуры дает пришедшему к власти классу пищенскую похлебку, оправдывая ее водянистость историческим ходом вещей. Революционная стройка требует, когда мы что-либо разрушаем, не подмены, а замены. Художественную литературу, отражающую в себе живого человека со всеми его особенностями, литературу, как фактор, способствующий воспитанию социальных и художественных эмоций, нельзя выбрасывать без достаточных оснований, прибегая только к р-р-революционному жесту.

За жестом должно быть реальное содержание нового. Я уже в прошлой статье приводил взгляды на искусство и литературу Ленина, Плеханова и др. Для автора «Кирпичом по скворечне» это не что иное, как «цитатное» мышление; до разрешения всех проблем он «доходит», так сказать, исключительно «своим умом», игнорируя всякую попытку указаний ему на классиков марксизма. Эта теоретическая молодцеватость остается, конечно, на совести автора. Напомню, пользуясь случаем, что вопрос о художественной литературе в момент революционного строительства таким гениальным марксистом, как Влад. Ильич Ленин, разрешался следующим образом: «Толстой-художник

известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету,—нужен социалистический переворот» (Ленин).

Итак, социалистический переворот несет за собой не смерть художественной литературе, а буйный рост, расцвет, настоящее взаимодействие между художником и миллионами трудящихся.

В одном из произведений Куприна молодой поручик, впервые участвующий на смотру, горделиво думает: «все идут не в ногу, один поручик в ногу»—и в результате сбивает себя и свою роту. С тов. Курсом такая же беда. Все недостаточно левы—один он является хранителем революционного пламени в искусстве. И другая особенность—это полное и намеренное неглижирование мыслями теоретиков марксизма. Все это называется левее левого или дальше ехать некуда.

Последнее «суждение» нашего марксиста таково: «классики же не знали, что марксисты произведут их в святые, поэтому Лев Толстой, как сообщила правительственная газета «Известия» от 9 сентября, отдавал предпочтение литературе факта перед выдуманной беллетристикой. «С каким наслаждением,—писал он Страхову по поводу произведений какой-то писательницы,—читаю я это настоящее писание, не выдуманное, не фальшивые бумажки».

Тут не только обычное вульгарное упрощенство тов. Курса, но есть и своеобразная пикантность в апелляции к реакционному учению Л. Толстого.

Какова же толстовская идеология? Толстовская идеология—довольно пестрый конгломерат идей и взаимно-исключающих понятий, ярко отражала русскую действительность, содержащую все эти противоречия, а именно: там есть критика того, что было гнило, пошло и подло; утопические идеи, отражающие положение крестьян и потому принимающие мираж за действительность: пессимизм и квиетизм, указывающие, что вера в лучшее будущее на земле иссякла, ибо враг казался непреодолимым,—и потому ищущие потусторонности, и, наконец, реакционные тенденции, характерные для отживших, чей час пробил, и потому тянувших назад к добрым старым временам, к «золотому веку», не знавшему цивилизации, не знавшему разделения классов и не нуждавшемуся в классовой борьбе.

Вот почему все проблемы жизни рассматриваются им под углом зрения вечности, **вот почему он сворачивает с проселочной дороги науки и искусства** на узкий путь божий, в религиозный закоулок*).

Толстой не художник, Толстой противник науки и искусства. Толстой сектант—это, тов. Курс, не наш Толстой, и, конечно, не могущий быть для нас в этих вопросах (наука и искусство) признанным авторитетом. Толстой-моралист видел в науке и искусстве препятствия к разумной жизни людей, к уничтожению насилия, произвола и верил во всепокоряющую и все исправляющую любовь.

Незадолго до смерти он получил хорошее революционное письмо: «Нет, Лев Николаевич, я не могу согласиться с вами, что человеческие отношения исправятся одною любовью. Так говорить могут только люди, хорошо воспитанные и всегда сытые. А что сказать человеку голодному с детства и всю жизнь страдавшему под игом тиранов? Он будет бороться с ними и стараться освободиться от рабства. И вот перед самой вашей смертью говорю вам, Лев Николаевич, что мир еще захлебнется в крови, что не раз будет бить и резать не только господ, не разбирая мужчин и женщин, но и детишек их, чтобы и от них еще не дождаться худа. Жалею, что вы не доживете до этого времени, чтобы убедиться воочию в своей ошибке. Желаю вам счастливой смерти».

---

*) Квитко,—философия Толстого. (Курсив мой).

Тов. Курс, апеллируя к Толстому, вы попали не в тот переулок, перепутали адреса и снова остались в блистательном одиночестве.

Заканчивая свою статью, я хотел бы обратить внимание еще на одно обстоятельство—это то, что правая, сугубо националистическая мысль В. Правдухина, отрицающая, во-первых, устойчивость советского государства, и, во-вторых, порочащая всю нашу художественную литературу, как ненужную и безграмотную, совпадает во второй своей части с «левой» установкой т. Курса*). Эта одинаковость должна заставить всех, интересующихся художественной литературой и понимающих ее политическое и социальное значение, внимательно проанализировать «левые» фразы «новых» идеологов. Всякую дальнейшую полемику с т. Курсом я считаю для себя совершенно излишней, тем более, что все мои положения, носящие строго об'ективный и безличный характер, он воспринимает, как лично ему адресованную брань.

---

*) «Литературная шивера», «Сиб. Огни» и мой ответ Правдухину в том же номере.

Г. ПУШКАРЕВ

Агулико

Прошло десять лет со дня начала работ Барнаульского литературного кружка «Агулико» или впоследствии «Агулипрока», что означает: «Алтайский губернский литературно-продовольственный комитет». Эта шуточная кличка и осталась за кружком потому, что кружок, по просьбе различных газет и журналов, вел редакционную работу лит. отделов и давал свой материал—иначе «литературное продовольствие».

Кроме лабораторной литературной работы, кружок руководил издательской работой Культурно-Просветительного Совета Алтайского края. Здесь ставился вопрос о выпуске серии художественных произведений сибирских писателей и в конце 1918 г. из печати одна за другой начали выходить дешевые брошюрки в громадных тиражах (до 30.000 экз.). Тут были: 1) Г. Гребенщиков—«В полях»; 2) А. Новоселов—«Санькин марал»; 3) В. Шишков—«Чуйские были»; 4) С. Исаков—«Там, в горных долинах»; 5) А. Жиляков—«В тихих лесах»; 6) П. Казанский — «Родному Краю», сборн. стихов; 7) А. Ершов—«В поисках родины»; 8) И. Гольдберг—«Олень»; «Большая смерть», «Николай креститель».

В конце 1918 г. в Барнауле оказались два писателя «центровика»—А. С. Новиков-Прибой и П. Г. Низовой. Они взбудоражили «агулипроковцев». В Барнауле, по их мнению, можно было издавать не только эти брошюрки, но отдельные книги и даже журналы.

От слов перешли к делу. Агулипрок приступил к изданию журнала. В то же время А. Новиков-Прибой выпускает книги «Две души» и «Море зовет». Третьей книгой был сборник убитого в 1918 г. А. Новоселова «Беловодье».

Журнал начал выходить с января 1919 г. Художественным отделом его в значительной части руководил Агулипрок (первую половину года). Кружок сумел привлечь литературные силы Сибири, об'единить их возле журнала. Здесь работал И. Гольдберг, С. Исаков, А. Жиляков, А. Ершов, П. Казанский, А. Никулин, А. Высоцкий, Олониченко и др. Печатались посмертные произведения А. Новоселова. Здесь же печатались два москвича—А. Новиков-Прибой. и П. Низовой.

Кружок замер во второй половине 1919 г. и снова ожил в 1920 году, впитав в себя новые литературные силы, в том числе Анну Караваеву.

ЮБИЛЕЙ ИСААКА ГОЛЬДБЕРГА.

В текущем году исполнилось 25-летие литературной деятельности известного сибирского писателя Исаака Гольдберга. Исаак Гольдберг—один из старейших сибирских писателей, искренне принявший революцию, и потому его юбилей имеет право привлечь внимание советской общественности.

Исаак Григорьевич Гольдберг родился в 1884 году в Иркутске, в семье кустаря. Окончил городское училище и готовился держать экзамен экстерном за среднюю школу, чтобы поступить в университет, но в 1903 году был арестован за принадлежность к революционной группе молодежи. После освобождения из тюрьмы Гольдберг не прекратил революционной деятельности и в 1907 году был снова арестован и выслан в с. Братский Острог на Ангаре, откуда впоследствии его перевели на Нижнюю Тунгуску. По возвращении из ссылки, в 1912 году, Гольдберг редактировал иркутскую газету «Сибирь» и жил все время в Иркутске, занимаясь также писательской работой. За время колчаковщины он подвергался аресту два раза. После установления в Сибири советской власти Гольдберг принял активное участие в строительстве советской общественности, начал сотрудничать в «Сибирских Огнях» (с 1924 г.) и был одним из организаторов Сибирского Союза Писателей, образовавшегося в 1926 г. 1-й с'езд писателей Сибири избрал Гольдберга в правление Союза Сибирских Писателей, и он до сих пор состоит членом правления. В настоящее время Гольдберг, как и раньше, живет в Сибири, в Иркутске.

Первые печатные произведения Гольдберга стали появляться в местных газетах («Иркутские Губ. Ведомости» и др.) с 1903-904 г. г. Первая крупная повесть—«Его исповедь», посвященная проблеме пола, была помещена в «Первом литературном сборнике сибиряков», вышедшем в 1906 г. в Томске. Затем Гольдберг печатался во многих центральных и сибирских изданиях («Северные Зори»—1916 г., «Сиб. Записки», «Сиб. Рассвет» и др.). В 1914 году московское книгоиздательство писателей выпустило первый сборник произведений Гольдберга «Тунгусские рассказы».

В этот сборник вошли рассказы, написанные Гольдбергом за время ссылки. В них изображается полный лишений, примитивный быт сибирских туземцев (тунгусов), эксплоатация их русскими купцами и вымирание туземцев от голода и эпидемий.

Постепенно Гольдберг перешел к темам из быта сибирской таежной деревни. Большая повесть «Темное» (1916 г.) рисует мрачный, дикий быт невежественных обитателей тайги. Одинокий поп спивается в глуши с тоски, группа парней-хулиганов сжигает его дом, кто-то видит на гумне чорта и т. д. Печать обреченности лежит на жизни этого таежного захолустья. В рассказе «Братья Верхотуровы» изображена таежная трагедия, разыгравшаяся из-за обладания женщиной. Мрачный, суровый колорит этой вещи усиливается сильным, сжатым языком, который делает «Братьев Верхотуровых» едва ли не лучшим произведением Гольдберга дореволюционного периода.

В 1923 году Гольдберг собрал позднейшие рассказы на туземные и деревенские темы (в том числе и повесть «Братья Верхотуровы») в книге «Закон тайги», вышедшей в Иркутске. В 1921 году он поместил в иркутском альманахе «Отзвуки» рассказ «Человек с ружьем», который знаменует собой переход Гольдберга к новым, революционным, темам.

В «Человеке с ружьем» Гольдберг изобразил маленького, десятилетнего деревенского парнишку Кешку, который пристал к красным партизанам и сам сделался «революционером». Впоследствии Гольдберг не раз возвращался к изображению детей—в рассказах «Петька шевелит мозгами» («Сиб. Огни», 1924 г., кн. 3), «Сладкая полынь» («Сиб. Огни», 1927 г.).

В 1924 году Гольдберг напечатал в «Красной Ниве» рассказ «Бабья печаль». За этот рассказ ему была присуждена конкурсная литературная премия. В рас-

сказе выведена деревенская баба Парунька, участница партизанского движения, принесшая в жертву ради революции свою «женскую честь». В 1925 г. рассказ вышел в Иркутске отдельным изданием, с предисловием М. К. Азадовского, в 1927 году его выпустил отдельной книжкой «Гудок».

В 1924-26 г. г. в центральных журналах («Звезда», «Прожектор», «Красный журнал для всех») и «Сиб. Огнях» был напечатан ряд рассказов Гольдберга, которые составили третью книгу его произведений,—«Путь, не отмеченный на карте», изданную Госиздатом в 1926 г. Часть этих рассказов («Путь, не отмеченный на карте». «Гроб подполковника Недочетова», «Болезнь» и др.) изображают разложение и гибель колчаковской армии, другая часть («Круг», «Пятый четверг» и др.)—подпольную борьбу революционеров-коммунистов с колчаковщиной и колчаковскую тюрьму.

В 1927 г. в «Сибирских Огнях» (кн. 3-4) появилась новая большая повесть Гольдберга—«Сладкая полынь». В ней Гольдберг возвратился к деревенской теме, но взял деревню новую, советскую. В центре повести стоит бывшая партизанка Ксения, которой трудно приспособиться к ставшим непривычными условиям мирного хозяйственного труда. Мужики относятся враждебно к ней, как к «оторвавшейся» от мелко-собственнической мужицкой психологии, и «баба» без «хозяина» бьется, как рыба об лед, не находя нигде поддержки. Можно спорить, правильно ли описал писатель советскую деревню, но этой вещи нельзя отказать в общественной значительности, так как она затрагивает острую проблему современной деревенской жизни. В 1928 году «Сладкая полынь» вышла отдельным изданием (ГИЗ).

Таков, вкратце, путь Гольдберга, как человека и писателя. Печатаемой в этой книжке «Сиб. Огней» вещью он открывает новую страницу в развитии своего творчества.

Книги Ис. Гольдберга:

1. «Тунгусские рассказы». Москва, 1914 г.
2. «Закон тайги». Иркутск. 1923 г.
3. «Бабья печаль». Иркутск. 1925 г. Издание ВСОРГО.
4. «Путь, не отмеченный на карте». ГИЗ, Ленингр. 1926 г.
5. «Человек с ружьем» Москва. 1926 г. Изд. «Огонек».
6. «Бабья печаль». Москва, 1927 г. Издание «Гудок».
7. «Сладкая полынь». М. 1928 г. ГИЗ.

ПАМЯТИ А. Е. НОВОСЕЛОВА.

Исполнилось десять лет со дня смерти талантливого сибирского писателя Александра Ефремовича Новоселова.

Сибиряк по рождению, из небогатой казачьей семьи, Новоселов рос и учился в Омске. Окончив учительскую семинарию, он много лет служил воспитателем в кадетском корпусе. Органически чуждый военной среде и ее интересам, он все свободное время посвящал науке и литературе. Каждое лето уезжал он на Алтай или в киргизские степи («По-настоящему живу я только летом»—полушутя-полусерьезно говорил он) и каждый раз возвращался в город с пачками разных материалов: собирал и записывал песни, сказки, бытовые наблюдения. Ящики его письменного стола были всегда полны этнографическим и литературным сырьем.

На литературную арену Александр Ефремович выступил приблизительно в 1910-11 г. г. с небольшими рассказами и полубеллетристическими - полуэтнографическими очерками в омских и томских изданиях. Литературу любил он страстно и особенно интересовался поэзией и беллетристикой сибиряков, ревниво следя за их ростом. Сам он писал немного, но старательно, налегая не на количество, а на качество. Литературная деятельность его продолжалась недолго, не больше десяти лет, и все его произведения свободно уместятся в два-три тома. Он обратил на себя внимание двумя рассказами—«Исипкина мечта» и «Санькин марал». В первом отлично нарисована драма киргиза-батрака, которого эксплоатирует богатый кулак. Во втором с большой художественной силой дан трогательный образ пленного алтайского марала. Затем следуют две крупных повести: «Беловодье» и «Мирская»—обе из быта алтайских кержаков. Антитеза живой жизни и кержацкого бегства от этой жизни, наивная мечта о легендарном Беловодьи и тяжелый быт старообрядческой глухомани выражены в этих произведениях рельефно и красочно, особенно в «Мирской», где молодая мятежная душа «мирской» женщины противопоставлена реакционной косности отцов и дедов, удалившихся от мира. Мастером показал себя Новоселов и в небольшой, чрезвычайно колоритной новелле «Жабья жизнь», напечатанной в 1916 году в горьковском журнале «Летопись»,—к сожалению, «Жабья жизнь» явилась первой и последней вещью Александра Ефремовича в столичной прессе: он был настолько скромного мнения о своих работах, что не решался посылать их в столичные редакции.

Много очерков и статей Александра Ефремовича были напечатаны в «Записках Западно-Сибирского Отдела Географического Общества», активнейшим членом которого писатель состоял до конца своей жизни. Лучшую часть своих очерков, посвященных Западной Сибири и Киргизии, он об'единил в значительном по об'ему и содержанию труде «Лицо моей родины». Рукопись этого труда я видел в 1917 г. на столе М. Горького в числе материалов, принятых для печати издательством «Парус», и только бурные события данного года помешали выходу книги в свет: и журнал «Летопись» и издательство «Парус» прекратили свое существование.

Окрыленный революцией, Ал. Ефремович в том же году основал в Омске, на свои трудовые гроши издательство «Сибирское солнце»: была выпущена книжка автора этих строк «Алтай», сданы в печать новоселовские очерки «Мой край» и запроектирован ряд книг и брошюр по истории, географии и этнографии Сибири. Книги печатались типографией в кредит, ибо денег у А. Е. хватило только на бумагу, и через несколько месяцев издательство лопнуло. Настал период горячей политической работы А. Е. в партии социалистов-революционеров — период блужданий и тяжких ошибок, закончившихся для Новоселова столь трагически.

В сентябре 1918 года, за несколько дней до страшной развязки, я сидел с Новоселовым в его скромной квартире (Омск, Учебная, 63) и не подозревал, что беседую с ним в последний раз. Он только что вернулся из поездки на Дальний Восток, выглядел очень утомленным и, помешивая ложечкой чай в стакане, говорил:

— Устал я от политики... Да и какой я политик? Надо быть твердокаменным, а мне все кажется: это не то, это не так... Массы от нас далеки, а на одной интеллигенции далеко не уедешь. Мне очень хочется написать роман о трагической беспочвенности русской интеллигенции... собственно говоря, пять глав уже написаны... есть и название: «Китеж—град невидимый». Вы понимаете—интеллигентская революционная романтика и ее крах перед действительностью...

...Вечером двадцать первого сентября 1918 года Новоселов обманным путем был вызван из своей квартиры двумя неизвестными, которые посадили его в автомобиль и куда-то увезли. Домой он больше не вернулся. Через два дня труп его был найден в Загородной роще с тремя огнестрельными ранами в голове. Как потом выяснилось, он был предательски убит двумя казачьими офицерами, которые скрылись за спинами всесильных тогда казачьих генералов. Вдохновителем убийства называли полковника Волкова. Так казачья верхушка отомстила Новоселову за его «революционность».

Литературное наследство покойного писателя, кажется, до сих пор не подытожено. Над приведением рукописей в порядок работала его вдова—Галина Петровная Новоселова, но результаты ее работы нам, к сожалению, не известны. Между тем, многое из произведений Александра Ефремовича заслуживает переиздания. Часть его ценных рукописей остается неопубликованной, в том числе и «Лицо моей родины», отрывок из которого был напечатан в 1924 году в «Сибирских Огнях». **Г. Вяткин.**

25-ти ЛЕТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ профессора Н. В. ГУТОВСКОГО.

25 ноября с. г. в Томске отмечается эта юбилейная дата деятельности проф. Николая Владимировича Гутовского.

Родился Н. В. в Нижнем-Новгороде в 1876 году. По окончании Петербургского технологического института и ряда лет труда в железно-дорожных мастерских, Гутовский перешел с 1903 года в Томский технологический институт, где и начал работать с должности лаборанта по кафедре технологии металлов. В течение следующих пяти лет Гутовский изучал заводское дело на Урале, в Центральной промышленной области, а также в Германии и Франции. В 1909 году Н. В. защитил диссертацию (по техноголии металлов) в Ахенском политехническом институте и получил степень доктора-инженера.

Дальнейшая деятельность Н. В. Гутовского сосредоточена на вопросах развития в Сибири железоделательной промышленности, в то же время развертывается его педагогическая работа. С 1913 года он избран профессором, а с 1921 года—ректором Сибирского технологического института и находится во главе этого института до настоящего времени.

С момента основания Тельбессбюро (в 1926 году) Гутовский является заместителем управляющего, и под его техническим и административным руководством проходит подготовительная и проектная работа по тельбесскому строительству.

Н. В. Гутовский широко известен не только как ученый и инженер-практик, но и как активный общественный деятель: председатель Сибирского о-ва инженеров и редактор его изданий, деятельный работник комиссии по изучению производительных сил Сибири и о-ва изучения Сибири, член горсовета и мн. др.

35 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖНИКА КАРАТАНОВА.

Скоро исполнится 35 лет художественной деятельности известного художника Каратанова. Имя Каратанова известно далеко за пределами Сибири. Каратанов—один из известных художников, хорошо осветивший природу и людей Сибири. Каратанов—ученый краевед. Особенно ярко им освещены природа и быт Приенисейского края.

Празднование юбилея Каратанова намечено 24 декабря. В этот день, кроме торжественного заседания, организуется выставка картин юбиляра.

СОРОКАЛЕТИЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

К дням празднования 11-летия Октябрьской революции Томский гос. университет присоединил знаменательную дату своей сорокалетней работы. Первый в Сибири университет, открытый 22 июля 1888 года, имеет свою богатую и интересную историю. В кратких чертах эти итоги были отражены в речи ректора проф. В. Н. Саввина на публичном торжественном заседании совета университета, посвященном юбилею. В заключительной части этой речи были указаны четко наметившиеся пути дальнейшего роста университета. Это—необходимость открытия в нем педагогического факультета и агрономического отделения ныне существующего физико-математического факультета. Совет университета, при единодушном одобрении всех присутствовавших на юбилее, постановил возбудить ходатайство о скорейшем открытии этих факультета и отделения.

Многочисленные приветствия, которые были получены и оглашены в заседании, ярко подчеркнули то научное и общественно-культурное значение университета, которое он имеет как для обширного Сибирского края, так и для всей Советской республики.

Праздник университета слился с чествованием его старейших работников-профессоров: М. Г. Курлова, П. Н. Крылова, Бутягина, Левашева, Вершинина, Миролюбова, а также нескольких технических сотрудников.

Собрание, по представлению деканатов медицинского и физико-математического факультетов, вынесло постановление о необходимости присвоения факультетской терапевтической клинике имени проф. Курлова, а обширному университетскому гербарию—имени проф. Крылова.

В праздновании приняли широкое участие представители рабочих и профессиональных организаций.

Библиотека университета, являющаяся лучшим в Сибири научным книгохранилищем, развернула в дни юбилея книжную выставку, демонстрировавшую издательскую продукцию университета за сорокалетие, а также свои накопления, быстро растущие с каждым годом. Надо пожелать, чтобы ближайший выпуск «Известий» университета был посвящен итогам сорокалетней его работы и роста. Об этом было сделано заверение в речи ректора на юбилейном собрании. Окрисполком оказал для этого денежную поддержку.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

27 октября с. г. исполнилось 10 лет со дня открытия Иркутского университета. Этот юбилей был широко отмечен советской общественностью в Иркутске, во всех фабрично-заводских пунктах округа, в местной и краевой прессе. Иркутский окрисполком отпустил ко дню юбилея 10.000 руб. на нужды университета и на нужды студенческих организаций. Юбилейные дни были отмечены публичным заседанием совета университета (в гортеатре) многочисленными приветствиями (в том числе от научных, рабочих и профессиональных организаций), выставками в библиотеке университета и в кабинетах, рядом лекций в городе и рабочих поселках и выпуском книги «Десять лет Ирк. Гос. Университета». В этом издании помещен ряд обзорных статей, в которых, кроме характеристики основных моментов в работе университета за десятилетие, дана краткая сводка, его работы по изучению местного края, по отдельным факультетам: медицинскому, хозяйственно-правовому, педагогическому и рабочему, по фундаментальной библиотеке, по военной подготовке студенчества, по издательству. Кроме того дан обзор деятельности состоящих при университете: Биолого-Географического Научно-Исследовательского Института, Научно-Медицинского Общества и Общества языка, литературы и искусства. В заключение дан обзор работы Иркутской секции научных работников и приложен список профессорско-преподавательского состава.

СИБИРСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.

Крайне сложный процесс подготовки издания близится к концу. Первый том отсылается в набор (типогр. «Правды» в Москве), а карты и иллюстрации частично уже напечатаны. Этот том включает в себя буквы А—З, займет свыше 1.000 колонок плотного набора и даст более 2.000 статей и заметок, написанных много-

численными авторами-сибиреведами. Все отрасли нашего знания о Сибири охватываются Энциклопедией: природа, население, народное хозяйство, общ. жизнь, культура, история. Это можно видеть из перечня некоторых из наиболее крупных статей: Алтай, Байкал, Забайкалье, Зап.-Сиб. низменность, геологическое строение Сибири, геохимический очерк Сибири, вечная мерзлота, горные породы, горная промышленность, железоделательные заводы, золото и золотопромышленность, вулканические явления, животный мир, г рода, жилища и постройки, говоры, агрономическая помощь, земледелие, землеустройство, землепользование, зерновые хлеба, железные дороги, водные пути, ветеринария и т. д. Этот перечень, который растянулся бы не на одну страницу, был бы закончен такими темами как: газеты, журналы, библиография, живопись, библиотеки, архитектура, галлереии художественные, альманахи и, наконц, по истории: декабристы, буфер, земство, беженцы и выселенцы, забастовки и стачки и т. д. Особенное внимание отдано описанию округов, областей, республик, входящих в географическую Сибирь. Большие статьи даны для описаний округов Сибкрая (Ачинский, Барабинский, Барнаульский, и т. д.), отдельных городов, Бурят-Монгольской республики и ее аймаков, Дальне-Восточного края и его округов и смежных округов Казакстана. Все описания округов Сибкрая сопровождаются таблицами и экономическими показателями. По этому же краю дается отдельное краткое описание всех районов. Для наибольшей наглядности к некоторым статьям прилагаются синоптические таблицы (напр., к статье «Административное деление»). Стремление дать достоверный и новый материал, а также слабая разработанность ряда отраслей наших знаний о Сибири—были крайне трудными моментами в работе редакции. Многие сведения собирались анкетами и запросами, а некоторые статьи разделялись на части и раздавались разным авторам.

Иллюстрации 1-го тома состоят из красочных и одноцветных карт, картограмм, схем, планов, вкладышей (многокрасочных, дуплекс, тоновых, штриховых), рисунков и портретов в тексте. Даются карты: административного деления Сибири, Алтая, Байкала, карты четырех округов (входящих в 1 том), Бурят-Монгольская республика, геологическая и др. Карты печатаются в Москве и Омске.

Репродуцируются картины художников Сурикова, Гуркина, Каратанова, Никулина, Лебединского, Вощакина, Чевлакова, и др.

К ряду статей даны многочисленные тоновые вкладыши: Алтай, Байкал, Зап. Саян, горная промышленность, железоделательная промышленность, животноводство и мн. др. И здесь преодолевались большие затруднения: материал собирался во всех городах и хранилищах, а многое снималось специально, при чем редакция широко воспользовалась помощью «Киносибири».

Следующие тома ССЭ почти закончены авторским текстом, идет редакционная работа, и процесс бесперебойного продвижения через печать обеспечен.

СРЕДИ СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Иркутским отделением разработан проект мероприятий, направленных к оживлению деятельности ССП, большему приближению писателей к читательским рабоче-крестьянским массам и улучшению материально-правового положения членов союза.

ССП должен ввести в практику своей работы систематические командировки своих членов (старых и молодых) на крупные фабрики и заводы Сибири и в деревню для изучения быта и настроения рабочих и крестьян, для детального ознакомления с достижениями социалистического строительства и недостатками нашей советской действительности.

Право командировок должно быть предоставлено не только правлению ССП, но и местным отделениям (при условии согласования кандидатур), при чем в первую очередь командироваться должны писатели и поэты, вышедшие из среды рабочих и крестьян. Расходы по командировкам должен взять на себя союз, добиваясь в случае неимения средств соответствующих кредитов.

В целях действительного приближения писателей к читателям отделения ССП должны не менее двух раз в полугодие выступать с чтением своих произведений перед рабочей аудиторией, проверяя свою работу (рассказы, стихи, пьесы) и делая ее понятной и близкой массовому читателю. Желательно, чтобы и очередные собрания членов союза проходили в рабочих клубах.

Далее, местным отделениям предлагается теснее увязаться с газетами, которые должны предоставлять определенное место для продукции членов союза и рабочей критике их произведений.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1

Борис Губер.—Простая причина. Рассказы. Издательство «Федерация». Москва. 1928., тираж 5.000 экз., стр. 165, цена 1 р. 35 коп.

Издательство «Федерация»—новое, молодое издательство и, как всякое издательство, в начале работы оно поставило себе ряд задач. Одной из таких задач является помощь молодому писателю находить своего читателя. За короткий промежуток времени оно выпустило изрядное количество книг не только молодых писателей, но и «стариков», завоевавших уже давно известность.

На молодых писателях наши издательства часто несут «голимые» убытки. Издательства, понесшие убытки на одном-другом молодом писателе, отворачиваются от них. От этого трудно нашему молодняку выходить в люди, трудно получить себе писательский паспорт.

Мы считаем, что книга «Простая причина» является паспортом Борису Губеру и паспортом достойным, дающим право входа в семью писателей и обязывающим серьезно относиться к создаваемым вещам.

Писатель, написавший книгу в 165 стр., обязан сказать в ней кое-что свое, обязан показать нам свое лицо, умение брать факты, отыскивать персонажей своих произведений и олицетворять их.

У Б. Губера эти данные налицо. Прекрасный и часто образный язык оформляет героев, действия, место, а в целом—весь рассказ. Губер умеет строить фразу, дать тому или иному явлению свой образ, интересно развернуть фабулу, занять читателя. Главное же у Губера—знание жизни, чего у наших молодых писателей часто нехватает.

В рецензируемой книге всего восемь рассказов. Все они показывают нам жизнь недавнего прошлого: эпизоды войны, борьбу с разрухой, город, новую деревню, совхоз и проч.

Каждый рассказ в отдельности—закончен, правда, иногда автор торопливо ставит точку, побуждая читателя самого найти завершение. Такой конец в рассказе «Известная Шурка Шайкина» (между прочим, автор так и не дал понять читателю—почему «известная»?).

Нам не хочется заниматься разбором всех рассказов, обратим только внимание читателей на странное явление—автор **не умеет давать заглавия своим рассказам.** За немногим исключением, у рассказов несоответствующие заголовки.

Возьмем рассказ «Управдел». Начиная читать рассказ, вы догадываетесь, что автор, подсмотревший ряд особенных наклонностей и привычек наших управделов, хочет дать завершенный образ советского чиновника. Вам невольно припоминается шмелевский «Человек из ресторана» и др. Но на самом деле ничего подобного. Вы читаете довольно большой интересный рассказ о человеке, покинувшем деревню, видевшем ее в прошлом и по этому прошлому представляющем ее себе сегодня.

Приехав в деревню к брату (агроному), Ярцев (герой рассказа) увидел деревню новой, не похожей на ту, в которой был несколько лет тому назад. Ему чужды деревенские споры, события, он не находит себе покоя, не может войти в колею деревенской жизни, ему все здесь чужое, тогда как брат его живет одними мыслями с крестьянской массой, болеет их неудачами, радуется их кратковременными радостями.

Прожив два-три дня в деревне, Ярцев томится. Это не отдых, а мука. Он едет обратно в город.

Управдел нам не показан ни в какой степени.

Интересная тема, прекрасно сделанный рассказ остался, таким образом, без головы.

Точно так же с чужими головами пущены в свет рассказы: «Пассажир», «Сапоги» и «Память».

Вот единственный недостаток автора—недостаток, который должен побудить Губера серьезнее относиться к заголовкам.

Есть в книге и ряд промахов (спешка), но они забываются, затушевываются живыми образами, прекрасным словом, хорошей вязью речи.

К достоинствам издательства надо отнести опрятность издания, хорошую бумагу и довольно чистый (без опечаток) текст. Цена книги не высока.

Кондр. Урманов.

Николай Колоколов.—Мед и кровь. Роман. Изд. «Федерация». Москва. 1928 г., тираж 5.000 экз., стр. 236, цена 1 р. 75 коп.

Мед и кровь...

В медовой сыти—спокойствие и солнечная тишина.

В крови—буря, гнев, муки смертные.

— «Заодно с пчелкой живем,—об'ясняет Мефодий Герасимович, не последний герой романа.—Питание у нас с ней одинаковое, с гряды да с дерева. В сытости нашей крови мало, с того и тихий нрав. Кровь-то скотья крепче вина человека мутит»...

Глухой, одинокий городок, окруженный горами и лесом, находился «как бы на дне чаши», защищенный от ветров и бурь.

— «За что-нибудь да возлюбила же здешний край божья работница»,—говорил священник о. Мартын.

Горожане занимались огородами и пчелкой. Они боялись камня, дыма фабричного (Мефодий Герасимович), чтобы не потерять покоя, ибо «от камня стужа идет в сердце, душу черствит». Трудились они разумно под лучами тихого ласкового солнца, накопляли богатства, жили сытой жизнью, вели знакомства, молились в храмах старому богу, посылающему, по их вере, на городок тишину и благоденствие...

Это все от медовой сыти...

Но вот где-то далеко за пределами родной земли треснул выстрел, сигнал к войне, и город сразу сбился со своего темпа жизни. «В одночасье народ стронулся... Ишь, шуму сколько!»...

Война—народное бедствие—благословляется, потому что испокон веков «царским умом закон дан». И неведомые немцы, сидящие где-то за гранями, может быть такие же простые люди, как и они,—становятся врагами, которым надо закатить «баню».

Гнев нарастает. Закрывается казенка, но только тогда, когда все вино распродано. Я пьяных горожан в день об'явления мобилизации пружина злобы намоталась до отказа, надо дать ей распрямиться. И тогда пьяная толпа вдруг увидела на вывеске у портного Частоколова «попрание народного чувства». На вывеске значилось: «Немецкий мастер». Жили десятки лет с этой вывеской и не видели, что Частоколов—«немецкий мастер». Вывеска была сорвана, перекрашена. Топтали гряды с морковью, с горохом и другой овощью потому, что на дощечках были немецкие названия.

Но война не принесла победы, появились раненые, калеки. В тихом городке разгоралась классовая рознь.

На третьем году войны царя не стало. Город присмирел, ждал, что будет дальше. А дальше за Февральской революцией пришла Октябрьская.

Совет рабочих и крестьянских депутатов. Власть своя, но когда появились зеленые, «свои же», не знали, с чего начать.

Чека. Борьба с бандами. Чекист Накатов, из губернии, ловит атамана зеленых Тишку. Это последний из врагов революции. Но Накатов сам болен. Он лежит в больнице, где его хочет убить ядом доктор Долгов в силу того, что «кто-то должен», что кровь, пролитая Накатовым, требует отмщения. Долгов, всю жизнь посвятивший медицине, хочет освободить людей от человека, который так много пролил крови на земле, и в ответственный момент он этого сделать не мог, рассказав Накатову свою муку.

— «Где же вам судить меня? Дайте мне прежде каплю яда и переживите, почувствуйте, что значит убить человека, хотя бы ради людей... Не можете? Ну, так ворочайте тонны лекарств, и да течет ваша жизнь молоком и медом... мимо рек крови... мимо крови»...

Чекист умер. На этом заканчивается роман «Мед и кровь».

В наши дни выходит много романов о войне и революции. Читатель часто не хочет читать современную беллетристику, где все подглажено, подбрито, мелкотравчато.

Нам бы не хотелось, чтобы читатель прошел мимо такого интересного, хорошо построенного романа, с живым прекраснейшим языком, как «Мед и кровь» Ник. Колоколова.

Автор с большим умением и любовью дает своих героев. Они живут, проходят перед глазами читателя не тенями, а живыми людьми.

Такие книги, как «Мед и кровь», нужны нашему читателю, они воскрешают в памяти героические дни борьбы за освобождение трудящихся, они дают новые силы для новых побед.

Кондр. Урманов.

С. Бройде.—Дни и ночи. Рассказы. Изд. «Федерация». Москва, 1928 г., тираж 5.000 экз., стр. 230, цена 2 рубля.

Тюрьма и психиатрическая лечебница—вот места, которые описывает в сво-

ей книге С. Бройде. Как там, так и тут в поле зрения автора попадают одни и те же люди: воры, бандиты, убийцы, фальшивомонетчики, растратчики, дельцы и пр. Вначале они попадают в тюрьму, а потом в лечебницу—на экспертизу о вменяемости или невменяемости пациента, совершившего то или иное преступление.

Бутырки, Таганская, Новинская тюрьмы, психиатрическая лечебница, сумасшедшие, симулянты, маниаки—какая чернота, какие мрачные страницы! Какой нечеловечески холодный пристальный взгляд надо иметь, чтобы спокойно расхаживать по этим камерам, одиночкам, коридорам, палатам, судам, изоляторам с карандашом и блокнотом в руках!

Мы читаем первую, вторую вещь С. Бройде и думаем: не может же быть, чтобы вся книга была наполнена такими рассказами, насыщена таким материалом. Но... мы ошиблись. Начинается книга тюрьмой, сумасшедшим домом и кончается тем же.

У самых мрачных писателей мы находим проблески света. У Бройде же все черно, мрачно, жутко. Дышать тяжело.

Мы ищем отгадку в стиле, в умении автора передавать факты, организовывать материал—и находим страшное однообразие. Тюрьма. Сидят два человека и повествуют друг другу историю своей жизни. Такое развертывание рассказа у автора встречается часто. В чем дело?

Мы с большим трудом дочитываем книгу до конца, и на 230 страницах—одно и то же.

...— Чего вы мучаетесь, Павлов, расскажите обо всем. Разве уже так согрешили?

И начинается рассказ.

— Что привело Кольку в тюрьму?

И начинается рассказ.

— Почему я здесь очутился?—спросите вы.—Об этом надо спросить врачей, которые уверяют меня в том, что я болен модной болезнью—тюремным психозом.

И начинается рассказ.

Нам кажется—автор тоже болен «тюремным психозом» и еще «модной болезнью»—быть писателем. Ныне эта болезнь довольно распространенная.

Но для того, чтобы быть писателем, надо видеть жизнь не только в темных камерах, где «нет счета времени», где «нет и самого времени», а нужно видеть жизнь во всем ее величии: в муках и радости, в падениях и достижениях, во мраке, «где нет времени», в блеске дня, в творческом живом дне человека.

Автор, судя по его рассказам, видел жизнь только в «волчок» да в маленькое окошечко тюрьмы.

Откуда у автора столько черного, мрачного? Где он накопил такие знания об «отверженных мира сего?».

Автор, видимо, долго имел дело со следовательским материалом, с судейскими папками, но этого мало для того, чтобы найти своего читателя, чтобы стать писателем.

Знание дела приводит автора к тому, что он начинает повторяться, употреблять одни и те же фамилии. Возьмем его два рассказа: «Нинкина любовь» и «Люди в пижамах». Как в том, так и в другом действуют одни лица, автор повторяет одно и то же.

В рассказе «Нинкина любовь» автор трактует о том, что передатчица Нина, выросшая в тюрьме, влюблена в Коленьку Нюрина (заключенного). Она без ума от его ласкового слова. Она обожает его, посылает от себя подарки (розы, колокольчики), а сама сидит на картошке. Кончается рассказ тем, что «обожаемый» Коленька, заманив Нинку в бельевую камеру, дает познать стыд, боль и сладость любви своей возлюбленной на кучах грязного арестанского белья. Потом Коленька свистнул и явившемуся арестанту «Мартышке» Нинка тоже должна была дать ту же ласку, что и своему «обожаемому». Проще—Нинку изнасиловали, и она покинула тюрьму.

В рассказе «Люди в пижмах» (первая часть) та же тема, тот же «обожаемый» Коленька Нюрин. Его так же, как и в первом рассказе, любит передатчица, только здесь зовут ее Шурой. Шура отбирает от передач заключенным самые лакомые куски и дает Коленьке. Его здесь так же обожает вся тюрьма. В конце концов Шура забеременела, Коленька открестился от нее, и Шуру уволили.

Одно и то же. Достоинств у этого рассказа перед первым нет никаких. Зачем автору нужно было это повторение—неизвестно.

То же самое мы наблюдаем в рассказах «Бред адвоката» и «Сумасшедшие вовеллы»—там одно действующее лицо—Федоровский. Доктор Рукин у него проходит через ряд рассказов («Дело Павлова», «Дни и ночи»), чувствуется он и в других рассказах, хотя автор не называет его фамилии.

Лучшим в книжке можно назвать рассказ «Кнут и дыба»—о Цанковской охранке. Если даже он и списан с материалов, то списан не плохо. Читатель ясно видит застенки болгарских тюрем и охранки царствующего кровавого Цанкова. Рассказ дает хорошую картину жутких послереволюционных дней в Болгарии.

Совершенным особняком стоит рассказ «Сорокин». Омичи скажут — «Кому не известен Антон Сорокин в Омске?». А мы

спросим:—«Кому не известен Антон Сорокин не только в Сибири, но и в центре?».

А редакторам издательства «Федерация», видимо, это имя не известно.

Прочитав такой заголовок в книге, мы подумали, что автор, т.-е. С. Бройде, берет А. Сорокина, как тип, и на его жизненных «чудачествах» строит рассказ. Но на самом деле оказалось не то. С. Бройде просто взял часть «скандалов» из «33 скандалов Колчаку», тщательно переписал их и от себя добавил 11 строк в конце рассказа. Тут даже нет компиляции, а просто переписано. При сличении нам это ясно стало.

— Продолжаются ли победы Сорокина и сейчас?—спрашивает автор в заключении.

Он, видите ли, даже не знает того, что А. Сорокин умер там же, где, вероятно, живет С. Бройде.

Посетивши А. Сорокина в Омске, С. Бройде взял часть этих «скандалов» у Антона Семеновича неизвестно для какой цели, и сейчас, после его смерти, опубликовал их, не хватившись, что ранее его вдова Сорокина—Валентина Михайловна—опубликовала эти же «скандалы» в журнале «Настоящее».

Пусть читатель сам сделает выводы.

В общем же книга С. Бройде «Дни и ночи»—тяжелая книга, и тяжела она слабостью автора.

Сергей Покотилов.

Карел Ванек.—Приключения бравого солдата Швейка в русском плену. Изд-во «Московский Рабочий». 1928 г., стр. 467, цена 2 руб. 10 коп.

Среди иностранной макулатуры, которую наши издательства еще продолжают переводить и печатать, приятно выделяется роман чешского писателя Ярослава Гашека: «Приключения бравого солдата Швейка». Просто, понятно для каждого читающего, с хорошей дозой крепкого юмора, Гашек рассказывает о закулисной стороне империалистической войны, осмеивая «доблестное» австрийскос офицерство, развенчивая «героизм» чехословацкого национального движения. Рассказал обо всем этом Гашек так..., что чехо-словацкая буржуазия и военщина изъяла его роман.

Смерть Гашека не дала возможности довести обличительный роман до конца. Продолжать его начал другой чешский писатель—Карел Ванек. Он в общем удачно ухватил приемы письма Гашека, и его «бравый солдат Швейк», попав уже в плен в Россию—все тот же остроумный, неунывающий в передрягах старый знакомец Швейк Гашека.

Видимо, К. Ванек сам побывал в плену у «братьев-славян». Поэтому в описаниях работы военнопленных у крестьян, встреча делегации австрийского Красного Креста в Омске, работы «на оборону» в прифронтовой полосе, в типах русского тылового офицерства, заманивания чехословаков в «славянские дружины» и пр. нет крупных ошибок, которые могли бы отбить интерес у нашего читателя.

Весь роман читается с неослабным интересом. Жаль только, что автор как-то стушевал контрреволюционную роль чехо-словацких легионов, и российская революция у него представлена довольно куцо. Но за это бросать большой упрек автору мы не можем. Хорошо и то, что он дал.

А. А.

II

М. П. Алексеев.—Этюды о Марлинском. Отдельный оттиск из XV тома «Сборника трудов Иркутского гос. университета». Изд. Иркутского университета. Иркутск. 1928 г. Стр. 64. Тир. 120 экз.

Работа М. П. Алексеева была отмечена еще до появления в печати. Профессор А. И. Белецкий в своей вступительной статье к сборнику «Русский романтизм» (Л. 1927 г.) указал, что «литературной деятельности и глубокому влиянию Марлинского, все еще недостаточно изученного, посвящена также богатейшая фактами и наблюдениями работа М. П. Алексеева, к сожалению, еще не появившаяся в печати». Ныне некоторые главы этой работы, об'единенные общим заглавием «Этюды о Марлинском», увидели, наконец, свет.

Появление работы М. П. Алексеева у нас в Сибири интересно еще потому, что Марлинский, хотя он мало жил в Сибири и посвятил ей только несколько случайных произведений, оказал огромное влияние на развитие местной литературы. Под влиянием Марлинского находились многие сибирские поэты этой эпохи (ссыльный декабрист Н. А. Чижов, Александров и др.). Сибирские читатели зачитывались повестями Марлинского вплоть до 50-х годов. В. И. Вагин вспоминает («Сороковые годы в Иркутске»), что среди иркутских читателей очень долгое время «трескучий слог Марлинского считался верхом стилистики».

М. П. Алексеев не ставит (в опубликованных пока главах своей работы) вопроса о влиянии Марлинского на «сибирскую» литературу, но работа его дает тем не менее довольного много отправных пунктов для разрешения и этого вопроса.

Из работы М. П. Алексеева опубликованы пока три «этюда»: «Легенда о Мар-

линском», «Источники повести «Аммалат-Бек» и «Марлинский на сцене». Первый этюд касается «литературной репутации» Бестужева-Марлинского, вынужденного после осуждения по делу 14 декабря переменить свое литературное имя. Трагическая судьба этого писателя без имени и имени без человека (ибо лишь немногие в то время знали, кто скрывается под псевдонимом «Марлинский») чрезвычайно характерна для эпохи, и работа М. П. Алексеева над выяснением характера «второй славы» Бестужева очень ценна, особенно в момент, когда традиционные суждения о старых писателях начинают подвергаться коренному пересмотру (так, в наше время реабилитирован замечательный фельетонист и популярнейший писатель своей эпохи—Сенковский, совершенно незаслуженно зачисленный позднейшими исследователями в компанию Булгарина и Греча). Но вряд ли можно согласиться полностью с утверждением М. П. Алексеева, что Марлинский, при помощи биографических намеков, рассыпанных в его произведениях 30-х годов, усиленно старался дать понять читателю, что под псевдонимом «Марлинский» скрывается ссыльный декабрист Бестужев, известный критик 20-х годов. Эти «биографические реминисценции» (термин В. М. Жирмунского) можно считать в значительной мере обусловленными общей литературной традицией эпохи. Романтическая проза 30-х годов унаследовала от «лирической» поэмы прием введения в сюжет биографических намеков, личных излияний самого автора, и эта традиция не могла не влиять на Марлинского. Во всяком случае, оценка Марлинского вне связи с общей литературной традицией представляется нам методологически необоснованной. Это понижает убедительность доказательств М. П. Алексеева.

Глава «Источники повести «Аммалат-Бек» ценна тем, что содержит очень много материала для характеристики «литературного провинциализма 30-х годов»—проблемы, которая в современной науке о литературе поставлена уже с достаточной четкостью (см. книгу Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда»). Кроме того, она прекрасно характеризует самого Марлинского, как серьезного и глубокого писателя-«этнографа», который ввел в русскую литературу целый ряд новых «этнографических» тем (в том числе и «сибирскую» бытовую тему) и сыграл большую роль в деле популяризации среди современных читателей исторических и этнографических сведений о Кавказе, слишком часто представлявшемся в условно-романтическом, неверном освещении.

Статья «Марлинский на сцене» вносит несколько новых штрихов в историю литературной популярности Марлинского.

В целом «Этюды» М. П. Алексеева пока нужно рассматривать именно как этюды, подготовку к большой картине, которая во весь рост обрисует крупного писателя, почти забытого современным читателем.

Б. Жеребцов.

Писатели современной эпохи.—Био-библиографический словарь русских писателей XX в. Под ред. Б. П. Кузьмина. 1. Госуд. Академия Худож. Наук. М. 1928 г.

В 1925 г. Госуд. Академией Худож. Наук была устроена выставка революционной литературы. Выставка и созданный после нее постоянный кабинет революционной литературы, об'единив литературно-художественные ценности, созданные за эпоху революции, естественно, поставили вопрос о создателях эпохи этих ценностей—о писателях эпохи революции. Много ли их? Кто они? Из какого класса они пришли? Под каким культурным воздействием воспитались? Что принесено ими в литературу? Что сказано о них критиками и литературоведами? Эти вопросы привели к созданию словаря русских писателей современной эпохи. Первый том его перед нами. В основу словаря положен материал редкой ценности и достоверности—собрание анкет и автобиографий современных писателей, принадлежащее Академии. Благодаря такой основе, словарь невсегда сохранит значение первоисточника сведений о писателях эпохи революции. Словарь дает сведения не только о писателях, живших и творивших «в октябрьскую эпоху, но и о всех русских писателях XX в.»: невозможно «изучать революционную эпоху вне связи ее с ближайшим прошлым: эпохой революции 1905 г. и ее подготовки». Кроме художников слова, в словарь входят критики, литературоведы и публицисты, разрабатывавшие вопросы художественной литературы. Составители словаря отказались от стремления строго выдержать алфавитный порядок, посвящая первые выпуски писателям, чьи фамилии начинаются с первых букв алфавита: для ускорения выпуска томов наличный материал издается в виде томов, выдержанных каждый в пределе всего алфавита; всякий следующий том снабжается указателем ко всем предшествовавшим. В 1 томе помещены биографии (с библиографией) 311 писателей с фамилиями от А до Я.

Интересные выводы напрашиваются даже при беглом чтении словаря. Из этих 311 писателей 35 проц. начали писать до революции 1905 г. (старейшей из них оказалась беллетристка А. А. Кирпищико-

ва,—род. в 1838 г., выступила в печати в 1865 г. в Некрасовском «Современнике»,—дочь крепостного крестьянина). 40 проц. писателей начали в период между двумя революциями и 24 проц. начали после революции 1917 г., т.-е. почти четверть современных писателей—дети Октября.

Еще более интересные цифры дает изучение социального состава писателей этих трех эпох. Из писателей, выступивших до 1905 г., лишь менее четверти (22 проц.) были, по происхождению, рабочие и крестьяне. Революция 1905 года почти не повысила этот процент: попрежнему, менее четверти (24 проц.) писателей, начавших в эту эпоху, принадлежали к рабочим и крестьянам. Октябрь производит подлинную революцию в социальном составе писателей: из начавших в последнее десятилетие ровно **половина**—рабочие и крестьяне. Уже эти одни выводы, ставшие возможными лишь с появления словаря, показывают всю нужду в нем: он необходим не только литературоведам и педагогам, но и социологам, и всем, интересующимся современной литературой. В 1 том вошли 13 биографий писателей-сибиряков (в их числе—Ф. Березовского, Г. Вяткина, И. Гольдберга, Вс. Иванова, Новокшонова, Сейфуллиной и др.). Здесь, кстати, необходимо устранить одно недоразумение. В статье «О двух книгах» («Извест.», № 211) М. Горький, обвиняя редакцию словаря в пропуске нескольких крупных писателей, упрекает ее и за то, что в словаре «нет сибирских писателей—Зазубрина, Итина, Югова, Н. Смирновой» и «кроме Вяткина, нет ни одного сибирского поэта». Биографии этих писателей, действительно, нет в 1-м выпуске словаря (впрочем, из поэтов, кроме Вяткина, есть Алтаузен), но это не значит, что их не будет вообще в словаре: Горький принял первый выпуск словаря, выдержанный в полном алфавитном порядке, за весь словарь.

Два недо татка 1 тома необходимо отметить: материал автобиографий, легший в основу его статей, не всегда уплотнен до сжатого и точного словарного изложения, а корректура словаря обильна погрешностями, нигде не оговоренными.

С. Дурылин.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1.

В № 5 «Сиб. Огней», из-за неразборчивой подписи, неверно напечатана фамилия автора статьи: «Встречи с Д. Н. Маминым-Сибиряком». Вместо: Варилье, следует читать: Варнеже.

2.

В редакции установлен следующий порядок ответа авторам: 1) редакция возвращает безусловно неподходящие для журнала рукописи в течение месячного срока со дня их поступления; 2) о произведениях, принятых в определенный номер журнала, редакция извещает авторов немедленно; 3) редакция задерживает ответ только относительно тех произведений, о которых (по их содержанию или вследствие перегруженности данного отдела журнала принятыми рукописями) редакция не может дать окончательного ответа. Если авторы таких произведений имеют возможность устроить их в других изданиях, редакция с готовностью будет возвращать рукописи по первому требованию.

3.

Авторы, не желающие допускать каких-либо редакционных изменений и сокращений в своих статьях, должны оговорить это на титульной странице рукописи.

4.

Редакция просит не посылать деловых писем, касающихся редакции, членам редакционной коллегии лично.

5.

В «Советской Сибири» была напечатана большая рецензия т. Гиндина о № 5 «Сибирских Огней». Относясь с благодарностью ко всякой товарищеской критике (хотя не все в рецензии М. Гиндина является верным: напр., ген. Корнилова, выведенного в рассказе Несмелова маниаком, отнюдь нельзя назвать «идеализированным»), редакция должна отметить следующее:

М. Гиндин совершенно умолчал о стихах. Между тем отдел стихов в № 5 прежде всего посвящен вопросам дня, вопросам социалистического строительства (Козлов, Черноморцев).

Тов. Гиндин правильно указал, что редакция не смогла выполнить полностью директивы Крайкома ВКП(б) и что задача сделать журнал «действительным

участником нашего социалистического строительства ложится не только на редакцию «Сибирских Огней», но и на пролетарскую общественность края». С этой целью редакция обратилась, прежде всего, к ряду литераторов, которые, несомненно, чрезвычайно помогли бы журналу в указанном отношении. Однако, до сих пор редакцией не получено ни одной из заказанных редакцией и обещанных этими товарищами статей. Здесь в особенности следует отметить т.т.: Гиндина, Вальдена, Серебренникова, Константинова, Высоцкого и Панкрушина и др.

6.

В редакцию «Сиб. Огней» поступило следующее письмо тов. Курса:

«Многоуважаемая редакция!

Разрешите мне довести до сведения ваших читателей, что я очень польщен намерением профессора Г. Круссера подвергнуть мои статьи «тщательному анализу», а равно «показать теоретическую и практическую несостоятельность вольных индивидуальных установок». После того, как уважаемый профессор выступил со своей теорией, согласно которой «мы должны» рассматривать искусство, как «социально-разумный и необходимый концентрат классовой и общественной психологии», будет очень полезно для марксистской мысли увидеть концентрат профессора Круссера в дальнейшем действии.

Что касается «легкомысленной клеветы», то я должен сказать, что мне никак не было известно о желании тов. Круссера снять с себя ответственность за печатание в «Сиб. Огнях» антипролетарских шедевров, зато мне, как и другим читателям вашего журнала, известно, что уважаемый профессор, способный придти в большое литературное волнение по поводу «кирпича», попадающего в литературную скворешню, ни разу не попытался применить теорию концентрата ко всей той антисоветской дребедени, которая была освящена его подписью, как члена редколлегии.

Разрешите мне также, многоуважаемая редакция, как постоянному читателю вышего журнала, развивающего теперь широкую связь с читательской массой, попросить вас ответить на неясные для меня вопросы:

1. Как относится редакция к учению о концентрате профессора Круссера?

2. Считает ли редакция «выражениями об'ективного характера» тот странный способ цитирования профессором Г. Круссером моей статьи, который я об'ясняю ослаблением внимания? В частности, не является ли и 3-й пункт письма профессора результатом, ослабления внимания, так как он приписывает мне точку зрения литературного жречества, в то время, как у меня ясно сказано: «Мы—хозяйственники слова, а не кустарные эстеты»?

С коммунистическим приветом—**А. Курс».**

Редакция находит, что полемика, которая будет вестись авторами в таком тоне, не поможет читателю разобраться в вопросах искусства. Свои взгляды т. Курс должен изложить в серьезной статье, а не в «эпатирующем» фельетоне. Вероятно, этому будет способствовать устраиваемый «Сибирским Краевым Отделением Федерации Советских Писателей» диспут на тему: «Нужна ли нам художественная литература», отчет о котором редакция даст в следующем номере «Сиб. Огней».

Что касается вопроса о «концентрате», центр тяжести статьи т. Круссера заключается не в этом определении, а в совершенно правильном отпоре «лефовской» установке фельетона т. Курса, устраняющего «противоречия» между «очерком» и художественной литературой, путем устранения художественной литературы. Эта механическая, упростительская точка зрения целиком противоречит марксистскому взгляду на отношение «очерка», «фельетона» к беллетристике. Между этими видами художественной литературы, диалектически переходящими один в другой, нет той пропасти, которую желает вырыть т. Курс.

На все другие интересующие т. Курса вопросы он найдет ответ в статье, которую редакция даст в связи с итогами литературного диспута.

Редакция.

УКАЗАТЕЛЬ

материалов, помещенных в журнале „Сибирские Огни" за 1928 год

1. Беллетристика

Абабков Иван	— Жизнь отрока Епиксима	4	20
Анов Николай	— Глухомань (повесть)	1	25
„ „	— Ядовитое жало	3	48
„ „	— Сайрам (жизнеописание чекиста Кудрина)	6	56
Анучина Е.	— Бунт	5	86
Банзаракчи	— Многочисленные преступления и ошибки монгольских сановников, князей, чинов и простолюдинов, совершонные во времена великих мировых смут. Монгольская революционная пьеса-хроника в 4-х д. Перевод А. Бурдукова	1	126
Гольдберг Ис.	— Ли-Тян уходит	6	3
Давурин А.	— За кругом	2	43
Дымов Александр	— Иностранцы	1	49
Итин Вивиан	— Сценарий	4	103
„ „	— Спасение Печонкина	6	125
Марков Сергей	— Голубая ящерица	3	40
Несмелов А.	— Короткий удар	5	41
Никитин Мих.	— Партизанская женка	1	63
Павлов Г.	— Параграфы, пропущенные в книгах	4	3
„	— Возвращение комполка Мигайлы	5	62
Петров П.	— Борель (роман)	5	3
„	— „ „	6	78
Семынин П.	— Бунтовщики	1	93
Сорокин А.	— Симу	6	112
Стрижков П. и Добросердов Н.	— Золотые тропы	2	88
Улин Л.	— Глухая падь	2	79
Чертова Н.	— Личное дело	1	78
„	— Лицо денег	5	76
Шишков Вячеслав	— Истоки (из романа „Угрюм-Река")	3	3
„ „	— „ „ „	4	59
Шкловский Виктор	— Два броневика (сценарий)	5	102
Югов А.	— Безумные затеи Ферапонта Ивановича (роман)	1	3
„	— „ „ „ „	2	5
„	— „ „ „ „	3	67

2. Поэзия

Васильев Павел	—	Сибирь	1	125
,, ,,	—	Азиат	3	124
,, ,,	—	Прииртышские станицы	4	94
,, ,,	—	Пушкин	6	119
Вихлянцев Вл.	—	Семь братьев	2	116
Ворченко Вадим	—	Восточный фронт (из поэмы)	3	120
Грудницкий Н.	—	У табуна	2	113
Доронин Г.	—	Земля подшефная (поэма)	3	61
Драверт П.	—	На пароходе	2	117
Ерошин Иван	—	Британии	1	114
Жигульский Н.	—	Чум самоеда	3	126
Заводчиков Владимир	—	Лошадь и человек (поэма)	4	51
Ивнев Рюрик	—	Вьется, вьется пестрая дорога...	1	121
,, ,,	—	Золотоискатели	1	118
,, ,,	—	У берегов Камчатки	1	120
,, ,,	—	Элегия	1	119
Козлов А.	—	Баллада о молодом пастухе	5	37
Крымская Лариса	—	Поэма о деревне	1	77
Кучковский Ал.	—	Баллада о Бим-Бом	2	112
,, ,,	—	Воевода	1	122
Марков Сергей	—	Зеленый чай	1	115
,, ,,	—	Походка	1	116
,, ,,	—	Пусть под ногой сейчас вздыхают мхи...	1	116
,, ,,	—	Антиквары	1	117
,, ,,	—	Человек из ущелья	3	125
,, ,,	—	Великий голос	4	96
Мартынов Леонид.	—	Раздумие стихотворца	6	121
Молчанов Иван.	—	Тракт	4	102
,, ,,	—	Тридцать один	5	73
,, ,,	—	Затишье	6	117
,, ,,	—	Жизнь	6	118
Мухачев Илья.	—	Стихи о весне	2	110
,, ,,	—	У костра	2	111
,, ,,	—	На горном пути	4	101
Непомнящих В.	—	Огонь	2	115
Несмелов А.	—	Белый броневик	5	101
,, ,,	—	Хунхуз	6	123
Петров П.	—	Северный пробег	4	99
Пиотровский А.	—	На пути к Самарканду	2	114
Титов Ник.	—	Поступь вечера под высоким окном	3	123
,, ,,	—	Жокейские стихи	5	99
Уленспигель Тиль.	—	Пародии	2	253
Феоктистов Н.	—	Идут года и каждый день ложится...	1	124
Черноморцев Лев.	—	Камер-юнкер Пушкин	3	122
,, ,,	—	Стихи о городе	5	97
,, ,,	—	Команде ледокола «Красин»	6	124

3. Былое

Азадовский М.	—	Три записки Чернышевского	4	194
Алексеев М.	—	Сибирская ссылка и английский поэт	4	182
Варнеке Б.	—	Встреча с Маминым-Сибиряком	5	169
Вегман В.	—	Сибирские контрреволюционные организации в 1918 году	1	135
Дурылин С.	—	О Льве Толстом	5	166
Одинцова М.	—	Солдаты-декабристы	6	217
Степняк.	—	Киргизское восстание в 1916 г.	2	133
Феоктистов Н.	—	Пропавшие письма Ф. М. Достоевского	2	119
Ф—ов Н.	—	Воспоминания о Н. Г. Чернышевском	2	255
Улан-Оторчи.	—	Тулбо-Нур	3	127

4. Современность

Ауэрбах Н. — Краеведение и газеты 5 143
Бурдуков А. — Сибирь и Монголия 2 146
Булатов Е. — 237 и комбайн 5 117
Галкин М. — Сказки полярной ночи 4 150
Коптелов А. — Горными тропами 4 125
Колобов М. — К развитию производительных сил Дальнего Востока 1 160
Кулле, проф. — Современный европейский театр 5 150
Маленький А. — Тяжелое дыхание 6 155
Мартынов Л. — Турксибстрой 5 123
Н. Н. — Краеведение и генеральный план развития народного хозяйства Сибири 1 147
Никитин Михаил. — Кадры 4 111
Слоним. — Красные строители и белый грибок 4 154
Тимофеев В. — Великим Северным Путем к устью Лены . . . 2 161
Титов Е. — Пегая орда 6 209
Томский В. и Васильев В. — За океаном у станков 3 152
Трунев Н. — Революция и язык 4 165
Урманов К. — По сибирским совхозам 6 188

5. Искусство, литература, критика и библиография

Анисимов Л. — Вопросы художественного творчества 1 176
Басов Мих. — Антон Сорокин 4 211
Вяткин Г. — М. Горький и писатели-сибиряки 2 119
„ — Ромэн Роллан 3 220
Горький М. — Рецензия 1 215
„ — Письмо к Ромэну Роллану 2 130
„ — О себе 2 186
Зазубрин В. — О Горьком 2 3
„ — Заметки о ремесле 2 241
Итин В. — Моя встреча 2 239
„ — Критика пронзительной критики 3 225
Конрад Н., проф. — По японской литературе 3 177
Куллэ, проф. — По страницам мировой литературы 2 190
Круссер Г. — О революции, литературе и национализме в статье В. Правдухина 3 216
„ „ — О новом проекте идеологического разоружения 4 221
„ „ — К туманным берегам 6 222
Лежнев А. — Русская художественная литература 1 199
Липин Ст. — Молодая сибирская графика 1 244
Никитин Мих. — Дикий перец (Антон Сорокин) 4 202
Обращение Правления Сибирского Союза Писателей 4 227
Правдухин В. — Литературная шивера 3 200
Пушкарев Г. — Тень великого Агулико 6 228
Приветствие Ромэна Роллана Сиб. С'езду Писателей 3 223
Резолюция Сибкрайкома ВКП(б) о «Сиб. Огнях» 4 225
Тихменев Ф. — О литературных «зазубринках» Зазубрина . 2 212
Топоров А. — Деревня о современной художественной литературе (В. Зазубрин—«Два мира», Г. Пушкарев—«Надо воротиться», «Яшка-таежник», И. Никитин «Живодер», «Уклон», Новиков-Прибой—«Ухабы») 1 227
„ „ — Деревня о современной художественной литературе (Н. Анов—«Награда», Ис. Гольдберг—«Гроб подполковника Недочетова») 2 228
„ „ — Деревня о современной поэзии 5 173
Трибуна читателя (отзывы читателей о № 4 «Сиб. Огней») 5 191

6. Хроника

Ауэрбах Н. — Археологические исследования в Сибкрае в 1927 г. 3 234
Березовский Л.—25-ти летний юбилей краеведческой деятельности В. П. Косованова 1 251

Вяткин Г.	—	М. А. Цейнер (некролог)	2	258
„	—	Памяти А. Е. Новоселова	6	238
Жеребцов Б.	—	Юбиляй Исаака Гольдберга	6	237
Закон об авторском праве				239
К вопросу об организации историко-литературного музея в Сибири			3	254
Казаринов П.	—	К 50-тилетию Зап.-Сиб. Отдела Гос. Русск. Географического О-ва	1	247
Книга в Сибири	—	. . . . .	1	253
Палеонтологические раскопки			2	264
Болдырев В.	—	Первое картографическое совещание в Сибири	—	—
50-ти летний юбилей Зап.-Сиб. Отдела Гос. Русск. Геогр. О-ва			1	250
Солбонэ Туя	—	А. Т. Трубачеев (к 25-ти летию врачебной и общественной деятельности	2	261
Сорокин Антон Семенович—По поводу смерти (некролог)			2	256
Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и IX в. в.			2	263
Ф—ов Н.	—	Н. Б. Яшеров (некролог)	2	260

СПИСОК КНИГ, О КОТОРЫХ ДАНЫ ОТЗЫВЫ

Художественная литература

Альвинг Арсений	—	Наденька Артенева. Повесть. Моск. Т-во Писателей. 1927 г. Стр. 149., ц. 1 р. 10 к. . . .	2	275
Анов Николай	—	Ядовитое жало (дешовая библиотека Сибир. Союза Писателей. 1928 г.)	4	243
Березовский Феоктист	—	Бабьи тропы. М. ЗИФ. 1928 г., стр. 396, тир. 5.000, ц. 3 р. 45 коп.	4	244
Бройде С.	—	Дни и ночи (рассказы). Изд. «Федерация», М. 1928 г., 5000 экз., стр. 230, ц. 2 р. . . .	6	243
Ванек Карел	—	Приключения бравого солдата Швейка в русском плену. Изд. «Москов. Рабочий», 1928 г., стр. 467, ц. 2. 10 к.	6	245
Вьюжные дни.	—	Сборник стихов под ред. В. Итина. 2 изд. ССП. Новосибирск., 1928., ц. 25 к.	5	216
Герасименко Н.	—	Батько Махно. ГИЗ. 1928. Стр. 110., ц. 70 к. .	2	277
Грабарь Л.	—	Записки приказавшегося Повесть. „Молодая Гвардия" 1928. Стр. 156., цена 1 р. 40 к. . . .	5	218
Губер Б.	—	Простая причина. Рассказы. Изд. «Федерация» М. 1928 г., 5000 экз., стр. 165, ц. 1 р. 35 к. .	6	242
Гумилевский Лев	—	Собачий переулок. Роман. Л. 1927. Стр. 265., ц. 1 р. 50 к.	1	264
Доронин Г.	—	Земля подшефная. Поэма., ц. 16 к. Изд. ССП. Новосибирск. 1928 г.	5	215
Заводчиков В.	—	Седое время. 2-я книга стихов. Изд. „Прибой" Л. 1928 г. Тир. 2.000, ц. 75 к.	5	217
Итин Вивиан	—	Высокий путь. (Повести). ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 275, ц. 1 р. 50 к.	1	261
Каменский Вас.	—	Пушкин и Дантес (Роман). Заккнига. Стр. 312, ц. 2 р. 50 к.	5	213
Колоколов Николай	—	Мед и кровь. Роман. Изд. «Федерация», М. 1928 г., 5000 экз., стр. 236, ц 1 р. 75 к. . .	6	243
Массовая библиотека	„Недра". 38 книжек. Федерация Об'един. Советск. Писателей 17 кн.		1	263
Марков С.	—	Голубая ящерица (Дешовая б-ка Сиб. Союза Писателей. 1928 г.)	4	243
Мечик Михаил.	—	Желтые тени. Владивосток. Изд. Приморского отд. ССП., ц. 30 к.	5	216
Петров П.	—	Партизаны. Поэма. Изд. ССП. Новосибирск. 1928 г., ц. 20 к.	5	215
Пильняк	—	Китайская повесть. ГИЗ. 1928. Тир. 7.000, стр. 96	4	246
Рунова. О.	—	Полдень. Рассказы. ГИЗ. 1927. Стр. 280. ц. 1 р. 80 к.	2	274
Смирнова Нина.	—	В лесу. Повести. ГИЗ. М. Л. 1928	5	211
„ „	—	Закон земли. ГИЗ. М. Л. Рассказы. 1927 . . .	5	211

Стрижков П. и Добросердов Н.— Золотая долина (Дешовая б-ка Сиб. Союза Писателей. 1928) 4 243
Строд Иван. — В тайге. Москва. Изд. „Мол. Гвардия". 1928. Стр. 165. 4.000 экз. 1 278
Укин И., Жаров А., Безыменский А.— Красной девушке. Стихи. „Мол. Гвардия". М. 1927. Стр. 62, ц. 50 к. 5.000 экз. 2 275

Политика, экономика, история, краеведение

Аристофан. — „Театр" в серии „Русские и мировые классики". ГИЗ. 1927, ц. 3 р. 1 281
Гирченко, В. П. — Этапы революционного движения в Бурятии 1917—18. Верхнеудинск. 1927. 39 стр., 500 экз. . 1 276
Горев М. — Последний святой. Последние дни ром. церкви. Канонизационный процесс Иоанна Тобольского 1914—17. ГИЗ. 1928. Стр. 280, ц. 3 р. 5 226
Иохельсон В. — Новые работы по языку и этнографии тунгусов . 5 219
Менделеева, А. И. — Менделеев в жизни. Записки прошлого, воспоминания и письма под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. М. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1928, ц. 2 р. 60 к. Стр. 184 . . . . . 3 258
Павловский, П. И. — Анненковщина. М. Л. ГИЗ. 1928. 94 стр. Тир. 5.000 . . . . . 1 278
Парфенов, П. С. (Алтайский) — На соглашательских фронтах. Изд. „Моск. Рабочий", стр. 208, ц. 1 р. 40 к. . . . . .
Парфенов, П. С. — Крестьянская республика. М. изд. „Крестьянская Газета". 1928. 47 стр., 15.000 экз. 1 276
По, Н. Н. — Материалы для исследования тунгусского языка. Изд. Академии Наук СССР. 1927. 59 стр., ц. 1 р. 3 259
Попов, А. В. — Чудь, как древнейшее население Сибири. 1926. Иркутск 1 271
Петри, Б. Э. — Сибирск. неолит. Иркутск. 1926. Тир. 250 экз. (39 стр.). 1 269
„ „ — Сибирский палеолит. атлас. Рисунки исполнены М. М. Герасимовым. Иркутск. 1927, ц. 2 р. 550 экз. 1 268
Пиксанов, Н. К. — Областные культурные гнезда. Истор. краевед. семин. Изд. ГИЗ. М.-Л. 1928. 148 стр., ц. 1. 60 к. .
Розенберг С. — Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы (сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского Гос. Унив.) 1 279
Савицкий Людвиг. — Материалы по доистории России. С 24 таблицами и 6 рисунками в тексте. Познань. 1928. . 4 253
Сумгин М. — Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. Изд. Дальневосточн. Геофиз. Обсерватории НКЗ. Владивосток. 1927. 372 стр., ц. 3 р. 50 к. . . . 2 285
Теплоухов, С. А. — Древние погребения в Минусинском крае . . . 1 271
Тугаринов, А. Я. — Птицы Приенисейской Сибири. Список и распространение. Записки Средне-Сибирского отдела Гос. Геогр. О-ва, изд. под ред. В. П. Косованова и А. И. Березовского, т. I., вып. I., серия II 5 226
Трунов, А. Н. и Вегман, В. Д.— Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск. Сибкрайиздат. Стр. 136, ц. 1 р. 25 к. 3 255
Хольмберг. — Финно-угры в Сибири. 1927 . . . . . 1 272
Шостакович, В. Б. — Периодические колебания атмосф. осадков в России и Средн. Сибири и солнечн. пятна „Meteorologische zeitschrift". № 9, 1927, стр. 347—356. . . . . 4 254
Шумяцкий Б. — Сибирь на путях к Октябрю. М.-Л. ГИЗ. 1927. 124 стр. 3.000 экз. 1 275

Шиобин, Ван-Чжан. — Следы пребывания китайцев в Сибири. Иркутск 1926. . . . . 1 271

Юрцовский, Н. С. — Современная Сибирь. Новосибирск. Сибкрайиздат, ц. 75 к., 3.000 экз. 2 279

Бурятоведческий сборник. Вып. III и IV. Бурят-Монгольская секция ВСОРГО. Иркутск, 1927. 110 стр., ц. 1 р. 50 к. 4 249

„Бюллетень о-ва изучения края при музее Тобольского севера" № 1, октябрь-декабрь. 1927. 21 стр. Ц. 25 к. 300 экз. 2 283

Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма. Составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, т. I, ч. 1. До 50-х г.г. XIX века; цена 2 р. 50 к. М. 1927; ч. II. Шестидесятые г., ц. 6 р. 25 к. Изд. Всесоюзного О-ва Политических каторжан и ссыльно-поселенцев 4 247

Ежемесячный метеорологический бюллетень, издаваемый Краевым метеорологическим бюро при СКЗУ, № 1, 2, 3. 1927. . . . . 3 261

„Жизнь Бурятии"—№ 4-6. 1928. Изд. Госплана Б.-М. АССР. Верхнеудинск, стр. 163, 5-й г. издания 5 224

„За десять лет".—Кузнецкий округ к 10-й годовщине Октябрьской революции 1917—X. 1927. Щегловск. 1927. 79 стр. 5.000 экз. 2 278

„Засухоустойчивое хозяйство".—Книга по сельскому хозяйству для засушливого юга, юго-востока и Зап. Сибири. Опыт краткой с.-х. энциклопедии. Под общ. ред. проф. А. А. Бауэра. Книгосоюз. Москва, 1928, стр. 331, тираж 5.000 экз., ц. 3 р. 1 282

Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском Гос. университете, т. XXXIII. вып. 2-3, 1926 и вып. 4 1927. . . . . 1 281

Метеорологические условия Сибирского края в 1926 г. Краевое Метеорологическое Бюро. Новосибирск. Изд. „В Помощь Земледельцу". 1927. Стр. 1—64. . . . . 3 261

Очерки по изучению Якутского края.—Вып. 1. Якутская секция ВСОРГО. Иркутск, 1927, 95 стр.+51, ц. 1 р. 50 к. 4 249

Памяти М А. Кастрена.—К 75-ти летию со дня смерти. Изд. Академии Наук СССР. Л. 1927. . . . . .

„Природа".—Популярный естественно-исторический журнал. 1928. № 1—3. Л. Изд. Академии Наук СССР 3 260

Работы кружка юных краеведов при Владивостокском отделе Гос. Русск. Геогр. О-ва. 1927. 28 стр., ц. 45 к., 300 экз. . . 2 284

Справочник для ходоков и переселенцев.—Составил А. П. Яхонтов. С прилож. путевой карты и справочными таблицами. Изд. Переселенческого отдела НКЗ РСФСР. Москва. 1928, стр. 87, тираж 3.000 экз. 5 225

Сборник трудов исследовательского о-ва „Соха-кескилэ".—Вып. III. Май. 1926. Якутск, стр. 191 и выпуск 1(4). 1927, стр. 153 . . . . . 5 221

„Томские железнодорожники на путях к советам".—Воспоминания и очерки из истории союза железнодорожников Томской ж. д. с 1905 по 1927 год. Томск. Изд. Дорпрофсожа Томск. ж. д. 1928 г. 92 стр., 1.000 экз. 2 278

„Труды о-ва изучения Маньчжурского края". —Зоология. Вып. 1 Харбин. 1927. . . . . .

„Туркменоведение".—Ежемесячный журнал историко-краеведческого комитета при ТуркменЦИК'е. 1927 г. № 2-3, октябрь-ноябрь. Ашхабад. 64 стр. с иллюстрациями, ц. 75 коп. 2 283

«Уральское краеведение».—Вып 1. Свердловск, 1927. 160 стр. 1.600 экз., ц. 1 р.	1		274
Ученые записки института истории. Том II. Москва, 1927, ц. 3 р. 50 к., стр. 376	1		273
«Хозяйство Монголии» № 1-2, 3-4, 1928 г. Политико-экономический журнал, изд. Монголо-Сов. Деловым Клубом. Улан-Батор-Хото (Урга), стр. 134, стр. 125 .	4		250
«Якутия».—Сборник статей под ред. проф. Н. В. Виттенбурга. 20 карт, чертежей и таблиц, 78 рисунков в тексте и на отдельных листах и 19 портретов исследователей Якутии XXIV—746, 40. Л. Акад. Наук	1		266

Критика и библиография.

Зощенко Мих.	— Статьи и материалы. Л. 1928 (92+2). Мастера современной литературы. Сборники под ред. Б. В. Казанского и Ю. Н. Томянова, ц. 70 к.	5		214
Алексеев, М. П.	— Этюды о Марлинском. Изд. Иркутского Университета. 1928, стр. 64. 120 экз.	6		245
Писатели современной эпохи.	Био-библиографический словарь русских писателей XX в. Гос. Акад. Худ. Наук. М. 1928	6		246
Пущин, И. И.	— «Записки о Пушкине и письма». Ред. и биографический очерк С. Я Штрайха. ГИЗ. М. 1927, стр. 224	3		255
Шкловский В.	— Техника писательского ремесла. Изд. «Молод. Гвардия». М. Л. 1927. 72 стр., тир. 5000 экз. .	2		276

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Следует:
49	страница	1	строка сверху	спорно	споро
74	»	23	» снизу	зубы	губы
123	»	1	» »	Ни жива и не мертва	Ни жива была и ни мертва
125	»	7	» »	qolden returns	Golden Returns
132	»	21	» сверху	sailug	sailing
150	»	11	» снизу	сторону	струну
152	»	4	» »	нога не болела	нога болела
151	»	20	» »	на юг	на ют
214				The... Neus	The... News
На обложке в содержании №-ра				Сайрам	Сайрам-Су
				Тень великого Агулико	Агулико

Пропущен очерк Леми «На подступах».

По техническим условиям не вошли в настоящий номер очерк М. Никитина «Путь на север» и статья С. Рыбина «Северный морской путь в экономике Сибири».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В сборнике «Голоса против», в статье о порнографии, М. Майзель, в качестве «многочисленных примеров заборного словоупотребления», упоминает (стр. 141, сноска) «Каан-Кэрэдэ». Считая обвинение ложным, разрешите спросить автора статьи, где именно он это «заборное словоупотребление» у меня нашел?*). И, кстати, не находит ли автор, что он отменно угодил вкусам «нового мещанина», сдобрив свою превосходную статью столь обстоятельным «концентратом» из самых порнографических цитат?

Вивиан Итин.

---

*) В. Я. Зазубрин («Сиб. Огни» № 2, 1927) нападал на меня с другого конца: «Итин .. обескровливает самые кровяные, земляные вещи. Для него, например, матерщина—«общеизвестная формула» («Высокий путь», стр. 14)... Очевидно, такого рода «остранение» как раз соответствует требованиям т. Майзеля.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Ансон
В. Итин
А. Оленич-Гнененко

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ис. Гольдберг.—Ли-Тян уходит (рассказ) 3

Николай Анов.—Сайрам-Су 56

Леми—На подступах 69

П. Петров.—Борель (продолжение) 78

Антон Сорокин.—Симу 112

СТИХИ: Ив. Молчанова, П. Васильева, Л. Мартынова, А. Несмелова, Л. Черноморцева 117

Вивиан Итин.—Спасение Печонкина 125

А. Маленький.—Тяжелое дыхание 155

К. Урманов.—По сибирским совхозам 188

Е. Титов.—Пегая орда 209

М. Одинцова.—Солдаты-декабристы 217

Г. Круссер.—К туманным берегам 222

Г. Пушкарев.—Агулико 228

КУЛЬТХРОНИКА 237

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ:

Кондр. Урманов, Сергей Покотилов, Б. Жеребцов, С. Дурылин 242

Обложка—(оригинальная гравюра на дереве) работы художн. Ст. Липина.

Приложение: Местная печать Сибирского края в 1927 г. (Библиографические материалы. Список третий).

Настоящий номер журнала выпущен 27 декабря 1928 г.

МЕСТНАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРСКОГО КРАЯ В 1927 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

СПИСОК ТРЕТИЙ*)

---

*) *Первый список см. „Сиб. Огни“, 1927, № 5, второй—№ 3, 1928 г.*

I. Общий отдел. Библиография и библиотековедение.

004 (57.22)

524. Азадовский, М. К.

Научные работники Иркутска. По поручению Окр. бюро С.Н.Р. составил проф. М. К. Азадовский.

Иркутск. [Иркутск. секция науч. работников]. Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 16°. 47 стр. 60 коп. 500 экз.

Перед загл.: „Издание корректурное".

015 (57)

525. Местная печать Сибирского края в 1927 г.

Библиографические материалы. (1).

[Новосибирск]. Тип. Сибкрайсоюза. [1927]. 8°. 37 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

Без тит. листа и обложки.

Отдельн. оттиск из журнала „Сибирские Огни" № 5, 1927.

07.015

526. „Молодая Деревня" газета.

Учись распространять газету. Опыт распространения «Молодой Деревни».

[Новосибирск]. Редакция газеты „Молодая Деревня". Тип. П.П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. [1927]. 16°. 24, [4] стр., с илл. и диагр. [Б. ц.]. 5000 экз.

017.42:05

527. Сибирское управление связи. Газетное бюро.

Каталог периодических изданий, на которые установлен прием подписки во всех предприятиях связи Сибирского края на 1928 год.

[Новосибирск]. Тип. „Просвещение". [1927]. 8°. 20 стр., из них 2 об'явл. (СССР. НКП и Т. Газетное бюро Сиб. Управления связи). [Б. ц.]. 10000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

II. Обществоведение. Социология.

330.18

528. Розенберг, С.

Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы. Очерк из истории экономической мысли.

Иркутск. Ирк. университет. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. [3], 82, [3] стр. 75 коп. 150 экз.

Резюме на англ. яз.

III. Статистика.

31:338 (57.13)

529. Барнаульский окружной исполнительный комитет советов.

Барнаульский округ. (Статистико-экономический обзор).

Барнаул. Тип. изд. „Красный Алтай". 1927 8°. VIII, 343 стр., [3] вклад. лист. табл. (Барнаульск. окружн. исполн. комитет). [Б. ц.]. 1000 экз.

31:63 (57)

530. Сибирский краевой статистический отдел. Подотдел текущей сельско-хозяйственной статистики.

Инструкция регистраторам по производству весеннего выборочного обследования крестьянских хозяйств в Сибирском крае в 1927 году.

[Новосибирск]. Тип. „Сов. Сибирь". [1927]. 8°. 18 стр. [Б. ц.]. 500 экз.
Без тит. листа и обложки.

31:63 (57.12)

531. Сибирский краевой статистический отдел.

Алтайско-Томская часть Сибири по данным с.-х. переписи 1916 года. Материалы с.-х. переписи 1916 г., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеда.

Томск. Тип. изд. „Кр. Знамя". 1927. 8°. [1], II, 215 стр. (Ц. С. У. Сибирский краевой статистический отдел) [Б. ц.]. 250 экз.

311 (071) (57.22)

532. Иркутские областные статистические курсы.

Отчет о работе Иркутских областных статистических курсов, за 2-ую сессию (1926-1927 учебн. год.).

Иркутск. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 33 стр. Бесплатно. 200 экз.

312 (57.12)

533. Сибирский краевой статистический отдел.

Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Материалы статистико-экономического исследования, собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеда.

Томск. Тип. изд. „Кр. Знамя". 1927. 8°. [1], VII. 615 стр. (Ц. С. У. Сибирский краевой статистический отдел). [Б. ц.] 250 экз.

312 (57.12)

534. Сибирский краевой статистический отдел.

Хозяйство таежных переселенцев. Материалы обследования, произведенного под руководством И. М. Безуглова и вводной статьей В. Я. Нагнибеда.

Томск. Тип. изд-ва „Красное Знамя". 1927. 8° 111 стр. (Ц.С.У. Сибирский краевой статистический отдел). [Б. ц.]. 200 экз.
Поселенные таблицы касаются таежных волостей: Златогорской. Тюхтетской и Таловской.

312:338 (57.12)

535. Сибирский краевой статистический отдел.

Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910-11 г.г., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеда. С приложением карты и фотографических снимков.

Томск. Тип. изд. „Красное Знамя". 1927. 8° [1], VI, 640 стр., 20 табл. иллюстр., 1 карта. (ЦСУ. Сибирский краевой статистический отдел. [Б. ц.]. 250 экз.

312:3ϱ8 (57.12)

536. Сибирский краевой статистический отдел.

Экономическое положение населения Причулымского [illegible] ской губернии. Материалы подворного статистического исследования 1912-13 г.г., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеда.

Томск. Тип. изд. „Кр. Знамя". 1927. 8°. [1], 2,153 стр. (ЦСУ. Сибирский краевой статистический отдел). [Б. ц.] 250 экз.

IV. Политика. Советское строительство. Партийная литература.

323.1 (57)

537. Сибирское краевое совещание по работе среди национальных меньшинств.

Решения 1-го Сибирского краевого совещания по работе среди национальных меньшинств. Издание официальное.

[Новосибирск.] Сибкрайисполком. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927 8°. 20 стр. Бесплатно 2000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

324 (57)

538. Сибирский краевой исполнительный комитет советов.

Инструкция, основная директива и формы делопроизводства в кампанию перевыборов советов 1927-28 года в Сибирском крае. Официальное издание.

Новосибирск. Сибкрайисполком. Тип. П. П. ОГПУ. по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 8°. 36 стр. Бесплатно. 11000 экз.

324 (57.13)

539. ВКП(б.). Барнаульский окружной комитет.

Письмо о перевыборах советов. Всем райкомам, ячейкам и кандидатским группам ВКП(б) Барнаульской организации.

Барнаул. Госуд. тип. изд. «Кр. Алтай». 1927. 8°. 16 стр. (Барнаульский окружком ВКП(б). [Б. ц.] 700 экз.

324 (57.15)

540. ВКП(б). Ойротский областной комитет.

О перевыборах советов.

Улала. Ойротский областн. ком-т ВКП(б). Изд-ско-типографское об'единение 1927-28. 8°. 16 стр. ВКП(б). [Б. ц.]. 300 экз.

324 (57.22)

541. ВКП(б). Иркутский окружной комитет.

Всем ячейкам и райкомам ВКП(б). О перевыборах советов.

[Иркутск]. Тип. изд. „Вл. Труда". [1927]. 16°. 11 стр. [Б. ц.]. 300 экз.
Без тит. листа и обложки.

327.3 (063) (47.31М).

542. Конгресс друзей СССР. Москва.

Конгресс друзей С.С.С.Р.

Иркутск. Окружком (ВКП6). Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 16°. 63 стр. 20 к. 1500 экз.

Содержание: Доклад **А. И. Рыкова.** Речь **Н. И. Бухарина.** Воззвание конгресса друзей СССР.—Беседа тов. **Сталина.**

329.14: 331.3 (—22)

543. Детская коммунистическая организация юных пионеров им. Ленина. Сибирское краевое бюро.

Задания деревенским отрядам юных пионеров.

Новосибирск. Сибкрайком ВЛКСМ. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. [1927]. 16°. 16 стр. Бесплатно. 2500 экз.

Без. тит. листа. Описано по обложке.

329.14 : 331.3 (47)

544. ВЛКСМ. Центральный Комитет.

XV-й с'езд ВКП(б) и задачи комсомола. Резолюции Пленума ЦК ВЛКСМ от 29 октября 1927 года.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 16° 15 стр. [Б. ц.] 1000 экз.

Без. лит. листа. На обложке: „Всем ячейкам ВЛКСМ Новосибирского округа".

329.14 : 331.3

545. ВЛКСМ. Центральный комитет. Агитационно-пропагандистский отдел.

Партийная оппозиция и комсомол (методическая разработка).

Новосибирск Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. 16°. 19 стр. [Б. ц.]. 1000 экз.

Без тит. листа, описано по обложке. Брошюра подписана: Агитпроп ЦК ВЛКСМ.

329.14 : 331.3 (57.14).

546. ВЛКСМ. Новосибирский окружной комитет.

Инструкции по сверке списков ячеек с личными карточками и по определению социального положения Новосибирского ОК ВЛКСМ.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 16° 12. стр. (Для руководства ячейкам и райкомам). [Б. ц.] 750 экз.

329.14 : 331.3 (57.14).

547. ВЛКСМ. Новосибирский окружной комитет.

Письмо Новосибирского окружного комитета В.Л.К.С.М. О плане работы Бюро и пленума ОК ВЛКСМ на июль, август и сентябрь месяцы 1927 г. Всем райкомам, ячейкам и членам ВЛКСМ Новосибирского окр.

[Новосибирск]. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского в Новосибирске. [1927]. 8°. 3 стр. [Б. ц.]. 1000.

Без тит. листа и обложки.

329.14 : 331.3 (57.16)

548. ВЛКСМ. Барабинский окружной комитет. Пленум.

Резолюции и постановления 2-го пленума Барабинского окружкома ВЛКСМ второго созыва.

Каинск. ОК ВЛКСМ. Тип. изд. „Сов. Кр." 1927. 8°. 20 стр. (ВЛКСМ). [Б. ц.]. 400 экз.

329.14 : 333 (57.16)

549. ВЛКСМ. Омский окружной комитет.

Комсомольский информатор. Декабрь.

Омск. Окружн. к-т. ВЛКСМ Тип. О.Г.ПУ. 1927. 8°. 13 стр., [1] лист бланка анкеты. [Б. ц.]. 650 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

329.14:331.3 (57.16)

550. ВЛКСМ. Тарский окружной комитэт.

Всем ячейкам ВЛКСМ Тарского округа. Письмо окружного комитета ВЛКСМ к 3 й окружной конференции.

[Тара]. Тип. газ. „Советская Деревня". [Б. г.] 8°. 14 стр. [Б. ц.]. 180 экз.

329.14:331.3 (57.16)

551. ВЛКСМ. Тарская окружная организация. Конференция 2-я

Резолюция Тарской окружной конференции В.Л.К.С.М.

[Тара]. Тип. ОМХ-а. [1927]. 8°. 18 стр. [Б. ц.]. 200 экз.
Без тит. листа и обложки.

329.14:331.3 (57.16)

552. ВЛКСМ. Тарский окружной комитет. Пленум.

Постановления 3-го пленума Тарского окружкома ВЛКСМ. 21/IX—23/IX-1927 год.

Тара. Окружком ВЛКСМ. Тип. ОМХ,а. 1927. 8°. [3], 13 стр. (В.Л.К.С.М). [Б. ц.]. 220 экземпляров.

329.14:331.3 (57.21)

553. ВЛКСМ. Минусинская окружная организация. Конференция 2-я.

Решения 2-й Минусинской окружной конференции ВЛКСМ.

Минусинск. Тип. изд-ва газ. „Власть Труда". 1927. 8°. 23 стр. (В.Л.К.С.М). [Б. ц.]. 220 экз.

329.15:32

554. Сталин, И.

Заметки на современные темы.

Иркутск. Агитпроп окружкома ВКП(б). Тип. изд. „Власть труда". 1927. 16°. 32 стр. 12 коп. 3000 экз.

329.15 (47-41)

555. Ананьев, А.

Активность пролетарских масс и практика массовой работы. Факты и цифры. Материалы для докладов работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Сибкрайком ВКП(б). Тип. „Совсибирь". 1927. 8°. 23 стр. [Б. ц.]. 2500 экз.
Библиография: указания литературы (на 2 страницах).

329.15 (57)

556. ВКП(б). Сибирская краевая организация. Конференция 3-я.

Резолюции III-й Сибирской краевой партийной конференции. 25-30 марта 1927 г.

Красноярск. Госуд. типо-лит. 1927. 16°. 32 стр. (ВКП(б). [Б. ц.]. 1000 экз.

329.15(57)

557. Руднев, И.

Факты внутрипартийной демократии по Сибири. (Материалы для докладов работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Сибкрайком ВКП(б). Тип. „Совсибирь". 1927. 8°. 14 стр., [1] стр. „Для памяти". [Б. ц.]. 2.500 экз.

329.15 (57)

558. Сырцов, С.

Текущий момент и задачи Сибирской парторганизации.
Новосибирск. Тип „Совсибирь". 1927. 8°. 16 стр. [Б. ц.]. 6000 экз.

329.15(57.12)

559. ВКП(б). Кузнецкий окружной комитет. Пленум.

Резолюции ОК и ОКК III об'единенного пленума Кузнецкой окружной организации ВКП(б). (25-29 августа 1927 г.).

Щегловск. Тип. изд. газ. „Кузбасс". 1927. 16°. 27 стр. (ВКП(б). [Б. ц.]. 310 экз. Без тит. листа. Описано по обложке.

329.15 (57.12)

560. ВКП(б). Кузнецкая окружная организация. Конференция 4-я.

Резолюции 4-ой Кузнецкой окружной партийной конференции (23-26 ноября 1927 года).

Щегловск. Кузнецк. окружком ВКП(б). Тип. изд-ва газ. „Кузбасс". [1927]. 8°. 16, [2] стр. [Б. ц.]. 700 экз.

329.15 (57.12)

561. ВКП(б). Кузнецкая уездная организация

Решения XX уездной партийной конференции 12—16 ноября 1927 г. Кузнецк. Тип. Промкомбината. 1927 .8°. 71 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

329.15 (57.13)

562. ВКП(б). Барнаульская окружная организация. Конференция 3-я.

Резолюции III-й Барнаульской окружной партийной конференции 17-22 ноября 1927 г.

Барнаул. Госуд. тип. изд. „Кр. Алтай". 1927. 16°. 40 стр. (ВКП(б)). [Б. ц.]. 700 экз.

329.15 (57.13).

563. ВКП(б). Рубцовская окружная организация. Конференция 3-я.

Резолюции 3-й Рубцовской окружной конференции ВКП(б) 10-14 ноября 1927 года.

Рубцовск. Рубцовский окружн. ком-т ВКП(б). Тип. ОМХ. [1927]. 16°. 42. [1] стр., [1] вклад. лист. табл. [Б. ц.]. 1540 экз.

329.15 (57.14)

564. ВКП(б). Новосибирский окружной комитет. Пленум.

Материалы и решения VI пленума Новосибирского ОК ВКП(б) 16-18 июня 1927 года.

[Новосибирск]. Тип. П.П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. [1927]. 8°. 36 стр. Бесплатно. 1500 экз.

329.15 (57.14)

565. ВКП(б). Новосибирская окружная контрольная комиссия.

Письмо Новосибирской окружной контрольной комиссии ВКП(б)—райкомам и ячейкам Новосибирского округа. Об учете опыта работы и плане на апрель-сентябрь.

[Новосибирск] Тип. П. П О.Г.П.У. по Сибкраю [1927]. 8°. 4 стр. [Б. ц.]. 400 экз. Без тит. листа и обложки.

329.15 (57.14)

566. ВКП(б). Новосибирский окружной комитет.

Письмо Новосибирского О. К. ВКП(б). Об итогах и задачах работы с партактивом и о плане работы на июль, август и сентябрь 1927 года.

[Новосибирск]. Тип. П.П. О.Г.П.У. по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского в Новосибирске. [1927]. 8°. 6 стр. [Б. ц.]. 3000 экз.

Без тит. листа и обложки.

329.15:355 (57.14)

567. Сибирский военный округ. Политическое управление.

К окружной партийной конференции. Приложение к газете „Красноармейская Звезда". № 1-й.

[Новосибирск]. Изд-во Политупр-ния СибВО. Новосибирск. Тип. СибВО. 1927 8°. [Б. ц.]. 2000 экз.
Без тит. листа и обложки.
№ 1.22 октября 1927. 7 стр.
№ 2.16 ноября 1927. 8 стр.

329.5:355 (57.16)

568. ВКП(б). Организация 12-ой стрелковой имени Сибревкома дивизии. Конференция 7-я.

Постановления VII партийной конференции 12 имени Сибревкома стрелковой дивизии (19-21 ноября 1927 года).

Омск. Подив 12. Тип. Омгосполиграф. [1927]. 16°. 46 стр. [Б. ц.]. 200 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

329.15 (57.16)

569. ВКП(б). Тарский окружной комитет. Пленум.

Резолюция 2-го пленума Тарского окружкома ВКП(б) 2-го созыва окрпартконференции. 17/VI—20/VI 1927 год.

Тара. Тип. ОМХ'а. 1927. 8°. 8 стр. (ВКП(б).) [Б. ц.]. 150 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

329.15 (57.21)

570. ВКП(б). Ачинский окружной комитет. Пленум.

Материалы III-го об'единенного пленума Ачинского окружного комитета и Контрольной комиссии ВКП(б) 30 августа—2 сентября 1927 г.

Ачинск. Окружком ВКП(б). Ачтип. [1927]. 16°. 20 стр. [Б. ц.] 300 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

329.15 (57.21)

571. ВКП(б). Ачинский окружной комитет.

Отчет Ачинского окружного комитета ВКП(б). Октябрь 1926 г.—октябрь 1927 г. 3-й Ачинской окружной партийной конференции.

Ачинск. Ачгостип. ОМХ'а. 1927. 8°. 110 стр. (ВКП(б).) [Б. ц.]. 500 экз.

329.15 (57.21)

572. ВКП(б). Ачинский окружной комитет. Пленум.

Резолюции II-го расширенного пленума Окружного комитета ВКП(б). Состоявшегося 25-27 мая 1927 года.

Ачинск. Ачинск. гостип. ОМХ'а. [1927]. 8°. 22 стр. (Ачинск. окружн. ком-т ВКП(б). [Б. ц.]. 200 экз.

329.15 (57.21)

573. ВКП(б). Красноярский окружной комитет.

К вопросам дня. Основные факты и цифры против оппозиции.

Красноярск. Окружком ВКП(б). Красноярск. Гостипо-лит. 1927. 8°. 31 стр. [Б. ц.]. 2000 экз.

329.15 (57.21)

574. ВКП(б). Красноярский окружной комитет.

Отчет Красноярского окружного комитета ВКП(б) к III-й окружной партконференции. (Октябрь 1926 г. по ноябрь 1927 г.)

Красноярск. Красноярск. гостиполит. 1927. 8°. 64 стр. (ВКП(б)). [Б. ц.]. 1000 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.
На обл. дата: „Ноябрь 1927 г."

329.15 (57.21)

575. ВКП(б). Красноярский окружной комитет.

1. Письмо Красноярского окружкома ВКП(б). 2. Решения майского совещания районных и сельских партработников, утвержденные Бюро Красноярского окружкома ВКП(б).

Красноярск. Красн. гос. типо-лит. 1927. 8°. 16 стр. (Всем сельрайкомам и ячейкам ВКП(б). [Б. ц.]. 400 экз.

329.15:351.9 (57.21)

576. Красноярская окружная контрольная комиссия.

Отчет о работе Красноярской окружной контрольной комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции к 3-й окружной партконференции за время с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г.

Красноярск. Красноярск. гостиполит. 1927. 8°. 17 стр. (ВКП(б), [Б. ц.]. 500 экз. На тит. листе и обл. дата: „Ноябрь 1927 г.".

329.15 (57.21)

577. ВКП(б). Красноярская окружная организация. Конференция 3-я.

Резолюции III-й Красноярской окружной партийной конференции 21-25 ноября 1927 года.

Красноярск. Красн. типо-лит. 1927. 8°. 16 стр., [1] стр. „Содержание" на обл. (ВКП(б)). [Б. ц.]. 650 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

329.15 (57.21)

578. ВКП(б). Минусинский окружной комитет. Пленум.

Резолюции 3-го пленума Минусинского окружкома ВКП(б). 20-22 сентября 1927 года г. Минусинск.

[Минусинск]. Минусинск. гостип. [1927]. 8°. 6 стр. (Б. ц.). 200 экз.
Без тит. листа и обложки.

329.15 (57.21)

579. ВКП(б). Минусинская окружная организация. Конференция 3-я.

Решения III-й Минусинской окружной конференции ВКП(б) (состоявшейся 13-18 ноября 1927 года).

Минусинск. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 24 стр., [1] стр. („Ячейкам ВКП(б) членам и кандидатам партии"—на обл.) 15 коп. 400 экз.
Без. тит. листа. Описано по обложке.

329.15 (57.22)

580. ВКП(б). Иркутский окружной комитет.

Отчет о работе окружного комитета партии. 28-30 октября 1927 г.

[Иркутск]. Тип. изд-ва „Власть труда" [1927]. 16°. 157 стр. Бесплатно. 1000 экз. На обложке загл.: „Год работы Иркутской окружной организации".

329.15 (57.22)

581. ВКП(б). Иркутский окружной комитет. Пленум.

Резолюции 2-го пренума Иркутского окружного комитета ВКП(б) (25-27 мая 1927 г.)

Иркутск. Иркутский окружком ВКП(б). Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 32°. 43,[1] стр. Бесплатно. 3000 экз.

329.15 (57.22)

582. ВКП(б). Иркутский окружной комитет. Пленум.

Резолюции 3-го об'единенного пленума Окружкома и Окр. КК ВКП(б) (12-15 сентября 1927 г.).

Иркутск. ОК ВКП(б). Тип. изд-ва Власть Труда". 1927. 32 °. 64 стр., [1] стр. „Содержание" на обл. Бесплатно. 1000 экз.

329.15 (57.22)

583. ВКП(б). Иркутская окружная организация. Конференция 3-я.

Резолюции 3-ей Иркутской окружной конференции ВКП(б) и Окружного совещания деревенского партийного актива. 18-22 ноября 1927 г.

Иркутск. Ирк. окружком ВКП(б). Тип. изд-ва „Власть труда". 1927. 32°. 103 стр. Бесплатно. 1000 экз.

329.15 (57.22)

584. ВКП(б). Киренская окружная организация. Конференция 2-я.

Резолюции второй Киренской окружной конференции ВКП(б) и положение о работе ячеек ВКП(б).

Киренск. Изд. Кирен. Окружн. Комитета ВКП(б). Тип. Киренск. отдела местн. хозяйства. 1927. 8°. 16, [1] стр. [Б. ц.]. 500 экз.

V. Труд и профессиональное движение.

331.1 (57)

585. Сибирский краевой совет профессиональных союзов. Пленум 2-й.

Резолюция 2-го пленума СКСПС—об итогах перезаключения колдоговоров в 1926-27 году и перспективах на 1927,28 год.

[Новосибирск]. Тип. „Просвещение". [1927] 8°. 11 стр. [Б. ц.] 150 экз.

Без тит. листа и обложки.

331.171 (57)

586. Союз советских и торговых служащих СССР. Сибирское краевое правление.

О работе касс взаимопомощи по Сибири.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГУПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 16° 10 стр. (Професс. союз советских и торговых служащих СССР. Сиб. краев. прав.), [Б. ц.]. 600 экз.

331.88 (57.12)

587. Кузнецкий окружной совет профессиональных союзов. Пленум.

Резолюции II пленума Кузнецкого окрпрофсовета. 19—21 июля 1927 г.

Щегловск. Тип. из-ва газ. „Кузбасс" [1927]. 8°. 15 стр. [Б. ц.] 500 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

331.88 (57.21)

588. Состояние работы профсоюзов Красноярского округа за 1927 г. К III окружному с'езду профсоюзов.

[Красноярск]. Краснояр. типолит. [1927]. 8°. 83 стр. [Б. ц.] 300 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

331.88:35 (57)

589. Союз советских и торговых служащих СССР. Сибирское краевое правление. Пленум.

Решение 3-го расширенного пленума Сибирского краевого правления 2-го созыва. 28 июня—1 июля 1927 года.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 16°. 16 стр. (Профес. союз советских и торг. служащих СССР). [Б. ц.] 1700 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

331.88:35 (57.22) (09)

590. Союз советских и торговых служащих СССР. Иркутский окружной отдел.

Очерк истории служащих Иркутска 1883-1927.

Иркутск. Тип. Окрпрофсовета. 1927. 16°. 39 стр. (К 10-ти летнему юбилею Союза совторгослужащих). [Б. ц.] 5000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. В конце текста: Правление Ирк. Окр. отдела Союза совторгослужащих.

331.88:622 (57) (09)

591. Союз горнорабочих СССР. Сибирский краевой комитет.

Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. 1917-1927 г. г. Сборник статей и воспоминаний.

Новосибирск. ЦК и Сибкрайком союза горнорабочих СССР. Тип. Сибкрайсоюза. [1927]. 8°. VII, 326, [2] стр., с илл., портр. и факсимиле (ЦК и сиб. краев. ком-т Союза горнорабочих СССР). 1 р. 50 коп. 3000 экз.

В коленкоровом переплете с золотым тиснением. На переплете загл.: „Горняки Сибири в революции. 1917—1927 г. г.". Общ. редакция: В. Вегман.

Библиография: „Краткий указатель литература по истории Союза горняков в Сибири" (на 2 страницах) Е. Бутакова.

331.88:63 (57.14)

592. Союз сельско-хозяйственных и лесных рабочих СССР. Каменское окружное отделение. Пленум.

Резолюция III-го пленума Окротделения Профсоюза с/х. и лесных рабочих и инструкция по регистрации труддоговоров 25-26/VII 1927 г.

[Камень]. Тип. газ. „Наша деревня" в Камне [1927]. 16°. 16 стр. [Б. ц.] 200 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

331.88:656.2 (57.1)

593. Союз работников железнодорожного транспорта СССР. Омская ж. д. С'езд 9-й.

Резолюция 9-го дорожного с'езда союза железнодорожников Омской железной дороги 24—28 октября 1927 года.

Омск. Изд. Дорпрофсожа Омск. ж. д. Типолит. „Омгосполиграф". 1927. 8°. 13 стр Бесплатно. 1000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

331.88:69 (57)

594. Союз строительных рабочих СССР. Сибирский краевой отдел.

Отчетный доклад Сибкрайотдела ВССР III краевому с'езду Союза и резолюции III Сибкрайс'езда и IV пленума крайотдела ВССР (2-го созыва).

Новосибирск. Сибкрайотдел Союза строительных рабочих. Тип. СибВО. 1927. 8°. 119 стр. (Всесоюзный профсоюз строительных рабочих). Бесплатно. 1000 экз.

VI. Экономика. Финансы. Промышленность. Торговля и кооперация.

333.34 (584 К)

595. Акмолинская губерния. Земельное управление.

Инструкция по производству государственной записи землепользований (земельной регистрации) волисполкомам и сельсоветам в Акмолинской губ.

Омск. [Петропавск. губземуправление]. Тип.-лит. изд-ва „Рабочий Путь". 1927. 8°. 25 стр. [Б. ц]. 500 экз.

334 (57)

596. Сибирский краевой кооперативный совет.

Кооперация Сибири. Сборник к десятилетию Октябрьской революции. [Новосибирск]. Сибкрайкоопсовет. Тип. Сибкрайсоюза [1927]. 8°. 55 стр. [1] стр. „Содержание" на обл. 20 коп. 3.500 экз.

334 (57)

597. Сибирский краевой союз сельско-хозяйственных и кредитных кооперативных союзов. Орготдел.

Инструкция по составлению с.-х. кредитными т-вами и оперативно-финансового плана работ на 1927-28 г. Разработано Орготделом Сибсельскосоюза.

Новосибирск. Сибсельскосоюз. Тип. „Просвещение". [1927]. 8°. 15 стр. Бесплатно. [1000 экз.].

334 (57)

598. Сибирский краевой союз сельско-хозяйственных и кредитных кооперативных союзов. Совет. 2 сессия.

Материалы и постановления 2-й сессии Совета Сибсельскосоюза. (13-16/XI 27 г.).

[Новосибирск]. „Сибсельскосоюз". Тип. СибВО. [1927]. 8°. 29 стр. [Б. ц.]. 200 экз

334 (57)

599. Сибирский краевой союз сельско-хозяйственных и кредитных кооперативных союзов. Собрание уполномоченных, 4-е.

Решения IV-го собрания уполномоченных Сибсельскосоюза (происходившее с 16—22 июня 1927 г.).

Новосибирск. Тип. „Просвещение". 1927. 16°. 44 стр. (Сиб. краевой союз сел.-хоз. и кредитных кооп. союзов „Сибсельскосоюз"). Бесплатно. 3000 экз. Перед загл.: „Прилож. к журн. „Вестник Сибирск. сел.-хоз. кооперации" (№ 10-11 1927 год)".

334:63 (57)

600. Сибирский краевой союз сельско-хозяйственных и кредитных кооперативных союзов. Краевая секция колхозов.

Указания Сибирской Краевой секции колхозов к примерному уставу сельско-хозяйственной артели.

[Новосибирск]. Тип. СибВО. 1927. 16°. 7 стр. [Б. ц.]. 1000 экз.
Без тит. листа и обложки.

334 (57.21)

601. Туруханский интегральный союз кооперативов.

Материалы ко II собранию уполномоченных Туруханского интегрального союза кооперативов. Обзор работы Турухансоюза за 1926-27 хозяйственный год.

Красноярск. Тип. Окризолятора. 1927. 4°. 35 стр. [Б. ц.]. 160 экз.
На тит. листе и обл. дата: „15 декабря 1927 года".

334.5 (57)

602. Сибирский краевой союз кооперативов «Сибкрайсоюз». Торговый отдел.

Порядок и сроки направления заказов (Союзами, Церабкоопами и ГорПО системы Сибкрайсоюза) на 1927-28 год.

[Новосибирск]. Тип. Сибкрайсоюза. [1927]. 4°. 13,[1] стр. [Б. ц.]. 600 экз.
Без обложки.

334.5 (57.12)

603. Томское общество потребителей. Центральный рабочий кооператив.

Краткий отчет на 1926-27 операционный год.

Томск. Тип. изд. „Красное знамя". [1927]. 4°. 16 стр., с иллюстр. и диагр. (Томское об-во потребителей. Центральный рабочий кооператив. „ЦРК.").[Б. ц.]. 50 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

334.6:63 (57)

604. Веденяпин, Г.

Коллективизация сельского хозяйства в Сибирском крае. (Материалы для докладов, работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Сибкрайком ВКП(б), Тип. „Совсибирь". 1927. 8°. 13, [2] стр. „Для памяти" [Б. ц.]. 2.500 экз.

Библиография: Указатель литературы к каждой теме.

334.6:637.1 (57.13)

605. Рубцовский окружной союз молочной кооперации. Совет. 2-я сессия.

Резолюции 2-й сессии Совета Рубмолсоюза с 16/VI по 18/VI 1927 г.

[Рубцовск]. Тип. ОМХ'а в Руб. [1927]. 8°. 8 стр. [Б. ц.] 240 экз.

Без тит. листа и обложки.

334.6:639.1 (57)

606. «Сибкрайохотсоюз»—Сибирский краевой кооперативно-промысловый союз охотников. Собрание уполномоченных 1-е.

Резолюции 1-го собрания уполномоченных охот-промысловой кооперации Сибирского Края. 3—9 июля 1927.

Новосибирск. Сибкрайохотсоюз. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 16°. 26 стр. (Сибирский Краевой Кооперативно-Промысловый Союз Охотников „Сибкрайохотсоюз"). Бесплатно. 2500 экз.

334.6 (57.22)

607. Спутник кустаря и ремесленника.

При участии Б. Д. Сперанского (доцента университета), И. Ф. Трелина (быв. зав. Иргубвнуторгом), И. Д. Тыртышного (Предиркомпромсоюза) [и др.]. Под ред. И. Г. Горбунова.

Иркутск. Издание Иркутск. кооп. промыслового союза. Тип. изд. „Власть труда". 1927. 8°. [8], (5-131) стр., с диагр., [35] стр. об'явлений. 1 р. 50 к. 1.000 экз.

336 (47—41)

608. Как строится наш бюджет, какие успехи мы имеем за 10 лет советской власти.

[Канск]. Окружн. крест. газ. „Труд Пахаря". Тип. ООМХ. 1927. 16°. 16 стр. («Б—чка Канск. крестьянина». Под общ. ред. Окружн. комиссии по проведению празднеств 10-ти летия Октябрьской революции. Книжка 1). 3 коп. 4000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. Прилож. к газ. „Труд пахаря".

338 (57)

609. Сибирский краевой совет народного хозяйства.

Промышленность Сибири и ее очередные задачи. С предисловием В. С. Корнева. 1925-26 г. и первое полугодие 1926-27 г.

Новосибирск. Сибкрайсовнархоз. Тип. П.П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 8°. VIII, 91 стр. [9] лист диагр. ([СКСНХ—РСФСР]). 75 коп. 3 000 экз.

338 (57.14)

610. ВКП(б). Новосибирская окружная организация. Конференция 3-я

Материалы к докладу т. Зайцева на 3-й Новосибирской окружной партконференции о состоянии народного хозяйства округа за 1926-27 г. и перспективах его развития на 1927/28 год.

[Новосибирск]. Тип. П.П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского в Новосибирске. [1927]. 8°. 23 стр. [Б. ц.]. 400 экз.

Без тит. листа и обложки.

338 (57.14)

611. ВКП(б). Новосибирская окружная организация. Конференция 3-я.

Состояние народного хозяйства Новосибирского округа за 1926/27 г. и перспективы его развития на 1927-28 г. (Тезисы доклада т. Зайцева на 3-й окружной партконференции).

[Новосибирск]. Тип. П.П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского в Новосибирске. [1927]. 8°. 15 стр. [Б. ц.]. 250 экз.

Без тит. листа и обложки.

338 (57.21)

612. Минусинский округ. Исполнительный комитет советов. Президиум.

Постановление президиума Минусинского окружного исполнительного комитета по контрольным цифрам народного хозяйства округа на 1927/28 год.

Минусинск. Гос. тип. 1927. 8°. 16 стр. [Б. ц.]. 300 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

338:63 (57) «1917/27».

613. Жуйков, И. М.

Достижения сельского хозяйства Сибкрая за последние 10 лет.

Новосибирск. Изд-во „В помощь земледельцу". Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8° 15 стр., с диагр. [Б. ц.]. 250 экз.

338:91 (57)

614. Экономическая география Сибири. Под ред. А. А. Ансона, М. М. Басова и Г. И. Черемных. Пособие для учителей школ I-й и II-й ступеней, учащихся старших групп школ II-й ступени, техникумов, рабфаков, вузов, школ взрослых, курсов, партшкол и для самообразования.

Новосибирск. Сиб. краев. изд-ство. Тип. Сибкрайсоюза. 1928. 8°. 303,IX,V стр. с илл. и диагр., [3], стр. об-явл., [6] вклад. лист. карт. 2 р. 25 коп. 12.000 экз.

[Общ. редакция: М. М. Басов].

338.93

615. Вершинин, В. В.

Борьба за экономию в условиях капитализма.

Иркутск, Ирк. университет. Тип. изд. „Власть труда". 1927. 8°. 42 стр. 50 коп 150 экз. [Отдельн. оттиск из т. XIII сборника «Трудов Иркутск. государ. университета» Стр. 517-556].

Резюме на немецк. яз.

338.98 (57)

616. Сибирский краевой совет народного хозяйства.

Промфинплан на 1927/1928 г.г. (Формы и указания к их заполнению).

[Новосибирск]. Сиб. краевой сов. нар. хоз. Тип. П.П. ОГПУ по Сибкраю имени Ф. Э. Дзержинского [1927]. 4°. 12,[27] стр. [Б. ц.]. 1000 экз.

VII. Право. Администрация. Налоги. Местное управление. С'езды советов. Военная оборона.

343.351

617. Союз советских и торговых служащих СССР. Сибирское краевое правление.

Информационно-директивное письмо о растратах.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 8°. 8 стр. (Проф. союз советских и торговых служащих СССР. Сиб. краев. правл.) [Б. ц.]. 1000 экз.

347.18

618. Сибирский краевой административный отдел.

Руководство по регистрации актов гражданского состояния.

[Рубцовск]. Госуд. тип. Отд. местного хоз-ва. [1927]. 8°. 29 стр. [Б. ц.]. 250 экз.

347.763

619. Черепахин. Б. Б. проф.

Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки.

Иркутск. Ирк. ун.-т. Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 8°. 33 стр., с черт. 50 к. 300 экз. [Отдельн. оттиск из т. XIII Сборника трудов Иркутск. госуд. ун-та. Стр. 451-481].

Резюме на франц. яз.

350.7 (57.14)

620. Новосибирское окружное совещание по советскому строительству в деревне и работе среди национальных меньшинств, 1-е.

Решение Первого Новосибирского окружного совещания по советскому строительству в деревне и работе среди национальных меньшинств, состоявшегося 16-19 ноября 1927 года.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 8°. 18 стр. [Б. ц.]. 1500 экз.

350.7 (57)

621. Сибирское краевое совещание по советскому строительству в деревне, 2-е.

Решения II Сибирского краевого совещания по советскому строительству в деревне.

[Новосибирск]. Сибкрайисполком. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 8°. 42 стр [Б. ц.]. 7500 экз.

Перед загл.: «Издание официальное».

351.714 (47-41).

622. Сибирский краевой финансовый отдел.

Таблица по исчислению сельско-хозяйственного налога в 1927-28 г.

Новосибирск. Сиб. краев. фин. отд. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. 1927. 8°. 41 стр. [Б. ц.]. 6000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

351.714 (57.14)

623. Каменский окружной исполнительный комитет советов.

Постановление Каменского окрисполкома № 15 и инструкция окружного финотдела № 2.000/1 по учету об'ектов обложения и об установнении норм доходности от облагаемых об'ектов по районам Каменского округа на 1927-28 год.

Камень. Окрфинотдел. Тип. газ. «Наша Деревня». 1927. 8° 32 стр. [Б. ц.] 450 экз.

351.718.8 (47-41)

624. Данилевский, А. Е.

Новое положение о гербовом сборе. Практическое руководство в удобной форме алфавитного справочника.

Приложение: Устав о гербовом сборе и Положение о налоге с ценностей. Изд. 1-е.

Бийск. Тип. издат. «Звезда Алтая». [19]27—[19]28. 16°. 48., [3] стр. 1 р. 1000 экз.

351:718.8 (47-41)

625. СССР. Законы, постановления и т. п.

Устав о государственном гербовом сборе и положение о налоге с обращения ценностей. 14 сентября 1927 года. Под ред. Завед. Налоговым П/отд. Сибкрайфинотд. В. К. Самсонова.

Новосибирск. Сиб. Краев. фин. отд. Тип. «Советская Сибирь». 1927. 16°. 44 стр. 30 коп. 3000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. Перед загл.: Справочник для налогоплательщиков.

351.812.5 (57.1)

626. Томская железная дорога. Правление.

Перечень руководящих распоряжений Правления Томской ж. д., изданных до 1 января 1927 года.

Томск. Типо-лит. Томск. ж. д. 1927. 8°. 244 стр. (НКПС. Томск. ж. д.). 90 коп. 1500 экз.

351.85 (57.21)

627. Красноярский окружной отдел народного образования.

Сборник распоряжений, сообщений и указаний Красноярского окротдела народного образования. Июль, 1927 г.

Красноярск. Красн. гос. тип. [1927]. 8°. 59 стр. [Б. ц.] 600 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

351.85 (57.21)

628. Красноярский окружной отдел народного образования.

Сборник распоряжений, сообщений и указаний Красноярского окротдела народного образования. Октябрь 1927 года.

Красноярск. Красн. гостип. [1927.] 8°. 55 стр. [Б. о.] 600 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

352 (57.21)

629. Красноярский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Обязательные постановления Красноярского Городского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. Утверждены 12 дек. 1927 года.

Красноярск. Краснояр. гостипография. 1927. 8°. 33 стр. [Б. ц.]. 800 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

353 (57)

630-631. Сибирский краевой исполнительный комитет советов.

Информационно-инструктивное письмо № . . .

[Новосибирск]. Тип. „Совсибирь". [1927]. 8°. (Ойротск. областному, всем окружн., район. исполн. ком-там и сельским советам Сибирск. края). Бесплатно.

Без тит. листа и обложки.
№ 3. 20 стр. 6750 экз.
№ 4. 20 стр. 7500 экз.

353 (57.13)

632. Ойратский областной исполнительный комитет советов.

Постановления III-й сессии Ойратского Областного Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. 25-30 августа 1927 года. с. Улала.

[Улала]. Издат. типогр. об'единение „Ойратский край". 1927. 16°. 14 стр. [Б. ц.] 200 экз.

353 (57.15)

633. Ойратский областной исполнительный комитет советов. 5 созыв. 2 сессия.

Постановления II-й сессии Ойратского областного исполнительного комитета советов раб., кр. и красн. депутатов. 26-30 мая 1927 г.

[Улала]. Изд-ско титографск. об'единение „Ойратский край" в Улале. [1927]. 8°. 14 стр. [Б. ц.]. 200 экз.

353.83

634. Российская социалистическая федеративная советская республика.

Кодекс законов о браке, семье и опеке. Перепечатано с официального издания Н. К. Ю. 1927 г.

Новосибирск. Сибирский краевой административный отдел. Тип. „Совсибирь". 1927. 8°. 34 стр. (РСФСР). 10 коп. 5000 экз.
Издание неофициальное.

396:35 (57.12)

635. Томский окружной исполнительный комитет советов.

Женщина—строительница социализма (Первый окружной с'езд работниц и крестьянок—членов советов Томского округа).

Томск. Окрисполком. Тип. издат. „Красное Знамя". 1927. 8°. 56 стр. с концовками, [1] стр. „Оглавление" на обл. 50 коп. 1000 экз.

396:35 (57.16)

636. Омский окружной с'езд работниц и крестьянок—членов советов, 1-й.

Постановление Первого Омского Окружного с'езда работниц и крестьянок—членов советов (2—4 октября 1927 г.).

Омск. Окрисполком. Тип. Омгосполиграф. 1927. 32°. 29 стр. [Б. ц.]. 1000 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

353 (57.21)

637. Канский окружной с'езд советов, 2-й.

Резолюции 2-го Канского окружного с'езда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 19—22 марта 1922 [?] года. Гор. Канск.

[Канск]. Канск. окружком. Тип. ООМХ. [1927]. 16°. 29 стр. [Б. ц.] 500 экз.
На обл. подзаголовок: „18—22 марта 1927 г.".

353 (57.21)

638. Красноярский окружной с'езд советов, 2-й.

Резолюции 2 го Красноярского окружного с'езда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 17—22 го марта 1927 г.

Красноярск. Красноярск. окрисполком. Красноярск. гос. типо-лит. 1927. 8° 16 стр. [Б. ц.]. 560 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

353 (57.21)

639. Минусинский окружной исполнительный комитет советов.

Итоги работы советов Минусинского округа за 1926—27 год.

[Минусинск. Изд-во „Власть Труда“]. Тип. изд-ва „Власть Труда“. [1927]. 8°. 30 стр. с диагр. 20 коп. 1000 экз.

353 (57.21)

640. Минусинский окружной исполнительный комитет советов. Пленум.

Резолюции III-го пленума Минусинского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 24—28 сентября 1927 года.

Минусинск. Тип. изд-ва „Власть Труда“. 1927. 8°. 22 стр. [Б. ц.]. 350 экз.

Дополнение: „Резолюции Первого окружного с'езда женщин-членов советов Минусинского округа с 30 сентября по 3 октября 1927 года.“.

355

641. ВКП. (б). Сибирский краевой комитет.

Наказ памятка красноармейцу отпускнику 1903 г.

[Новосибирск.] Сиб. краев. ком-т ВКП(б), Крайисполком и Реввоенсовет СибВО. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф. Э. Дзержинского. [1927]. 32°. 15 стр. с портр. [Б. ц.] 14000 экз.

355 (062) (47-41)

642. Детская коммунистическая организация юных пионеров им. Ленина. Сибирское краевое бюро.

Укрепляя Общество Осоавиахим, поможем обороне СССР. (Задание отрядам юных пионеров).

[Новосибирск]. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю в Новосибирске. [1927]. 16°. 4 стр. [Б. ц.]. 3500 экз.

Без тит. листа и обложки.

355 (062) (57.14)

643. Кривощеков, А.

В обиду себя не дадим. (Очерки работы Каменской ячейки Осоавиахима). Предисл. помощника командующего войсками Сиб. воен. округа тов. Гайлит.

[Новосибирск]. „Молодая Деревня“. Тип. „Совсибирь“. 1927. 8°. [20] стр., с илл. (Б—ка „Молодой Деревни“). [Б. ц.]. 14500 экз.

362.74 (57)

644. Маннс, Г. Ю., проф.

Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае.

Иркутск Иркутский ун-т. Тип. изд. „Власть Труда“. 1927. 8°. 34 стр. 200 экз. 30 коп. [Приложение к т. XII „Сборн. трудов Иркутск. Госуд. ун-та“].

Резюме на на немецк. яз.

614.84 (062)

645. Нормальный устав добровольной пожарной дружины.

Омск. Изд. О[мского] Д[обровольного] П[ожарного] О[бщества]. Тип. изд. „Раб. Путь“. 1927. 8°. 53 стр. [Б. ц.]. 750 экз.

VIII. Народное образование.

37 (57)

646. Сибирский краевой отдел народного образования. Подотдел профессионально-технического образования.

Где учиться сибирякам. Пособие для поступающих в ВУЗ'ы, техникумы и рабфаки в 1927 г. Сведения о ВУЗ'ах, техникумах и рабфаках. Правила приема, программы приемных испытаний, указатель учебных пособий для подготовки.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. [1], 96, 8 стр. (Сиб. краев. отд. нар. образов. Крайпрофобр). 75 коп. 3.000 экз.

Перед тит. листом 1 стр. „Опечатки".

37(57.14)

647. Новосибирский окружной отдел народного образования.

В помощь просвещенцу. (Бюллетень Новосибирского Окроно.) Ноябрь 1927 год.

Новосибирск. Изд. Новосибирского Окроно. Тип. „Просвещение". 1927. 8°. 41 стр. [Б. ц.]. 830 экз.

Без обложки.

37 (57.16)

648. Тарское окружное совещание работников опорных учреждений соцвоса и политпросвета 1-е.

Материалы 1-го окружного совещания работников опорных учреждений соцвоса и политпросвета. 22 января 1927 г.

[Тара]. Тарск. Окроно. Тарск. Тип. ОМХ'а. 1927. 8°. 85 стр. [1] стр. „Оглавление" на обл. (Тарск. окружн. отд. нар. образ.). [Б. ц.]. 350 экз.

Предисловие: Шематович.

371 (57.13)

649. Барнаульский окружной отдел народного образования. Методическое бюро.

Сборник руководящих материалов для массовых школ округа на 1927-28 уч. год.

[Барнаул]. Барнаульск. окружн. методич. бюро. Гостип. изд. „Красный Алтай" [1927]. 8°. 93 [1] стр. (Барнаульск. окружн. О. Н. О.) [Б. ц.[. 600 экз.

371. (57.21)

650. Канский окружной отдел народного образования. Методическое бюро.

Бюллетень № 3. методического бюро канского окружного отдела народного образования. (Методическое письмо).

[Канск]. Тип. ОМХ в Канске. [1927]. 8°. 19 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

Без тит. листа и обложки.

371.6:63 (57.16)

651. Омское центральное сельско-хозяйственное общество. Производственный музей.

Каталог наглядных пособий производственного музея Омского центрального сельско-хозяйственного общества.

Омск. Учеб.-произв. полиграф. мастерская худ.-пром. техникума. 1927. 8°. 32 стр. с илл. [Б. ц.]. 2500 экз.

374

652. ВКП (б.). Рубцовский окружной комитет. Бюро по самообразованию.

Чему и как учиться. (Справочник по политпросвещению и самообразованию).

[Рубцовск]. Рубцовск. окружн. бюро по самообразованию. Тип. ОМХ'а. [1927]. 8°. 22 стр., [1] стр. „Содержание" на обл. 10 коп. 1540 экз.

374.61

653. ВКП (б.). Сибирский краевой комитет. Агитационно-пропагандистский отдел.

Методические разработки по программе деревенских стационарных школ политграмоты на 1927-28 учебн. год. Вып. 1 (1 й раздел).

Новосибирск. Тип. „Совсибирь". 1927. 16°. 55 стр. (В помощь партийной учебе). [Б ц.]. 1500 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

374 (07)

654. ВКП (б.). Сибирский краевой комитет. Агитационно-пропагандистский отдел.

Методические разработки к 10-летней годовщине Октябрьской революции. (Для низовых школ и кружков партпросвещения).

[Новосибирск]. АПО Сибкрайкома ВКП (б). Тип. „Совсибирь". 1927. 16°. 32 стр. (В помощь партийной учебе). [Б. ц.]. 2000 экз.

374 (07)

655. ВКП (б). Сибирский краевой комитет. Агитационно-пропвгандистский отдел.

Методические разработки по программе городских сокращенных школ политграмоты на 1927-28 учеб. год. Выпуск 1-й (1-й и 2-й разделы).

Новосибирск. АПО Сибкрайкома ВКП (б). Тип. „Совсибирь". 1927. 16°. 47 стр. (В помощь партийной учебе). [Б. ц.]. 2000 экз.

374 (062) (57)

656. Общество „Долой Неграмотность". Сибирский краевой совет.

Памятка ликвидатора неграмотности (руководство по обучению грамоте). Изд. 3-е переработанное и дополненное на основе постановлений 4-й Сибирской методической конференции по ликвидации неграмотности. Допущено Сибирским Краевым Методическим Советом.

Новосибирск. Изд. Сибир. кваев. совета о-ва „Долой Неграмотность", Тип. „Просвещение". 1927. 8°. 79, [1] стр. 12 коп. 5000 экз.

На третьей стр. обложки: „содержание".

374.66 : 664.4 (57.22)

657. Багрянцева-Курсанова, О. И.

Школьная экскурсия на Иркутский солеваренный завод. (Опыт методической проработки).

Иркутск. [Секция школьного краеведения ВСОРГО]. Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 8° 17 стр. с диагр. 40 коп. 150 экз. [Отдельн. оттиск из сборника „Иркутский край в школе". Вып. 1, стр. 81-95].

Библиография: „Список использованной литературы" (8 названий).

374.8

658. ВКП (б). Омский окружной комитет. *Бюро по самообразованию.*

Куда можно поступить на заочное обучение (справочник по всем видам заочного обучения).

Омск. Бюро по самообразованию ОК ВКП (б). Типо-лит. Омгосполиграф. 1927. 16° 31. II стр. 10 коп. 1000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

375 : 372 (57)

659. Сибирский краевой отдел народного образования. Методический совет.

Сибирский вариант программы ГУС'а (для сельских школ 1-й ступени Сиб. края).

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 100 стр., [1] вкладн. лист. табл. (Сиб. краев. отд. нар. образов.). 45 коп. 3000 экз.

375 : 374

660. Сборник программ для кружков самообразования.

Канск. Тип. изд-ва „Совет Крестьянину". [1927]. 8°. III, [6-78] стр. [Б. ц.]. 1000 экз.

378 (071)

661. Томский гос. университет. Студенческая научно-медицинская секция.

Академическая инструкция для студентов медиков по отбыванию летней практики.

[Томск]. Изд. Студенческой научно-медицинской секции. Тип. изд. „Красное. Знамя". [1927]. 16°. 18 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

Без тит. листа и обложки.

378 (57.16)

662. Союз работников просвещения СССР. Омская секция научных работников.

Необходимые сведения для поступления в Омские ВУЗ'ы в 1927 г.

Омск. Бюро секц. научн. работников. Типо-лит. изд-ва „Раб. Путь". 1927. 16°. 35 стр., [2] стр. текста и „Содержание" на обл. (Секция научн. работников Омрабпроса). 15 коп. 7000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

378 : 55 (57.1)

663. Томский государственный университет.

Известия Томского Государственного Университета. Том семьдесят девятый (79). Выпуск 1 (геолого-географический). Томск, 1927. Редактор проф. С. В. Мясоедов.

Томск. Томский Гос. Университет. Тип. изд. „Кр. Знамя". 1927. 8°. 76 стр. с 4 вкл. табл., рисун. и черт. Бесплатно 500 экз.

Без тит. листа. Обложка на русск., немецк. и англ. языках.

СОДЕРЖАНИЕ: **Кузнецов, Г. А.** Скарны Ольховско-Чибиженских контактов в Минусинском уезде (1-35) **Кузнецов, Г. А.** Об асфальтите в Кузнецком каменоугольном бассейне. (36-41). **Никитина, Е.** Альпийские болота левых притоков р. Уйменя, притока Бии (42-59). **Хахлов, Вен. А.** Изменчивость Atrypa aspera Schl (60-76).

378 (57.1) : 61

664. Томский государственный университет.

Известия Томского Государственного Университета. Том восьмидесятый (80). Томск. 1927. (Редактор: проф. С. В. Мясоедов).

Томск. [Томский Гос. Университет]. Тип. изд. „Красн Знамя". 1927. 8°. [1], 480 стр. с 32 вкл. табл. лист. рис. диаграмм. [2] стр. „опечаток". Бесплатно. 450 экз.

Тит. лист и обложка на русск., немецк. и англ. яз.

Содержание: Шнейдер, С. Л. Материалы к вопросу о хирургическом лечении язв желудка и 12 ти перстной кишки. **Фукс, Б. И.** Анатомия гипофизарной системы человека. **Нагорский, П. М.** О бугорчатке, как об основном заболевании, по протокольному материалу Патолого-Анатомического Института Томского Государственного Университета. **Вишневский, А. С.** О положении диафрагмы у здорового человека при вертикальном положении тела в связи с особенностями телосложения.

378 (57.16)

665. Союз работников просвещения СССР. Омская секция научных работников.

Необходимые сведения для поступления в Омские ВУЗ'ы в 1927 году.

Омск. Бюро секции научных работников. Типо-лит. изд-ва „Раб. Путь". 1927. 16°. 35 стр., [2] стр. и „Содержание" на обл. (Секция научн. работников Омрабпроса). 75 коп. 7000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

379.2 (062) (57)

666. „Долой Неграмотность", общество. Сибирский краевой совет.

Таблицы выигрышей Сибирской культурной лотереи, устроенной Сибирской организацией о-ва „Долой Неграмотность".

[Новосибирск], Сиб. краев. совет о-ва „Долой Неграмотность". Тип. „Просвещение". 1927. 16°. 36 стр. Бесплатно. 10000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

727.1 (57,22)

667. Иркутский окружной отдел народного образования.

Краткие строительно-технические указания и об'яснительная записка к проекту типового школьного здания Иркутского ОкрОНО. С прилож. об'яснительных чертежей техника ОкрОНО А. Богатырева.

Иркутск. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 37 стр., [8] вкладн. лист. черт. Бесплатно. 500 экз.

IX. Языкознание. Изучение языка в школе.

491.71—81

668. Пупышев, В.

Пора на работу. Букварь и первая книга для обучения грамоте подростков. Изд. 2-е переработанн. и дополн. на основании постановлений 4 Сиб. метод. конференции по ликвидации неграмотности.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 74 стр. с илл., портр., диагр. и схем., [4] вклад. лист. табл. (Сиб. отделение о-ва «Долой Неграмотность» и Сибполитпросвет). 35 коп., 5000 экз.

Перед загл. авторы—В. Пупышев, Т. Вельхер, О. Морозова.

На обложке: «издание 3-е».

494.23

669. Абашев, Д. А.

К вопросу реализации бурят-монгольского языка. Под ред. проф. Н. Н. Козьмина.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 9 стр. (Иркутск. госуд. ун-т. Кабинет бурят-монгольск. языка и культуры. Материалы по изучен. бурятского языка и его диалектов. Вып. 1). 90 коп. 200 экз.

[Отдельн. оттиск из Бурятоведческого сборника ВСОРГО, вып. 3—4, стр. 13—17].

494.23 : 491.71

670. Боржонова, А. Н.

К вопросу о влиянии русского языка на бурятский. Под ред. проф. Н. Н. Козьмина.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 17 стр. (Иркутск. госуд. ун-т. Кабинет бурят-монгольск. языка и культуры. Материалы по изучению бурятского языка и его диалектов. Вып. II). 30 коп.

(Отдельн. оттиск из «Бурятоведческого сборника ВСОРГО» вып. 3—4, стр. 18—30)

X. Точные науки. Естествознание.

55 (57)

671. Усов, М. А.

Общий отчет о состоянии и деятельности сибирского отделения геологического комитета за 1926 г. Заведывающий Н. А. Усов.

Томск. Тип. изд. «Красное Знамя». 1927. 8°. 24 стр. (Известия сибирского отделения геологического комитета. Том VI, вып. 6). 50 к. 600 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. Обложка на русск. и франц. яз.

551.5 (57.16)

672. Иванов, В. К.

Из результатов метеорологических наблюдений в Подгородной лесной даче Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. 1925.

Омск. Сиб. институт сельского хозяйства и лесоводства. Тип. Омпотребсоюза. 1927. 8° (93-105) стр., с илл. (Труды Сиб. института сельского хозяйства и лесоводства. (Сиб. с.-х. акад.) Т. VII. Вып. 2). [Б. ц.] 1000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. Надзаголовок на русск. и англ. яз. Резюме на немецк. яз.

553.3(57.12)

673. Усов, М. А., проф. Сиб. технолог. инст-та.

Тельбесский железорудный район. 1. Историко-геологический очерк с 2 карт. и 2 табл. фотогр.

Томск. [Сиб. отд-ние Геологич. ком-та]. Тип. изд-ва «Красное Знамя». 1927. 8°. [2], 82 стр., [4] вкладн. лист. илл. и красочн. карт. ([Известия сиб. отд-ния Геологич. ком-та т. VI, вып. 5]) 2 руб. 600 экз.

[Отв. ред. проф. М. А. Усов].

Обложка параллельная на русск. и франц. яз. Резюме на англ. яз.

Библиография: «Список литературы по Тельбесскому району». (46 названий).

553.3 (57.12)

674, Усов, М. А., проф. Сиб. технологич. инс-та.

Тельбесский железорудный район. 1. Историко-геологический очерк. С 2 карт. и 2 табл. фотогр.

Томск. Тип. изд. «Кр. Знамя». 1927. 8°. [2]. 82 стр. с карт., [4] вклад. листа илл. и красочн. карт. 2 руб. 900 экз.

Библиография: «Список литературы по Тельбесскому району» (46 названий).

553.41 (57.1)

675. Булынников, А. Я.

Северная контактовая зона Ольховско-Чибижекской интрузии и Ольховское золоторудное месторождение. А. Я. Булынникова, инж. геолога Отд-ния. С 2 карт. и 8 фигурами.

Томск. [Сиб. отд-ние Геологич. ком-та]. Тип. издат. «Кр. Знамя». 1927. 8°. 34 стр., [5] вклад. лист. черт. и карт. (Известия сиб. отд-ния Геологич. ком-та т. VI, вып. 2). 1 руб. 25 коп. 600 экз.

Без тит. листа Описано по обложке.

Обложка параллельная на русск. и франц. яз. Резюме на англ. яз.
[Отв. ред: проф. М. А. Усов].
Библиография: «литература» (12 названий).

553.6 (57.1)

676. Баженов, И. К.

Предварительный отчет о геологических исследованиях 1926 года в Юго-Западных Саянах. И. К. Баженова геолога отделения. С 2 геологическими картами.

Томск. Тип. изд. «Кр. Знамя». 1927. 8°. 32 стр., [2] карты. (Известия Сибирского отделения геологического комитета. Том VII, вып. 1). Цена 1 руб. 25 коп. 600 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке. Обложка на русск. и франц. яз.

553.6 (57.12)

677. Васильев, А. А. геолог экономист.

Материалы по малым полезным ископаемым Томско-Мариинского района. А. А. Васильев, геолог экономист отделения. С картой, диаграммой и 3 табл.

Томск. Тип. изд. «Кр. Знамя». 1927. 8°. 31 стр., [1] карта, [1] диаграмма. (Известия Сибирского отделения Геологического Комитета. Том VI, вып. 4). 1 руб. 25 коп. 600 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке. Обложка на русск. и франц. яз.

57.91 (072) (57.2)

678. Биолого-географический научно-исследовательский институт при гос. Иркутском университете.

Известия Биолого Географического Научно-Исследовательского Института при гос. Иркутском Университете. Т. III, в. 2.

Иркутск. Гип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 64, [2], 45 стр., [1] табл. 1 р. 80 к. 350 экз.
Сод. С. Арцыбашев. Радиоактивность Ильинского источника и некоторых источников Тункинской долины (1-8). **В. Дорогостайский.** О морфологических особенностях.

571 (57.2) (074)

679. Гос. **Иркутский областной музей.**

Древне-каменный период. (Палеолит).

[Иркутск]. Тип. изд. «Власть Труда» в Иркутске. [1927]. 16°. 8 стр. (Госуд. Иркутск. област. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 9), 5 коп. 1000 экз.
Без тит. листа и обложки.
В конце текста: научн. сотрудник музея М. М. Герасимов.

573.7 (=94.23)

680. Казанцев, А. И.

Материалы к изучению бурятских черепов.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда», 1927. 8°. 12 стр. [Б. ц.] 150 экз.
Отд. оттиск из Бурятоведческого сборника ВСОРГО вып. 3-4, стр. 90-101.

575

681. Цинес, А.

Соотношение факторов эволюции с процессом филогенеза (схема).

Томск. Типолит. изд. «Красное Знамя». 1927. 16°. 15 стр. [Б. ц.] 500 экз.

576.895.1

682. Исайчиков, И. М.

К вопросу о технике гельминтологических вскрытий по методике обработки паразитических червей для научного исследования их.

Омск. Научн. об-во ветврачей Омск. округа. Тип. лит. Омгосполиграф. 1927 8°.4 стр. [Б. ц.]. 500 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.
(Отд. оттиск из журн. «Ветеринарный Труженик». № 9-10, 1927).

58 (074.5) (57).

683. Крылов, П. [Н], Шишкин, Б. [К].

Новый вид Typha L.

[Томск. Томск. отд-ние Русск. ботанич. о-ва]. Тип. изд. «Кр. Знамя» [1927]. 8°[2] стр. (Систематич. заметки по материалам гербария Томск. ун та, Изд. Томск. отд-ния Русск. ботанич. о ва. № 1. 1927 г.) [Б. ц.]. 500 экз.
Надзаголовок на русск. и латинск. яз.

581.6 : 63

684. Потапов, А.

Изучение тайги в целях сельско-хозяйственного использования ее.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°.20 стр. 45 коп. 400 экз.

584.922 (57)

685. Реверdатто, В. В.

Материалы к познанию сибирских видов рода Festuca L.

[Томск]. Томск. отд-ние русск. ботанич. об-ва. Тип. изд. «Кр. Знамя» [1927] 8°. 5 стр. (Систематич. заметки по материалам гербария Томск. ун-та. № 2. Май 1927 г. [Б. ц.]. 500 экз.
Без тит. листа и обложки. Надзаголовок на русск. и латинск. яз.

591.69 (57.1)

686. Скрябин, К. И.

Гельминтологическая экспедиция в западную Сибирь.

[Бийск]. Тип. изд. «Звезда Алтая» в Бийске. [1927]. 8° 4 стр. [Б. ц.] 100 экз.
Без тит. листа и обложки.
Автор указан в конце текста: нач. экспедиции проф Скрябин.

591.9 (57.16)

687. Зверева, О. С.

Количественный учет и биологические черты зоопланктона озера Чаны.

Красноярск. Красноярск. госуд. типолит. 1927. 8°. 24 стр., с диагр. [1] вклад. лист. карт. (РСФСР Нар. Ком. Зем.). (Труды Сиб. ихтиологич. лаборатории Т. II. Вып. 4). [Б. ц.]. 430 экз.
На обложке только серийное загл.: Труды сибирской ихтиологической лаборатории, издаваемые под ред. завед. лабораторией А. И. Березовского. Т. II, вып. 4.
Тит. лист на русск., немецк. и англ. яз. Обложка на русск. и англ. яз. Резюме на немецк. яз.

591.9 (57.2) (074

688. Гос. **Иркутский областной музей.** Зоологический отдел.

Копытные.

[Иркутск] Тип. изд. «Власть Труда» в Иркутске. [1927]. 16°. 15 стр. (Госуд. Иркутск. област. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 2) 7 коп. 1000 экз.
Без тит. листа и обложки.
В конце текста: хранитель Зоологич. отд. В. Рогозов.

597 (072)

689. Тюрин, П. В.

О зависимости между длиной рыбы и ее весом.

Красноярск. Красноярск. госуд. типо-лит. 1927. 8°. 24 стр. с график. (РСФСР Нар. Ком. Зем.). (Труды Сиб. ихтиологической лаборатории, Т. II. Вып. 3.) [Б. ц.]. 500 экз.

На обложке только серийное загл.: Труды Сибирской ихтиологической лаборатории, издаваемые под ред. завед. лабораторией А. И. Березовского. Т. II. Вып. 3.
Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз. Резюме на англ. яз.

597(072) (57)

690. Сибирская ихтиологическая лаборатория.

Труды Сиб. ихтиологич. лаборатории, издаваемые под ред. завед. лабораторией А. И. Березовского. Т. II. Вып. 5.

Красноярск. Красноярск. госуд. типо-лит. 1927. 8°. 49 стр. С илл. и график., [1] вклад. лист. карт. (РСФСР. Нар. Ком. Зем.). (Труды Сиб. ихтиологич. лаборатории. Т. II, вып. 5) [Б. ц.]. 430 экз.

На обложке только серийное загл.: «Труды сибирской ихтиологической лаборатории, издаваемые под ред. завед. лабораторией А. И. Березовскго. Т. II, вып. 5. Вторая статья имеет самостоятельный тит. лист. Тит. лист и обложка на русск., франц. и англ. яз. Резюме статей на франц. и англ. яз.

Содержание: **Пирожников, П. Л.** Материалы по возрасту и темпу роста чебака (Rutilus rut. lacustris Pallas) озера Чаны. **А. Подлесный.** Озеро Тургояк. (Экскурсионное обследование с рыбоводными целями).

598.2 (57.2)

691. Тугаринов, А. Я.

Птицы Приенисейской Сибири.

Красноярск. Красноярск. госуд. типо-лит. 1927. 4°. 43 стр. [1] вклад. лист карт. (Записки Средне-Сибирского (бывшего Красноярск). Госуд. русск. географич. о-ва, издаваемые под ред. Президиума Отд. В. П. Косованова и А. И. Березовского. Серия II. Т. I. Вып 1). [Б. ц.]. 500 экз.

На обложке только серийное название.
Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз. Резюме на англ. яз.

XI. Медицина. Курорты.

614.54 (0:8)

692. Беспалов, В. Н.

Сифилис и как он передается в деревне. [Агитстихи].

Рубцовск. Тип. ОМХ-а. 1927. 16°. 10 стр. [Б. ц.]. 1.500 экз.
Перед загл. автор—врач В. Н. Беспалов.

615.79 (57.1)

693. Курорт «озеро Тагарское». Сборник работ, выполненных на курорте в сезон 1926 года, под редакцией проф. Томского университета М. Г. Курлова.

Томск. Тип.-лит. Томск. ж. д. 1927. 8°. 85 стр. 2 р. 300 экз.
Библиография: «Литература» в конце отдельных глав.

616

694. Томский государственный университет. Студенческая научно-медицинская секция.

Терапевтический справочник. Составленный профессорами, ассистентами и ординаторами клиник Томск. госуд. ун-та под общ. ред. директора Факультетской терапевтической клиники проф. М. Г. Курлова. Т. 1.

Томск. Типо-лит. Томск. ж. д. 1927 16°. VI, 437, [11] стр., из них 10 «Для заметок». (Студенческая научно-медиц. секция при Томск. госуд. ун-те). 3 руб. 50 коп. 2.000 экз.

На обл. загл.: «Терапевтический справочник Томских клиник».

616.022 (072) (57.1)

695. Областной бактериологический институт в Томске.

Областной бактериологический институт в Томске (б. имени И. и З. Чуриных). Отчет за 1926 г.

Томск. Тип. Кустарно-трудов. т-ва печатников. 1927. 8°. 28 стр. (РСФСР. НКЗ. Сиб. краев. отд. Здравоохранения). [Б. ц.]. 150 экз.

616.022 : 619 (57)

696. Сибирский ветеринарно-бактериологический институт, 1-й. Научно-исследовательское отделение.

Правила взятия проб для исследования на сибирскую язву [и другие заболевания].

[Омск]. Тип. ОИТД в Омске. [1927]. 16°. 8 стр. (Науч.-исследоват. отделение 1-го Сибирск. ветеринарно-бактериологич. инст-та). [Б. ц.]. 200 экз.

Без тит. листа и обложки.

619 (071,1) (57)

697. Сибирский ветеринарный институт.

Труды Сибирского Ветеринарного Института. Выпуск VIII. Май 1927 г

[Омск]. Правление СВИ. Тип. Омпотребсоюза. [1927] 8°. 269 стр. с илл. и карт., [7] вклад. лист и черт. 2 р. 50 к., для студентов 1 р. 50 к. 1000 экз.

Содержание: 18 статей, посвященных изучению северного оленя и марала.

619 (071.1) (57)

698. Сибирский ветеринарный институт.

Труды Сибирского Ветеринарного Института. Выпуск IX. Ноябрь 1927 г.

Омск. Правление СВИ. Тип. Омпотребсоюз. 1927. 8°. [1], 332 стр. с 16 вклад. табл. иллюстр. 2 р. 60 к. Для студентов 1 р. 50 к. 500 экз.

Содержание: 16 статей.

XII. Техника. Инженерное дело.

6 (071.1) (57)

699. Сибирский технологический институт.

Известия Сибирского Технологического Института. Том 47 (1). Выпуск 3. 1927.

Томск. Типо-лит. Томск. ж. д. 1927. 8°. 81 стр. с 19 вклад. лист., рис., фот., черт. [Б. ц.] 300 экз.

Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз.

Содержание: **Хахлов В. А.** Растительные остатки Черновских копей Забайкалья. **Хахлов В. А.** Растительные остатки Одонского района. **Шахов Ф. Н.** Магматические породы Кузнецкого бассейна. **Рыжков П. М.** Elephas primigenius Blum и Bison priscus N. V. Meyer из района Кемеровского рудника на р. Томи. **Горностаев, Н. Н.** Внутриформационные нарушения, вызываемые подводным скольжением и тектоническими процессами.

6 (071.1) (57)

700. Сибирский технологический институт.

Известия Сибирского Технологического Института. Том I (47). Выпуск 4.

Томск. Типо-лит. Томск. ж. д. 1927. 8° [3], 28 стр., [3] вклад. лист., черт. и граф. [Б. ц.]. 850 экз.

Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз.

Содержание: **Бутаков, Н. Н.** проф. Оплата труда работников в производстве.

6 (071.1) (57)

701. Сибирский технологический институт.

Известия Сибирского Технологического Института. Том 47(I). Выпуск 5. 1927.

Томск. Тип. изд. «Кр. Знамя». 8° 20 стр. [Б. ц.]. 20 стр.

Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз.

Содержание: **Марков, В. П.** Дистилляция растворов уксусной кислоты. **Колье, А. Е.** Скорость реакции в гетерогенной системе и порядок скорости некоторых реакций в этой системе, определенный методом электропроводности. **Геблер, И. В.** К практике получения α и β динитронафталинов. **Геблер, И. В.** и студ. **Тутунов.** К вопросу о каталитическом окислении толуола в паровой фазе.

6 (071.1) (57)

702. Сибирский технологический институт.

Известия Сибирского Технологического Института. Том 47(I). Выпуск 6. 1927.

Томск. Тип.-лит. «Кр. Знамя». 1927. 8°. 74 стр., 3 вклад. табл. диаграмм [Б. ц.]. 350 экз.

Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз.

Содержание: **Лебедев, С. В.** проф. Анализ явления отсыревания сахара.

6 (071.1) (57)

703. Сибирский технологический институт.

Известия Сибирского Технологического Института, т. 48(II). Вып. 2. 1927.

Томск. Типо-лит. Томск. ж. д. 1927. 8°. 23 стр., с 4 вкладн. лист., фото, черт., диаграмм. [Б. ц.]. 300 экз.

Тит. лист и обложка на русск. и англ. яз.

Содержание: **Добровидов, А. Н. и Розенберг, А. М.** Выявление пластических деформаций и железа. **Добровидов, А. Н. и Гридина. Ю. В.** Рекристализация деформированного в горячем состоянии железа. **Фукс, Г. И.** Регенеративный процесс холодильной машины.

6 (071) (57.12)

704. Томский окружной отдел народного образования. Подотдел профессионально-технического образования.

Сборник по профтехническому образованию Томского округа и гор. Томска. Краткий обзор сети профтехнич. учебн. заведений с правилами приема и программами для поступления в них в 1927 г., с рис., таблиц. и схем.

Томск. Томск. окрпрофобр. Тип. изд. «Красное Знамя». 1927. 8°. [5], 157, [3] стр., с схем., [23] вклад. лист. илл. (Томск. окружн. от. нар. образ. Окрпрофобр). 1 руб. 25 коп. 2000 экз.

6 (071.2) (57.16)

705. Сибирский художественно-промышленный техникум им. Врубеля.

Правила приема в сибирский художественно-промышленный техникум имени Врубеля в гор. Омске на 1927 год.

[Омск]. Уч.-произв. полиграф.. маст. Худ.-пром. техникума. [1927]. 8°. 10 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

Без тит. листа и обложки.

622 (071.1) (57)

706. Сибирский технологический институт. Горный факультет. Научно-технический кружок.

Известия научно-технического кружка горного факультета Сибирского Технологического Института.

Томск. Студенческое научно-технич. изд-во горного фак-та Сибирского технологического инст-та. Типо-лит. Томской ж. д. 1927. 8°. 54 стр., с схем., [2] вкладн. лист., черт. 1 руб. 25 коп. 300 экз.

627.15 (57.12) : 912

707. Управление водных путей Западной Сибири.

Река Томь от г. Кузнецка до ее устья. Лоцманская карта 1926 г. Составил техник п. с. С. Красков.

Иркутск. Лит. Описной партии Ленводпути. 1927. 4°. 1 стр. [1], 21 лист. [Б. ц.]. 150 экз.

698 (02)

708. Голышев П. П., инж.

Справочник для студентов сибирского института сельского хозяйства и лесоводства по курсу сельского инженерного искусства. Отд. 8. Вып. 3. Урочное положение «Малярные и стекольные работы».

Омск. Автор. Тип. Омпотребсоюза. 1927. 16°. 22 стр. [Б. ц.]. 1000 экз.

XIII. Сельское хозяйство. Лесное хозяйство. Животноводство. Маслоделие. Виноделие.

63 (07)

709. Осипов, И. И.

Вопросы классификации и терминологии в общественной агрономии

Новосибирск. Изд-во «В Помощь Земледельцу». Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 11 стр., со схем. Бесплатно. 120 экз.

(Отдельн. оттиски из № 7 журн. «Земельный Работник Сибири»).

63 (071.1) (57)

710. Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Труды Сибирского института сельского хоз-ва и лесоводства (Сиб. с.-х. акад.) т. VIII, вып. 1.

Омск Сиб. инст-т сельского хоз-ва и лесоводства. Тип. Омпотребсоюза. 1927. 8°. 42 стр, с илл. и черт., [4] вклад. лист. илл. и картогр. (Труды Сиб. инст-та сельского хоз-ва и лесоводства. (Сиб. с-х. акад.). [Б. ц.]. 1000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. Надзаголовок на русск. и англ. яз. Резюме статей на немецк. яз.

Содержание: **М. К. Зилинг.** Материалы к ботаническому изучению бадана.—**К. Е. Мурашкинский и М. К. Зилинг.** Новые виды азиатской микофлоры —**В. А. Шелудякова.** К вопросу о значении черного пара в борьбе с сорной растительностью.

63 (071.1) (57)

711. Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Труды Сибирского института сельского хоз-ва и лесоводства (Сиб. с.-х. акад.) том VII, вып. 3.

Омск. Сиб. инст-т сельского хоз-ва и лесоводства. Тип. Омпотребсоюза. 1927 8°. (107—157) стр., с план, [6] вклад. лист. илл. (Труды Сиб. инст-та сельского хоз-ва и лесоводства, (Сиб. с.-х. акад.) [Б. ц.]. 800 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке. Надзаголовок на русск. и англ. яз. Резюме статей на немецк. и англ. яз.

Содержание: **Е. В. Бобко.** Удобрение в почвах Западной Сибири. (По данным вегетационных опытов).—**С. М. Антонов.** Некоторые данные к вопросу улучшения столбчатаго солонца.—**С. М. Антонов.** Опыт посева пшеницы на почвах черноземного комплекса.

63 (071.1) (57.16):595.7

712. Лавров, С. Д.

Материалы к изучению энтомофауны окрестностей Омска.

Омск. Сиб. инст-т сельского хоз-ва и лесоводства Тип. Омсоюза. 1927. 8°. (51—100) стр. (Труды Сиб инст-та сельского хоз-ва и лесоводства. Сиб. с.-х. Акад.) т. VIII, вып. 3. [Б. ц.]. 1000 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

Надзаголовок на русск. и англ. яз. Резюме на франц. яз.

63 (072) (57.1)

713. Купинское опытное поле.

Отчет по работам Купинского опытного поля за 1926 год в связи с предшествующими годами.

Омск. Зап.-Сиб. област. сел.-хоз. опытная станция. Уч.-произв. полиграф. мастерская худ.-пром. техникума. 1927. 8°. 40 стр. (Зап.-Сиб. област. сел.-хоз. опытная станция. Вып. № 15). [Б. ц.]. 500 экз.

Перед загл.: В. П. Марканов завед. Купинск. опытным полем.

63 (57.2)

714. Восточно-Сибирская (Иркутская) областная сельско-хозяйственная опытная станция.

Результаты работы Баяндайского опытного поля за 1914-1926 годы. Составлены заведующим полем **Г. Дорямовым** с введением **К. А. Антропова.** Редакционный комитет: проф. Миротворцев, К. Н., Потапов, А. И., Гладыш, С. И.

Иркутск. Изд. Вост. Сибир. Областной сел.-хоз. опытной станции. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 80 стр. (Восточно Сибирская (Иркутская) областная сел.-хоз. опытная станция. Труды опытных учреждений Восточной Сибири. Вып II). 1 р. 15 коп. 1000 экз.

631.94

715. Котов, П.

Как вывести новый сорт.

Минусинск. (Газ. «Власть Труда»). Госуд. тип. 1927. 8°. 13 стр., [1] стр. «Содержание» на обл., [2] вклад. лист. илл. и схем. (Приенисейская област. сел.-хоз. опытная станция). [Б. ц.]. 1500 экз.

Автор указан на обл.—**П. Котов** ассистент селекции сел.-хоз. растений Минусинск. опытного поля.

632.42 : 633

716. Иркутская станция защиты растений от вредителей.

Как уничтожить головню хлебов.

Иркутск. Ирк. и Тулуновск. окрземуправления. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 16°. 12 стр., [1] стр. об'явл. (Иркутская станция защиты растений от вредителей). [Б. ц.]. 8000 экз.

632.9 : 635.1

717. Френкель, К. Л.

Предупредительные меры борьбы с огородными вредителями.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 16°. 10 стр. (Ирк. окрземуправление. Иркутская. станция защиты растений от вредителей). Бесплатно. 5000 экз.

636 (57.21)

718. Шульженко, И. Ф.

Материалы к изучению местного Сибирского крупного рогатого скота, населяющего Минусинский округ. (Отчетные данные опытного скотного двора при Минусинском опытном поле за время с 1-го января 1923 г. по 1 сент. 1927 г.).

Красноярск. Изд. Приенисейской областной с.-хоз. опытной станции. Красноярск. гостиполит. 1927. 8°. 29 стр., [1] лист рис. (Приенисейская областная сел.-хоз. опытная станция. Минусинское районное с.-х. опытное поле). [Б. ц.]. 500 экз.

637.1 (57)

719. Сибирский краевой союз молочной кооперации.

Учет производительности сибирского молочного скота на 192...год. [Тетрадь для записи].

[Новосибирск]. Тип. СибВО. [1927]. 8°. [20] стр., из них часть «Для заметок» (Сиб. краев. союз молочной кооп-ции «Сибмаслосоюз». Новосибирск). 11 коп. 1000 экз.

637.1 (072) (57.13)

720. Бийская молочно-испытательная лаборатория

Бюллетень Бийской молочно-испытательной лаборатории с 24 марта по 1 октября 1927 года. № 1.

Бийск. Изд. Бийск. мол.-испыт. лаб. Гос. тип. ОМХ'а. 1927. 8°. 17 стр. (НКЗ. Сибирское краевое земельное управление). Бесплатно. 400 экз.

637.1 (072) (57.13)

721. Сибирское краевое земельное управление. Барнаульская молочно-испытательная лаборатория.

Бюллетень № 4 Барнаульской молочно-испытательной лаборатории с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 года.

Барнаул. Тип. изд. «Краси. Алтай». 1927. 8°. 20 стр. (НКЗ. Сибирское краевое земельное управление). [Б. ц.]. 370 экз.

637.1 (072) (57.14)

722. Сибирское краевое земельное управление.

Новосибирская молочно-испытательная лаборатория. Бюллетень № 3 Новосибирской молочно-испытательной лаборатории. С мая месяца по октябрь 1927 г.

[Новосибирск]. Тип. Сибкрайсоюза. [1927]. 8°. 32 стр. (НКЗ. Сибирское краевое земельное управление). Бесплатно. 250 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

637.2

723. Панасенко, А. Г., агроном-зоотехник.

К вопросу о посолке масла в пластах, в зерне по сибирскому способу

Омск. Изд-во «Маслосоюз». Тип. ОИТД. 1927. 8°. 31 стр., с план. [Б. ц.]. 500 экз.

Предисловие: И. Тихомиров.

663.2

724. Поносов, В.

Ягодное виноделие.

Новосибирск. Изд-во «В Помощь Земледельцу». Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 16°. 12 стр. с илл. (Дешевая книжка для сибирск. крестьянина). 2 коп. 1000 экз.

677.1

725. Петров, Э. И., инж.

Как самому устроить машины для обработки льна и как на них работать.

Новосибирск. «В Помощь Земледельцу» и краев. сиб. газ. «Сельская Правда». Тип. «Советская Сибирь». 1927. 8°. 24 стр., с илл. и черт., [1] вклад. лист. черт. (Что надо знать сиб. крестьянину). 10 коп. 50000 экз.

677.1

726. Петров, Э. И., инж.

Реконструкция льнообрабатывающих машин кустарного типа.

[Новосибирск]. Тип. Сибкрайсоюза в Новосибирске. [1927]. 8°. 8 стр., с илл. [Б. ц.]. 100 экз.

Без тит. листа и обложки.

692.3 : 637.2

727. Сибирский краевой союз молочной кооперации.

Предварительная смета одноэтажного, частью деревянного, частью каменного здания маслодельного завода на переработку 25-50 тысяч пудов молока в год.

Новосибирск. Тип. «Просвещение». 1927. 8°. 39 стр. (Сибмаслосоюз. Тип. № 3). [Б. ц.]. 1000 экз.

692.3 : 637.2

728. Сибирский краевой союз молочной кооперации.

Педварительная смета на постройку одоэтажного деревянного здания маслодельного завода на переработку 5-6 тысяч пудов молока в год. (Для новых маслодельных районов восточных округов Сибири).

Новосибирск. Тип. СибВО. 1927. 8°. 29 стр. (Сибмаслосоюз). [Б. ц.]. 1000 экз. Без тит. листа. Описано по обложке.

798.4 (57.12)

729. Томское общество содействия конским испытаниям.

Краткий очерк деятельности Томского общества содействия конским испытаниям за 1926-1927 год.

[Томск]. Тип. изд. «Красное знамя». [1927]. 8°. 3 стр., с концовкой. [Б. ц.]. 200 экз.

Без тит. листа и обложки.

XIV. Средства сношения. Счетоводство и конторское дело.

383 (57)

730. Сибирское управление связи.

Инструкция по ведению хозяйства в предприятиях сибирского управления связи. Составлена завед. Адм. хоз. отд. Сиб. упр-ния связи М. Быковченко.

Новосибирск. Тип. «Совсибирь» 1927. 8°. 103, [2] стр. (Сиб. управление связи). [Б. ц). 500 экз.

Без тит. листа. Описано по обл.

386 (57.1).

731. Западно-Сибирское государственное речное пароходство.

Годовой отчет Западно-Сибирского государственного речного пароходства за 1926 год.

Новосибирск. Тип. «Совсибирь». 1927, 8°. 350, [3] стр. (Зап.-Сиб. госуд. речное пароходство). Бесплатно. 250 экз.

656.237 (47-41).

732. Центральное управление железно-дорожного транспорта.

Главнейшие основания финансового учета на железных дорогах. 2-е изд Переработанное в соответствии с изменениями, введенными на основании материалов Комиссии ЦЧ тов. Грунина, И. А.

Томск. Типо-лит. Томск. ж. д. 1927. 16°. [3], 60 стр. (НКПС. Центр. Упр-ние ж. д. транспорта). 75 коп. 200 экз.

656 (57.12)

733. НКПС. Центральное управление ж.-д. транспорта. Томская ж. д.

Инструкция по уходу и обслуживанию тормозов Кунце Кнорр.

Томск. Типо-лит. Томской ж. д. 1927. 16°. 11 стр. [Б. ц.] 1000 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.

657 : 334. 5 (57)

734. Сибкрайохотсоюз. Орготдел.

Инструкция товариществам системы Сибкрайохотсоюза по ведению отчетности и счетоводства.

Новосибирск. Изд. Сибкрайохотсоюза. Тип. «Советская Сибирь». 1927. 16°. 37 стр. [Б. ц.] 300 экз.

Предисловие подписано – Орготделом Сибкрайохотсоюза.

657 (015) : 656.52 (57.1)

735. Западно-Сибирское государственное речное пароходство. Правление.

Номенклатура счетов главной книги на 1927 год.

[Новосибирск. Тип.-лит. «Сов. Сибирь» 1927.] 8°. 97 стр. Бесплатно. Тираж не указан.

686.8 (085) (57).

736. Сибирское акционерное общество издательства и книготорговли—«Сибкрайиздат».

Оптовый прейскурант на канцелярские и писчебумажные товары.

Омск. Тип. «Рабочий Путь». [1927.] 8°. 8 стр. [Б. ц.] 500 экз.

XV. Искусство.

7(064)(57)

737. Сибирское общество художников „Новая Сибирь". Минусинская группа.

Выставка живописи и графики. [Каталог].

Минусинск. Минусинск. гостип. 1927. 16°. [16] стр. с илл. (Минусинск. группа художников „Новая Сибирь"). [Б. ц.] 750 экз.

73 [Антокольский] (074)

738. Гос. **Иркутский областной музей.** Картинная галлерея.

М. М. Антокольский. 1843—1902.

[Иркутск]. Тип. изд. „Власть труда" в Иркутске. 1927]. 16°. 4 стр. (Госуд. Иркутск. областн. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 7). 3 коп. 1000 экз.

Без тит. листа и обложки.

В конце текста: хранитель картинной галлереи **В. Лебединский.**

75 [Айвазовский] (074)

739. Гос. **Иркутский областной музей.** Картинная галлерея.

И. К. Айвазовский. 1817—1900.

[Иркутск]. Тип. изд. „Власть труда" в Ирк[утске. 1927]. 16°. 4 стр. (Госуд. Иркутск. областн. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 6). 3 коп. 1000 экз.

Без тит. листа и обложки.

В конце текста: хранитель Картинной галлереи **Б. Лебединский.**

76 (074)(57.2)

740. Гос. **Иркутский областной музей.** Картинная галлерея.

Гравюра.

[Иркутск]. Тип. изд. „Власть труда" в Ирк[утске. 1927]. 16°. 8 стр. (Государст. Иркутск. областн. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 5). 5 коп. 1000 экз.

Без тит. листа и обложки.

В конце текста: хранитель картинной галлереи **Б. Лебединский.**

XVI. Литература худож. и критика.

891.71.09

741. Драверт, П.

О поэме Г. Вяткина „Сказ о Ермаковом походе".

Омск. Типо-лит. изд-ва „Рабочий путь". 1927. 16°. 7 стр. [Б. ц.] 100 экз.
Без тит. листа. Описано по обложке.
Отдельн. оттиск из газ. „Рабочий путь", №№ 129 и 132, 1927 г.

XVII. История. География. Краеведение.

9:323.2 (47)

742. Десять лет Октябрьской революции, 1917—1927 г.г.

[Томск]. Тип. изд. «Кр. Знамя». [1927]. 4°. 20 стр. [Б. ц.] 14700 экз.
Приложение к газете «Красное Знамя». № 255.

39 (=94.23) (074)

743. Гос. **Иркутский областной музей.** Монголо-бурятский отдел.

Буряты.

[Иркутск]. Тип. изд. «Власть Труда» в Ирк[утске. 1927]. 16°. 8 стр. (Госуд. Иркутск. областн. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 3). 5 коп. 1000 экз.
Без тит. листа и обложки.
В конце текста: хранитель бурято-монгольск. отд. П. Полтораднев.

91 (57) (063)

744. Общество изучения Сибири и ее производительных сил.

Труды первого Сибирского Краевого Научно-Исследовательского С'езда. Том III. Доклады секции «Поверхность».

Новосибирск [Томск]. Тип.-лит. «Красное Знамя». 1927. 8° 318, [1] стр., с [1] карт. [Б. ц.] 2000 экз.
Содержание: 28 докладов. См. № 310.

91 (57.2) (074)

745. Гос. **Иркутский областной музей.**

Государственный Иркутский областной музей.

[Иркутск] Тип. изд. «Власть Труда» в Ирк[утске.- 1927]. 16°. 8 стр, (Госуд. Иркутск. областн. музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри № 1). 5 коп. 1000 экз.
Без тит. листа и обложки.
В конце текста: директор музея Я. Ходукин.

91 (57.12)

746. Юданов, И. Г.

Нарымский край (Предварительный географический и промысловый очерк). С 1 карт.

Красноярск. [Сибирск. Краевой ком-т содействия малым народностям Севера]. Красноярск. госуд. типо-лит. 1927. 8°. [2], 22 стр., [1] вклад. лист. карт. (Р.С.Ф.С.Р. Наркомзем. Сибирск. ихтиологич. лаборатория. Научно-промысловые исследования Сибири. Под ред. зав. лабораторией А. И. Березовского. Серия А. Вып. 3). [Б. ц.]. 600 экз.

91 (57.12)

747. Общество изучения Томского края при Томском краевом музее.

Устав.

Томск]. Тип. изд. «Кр. Знамя». [1927]. 16°. 8 стр. [Б. ц.] 300 экз.
Без тит. листа и обложки.

91 (57.3Б)

748. Гос. **Русское географическое общество. Восточно-Сибирский отдел.** Бурято-монгольская секция.

Бурятоведческий сборник. Выпуск III-IV.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 110 стр. с 32 вкл. лист. иллюстр. (Бурято-монгольская секция Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества). 2 руб. 500 экз.

Содержание: 23 статьи и отчет о деятельности секции.

91 (57.3Я)

749. Гос. **Русское географическое общество. Восточно-Сибирский отдел.** Якутская секция.

Очерки по изучению Якутского края. Вып. 1.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8° (Восточно-Сиб. Отд. Госуд. русск географич. о-ва. Якутская секция). 650 экз.

Ред. коллегия: В. И. Подгорбунский, П. П. Хороших, В. А. Кротов.

Содержание: от редакции, 9 статей и приложение: **М. Н. Тимофеев-Терешкин**— Очерки пушного дела в Якутии.

Открыта подписка на 1929 год

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

„РАБОЧИЙ СУД"

7-й год издания

Орган Ленинградского Областного суда.

24 книги—1000 страниц

„СУД ИДЕТ!"

6-й год издания

Задача журнала: приближать советское право к трудовым массам.

24 №№ с иллюстрациями 24 №№

Подписная цена с премиями и приложеннями:

на год	на полгода	на год	на полгода
10 руб.	**5 руб.**	**5 руб.**	**2 р. 50 к.**

Допускается рассрочка:

годовым—при подписке 5 рублей 1 мая—3 руб. и 1 сентября—2 рубля.	годовым—при подписке 2 руб. 50 к. и 1 июля—2 руб. 50 к.
полугодовым при подписке 3 рубля. и 1 апреля—2 рубля.	полугодовым при подписке 1 р. 50 и 1 апреля—1 руб.

Премии и приложения годовым подписчикам, внесшим полную подписную плату:

1. Бесплатные приложения: (юридическая и культурно-правовая литература) на сумму 2 рубля. (по комплектам) на сумму 1 рубль.

2. Бесплатное долевое участие в 1929 г. в четырех розыгрышах облигаций ЗАЙМА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.

3. Бесплатное участие каждой тысячи подписчиков (внесших годовую подписную плату полностью) **в розыгрыше**

Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 25 томах, в переп. Цена 40 р. Изд. ГИЗ	**Полного собрания сочинений В. И. Ленина** в 25 томах, в переп. Цена 20 р. Изд. ГИЗ

или (по выбору выигравшего подписчика)

Полного собрания сочинений М. Горького в 36 книгах. Цена 22 руб. Издание ГИЗ или **Полного собрания художественных произведений Л. Н. Толстого** в 15 томах. Цена 22 руб. Издание ГИЗ.

4. Приславшим подписки на 10 годовых экземпляров и внесшим за них сразу подписную плату высылается БЕСПЛАТНЫЙ 11-й ЭКЗЕМПЛЯР ЖУРНАЛА или (по желанию) ЮРИДИЧЕСКАЯ и КУЛЬТУРНО-ПРАВОВАЯ ЛИТЕРАТУРА из перечня наших комплектов на 10 руб. (за 10 подписок на „Рабочий Суд") и на 5 руб. (за 10 подписок на „Суд Идет"). (Перечень книг в ПРЕМИЮ и ПРИЛОЖЕНИЯ по комплектам —в ОСОБЫХ ПРОСПЕКТАХ бесплатно высылается по первому требованию).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В Конторе Изд. „Рабочий Суд".—Ленинград, ул. Пестеля, 9 (при Облсуде). Тел. 5-57-95. В Магазине Изд. „Рабочий Суд"—Ленинград, просп. 25 Октября, 72. Телефон 172-64. В Киосках Изд. „Рабочий Суд".—Ленинград в Облсуде и Коллегии Защитников и во всех почт.-телегр. учреждениях и у уполномоченных, снабженных спец. удостоверениями.

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

Анкета

для читателя „Сибирских Огней"

ТОВАРИЩ!

Заполни этот лист, заклей маркой и брось в почтовый ящик.

Возраст..... Пол..... Род занятий .....

..... Образование ..... Семейное положение ..... Партийность .....

Заработок в месяц ..... Число лиц, находящихся на вашем иждивении .....

1. Состоите ли вы постоянным подписчиком „Сиб. Огней" и с какого года?

2. Если нет, каким путем достаете журнал для прочтения (в библиотеке, у знакомых, покупаете в киоске, магазине и т. д.)?

3. Читаете ли регулярно наш журнал, или случайно?

4. Если подписчик, то сообщите, аккуратно ли вам доставляется журнал. Не было ли случаев потери номеров?

5. Сколько человек, помимо вас, читают журнал, выписываемый вами?

6. Сообщите, какой рассказ, очерк, статья, кино-сценарий и т. д. понравились вам больше всего в журнале за истекший год?

7. Что вам больше нравится: рассказы, стихи, очерки, статьи?

8. Все ли помещенное в «Сиб Огнях» было для вас понятно?

9. Что, по вашему мнению, необходимо для улучшения журнала?

10. Адрес и подпись (необязательны).

Если вы хотите принять участие в критике нашего журнала, помимо заполнения этой анкеты, пришлите нам свой отзыв.

Наиболее ценные отзывы читателей о журнале за весь 1928 год будут напечатаны в отделе «Трибуна читателя»; авторы получат бесплатно журнал за 1929 год.

Новосибирск,

Красный проспект, 25.

Ред. журнала „СИБИРСКИЕ ОГНИ“

3072

Книгу вернуть в библиотеку не позже указанного здесь срока

Зак. № 1042*